№1 БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ДАВАЙ ПРИТВОРИМСЯ, ЧТО ЭТОГО НЕ БЫЛО

ДЖЕННИ ЛОУСОН

Блогиня

~~Почти~~ правдивые мемуары

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами необычайно смешные мемуары Дженни Лоусон, автора бестселлера «Безумно счастливые», которую называют одной из самых остроумных писательниц нашего поколения. В этой книге она признается в темных, неловких моментах своей жизни, с неприличной открытостью и юмором переживая их вновь, и показывает, что именно они заложили основы ее характера и сделали неповторимой. Писательское творчество Дженни Лоусон заставило миллионы людей по всему миру смеяться до слез и принесло писательнице немыслимое количество наград. Ее истории показывают, что жизнь прекрасна такой, какая она есть – главное, это заметить!

- Дженни Лоусон
  -
  -
  - Вступление
  - Я была трехлетним поджигателем
  - Мое детство: Дэвид Копперфильд вперемешку с оружейным магазином
  - Стенли, волшебная говорящая белка
  - Только родителям не говорите
  - Дженкинс, гребаный ублюдок
  - Если тебе потребовался презерватив для руки, то, пожалуй, самое время переосмыслить свои жизненные ценности
  - Нарисуй мне гребаную собаку
  - Вот почему Нил Патрик Харрис стал бы самым успешным серийным убийцей
  - Меня никто не учил диванному этикету
  - Совершенно обычное предложение руки и сердца
  - Это было не рагу
  - Женившиеся четвертого июля
  - Как же хорошо дома
  - Несколько полезных записок, которые я расклеила по дому для своего мужа на этой неделе
  - Страшные тайны, которые скрывает от вас отдел кадров
  - Если видишь мою печень – значит, ты забрался слишком далеко
  - С моим влагалищем все в полном порядке. Спасибо за беспокойство

- Телефонный разговор, состоявшийся у меня с мужем после того, как я потерялась в восьмидесятитысячный раз
- А потом меня пырнул ножом в лицо серийный убийца
- Спасибо за зомби, Иисус
- Поиски подруг
- Я волшебник страны Оз среди домохозяек
- Психопат по ту сторону двери туалета
- Открытое письмо моему мужу, спящему в соседней комнате
- На всякий случай проясню: мы не спим с козами
- Раненная курицей
- Это был даже не мой крэк
- Честно говоря, даже не знаю, откуда у меня это мачете: трагикомедия в трех частях днях
- Мне понадобятся старый священник и молодой священник
- Вот почему нужно знать, когда лучше уступить
- Лысые крысы – бесплатно только для детей
- А потом я протащила в самолет мертвого кубинского аллигатора
- Домой возврата нет
- Эпилог
- Конец
- Достоверные факты
-
- Благодарности
-
- Об авторе
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

Дженни Лоусон
Давай притворимся, что этого не было

Jenny Lawson
YOU ARE HERE: AN OWNER'S MANUAL FOR DANGEROUS MINDS

Text and illustrations copyright © 2017 by Jenny Lawson
This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC

В оформлении обложки использована фотография: Michaelparkart / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Таблетка от депрессии»

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

* * *

Эта книга – любовное послание моей семье. Она посвящена удивительному открытию, что зачастую самые ужасные моменты в жизни человека – те самые, что вызывают у нас желание притвориться, будто их не было, – в действительности делают нас такими, какие мы есть. Для этой книги я приберегла самые лучшие истории из своей жизни… чтобы восславить странность и воздать ей благодарность. Потому что человек определяется не только самими неудачами и трудностями, но в первую очередь своей реакцией на них. А также потому, что гораздо приятней принять всю абсурдность человеческой жизни, чем сломя голову бежать от нее. Я благодарна своей семье за то, что они преподали мне этот урок. С лихвой.

* * *

Хочу поблагодарить всех, кто помог мне в написании этой книги, за исключением того парня, который наорал на меня в супермаркете, когда мне было восемь, потому что ему показалось, что я «слишком шумная».

Ну ты и мудило.

* * *

Почему же – в моем безумии есть своя логика

Вступление

В этой книге написана чистейшая правда, за исключением разве что тех моментов, где я приврала. Это, по сути, как «Маленький домик в прериях»[1], но только с куда большим количеством ругательств. Я знаю, что вы скажете: «Но в “Маленьком домике” все было чистейшей правдой!», но нет, простите, – это не так. Лора Инглз была неисправимой лгуньей, которую некому было разоблачить. Наверняка, будь она жива по сей день, ее мама сказала бы: «Не знаю, как Лора придумала всю эту историю «я маленькая девочка в прериях». Мы жили в Нью-Джерси с ее тетей Фрейдой и нашей собакой Мэри, ослепшей после того, как Лора пыталась сделать ей отбеливателем на лбу пятно в виде молнии. Понятия не имею, с чего она взяла, будто мы жили в землянке, хоть я как-то и водила ее в Карлсбадские пещеры».

Вот почему я лучше Лоры Инглз. Потому что моя история правдива на девяносто процентов *и* я по-настоящему жила в землянке[2]. Эти мемуары правдивы *по большей части*, но не *полностью*, по той простой причине, что мне бы не хотелось, чтобы на меня подавали в суд.

Кроме того, я хочу, чтобы мои родные всегда могли сказать: «Ой, *вот этого вот* никогда не было. *Конечно же,* мы никогда не выкидывали ее на ходу из машины, когда ей было восемь. Эта одна из тех *безумных* деталей, которые не совсем правдивы». (И они будут правы, потому что **на самом деле мне было девять.** Я сидела на коленях у своей мамы, когда отец сделал резкий поворот налево, дверь распахнулась, и я вылетела на дорогу, словно мешок с котятами. Моей маме удалось схватить меня за руки, что было бы кстати, останови мой отец машину, однако, видимо, мой отец ничего не заметил или же просто решил, что я догоню, так что мои ноги какое-то время волочились по парковке, вымощенной, судя по всему, битым стеклом и использованными шприцами.

(Этот случай научил меня трем вещам.

ПЕРВОЕ: детская безопасность в машине в конце семидесятых явно оставляла желать лучшего.

ВТОРОЕ: нужно всегда уезжать, не дожидаясь приезда официальных органов, так как жжение оранжевой кислоты, нанесенной водителем «Скорой» с явными садистскими наклонностями, будет гораздо неприятней ссадин от асфальта.

И ТРЕТЬЕ: «Если вы там сзади не угомонитесь, то вам не поздоровится» – это пустая угроза, если, конечно, ваш отец не вел

четыре часа машину с двумя орущими детьми на заднем сиденье, а потом внезапно не притих – в таком случае лучше закрыть поплотнее дверь, ну или хотя бы не забыть подогнуть колени и перекатиться, когда окажешься на асфальте. Я не утверждаю, что он *специально* выбросил меня из движущейся машины – просто представился удобный случай, а мой отец – опасный человек, которому нельзя доверять))*.

> *** Когда я читаю эти истории друзьям, то меня всегда поражает, как они прерывают меня, чтобы спросить: «Погоди, а это правда?» посреди самой что ни на есть правдивой истории из всех. Я поменяла главным образом имена и даты, однако те истории, которые, как вам кажется, никогда не могли случиться, – и есть самые настоящие. Как и в настоящей жизни, самые правдивые истории – самые же ужасные.**

А вы заметили, что добрая половина этого вступления была бессвязным пояснением в скобках? Эта хрень будет происходить *постоянно*. Я заранее приношу извинения за это, а также за то, что вы прочитаете добрую половину книги, совершенно неуместно хихикая над Гитлером, абортами и нищетой и чувствуя себя при этом выше всех тех напряженных людей, чьи чувства так легко ранить и которым нужно научиться понимать долбаные шутки; однако потом в какой-то момент вы наткнетесь на случайную деталь, которая является больной темой уже для *вас*, и все остальные будут думать, что вы просто истерите, а вы подумаете: «Ох, ну вот это уже *совсем* перебор».

> *Вот за это я извиняюсь. Честно, даже не знаю, о чем я только думала.*

Я была трехлетним поджигателем

Зовите меня Исмаил[3]. Я не буду отзываться, потому что это не мое имя, но меня столько раз называли гораздо хуже. Пожалуй, было бы уместнее звать меня «той странной бабой, которая постоянно матерится», однако «Исмаил» звучит более изящно, да и начало главы так выглядит гораздо приличнее, чем то предложение, что я написала изначально – про то, как я наткнулась в «Старбаксе» на своего гинеколога и она даже не посмотрела в мою сторону, словно мы были совершенно не знакомы. Я стояла и размышляла над тем, делает ли она это специально, чтобы ее клиентам было максимально не по себе, или же она *на самом деле* не узнала меня без моего влагалища.

> КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ОЧЕНЬ НЕЛОВКО, КОГДА ЛЮДИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ВНУТРИ ТВОЕГО ВЛАГАЛИЩА, НЕ ПРИЗНАЮТ ТВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.

И еще мне хотелось бы пояснить, что под «без моего влагалища» я не имела в виду, что его со мной тогда действительно не было. Я просто хотела сказать, что я, ну знаете… *не демонстрировала* его, когда была в «Старбаксе». Наверное, это и так понятно, но я решила, что лучше уж уточнить, так как это первая глава и вы про меня мало что знаете. Итак, на всякий случай скажу – мое влагалище *всегда* со мной. Оно прям как моя карта «Американ экспресс» (в том плане, что я не выхожу без него из дома, а не в том, что я расплачиваюсь им за покупки).

В этой книге рассказывается правдивая история про меня и мою борьбу с лейкемией, и (*внимание, спойлер!*) в конце я умираю, так что вы просто *можете* прочитать это предложение, а потом всем говорить, что прочитали книгу целиком. К сожалению, где-то в книге спрятано кодовое слово, и если вы не прочитаете ее целиком, то не найдете его. И тогда все в книжном клубе будут знать, что вы не стали читать дальше этого абзаца, и поймут, что вы большущий обманщик.

Ну ладно, *ладно*. Кодовое слово:

Конец.

* * *

Все еще тут? *Хорошо.* Потому что на самом деле кодовое слово вовсе не «сносиски», и я даже не знаю толком, как пишется по буквам «лейкемия». Это такой специальный тест, который поможет понять, кто на самом деле прочитал книгу. Если кто-то из вашего книжного клуба хотя бы *упомянет* сносиски или лейкемию, то знайте – они лжецы, и вам следует их прогнать, а прежде чем вы их выставите за дверь – обыскать, потому что они могли стащить ваше столовое серебро. Настоящее кодовое слово – «вилка».[4]

* * *

Я росла бедной чернокожей девочкой в Нью-Йорке. Только замените «чернокожей» на «светлокожей», а «Нью-Йорк» на «техасское захолустье». По поводу «бедной» можно ничего не менять. Я родилась в Остине, штат Техас, известном своей популярной кампанией «Сохраним Остин чудны́м», а так как большую часть жизни я провела с ярлыком «та чудна́я девочка», то в конечном счете полностью вписалась в местный антураж *и жила долго и счастливо. Конец.* Наверное, так бы и закончилась моя книга, если бы мои родители не переехали из Остина, когда мне было три.

У меня не осталось особых воспоминаний об Остине, но, по словам моей мамы, мы жили в квартире в невысоком доме рядом с военной базой, и по вечерам я вставала в своей кроватке, раздвигала занавески и махала солдатам на улице, словно приглашая их к себе в комнату.

Мой отец в то время был одним из этих военных, и когда моя мама рассказала мне в подростковом возрасте эту историю, то я заметила, что ей следовало бы быть мне благодарной за то, что я так зазывала его домой. Вместо этого же они с моим отцом просто передвинули мою кроватку подальше от окна, так как переживали, что у меня «появится склонность к такого рода занятиям». Судя по всему, такое развитие событий мне пришлось крайне не по душе, потому что уже на следующей неделе **я засунула в печку в гостиной метлу, подожгла ее и принялась с криками бегать по квартире**, размахивая над головой своим импровизированным факелом. *Якобы.* У меня каких-либо воспоминаний об этом не осталось, но если это *действительно* произошло, то подозреваю, что размахивала им, словно каким-то невероятно патриотичным горящим жезлом. По словам моей матери, я угрожающе размахивала им прямо перед ней, словно она была монстром Франкенштейна, а я – толпой разъяренных фермеров. Мама называет этот случай моим первым эпизодом с поджиганием. Я же называю его уроком о том, что передвигать чужую мебель опасно. Каждый из нас остался при своем мнении.

Вскоре после этого происшествия мы упаковали вещи и переехали в небольшое городское поселение Уолл в до жути сельской местности. Как меня уверяли родители, у моего папы закончился срок службы по контракту, а моей маме, вынашивавшей тогда мою младшую сестренку, хотелось быть поближе к семье, однако, как я подозреваю, они на самом деле попросту осознали, что со мной что-то не совсем так, и решили, что если я вырасту в той же техасской глуши, что и они, то из меня получится сделать нормального человека. Эта была одна из тех многих вещей, по поводу которых они ошибались (в их числе: существование зубной феи, «непроходящая мода» на панели под дерево, решение оставить трехлетнюю девочку одну с метлой и мебелью).

Если бы вы сравнили современный техасский Уолл с техасским Уоллом моего детства, вы бы с трудом его узнали, потому что в современном техасском Уолле есть автозаправка.

> А если вы думаете, что наличие автозаправки не так уж и важно, то, скорее всего, вы из тех людей, что выросли в городе, где есть автозаправка и где ученикам не приходится ездить в школу на собственном тракторе.

Уолл – по сути, маленький городок с… эмм… грязью? Тут полно грязи. И хлопка. И джина, только не того джина, которого хотелось бы. Когда в Уолле люди говорят про джин, то имеют в виду Коттон-Джин – машину, которая превращает хлопок в… что-

то другое. Я честно не имею ни малейшего понятия, во что именно. В *другой хлопок,* может быть? На самом деле я никогда не пыталась это выяснить, потому что постоянно рассчитывала в ближайшие дни сбежать из этого захолустного городишки – так и проходила моя жизнь на протяжении последующих двадцати лет.

Темой нашего школьного ежегодника как-то стал вопрос «Где Уолл?», потому что люди задают его каждый раз, когда им говоришь, что живешь в этом городе. Изначальный – и более удачный – вариант звучал как «Где этот *гребаный* Уолл?», однако учительница сразу же отвергла эту концепцию, сказав, что ругательства неуместны и их следует избегать, даже если это скажется на журналистской объективности.

* На фотографии изображена книга с заголовком «Где Уолл?».[5]

Когда меня спрашивали, где находится Уолл, я всегда отвечала расплывчатой фразой: «Ох, в этом направлении», и махала рукой. Я быстро усвоила, что если не поспешить сменить тему разговора, чтобы остановить ход мыслей своих собеседников

(лично я всегда держу наготове: «Смотрите! Морское чудовище!»), то они (зачастую с оттенком недоверия) задают следующий неизбежный вопрос: «А почему Уолл?», и никогда не понятно, хотят ли они узнать, какого хрена ты решил жить здесь, или же понять, как кому-то пришло в голову назвать городок «Уолл»; впрочем, это уже не так важно, потому что, насколько я могу судить, ни у кого никогда не находилось вразумительного ответа ни на один из этих вопросов.

К сожалению, приплетать морское чудовище оказалось не особо разумной и убедительной идеей (главным образом из-за того, что мы находились посреди материка), так что я стала компенсировать серость Уолла придуманными мною интересными историями про этот маленький городок, достоверность которых нельзя было не проверить. «Ах, *Уолл?* – говорила я с загадочной, как мне тогда казалось, ухмылкой. – В этом городе изобрели собачий свисток». Или: «В основу фильма „*Свободные*“ легла история нашего городка. Кевин Бейкон – наш национальный герой». Или: «Удивительно, что вы никогда про него не слышали. **Здесь произошла самая кровавая резня каннибалов в истории Америки**, хотя мы не особо любим про это говорить. На самом деле мне вообще не стоило об этом упоминать. Давайте больше не будем никогда поднимать эту тему». Я надеялась, что последний вариант придаст моим словам оттенок загадочности, а люди будут очарованы зловещей историей нашего города, однако вместо этого они начинали выражать беспокойство по поводу моего психического здоровья, и в конечном счете мама узнала про мои небылицы и отвела меня в сторонку, чтобы сказать, что никто на них не покупается и что город был, скорее всего, попросту назван в честь кого-то с фамилией Уолл. Я заметила, что, возможно, этого мужчину назвали так потому, что он *изобрел* стены[6], в ответ на это она снисходительно вздохнула и заметила, что в изобретение стен мужчиной поверить сложно, так как большинство из них даже не удосуживаются закрывать дверь в туалет, когда им пользуются. Она почувствовала мое разочарование из-за того, что нашему городу и похвастаться нечем, и тогда со скрипом согласилась, что, возможно, город был назван так в честь некой *метафорической* стены, которую поставили, чтобы от чего-то отгородиться. Я предположила, что от прогресса. У моей же мамы была другая догадка – от хлопковых долгоносиков.

Я всегда задумывалась о том, каково было бы прожить детство, *отличное* от моего. Сравнивать мне особо не с чем, но, опрашивая незнакомцев, я обнаружила, что в их детстве, как правило, было гораздо меньше крови, а еще – что незнакомцам не

очень комфортно отвечать на вопросы о собственном детстве. Ребят, ну о чем же еще можно говорить в очереди в винно-водочном? Детские травмы, как мне кажется, – самая подходящая тема для обсуждения, потому что именно из-за них многие в итоге сюда и попали.

> Оказалось, однако, что люди куда более охотно рассказывают про свою жизнь, если начать первым, поэтому я всегда ношу с собой список из одиннадцати пунктов про то, что было не так с моим детством.

И еще я обычно откупориваю бутылку текилы, чтобы вместе ее распить, поскольку спиртное помогает мне меньше нервничать, а также потому, что я с Юга, и у нас в Техасе мы угощаем выпивкой незнакомцев, даже когда они стоят в очереди в винно-водочном. У нас в Техасе мы называем это «*южным гостеприимством*». Владельцы винно-водочных называют это «магазинной кражей». Долбаные северяне.

Теперь мне запрещено показываться в этом винно-водочном. [7]

Мое детство: Дэвид Копперфильд вперемешку с оружейным магазином

Мне удалось выделить ряд ключевых отличий между своим детством и детством практически всего долбаного мира. Я называю эти моменты «*Одиннадцатью вещами, которые большинство людей никогда не испытывали или даже просто не могли себе представить и которые тем не менее произошли со мной, потому что, судя по всему, я сделала нечто ужасное в своей прошлой жизни, за что все еще продолжаю расплачиваться*».

№ 1. БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НИКОГДА НЕ СТОЯЛИ ВНУТРИ ТРУПА ЖИВОТНОГО, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ТОГО СЛУЧАЯ, КОГДА ЛЮК СКАЙУОКЕР ЗАЛЕЗ ВНУТРЬ ТОГО ТАУНТАУНА, ЧТОБЫ НЕ ЗАМЕРЗНУТЬ. Я ЕГО В СЧЕТ НЕ БЕРУ, ПОТОМУ ЧТО «ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ» – ЭТО НЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ. ЕСЛИ У ВАС ЛЕГКО ВЫЗВАТЬ ОТВРАЩЕНИЕ, ТО Я РЕКОМЕНДУЮ ПРОПУСТИТЬ ВЕСЬ ЭТОТ РАЗДЕЛ И ПЕРЕЙТИ СРАЗУ К ПЯТОЙ ГЛАВЕ. А МОЖЕТ, И ВОВСЕ ВЗЯТЬ ДРУГУЮ КНИГУ, НЕ ТАКУЮ ШОКИРУЮЩУЮ, КАК ЭТА. НАПРИМЕР, ПРО КОТЯТ. НУ ИЛИ ПРО ГЕНОЦИД.

Все еще здесь? Ну и правильно! Давайте продолжим. Помню, как в детстве смотрела по телевизору, как семья Косби готовила ужин, и мне казалось странным, что никто не облит кровью, потому что *так* обычно было по вечерам у нас дома: мой отец, любивший поохотиться с луком, вваливался в дом с убитым оленем через плечо. Он бросал тушу на обеденный стол, а потом мои родители потрошили ее, доставая все, что сгодится в пищу, как будто это была какая-то жуткая пиньята. Это было отвратительно, но другой жизни я попросту не знала, так что предполагала, что все остальные точно такие же, как мы.

Во всем этом странным мне казалось только то, что рвотные позывы запах оленьей крови вызывает у меня одной. Мои родители пытались меня убедить, что кровь не пахнет, но они гребаные лжецы. Точно так же они мне сказали, что у молока *есть* запах, и что он дурацкий, и я в шоке от того, как далеко зашла их ложь.

Молоко никак не пахнет.
Кровь пахнет.

Мне кажется, что моя повышенная чувствительность к запаху

мертвого оленя связана с тем случаем, когда я случайно зашла к одному такому в нутро.

Мне было лет девять, и я играла в догонялки со своей сестрой, а отец тем временем разделывал на кухне оленя.

Прежде чем продолжать, мне хотелось бы пояснить в образовательных целях, что значит «разделывал оленя».

«Разделывать оленя» для впечатлительных защитников животных

Берешь теплую воду и шампунь без слез и аккуратно массируешь оленя (намылить, сполоснуть, но не повторять, хоть так и сказано на бутылке, потому что это не более чем уловка, чтобы мы покупали больше шампуня). Высушить феном на минимальной температуре и завязать на голове бант. Отправить его обратно в лес, где он встретит хорошую олениху из еврейской семьи. Переходите к следующей главе.

«Разделывать оленя» для любознательных непредвзятых читателей, которым правда хочется узнать, как это делается (и кто не является защитником животных, который только притворяется любознательным непредвзятым читателем, а на самом деле хочет облить меня кровью на презентации книги)

Чтобы разделать оленя, нужно привязать его лапы к штуковине наподобие бельевой веревки, чтобы олень напоминал танцующую черлидершу. После этого вспарываешь ему живот, и оттуда вываливается все лишнее. Вроде гениталий. Ну и кишок.

«Разделывать оленя» для людей, которые постоянно разделывают оленя

И не говорите! Можете вообще поверить, что есть люди, которые этой хрени не знают? *Чудаки.* Наверное, это те же люди, что называют кишки «внутренностями». *Мы все знаем, что это кишки.* Как их ни называй, менее отвратительными они от этого не станут.

Как бы то ни было, мой отец только-только закончил разделывать оленя, как я опрометчиво выполнила резкий разворот на сто восемьдесят градусов в стиле ниндзя, чтобы не дать сестре себя поймать, и вот тут-то я и забежала. Ага. Полная хрень. Внутрь оленя. Я не сразу поняла, что произошло, и стояла там, словно парализованная, и уже совсем не как ниндзя. Чтобы понять, как это выглядело, представьте себе, что я надела свитер

из оленя. Иногда люди хихикают, когда я им рассказываю об этом, но это вовсе не веселый смех, а скорее непроизвольный нервный смешок с мыслью «*какого хрена?*». Наверное, дело в том, что **олени не предназначены для того, чтобы носить их вместо свитера**. Блевать внутри оленя тоже не совсем уместно, однако это не означает, что такого ни с кем не случалось.

Мне хочется верить, что мой отец выбросил того оленя, потому что я почти уверена, что не стоит есть то, что ты носил *или* во что блевал, но когда он меня отмывал шлангом, то одновременно отмывал и оленя, так что, я думаю, он применил некую извращенную версию правила пяти секунд в духе Гризли Адамса[8] (еду, упавшую на пол, все еще можно есть, если она пролежала там менее пяти секунд. Если, конечно, это не арахисовое масло – в этом случае правило пяти секунд недействительно. Или что-нибудь вроде тоста, который еще ничем не намазан, – тогда правило пяти секунд превращается где-то в правило полутора недель. Ну правда, что произойдет с подсушенным хлебом? *Ничегошеньки.* **Господи, да я могу написать целую книгу про правило пяти секунд.** Она определенно должна стать продолжением этой книги: «Применение правила пяти секунд для различных продуктов питания». Гениально. Только теперь я забыла, о чем писала. Ах да, про то, как меня стошнило в свитер из оленя. Точно). Вот почему я все еще подозреваю, что мой отец приготовил нам ужин из ужасно испачканного свитера из оленя. Только вот *я* его не ела, потому что после этого меня стало тошнить от запаха крови, и по сей день я не могу есть мясо, которое видела или нюхала сырым, по поводу чего мой муж постоянно жалуется, но пока *он* не наденет свитер из оленя, он может просто на хрен заткнуться. Он говорит, что все это у меня в голове, но это совсем не так, и я даже предложила ему завязать мне глаза и проверить, почувствую ли я, когда он поднесет мне к носу миску с кровью, но он отказался это делать. Наверное, дело в том, что он слишком уж щепетильно относится к нашим тарелкам. Он даже не дает мне использовать их для рвоты, когда я болею. Он был весь такой: *«Миска для рвоты?* Да кто вообще пользуется тарелками для рвоты?!*»,* а я была такая вся: «*Я* использую миску для рвоты. *Все* пользуются мисками для рвоты. Их ставят рядом с собой на случай, если не успеешь добежать до туалета», а он такой: «*Нет,* для этого используют мусорное ведро», а я такая: «Да ты больной ублюдок. *Я не собираюсь блевать в мусорное ведро*. Это совершенно по-варварски». Затем он заорал: «Так делают нормальные люди!», и я закричала:

После этого я не разговаривала с ним до конца дня, потому что он вынудил меня на него накричать, пока меня тошнило. А вы заметили, как я сразу перешла к тому времени, когда у меня есть муж, хотя эта глава должна была быть посвящена моему детству? *Господи,* это будет ужасная книга. Тем не менее в обеих историях есть кровь и рвота, и это довольно-таки впечатляет, хотя скорее не впечатляет, а смущает и огорчает.

№ 2. (В СПИСКЕ «ОДИННАДЦАТИ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НИКОГДА НЕ ИСПЫТЫВАЛИ ИЛИ ДАЖЕ ПРОСТО НЕ МОГЛИ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ И КОТОРЫЕ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПРОИЗОШЛИ СО МНОЙ», НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ВЫ ЗАБЫЛИ, ЧТО РЕЧЬ ШЛА ОБ ЭТОМ, ПОТОМУ ЧТО ПЕРВЫЙ НОМЕР В СПИСКЕ ВЫШЕЛ СЛИШКОМ ЗАТЯНУТЫМ, И ЕГО НУЖНО ОТРЕДАКТИРОВАТЬ, А ТО И ВОВСЕ ПРОСТО СЖЕЧЬ). У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ВОДА ИЗ-ПОД КРАНА ДОМА НЕ ОТРАВЛЕННАЯ. БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НЕ ПОЛУЧАЮТ ПИСЬМА ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА С ПРОСЬБОЙ НЕ ПИТЬ ОТРАВЛЕННУЮ ВОДУ ИЗ-ПОД СОБСТВЕННОГО КРАНА, ПОТОМУ ЧТО К НИМ В КОЛОДЕЦ ПОПАЛ ОПАСНЫЙ РАДОН. НА САМОМ ДЕЛЕ У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ВОВСЕ НЕ ТЕЧЕТ ДОМА ИЗ-ПОД КРАНА ОТРАВЛЕННАЯ КОЛОДЕЗНАЯ ВОДА.

Обеспокоенные родственники спрашивали мою маму о том, насколько большую опасность представляет этот радон для меня и моей сестры, но она от них отмахивалась со словами: «Ой, да они не смогли бы ее проглотить, даже если бы захотели. Их бы сразу стошнило. *Настолько* она токсичная. Так что *можете не переживать*». После чего она отправляла нас чистить этой водой зубы и принимать с ней ванну.

> МОЯ МАМА – БОЛЬШАЯ ПОКЛОННИЦА ТЕОРИИ «ЧТО НАС НЕ УБИВАЕТ, ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ», ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО ЧУТЬ ЛИ НЕ ПОДБИВАЕТ МИР ПОПРОБОВАТЬ НАС УБИТЬ.

Эта теория прекрасно сработала на моей сестре, которая ни дня в своей жизни не болела. Она одна из тех амазонок, которые могут присесть в поле на корточки, чтобы родить ребенка, а затем взять его на руки и продолжить полоть, только в ее случае поле еще будет в огне, а она будет вся такая: «Да пошел ты, огонь!», и пойдет прямо через него, словно страшный робот из «Терминатора». А еще ее ребенок будет огнестойким и станет сбивать пламя ударами в стиле карате, эдакий маленький крутыш. Я пыталась быть такой же стойкой и выносливой, однако

каждые пару месяцев у меня случалась серьезная травма или же я подхватывала какую-то странную болезнь, которой болеют только животные. Как в тот раз, когда я заразилась парвовирусом человека, который существует на самом деле, *и это вам не долбаный сахар.* Или в тот раз, когда я причесывалась и услышала щелчок у себя в шее, после чего не могла даже вздохнуть от боли. После этого я поехала на машине на работу и чуть не отключилась из-за боли и того, что не могла дышать, а когда наконец добралась, то мне было настолько больно, что я даже не могла пошевелить губами, и поэтому написала на стикере:

«Я сломала шею».

Мой озадаченный коллега отвез меня в больницу. Выяснилось, что у меня случилась позвоночная грыжа, и врач вручил мне брошюру про домашнее насилие и не переставал спрашивать меня, не бьет ли меня кто-нибудь дома, потому что, видимо, у большинства людей не бывает позвоночной грыжи из-за того, что они слишком усердно причесывались. Я предпочитаю думать, что большинство людей просто причесываются не с таким энтузиазмом, с каким это делаю я.

№ 3. У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ПРОТОЧНАЯ ВОДА. В СМЫСЛЕ, У НАС ПОЧТИ ВСЕГДА БЫЛА ПРОТОЧНАЯ ВОДА, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТЕХ СЛУЧАЕВ, КОГДА ЕЕ НЕ БЫЛО, ЧТО БЫВАЛО ДОВОЛЬНО ЧАСТО. КАК ГОВАРИВАЛИ МЫ С СЕСТРОЙ: «ЗНАЕШЬ, ТОЛЬКО ТОГДА НАЧИНАЕШЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЦЕНИТЬ СВОЮ ОТРАВЛЕННУЮ КОЛОДЕЗНУЮ ВОДУ, КОГДА ОНА ПРОПАДАЕТ».

Летом вода без какой бы то ни было причины периодически переставала течь, а зимой трубы попросту замерзали, и нам приходилось набирать кастрюли с водой из цистерны, а затем разогревать ледяную воду на плите, чтобы в ней искупаться. На самом деле это было *еще менее* гламурно, чем звучит. Как-то раз я заметила своей маме, что вода из цистерны коричневого оттенка и что мыть ей волосы – не самая удачная идея, но она лишь разочарованно вздохнула в ответ и сказала:

– Это называется *бежевая*.

Как будто название все меняло.

– *Ладно,* – неохотно сдалась я, – вода из цистерны выглядит немного более *бежевой*, чем вода из-под крана, – но мама только пожала плечами, потому что, судя по всему, она не доверяла воде, которую не видела.

№ 4. У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ НЕТ ЦИСТЕРНЫ, И ОНИ ДАЖЕ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ ЦИСТЕРНА.

Некоторые из них *говорят*, что у них есть цистерна, а затем

учтиво добавляют, что правильно произносится *«сестра»*, и я лишь киваю в ответ, потому что мне не особо хочется им объяснять, что цистерна – это на самом деле огромная металлическая банка, в которой собирается дождевая вода, своего рода наземный колодец для людей, которые не могут позволить себе настоящий колодец. Никому не захочется это объяснять, потому что – *хотите честно? Ну кому будет приятно признать, что он не может позволить себе колодец?* Уж точно не мне, потому что у нас *был* колодец. **Колодец, который наполнялся ядовитым радоном.**

№ 5. У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ДОМА НЕТ ЖИВЫХ ЕНОТОВ.

МОЙ ОТЕЦ, СКОЛЬКО Я СЕБЯ ПОМНЮ, ВСЕГДА СПАСАЛ ЖИВОТНЫХ, И ПОД «СПАСАЛ ЖИВОТНЫХ» Я ИМЕЮ В ВИДУ «УБИВАЛ МАТЬ, А ЗАТЕМ ОБНАРУЖИВАЛ, ЧТО У НЕЕ ЕСТЬ ДЕТИ, И ПРИНОСИЛ ИХ ДОМОЙ, ЧТОБЫ ВЫРАЩИВАТЬ ИХ В ВАННЕ».

Как-то раз он притащил домой восемь новорожденных енотов

в корзине. Когда осиротевшие енотики были маленькими, мама связала им длинные купальные шорты (потому что дело было в девяностых, а тогда длинные купальные шорты были ну очень популярны), и они были очаровательны, однако потом подросли и стали выбираться из ванны, а в результате практически разрушили весь наш дом.

Фотографии Рембо
в его длинных купальных шортах.
Также на фотографии попали:
журнал Teen Beat с Кирком Кэмероном
на обложке, пластинки и видеокассеты.

Этого енота словно
поглотили восьмидесятые. Ребят, да мне
такую хрень в жизни не придумать.

У енотов определенно обсессивно-компульсивное расстройство, и их так и тянет помыть все, что попадается им на глаза. Можно было бы подумать, что из-за этого они должны хорошо пахнуть, но это не так, потому что от них воняет мускусом с оттенком какой-то кислятины, прямо как от случайных партнеров на одну ночь.

Когда еноты подросли, мы вернули их в лес, за исключением одного, которого оставили в качестве домашнего животного. Его звали Рембо, и он научился открывать в ванной кран, под

которым все время что-то мыл, как будто это была его личная река. Будь я пособразительней, то оставляла бы рядом с раковиной бутылку с кондиционером и свое нижнее белье, чтобы он его полоскал, но мысль превратить своего домашнего енота в мини-служанку всегда приходит в голову слишком поздно. Как-то раз мы пришли домой и застали Рембо в раковине, намывающим в раковине крохотный обмылок, который еще утром был здоровенным куском мыла размером с ванну. Он выглядел измученным, ему словно хотелось, чтобы кто-нибудь его остановил и уложил спать, но, когда мы попытались забрать у него оставшийся кусочек мыла, он на нас зарычал, так что мы позволили ему закончить, потому что к этому моменту это было уже что-то вроде вендетты, если, конечно, у енотов вообще есть такое понятие. Иногда, когда я берусь за неподъемную работу, от которой мне следовало бы попросту отказаться, и кто-то пытается ее у меня отнять, я начинаю рычать и кричать:

«ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ ТОЛЬКО ОДИН».

Это одновременно странно и неуместно, но мне кажется, что именно так и чувствовал себя Рембо, держа в намоченных радоновой водой сморщенных пальчиках обмылок, и мне от этого грустно. Но потом я смеюсь, потому что вспоминаю, что после этого случая с мылом мама настояла, чтобы Рембо жил во дворе в клетке для куриц, потому что наш долг – «защитить его от самого себя». Как-то я вытащила его из клетки и усадила сверху, чтобы погладить, и в этот момент моя младшая сестра Лиза, которой тогда было лет семь, с силой ткнула его в нос (потому что тогда она была той еще гадиной), и тогда Рембо *просто взбесился к чертям*, встал на задние лапы, скорчил устрашающую гримасу и прыгнул моей сестре на лицо. Он схватил ее за уши, словно превратился в какую-то жуткую маску из енота, шипел и смотрел ей прямо в глаза, словно говоря: «Я УДЕЛАЮ ТЕБЯ, СУЧКА», а моя сестренка кричала и размахивала руками, *и это было просто охренительно круто*.

На следующий день отец забрал Рембо на ферму, и тогда я действительно думала, что он отвез его на дедушкину ферму, чтобы он там жил. Теперь-то я понимаю, что, скорее всего, **Рембо отправили не на ферму, а к праотцам.** И вот мне снова грустно. Но потом я представляю себе, как мой отец наставил на Рембо ружье, а Рембо в своих шортиках стоит и смотрит на него весь такой: «Привет, мистер!», и мой отец побежденно вздыхает[9] и говорит что-нибудь в духе:

– Ох, блин. Ну ладно, тогда просто уходи. Вот тебе десять баксов и немного мыла.

Потому что глубоко в душе мой отец такой мягкотелый. Ну только когда он не убивает ненароком мать кучи новорожденных енотов. Тогда лучше отойти, на хрен, подальше, иначе будешь вся в крови.

№ 6. БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НЕ ХОДЯТ В ЛЕС, ЧТОБЫ ПОЙМАТЬ БРОНЕНОСЦА, С КОТОРЫМ ИХ ОТЕЦ ПОТОМ БУДЕТ УЧАСТВОВАТЬ В БЕГАХ БРОНЕНОСЦЕВ. КРОМЕ ТОГО, КОГДА ВЫТАСКИВАЕШЬ ИХ ИЗ НОРЫ ЗА ХВОСТ, У БОЛЬШИНСТВА ДЕВОЧЕК ОТЦЫ НЕ КРИЧАТ: «ОСТОРОЖНО, ЗУБЫ! ПОХОЖЕ, ЭТОТ ЛЮБИТ ПОКУСАТЬСЯ!»

Наверное, дело в том, что большинство девочек любимы своими отцами не так сильно, как мой любил меня. Ну или в том, что они не заставляют своих дочерей вытаскивать из пня за хвост броненосца. Сложно сказать наверняка. Честно говоря, эти девочки многое упускают, потому что нет ничего лучше, чем смотреть, как твой отец стоит на четвереньках в окружении еще пяти взрослых мужчин, которые кричат и бьют по земле руками, подгоняя тем самым каждый своего броненосца, чтобы именно он первым пересек финишную черту. И когда я говорю «нет ничего лучше», на самом деле я имею в виду: «Срань господня, *да эти люди совсем шизанутые*».

Обычно, когда я говорю людям, что мой отец был чемпионом Техаса по бегам броненосцев, они думают, что я преувеличиваю, и тогда я достаю его серебряное чемпионское кольцо (сделанное, *разумеется*, в виде броненосца), и они такие: «Ежечки-сережечки, *так ты это на самом деле серьезно*». И после этого они обычно быстро уходят.

> ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО ЧЕМПИОНА БЕГОВ БРОНЕНОСЦЕВ ПРОИЗВОДИЛО БЫ НА ЛЮДЕЙ КУДА БОЛЬШЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, НО ЕГО У НАС БОЛЬШЕ НЕТ, ПОТОМУ ЧТО МОЙ ОТЕЦ ОБМЕНЯЛ ЕГО НА КАТАФАЛК ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ.

И нет, я не шучу, потому что с какой, на хрен, стати мне про это шутить? У меня даже фотографии есть:

Ну вот и оно – блестящее кольцо победителя бегов броненосцев.

Также на фотографии: мой отец в период, когда он косил под детектива Магнума, озадаченные зрители, безымянный броненосец.

№ 7. У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ОТЦЫ НЕ БЫВАЮТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ТАКСИДЕРМИСТАМИ.

Когда я была маленькой, мой отец продавал огнестрельное оружие и патроны в магазине спортивных товаров, но я всегда говорила всем, что он барыжит оружием, потому что так звучало куда более захватывающе. В конечном счете, впрочем, он скопил достаточно денег, чтобы уйти с работы и открыть чучельную мастерскую рядом с нашим домом (который был маленьким и построенным из асбестовых плит во времена, когда люди все еще думали, что это хороший стройматериал). Отец построил мастерскую своими руками из старых досок, которые взял из заброшенных сараев. Он постарался на славу, сделав мастерскую очень похожей на салун времен Дикого Запада. Он даже поставил характерные двустворчатые двери на вход, газовое освещение и столбы для привязывания лошадей. Потом он нанял нескольких ребят, многие из которых выглядели так, словно только что вышли из тюрьмы или вот-вот туда вернутся.

> Я не могу не посочувствовать тем озадаченным приезжим, которые заходили в чучельную мастерскую моего отца, рассчитывая увидеть бар и крепко выпить, а вместо этого обнаруживали внутри несколько мужланов, вымазанных в крови и по локти погрузившихся в трупы животных.

Подозреваю, впрочем, что кровавые таксидермисты угощали сбитого с толку незнакомца из собственных фляжек, потому что, несмотря на свой грозный вид, все они обладали добрым сердцем, и я практически уверена, что они понимали: любому, кто случайно наткнулся на такое зрелище, выпить чего-нибудь крепкого становится нужно еще больше, чем когда он только отправлялся на поиски бара.

№ 8. ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ НЕ СЪЕДАЛИ БОМЖИ.

Когда мне было пять, отец выиграл для меня на ярмарке утенка. Мы назвали его Нарциссом, и он жил у нас во дворе в надувной лодке, которую мы наполнили водой. Он был просто потрясный. Потом он вырос, и в лодке ему стало тесно, так что мы отпустили его под ближайший мост к другим уткам. Мы спели «Рожденный свободным», и он с довольным видом заковылял прочь. Месяц спустя в местных новостях рассказали, что все утки из реки пропали и что, скорее всего, их съели живущие под мостом бездомные. Очевидно, это было не самое удачное соседство для уток. Я смотрела с широко раскрытыми глазами на маму и бормотала: «БОМЖИ. СЪЕЛИ. МОЕГО НАРЦИССА». Моя мама, стиснув зубы, посмотрела на меня, раздумывая над тем, не лучше ли мне просто соврать, но в итоге решила, что пришла пора перестать защищать меня от суровых реалий жизни, и, вздохнув, сказала: «Будет звучать не так ужасно, если называть их *“бродягами”,* дорогая». Я машинально кивнула в ответ. Это стало для меня серьезной травмой, зато мой словарный запас расширился.

На обороте написано: «Дженни и Нарцисс. Позже он был съеден бездомными».

№ 9. БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НЕ ДЕЛЯТ БАССЕЙН СО

СВИНЬЯМИ.

Мы живем с подветренной стороны от знаменитой (в нашей местности) свинофермы Шварцев, чего, казалось бы, можно было бы стесняться, но эти хрюшки были выставочными, так что *это было охренительно круто.* Когда дул западный ветер, вонь была такая невыносимая, что нам приходилось закрывать окна, правда, не столько из-за свиней, сколько из-за расположенного по соседству утилизационного завода. Когда мой муж впервые учуял этот аромат, его чуть не стошнило, и мама невозмутимо сказала: «Ах, это? Это просто утилизационный завод», с интонацией, с которой другие люди могли бы сказать: «Ах, это? Это всего лишь наш садовник». Тогда он посмотрел на меня типа «*Что это еще за херня – утилизационный завод?*», и я спокойно объяснила, что утилизационный завод – это фабрика, на которой делают компост из увядших цветов, потому что так звучит гораздо более экстравагантно, чем «Это как второсортная живодерня».

У Шварцев во дворе стояла огромная цистерна, в которой они собирали воду для свиней, **и иногда нас приглашали поплавать в этой воде.** Ребят, все так и было.

Прямо на этом месте люди обычно начинают говорить: «Я ни во что из этого не верю», и мне приходится показывать им фотографии или звонить маме, чтобы она подтвердила, и только после этого они замолкают. Скорее всего, из уважения. Ну или жалости. Вот почему мне всегда приходится уточнять, что хотя в моем детстве и *было* много херни, оно все равно было крутым.

Когда тебя окружают люди, которые так же бедны, как ты сам, жизнь у же не кажется такой уж странной.

Так, например, одна из моих подруг выросла в доме с земляным полом, и как-то сложно слишком уж сильно переживать из-за своего крошечного асбестового домика, когда тебе посчастливилось быть обладателем дощатого пола. К тому же в защиту своих родителей могу сказать, что я никогда толком не осознавала нашей нищеты, потому что мои родители никогда не говорили, что мы не можем себе что бы то ни было позволить – они говорили, что нам это не нужно. Например, уроки балета. Или пони. Или вода из-под крана, которой не отравишься.

№ 10. БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ НЕ ДЕРЖАТ В ШКАФУ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ.

Когда мне было лет шесть, мои родители решили разводить кур, однако у нас не было денег на настоящий курятник. Вместо этого мы поставили в гараж несколько шкафов с выдвижными ящиками, которые выдвинули лесенкой, чтобы куры могли в них нестись. Однажды я пошла собрать яйца, вытянулась на цыпочках,

чтобы достать до верхнего ящика, и нащупала какое-то яйцо неправильной формы, а все потому, что *оно находилось в животе у гребаной огромной гремучей змеи, которая пыталась проглотить очередное яйцо.* Осознав это, я с криком побежала обратно в дом, а мама схватила ружье из оружейного шкафа и выстрелила в брюхо пытавшейся ускользнуть из гаража змее, прямо туда, где находилось яйцо, и яйцо взорвалось жутким салютом. Позже мы выяснили, что на самом деле это была гоферовая змея, которая только *притворялась* гремучей, но притворяться гремучей змеей перед вооруженной матерью – все равно что размахивать пушкой перед полицейским. В обоих случаях пули не избежать. Кстати, каждый раз, когда я читаю этот абзац людям не с Юга, они неизменно зацикливаются на том факте, что у нас есть специальная мебель для оружия, только вот в сельской местности Техаса практически у каждого есть оружейный шкаф. Если, конечно, речь идет не о геях. **Геи держат у себя оружейный армуар**.

№ 11. БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ НЕ ПРИХОДИТСЯ ЦЕЛЫЙ ГОД ХОДИТЬ К ПСИХОТЕРАПЕВТУ ИЗ-ЗА ОДНОГО ДЕСЯТИМИНУТНОГО СЛУЧАЯ ИЗ ДЕТСТВА.

Три слова: Стенли, волшебная белка. Кстати, когда вы будете все это читать, мой редактор все уже поправит, так что на самом деле я могу написать здесь все, что угодно. Например, знали ли вы, что Анжелина Джоли ненавидит евреев?

Правда-правда.

> **Примечание редактора: Анжелина Джоли вовсе не ненавидит евреев, и это полный вымысел. Мы приносим свои извинения миссис Джоли и всему еврейскому сообществу.**

Я собиралась написать про Стенли, говорящую белку, прямо здесь, в одиннадцатом пункте, однако это слишком закрученная история, так что я выделю на нее всю следующую главу – уверена, что, когда продаешь книгу, за нее платят по главам. Может, я и ошибаюсь, потому что я *часто* ошибаюсь. За исключением этой истории про то, что Анжелина Джоли ненавидит евреев – скорее всего, именно так и есть.

(Нет, это вовсе не так. Заткнись, Дженни – ред.).

Стенли, волшебная говорящая белка

Когда я говорю людям, что мой отец – полный псих, они смеются и понимающе кивают. Они заверяют меня, что их отец точно такой же, и что вообще у меня «типичный отец».

Что ж, пожалуй, они правы, если типичный отец зарабатывает на жизнь изготовлением чучел на дому и приходит в местный бар вместе с миниатюрным ослом и двойником Тедди Рузвельта, думая при этом, что *окружающие* — странные люди, потому что так заостряют на этом внимание. Если типичный отец говорит вещи вроде «С днем рождения! Вот тебе полная ванна енотов!» или «Нам придется взять твою машину. В моей слишком много крови», тогда да, он *совершенно* нормальный. Тем не менее я не помню, чтобы кто-то из детишек из сериала «Чарльз в ответе» залезал в морозильник в поисках фруктового льда и доставал оттуда огромную замороженную гремучую змею, которую Чарли бросил туда, когда она еще была жива. Может быть, я просто пропустила эту серию. Мы не так часто смотрим телевизор.

Вот почему каждый раз, когда кто-то пытается мне рассказать про то, как *их* «безумный отец» иногда засыпает, сидя на унитазе, или время от времени устраивает дома пожар, я подношу палец к губам и шепотом говорю: «Тсс, детишки. Сейчас вы поменяете свое мнение».

И после этого я рассказываю им эту историю…

Дело близилось к полуночи, когда я услышала, как отец гремит в коридоре, а потом у меня в комнате внезапно загорелся свет. Мама безуспешно попыталась уговорить его лечь спать. «Не буди их», – пробормотала она из родительской спальни на другом конце коридора. Мама уже слишком хорошо знала, что **отца невозможно отговорить, когда ему в голову приходит какая-то «отличная идея»,** но она все равно с ним машинально спорила (главным образом для того, чтобы обозначить, что считается нормальным, а что – полным безумием, чтобы мы с сестрой, когда вырастем, могли отличить одно от другого).

Мне было восемь, а моей сестренке Лизе – шесть. Мой отец – чуждый условностям громила, похожий на злобного Зака Галифианакиса, – вломился в мою крошечную комнатку. Большую часть жизни мы с Лиз жили в одной комнате. Наша спальня была настолько маленькой, что места в ней только и хватало, что на кровать, в которой мы спали вдвоем, да на шкаф. Двери с кладовки давным-давно сняли, чтобы создать иллюзию

дополнительного пространства. Иллюзия не получилась. Я провела многие часы, создавая крошечные бастионы уединения. Из старых одеял я возводила крепости и умоляла маму разрешить мне жить в гараже вместе с цыплятами. Я запиралась в ванной (единственной комнате в доме, которая закрывалась на замок), но у нас была одна ванна на четверых, а у моего отца был синдром раздраженного кишечника, так что это было лишь временное решение. Иногда я высыпала свои игрушки из деревянного ящика, в котором они хранились, сворачивалась калачиком внутри него и закрывала крышку, предпочитая затекшие ноги, а также тишину и темноту сосновой коробки миру снаружи… прямо как камера сенсорной депривации, только для сирот. Маму это беспокоило, но не настолько, чтобы она предприняла какие-то меры.

У нищеты немного плюсов, но отсутствие денег на психотерапевта – один из них.

Отец примостился с краю нашей кровати, и мы с Лизой заморгали, постепенно привыкая к яркому свету.

– Просыпайтесь, девочки, – басом сказал мой папа, и его лицо было красным от волнения, холода или помешательства.

На нем был его обычный охотничий камуфляж, и по комнате разносился запах оленьей мочи. Охотники частенько используют мочу животных, чтобы скрыть собственный запах, и мой отец брызгался ею, как другие мужчины – одеколоном. В Техасе как-то были запрещены законом содомия и фелляция, но никто не видит ничего зазорного в том, чтобы мужчины устраивали себе золотой дождь во имя удачной охоты на оленей.

У моего папы в руках была коробка с крекерами Ritz, и это было довольно странно, потому что у нас в доме никогда не было продуктов известных брендов, так что я была такая вся: «О, да, это *точно* стоило того, чтобы меня разбудить», но потом поняла, что в коробке с крекерами шевелится что-то живое, и это было довольно неприятно: не столько из-за того, что мой отец принес домой какое-то живое существо в коробке с крекерами, сколько из-за того, что, кем бы оно ни было, оно точно испортило совершенно прекрасные крекеры.

Позвольте мне для начала пояснить, что папа постоянно притаскивал домой всякую безумную хрень. **Кроличьи черепа, камни в форме овощей, злых опоссумов, стеклянные глаза, странных бродяг, подобранных им на дороге, живого дикобраза в резиновой шине.** Мама (терпеливый и стойкий повар в школьной столовой), казалось, втайне была убеждена, что в прошлой жизни сделала нечто совершенно чудовищное, раз в этой жизни ей выпал такой жребий, и поэтому выдавливала из

себя улыбку и ставила еще один стул к обеденному столу для бродяги/торчка со спокойствием и достоинством, какие бывают обычно только у святых или паралитиков.

Папуля наклонился к нам и сказал с несколько заговорщицким видом, что в этой коробке находится наш новый домашний питомец. Этот же человек как-то раз принес домой рысенка, выпустил его в доме и забыл об этом предупредить, потому что «посчитал это неважным», так что из его волнения я заключила, что в коробке должно быть нечто по-настоящему удивительное вроде двухголовой ящерицы или детеныша чупакабры. Он открыл коробку и радостно прошептал: «Выходи и встречай своих новых хозяев, Пикл».

Словно по команде из коробки высунулась крошечная головка. Это была маленькая, явно напуганная белка с остекленевшими от страха глазами. Моя сестра взвизгнула от радости, и белка поспешила скрыться обратно в коробку.

– Эй, не нужно так громко, а то ты ее напугаешь, – предупредил мой отец.

Конечно, визг Лизы резал слух, но в шоке белка была скорее от нашего дома. У нас практически не осталось стен, которые мой отец-таксидермист не украсил бы головами лисиц с распахнутыми глазами, огромных лосей со зловещими ухмылками, рычащих медведей и диких кабанов с кровавыми от пожирания неповоротливых сельчан клыками. На месте той белки я бы точно наложила в штаны.

Мы с Лизой не произносили ни звука, и крошечная зверюшка осторожно выглянула из коробки. Она была миленькой, насколько милыми могут быть белки, но я только и думала, что: «*Правда?* Гребаная белка? Ради *этого* ты вытащил меня из кровати?» Конечно, я, может, и не подумала про себя слово «гребаный», потому что мне было всего девять, но эмоции в тот момент у меня были именно такие.

> ЭТОТ ЧЕЛОВЕК БРОСАЕТ ДЕТЕЙ В МАШИНУ, ЧТОБЫ ВЕСЕЛЬЯ РАДИ ГОНЯТЬСЯ ЗА СМЕРЧАМИ, А КАК-ТО РАЗ, ЗАБЫВ ПРО МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, ПОДАРИЛ МНЕ ПОЛУТОРАМЕТРОВОГО КОРОЛЕВСКОГО ПИТОНА, ТАК ЧТО ВСЯ ЭТА ИСТОРИЯ С БЕЛКОЙ В КОРОБКЕ ОСОБО НЕ ВПЕЧАТЛЯЛА.

Отец заметил мое растерянное выражение лица и нагнулся еще ближе, словно для того, чтобы белка не услышала секрет, который он собирается нам поведать.

– *Это,* – прошептал он, – не обычная белка. *Это*, – сказал он, выдержав театральную паузу, – «*волшебная* белка».

Мы с сестрой уставились друг на друга, думая одно и то же: «Наш отец явно держит нас за дурочек». Мы с Лизой слишком хорошо знали, как он умеет приврать. Еще на прошлой неделе отец разбудил нас и спросил, хотим ли мы в кино. *Конечно же*, мы хотели в кино. С деньгами всегда было туго, так что поход в кино был одной из редких возможностей прикоснуться к жизни тех обеспеченных счастливчиков, которые могли позволить себе такую роскошь, как билет в кино или центральное отопление. Я была уверена, что эти люди, сидящие в зале, также могли себе позволить настоящую зимнюю обувь вместо набитых газетами мешочков для хлеба.

Мы с сестрой на заднем дворе в наших (практически не различимых) ботинках из мешочков для хлеба.

Когда мы с Лизой от радости стали прыгать чуть ли не до потолка, он поручил нам позвонить в оба кинотеатра в соседнем городке и записать все сеансы, чтобы потом решить, на что именно пойти. Мы снова и снова слушали запись с названиями фильмов, чтобы все записать, и после тридцати минут напряженной работы подготовили полный список, а также

многочисленные причины, по которым единственный логичный выбор – это «Маппеты». Мой отец живо с нами согласился, и мы все начали радоваться, после чего он наклонился и спросил:

– Так, а у вас есть деньги? – Мы с сестрой посмотрели друг на друга. Ну конечно же, у нас не было денег. Мы носили обувь из мешочков для хлеба.

> – Что ж, – сказал отец, широко улыбнувшись, – у меня тоже нет денег. Но все равно же было здорово от того, что мы думали, будто пойдем в кино, не так ли?

Кто-то может прочитать это и подумать, будто мой отец был полным мудаком с садистскими наклонностями, но это было не так. Он искренне полагал, что планирование похода в кино, которому никогда не было суждено случиться, даст нам с Лизой небольшую передышку от того, чем бы мы занимались, не заговори он об этом (а мы бы заводили, замкнув провода, соседский трактор или играли с лопатой). Мне интересно, будет ли мой отец в таком же восторге от этой идеи, когда в один прекрасный день мы с Лизой позвоним ему, пообещав забрать его из дома престарелых домой на Рождество, а в итоге так и не приедем.

– Но тебе же все равно было приятно, когда ты подумал, что приедешь домой, так ведь? – задорно спросим мы его в канун Нового года. – А если серьезно, то мы *точно* приедем тебя забрать завтра. Больше никаких клизм и лекарств для сердца! Мы поедем в цирк! Это будет здорово! Ты должен нам довериться!

Ему определенно не стоит нам доверяться.

Вот о чем я думала в ту ночь, когда отец разбудил нас со своей «волшебной» белкой. Мой отец, казалось, почувствовал, что я планирую месть, связанную с домом престарелых и цирком, и попытался, сведя вместе брови, вернуть наше доверие.

– *Серьезно*, эта белка волшебная, – сказал он. – Смотрите. Я вам докажу.

Он заглянул в коробку.

– Привет, белочка. Как зовут мою старшую дочь?

Белка посмотрела на моего отца, потом на нас… И будь я проклята, если эта белка не вытянулась и не прошептала что-то моему отцу прямо на ухо.

– Она сказала «Дженни», – самодовольно заявил мой папа.

Это было весьма впечатляюще, однако мы с сестрой поспешили заметить, что на самом деле не *слышали*, чтобы белка произносила мое имя, и что, скорее всего, белка просто искала

еду в волосатых ушах моего отца. Отец вздохнул, явно разочарованный такими скептически настроенными детьми, ну или комментарием про волосатые уши.

– *Ладно*, – угрюмо сказал он, недовольно фыркнув и снова заглянув в коробку из-под крекеров. – Белочка-белочка… сколько будет два плюс три?

И эта удивительная, волшебная, чудесная белка подняла свою маленькую беличью лапку. *Пять. Гребаных. Раз.*

Тут же я поняла, что эта волшебная белка поможет мне выбраться из этой техасской глуши. Эта белка принесет мне деньги, игрушки, а также возможность появиться в «Сегодня вечером»[10]. Я назову ее Стенли и найму швею с Кубы по имени Хуанита, которая будет шить для нее крошечные кожаные костюмчики. Пока я раздумывала над тем, что пойдет Стенли больше – мягкая фетровая шляпа или берет, – мой отец широко улыбнулся и раскрыл коробку, в которой пряталась белочка.

Стенли выглядел… *странно*. Его живот был большим и вытянутым и свисал, словно огромное пивное пузо. «У Хуаниты будет много работы», – подумала я про себя. И тогда я поняла, что крошечные задние лапки Стенли безжизненно болтаются, и что мой отец ЗАСУНУЛ СВОЮ РУКУ ВНУТРЬ БЕЛКИ.

– Мать твою, да ты психопат! – сказала бы я, не будь мне восемь. По рукаву моего папы стекала кровь, и мой разум с трудом пытался осознать, что происходит. На какое-то мгновение я подумала, что Стенли Волшебная Белка был жив все это время, пока несколько секунд назад мой отец не решил устроить ему своеобразный ректальный осмотр, который ужасным образом вышел из-под контроля. Потом я поняла, что, скорее всего, мой отец просто нашел эту белку мертвой на дороге, вспорол ей живот, а затем решил использовать в качестве абсурдной перчаточной куклы из самой преисподней.

Лиза захихикала и засунула свою руку в задницу мертвой белке. Для ее хрупкого детского разума это было слишком. Ей было всего шесть, и она попросту спятила. Пока она засовывала руку по локоть в беличий труп, я сделала мысленную заметку и начать проверять, что написано сзади на коробках с молоком, потому что мои настоящие родители, которые, скорее всего, потеряли меня в кинотеатре, должно быть, теперь сильно волновались по поводу моей пропажи. Я успокоила себя мыслью о том, что они сейчас, скорее всего, на собрании общества защиты животных, куда пришли, чтобы пожертвовать огромную сумму денег от имени своей давно потерянной дочери.

– Ох, ей бы это так *понравилось*, – говорила моя настоящая мама, утешая моего отца (графа), когда они вместе прикладывали

всевозможные усилия, чтобы приобщить соседние округа к миссии по спасению луговых собачек.

Многие годы спустя у моей сестры родилась дочь, которую назвали Гэби. Мой отец (судя по всему, ошибочно решивший, что я вспоминаю историю про мертвую белку каждое Рождество, отдавая дань уважения своему счастливому детству, а не из-за посттравматического синдрома) принял решение благословить свою четырехлетнюю внучку на бесконечные сеансы психотерапии, которые понадобились ей после встречи с говорящим волшебным трупиком из коробки. Он обработал мертвого енота, положил его окоченевший труп в большую коробку из-под хлопьев и спрятал ее под кроватью в спальне для гостей (видимо, с целью подобрать самый удачный момент для того, чтобы напугать Гэби до конца жизни), а затем напрочь про него забыл. Несколько недель спустя Гэби нашла под кроватью обезображенный труп енота и (думая, что это лишь просто очень жесткая игрушка) стала разгуливать с ним по дому, играя со своим новым другом и до усрачки пугая этим кота. **Она забралась в комнату к моему отцу, где тот дремал, и тихонько положила мертвого енота ему на подушку**, словно послание от Крестного отца. Скукоженная лапа мертвого енота слегка поцарапала лицо моему отцу, когда Гэби придвинула енота поближе, чтобы тот подарил моему отцу эскимосский поцелуй.

– Деда, – ласково прошептала она, – просыпайся и поздоровайся.

В этот момент отец закричал, словно маленькая девочка, а затем Гэби закричала в ответ, а затем вскинула руки вверх, и мертвый енот полетел в дверной проем на кухню и приземлился у ног моей сестры. Нормальный человек упал бы в обморок или хотя бы закричал: «Какого хрена?!», но к этому моменту в летающих енотах и орущих дома людях для Лизы уже не было ничего необычного, так что она пожала плечами и продолжила готовить.

Позже Лиза позвонила мне, чтобы рассказать эту историю, и я пообещала купить Гэби пони за то, что она за нас отомстила, однако позже мне стало немного жалко нашего отца, потому что никто с таким высоким давлением, как у него, не заслуживает того, чтобы проснуться под пристальным взглядом пустых глазниц мертвого енота, который поглаживает тебя по щеке. С другой стороны, опять же, приносить ребенку изувеченную белку в коробке из-под крекеров тоже не совсем здравая идея, так что, полагаю, мы практически в расчете.

Кстати сказать, я не смогла найти фотографию Стенли,

изувеченной белки (наверное, потому что идея сфотографировать беличий труп приходит всем слишком поздно), однако у меня есть фотография, на которой мой папа кормит из бутылочки детеныша дикобраза, лежащего в запасной шине, и мне кажется, что она будет к месту и даже немного оправдает моего отца. Правда, я только что заметила, что отец держит дикобраза ручкой от малярного валика, и по всей шине следы от краски. Так что вполне вероятно, что он кормит дикобраза малярной краской. Это маловероятно, но, впрочем, в нашем доме происходили и куда более странные вещи.

Только родителям не говорите

В детстве почти каждые выходные родители моего отца, которые родом из Чехословакии, забирали нас с сестрой к себе домой в соседний город. Моя бабушка была одной из милейших и терпеливейших женщин, которых только посчастливилось видеть этой планете. Подозреваю, подобным образом о своих бабушках думают почти все люди, но она была женщиной, которая, если на нее надавить, называла Гитлера «несчастным человеком, которого, наверное, в детстве слишком мало обнимали», а про Сатану говорила только: «Я не фанатка».

Казалось, мой дедушка видел в чрезмерной жизнерадостности своей жены вызов в свой адрес, и поэтому пытался компенсировать ее влияние на мир, выходя из себя по любому поводу. Будучи в хмуром расположении духа, он и мухи бы не обидел, однако мы всегда расступались перед ним, когда он расхаживал по дому, что-то бормоча себе под нос на чешском (наверное, о том, как бы он хотел, чтобы у него была трость, которой он мог бы лупить людей). Бабуля всегда смотрела на него с любящей улыбкой и терпеливо решала проблему, которая вызвала его раздражение в данный момент, а нас тихонько выпроваживала из комнаты до тех пор, пока он не посмотрит серию «Бонанцы» и не успокоится. Не знаю точно, в какой степени ее сверхчеловеческое терпение объяснялось именно любовью, а в какой – инстинктом самосохранения.

Согласно нашей семейной легенде, когда моей двоюродной прапрабабушке было за тридцать, ее муж вонзил ей в затылок гвоздь прямо за завтраком, после чего закопал ее на заднем дворе. Мне сказали, что в те времена это было совершенно кошерно. *В смысле*, похороны на заднем дворе. А не вся эта история с гвоздем в башке.

> *К воткнутым в череп гвоздям всегда относились с неодобрением, даже в Техасе.*

Не существует какого-либо убедительного доказательства того, что что-либо из этого действительно произошло, однако то, что мой двоюродный прапрадедушка якобы признался на смертном одре в убийстве своей жены (а также в том, что несколькими годами ранее поджег собственного отца), считалось в моей семье неоспоримым фактом. Мой дедушка рассказал, что после этого признания несколько членов нашей семьи выкопали его двоюродную бабушку и обнаружили в ее черепе этот самый

гвоздь. После этого они закопали ее обратно, ничего не сообщив полиции, потому что это было до выхода сериала «C.S.I.: Место преступления Майами». Я заметила, что выкапывать тело родственника просто для того, чтобы проверить его дырки в голове, почти так же странно, как убивать кого-то ударом гвоздя в голову, но дедушка со мной не согласился и сердито пробормотал, что «нынешние дети ничего не смыслят в семейных обязанностях». Иногда я задумывалась о том, не связано ли сверхчеловеческое добродушие моей бабушки с нежеланием получить гвоздь в голову. Впрочем, я в этом сомневаюсь. Дедушка не настолько ловко владел инструментами.

Глубоко в душе он был хорошим человеком. Было понятно, что рядом с детьми он чувствовал себя некомфортно, но мы не злились за это на него, потому что это чувство было взаимным. После шестидесяти он перенес несколько инсультов, из-за которых один его глаз начал непроизвольно моргать, и тогда он решил, что женщины из церкви подумают, будто он им подмигивает, так что начал носить очки с затемненными стеклами, как у Роя Орбисона, из-за которых, вкупе с суровым видом, сильным чешским акцентом и любовью к нательным майкам и темным костюмам, был чертовски похож на главаря мафии. Соседи относились к нему с осторожным уважением – наверное, они боялись, что он может их заказать, и я не раз слышала, как его **за глаза называли «Терминатор».**

Дедушка все делал в своем собственном темпе, со скоростью, которую мы с сестрой описывали как «*бросок кобры*». Это было особенно заметно, когда он садился за руль. С точки зрения закона он был практически слепым, а от очков с затемненными стеклами толку было мало – тем более людям, которые встречались с ним на дороге. Чтобы компенсировать свое плохое зрение, он все время ездил со скоростью на пятьдесят километров в час меньше установленного скоростного ограничения. Дом моей бабушки был расположен всего километрах в пятнадцати от нашего, но в этой поездке было не обойтись без сэндвичей и нескольких книг, чтобы занять нас с сестрой. Однажды, во время особенно затянувшейся поездки, моей сестре приспичило в туалет, и я попыталась уговорить ее потерпеть, но она не могла, и дедушке пришлось свернуть на заправку. Внезапно он резко дернул руль, уверяя, что на него только что выскочила пума. Мы все видели пуму, про которую он говорил. Это был двойной дом на колесах, который стоял здесь на обочине последние лет двадцать, не меньше.

Нас с Лизой успокаивало сознание того, что, если бы

дедушка и врезался во что-то, на такой скорости мы, скорее всего, просто легонько отскочили бы от препятствия.

Мы частенько замышляли выпрыгнуть из машины за несколько кварталов до их дома, уверенные, что успеем добежать и поиграть с запасным слуховым аппаратом дедушки до того, как он заедет во двор и заметит, что нас на заднем сиденье нет.

Дом наших бабушки с дедушкой был для нас словно дворец Калигулы, так как мой дедушка был слишком занят негодованием по поводу существования котов (которых он запирал на заднем дворе и отправлял вместе с нами домой), а моя бабушка была слишком доброй, чтобы в чем-либо нам отказывать. Острые ножи, шоколадные конфеты, костры, телевизор допоздна… здесь было разрешено все. На обед мы ели плавающие в сиропе жареные яйца, картофельное пюре вперемешку со взбитыми сливками и картошку фри домашнего приготовления, насквозь пропитанную жиром. На ужин бабуля пекла несколько противней ленивых брауни, и в итоге у нее получалась вязкая масса, по-настоящему насладиться которой можно было, только если есть ее руками… сворачивая эту похожую на тесто коричневую кашу в шоколадные шарики, от которых мы просто торчали.

После каждого сделанного нами укуса бабуля повторяла, словно заклинание:

– *Только родителям про это не говорите*.

Я что-то бормотала ей в знак согласия, будучи под таким кайфом от сиропа, что на большее меня попросту не хватало. Моя сестра умудрялась кивнуть, заканчивая высасывать кетчуп прямо из полулитровой бутылки. Заходил дедушка, что-то неодобрительно ворчал по поводу нашего нездорового питания, и моя бабушка смотрела на него, раскрыв от удивления глаза, а затем искренне с ним соглашалась, словно никогда раньше не задумывалась, что жир с сахаром на завтрак могут быть не самым удачным выбором. После этого она ласково благодарила его за уместное замечание и помогала поудобней расположиться в просторном мягком кресле, после чего возвращалась на кухню, тихонько предлагая нам сделать молочный коктейль с арахисовым маслом и кубиками сахара. Дедушка неизбежно возвращался полчаса спустя и спрашивал, какого хрена происходит, и моя бабушка смотрела на него с совершенно не понимающим и очаровательным видом, делая вид, будто впервые в жизни слышит, что кубики сахара *не идут* на гарнир. У нее было такое невинное выражение лица, что язык не поворачивался в чем-либо ее упрекнуть, так что он глубоко вздыхал и уходил, что-

то бормоча про ее зарождающийся маразм. Никакого маразма у нее не было. Она *прекрасно* понимала, что делала, и **довела до совершенства искусство делать то, что ей хотелось,** чтобы наполнить жизнь счастьем и избежать при этом споров, которые заканчиваются ударом гвоздем в голову.

Наступала ночь, дедушка ложился спать, а мы все глубже погружались в наше детское чревоугодие. К нам присоединялась наша двоюродная сестра Мишель, которая была младше меня на год, и наступала пора такого членовредительства, которое могут позволить себе лишь дети с богатым воображением и практически полным отсутствием надзора.

Несмотря на то что весь дом был усеян всевозможными устройствами, призванными его обезопасить, нам удавалось использовать это в своих целях. Если большинство бабушек и дедушек расстилают в ванной резиновые коврики, чтобы на полу никто не поскользнулся, то мои бабушка с дедушкой пошли дальше и обили все проходы специальными листами из толстого желтого пластика для ковров. Мы обнаружили, что эти пластиковые листы держатся так крепко благодаря целой уйме двухсантиметровых гвоздей, которые уходили в ковер из золотого ворса.

> Достигнув высочайшего уровня просветления, доступного лишь йогам и детям, получившим передозировку сахаром, мы переворачивали эти пластиковые листы и начинали ходить по гвоздям.

Так как Мишель и Лиза были младше меня, они должны были носить с собой глиняные вазы или что-то из мебели, чтобы компенсировать недостаток массы. Мне разрешалось ходить по гвоздям без дополнительных утяжелений в свете того факта, что всего несколькими часами ранее у меня откололись ногти на больших пальцах обеих ног, потому что я разгуливала босиком по забитой битыми стеклами водосточной канаве. «*Скажи своим родителям, что упала, когда я читала тебе Библию*», – любезно предложила бабуля.

По утрам мы ходили купаться. Мои бабушка с дедушкой не были бедными, однако они были из тех людей, что используют одну и ту же фольгу по несколько раз, постоянно ожидая наступления очередного кризиса, так что вместо бассейна для своих внуков они подобрали три выброшенные кем-то ванны из стеклопластика. Мы затыкали в них сливные отверстия и наполняли ванны во дворе с помощью садового шланга. Бабуля намекала, чтобы мы дали солнцу нагреть ледяную воду, но после целой ночи чревоугодия и всяческого неугомонного баловства

взять себя в руки было не так-то просто. Мы садились в ванны, разбивая тонкую ледяную корочку, которая начинала формироваться на воде, и наши губы с пальцами начинали синеть, а мы тем временем убеждали друг друга, что если и *заработаем* из-за этого воспаление легких, то оно даст о себе знать позже, когда начнется учебная неделя.

Независимо от того, насколько опасным было очередное придуманное нами развлечение, бабуля всегда стояла поблизости с вишневой газировкой, аптечкой и любящим взглядом, полным паники и смирения. Когда я готовилась к прыжку с крыши дома на набросанные внизу диванные подушки, до меня дошло, что это не самая лучшая идея, но в то же время я понимала, что почти наверняка поранюсь, пытаясь слезть обратно по ржавой трубе от мангала, которую использовала в качестве импровизированной лестницы. Бабуля пробормотала по-чешски что-то, подозрительно похожее на какое-то ругательство. Лиза дала куда более полезный совет:

«СГРУППИРУЙСЯ И КАТИСЬ!»

* * *

Одним из наших любимых занятий было бродить по соседним улочкам, заглядывая в мусорные баки и контейнеры в поисках спрятанных сокровищ. Выброшенные рождественские елки, залитые водой книги, треногие стулья, письма от любовниц, заляпанная одежда – все это становилось нашими трофеями. Так как я была самой высокой и совсем недавно мне делали прививку от столбняка, я чувствовала, что обязана рыться в мусоре глубже всех, уверенная, что если постараюсь, то в один прекрасный день найду пачку денег, потерявшийся пакет с героином или, если повезет, человеческую руку.

Я поняла, что старалась не напрасно, когда однажды вытащила заляпанный журнал Playboy со слипшимися от (как мне теперь хочется верить) апельсинового сока страницами. Мне было девять, и я впервые в жизни увидела полностью обнаженное тело не на страницах National Geographic. Мы притащили журнал на лужайку у бабушкиного дома и вместе с моей двоюродной сестрой расположились во дворе, чтобы получше рассмотреть этих женщин, у которых, к моему удивлению, грудь не была обвисшей до пупка. Мы открыли разворот, на котором была грудастая блондинка по имени Кэнди. Бабуля пыталась нас отвлечь заманчивым сочетанием лестницы и зонтика, однако мы

были слишком сильно погружены в изучение журнала, чтобы услышать, как она называет его «мусором». Дедушка смотрел на нас с порога и громко ворчал себе под нос по поводу того, что нынешние дети ужасно неуважительно относятся к лужайкам. Я понятия не имею, видел ли он тот знойный журнальчик, которым мы были так увлечены; во всяком случае, он, не переставая ворчать, побрел в дом – не иначе как для того, чтобы подыскать для каждой из нас по маленькому гвоздю.

– Эй, бабуль, – спросила я, – а что значит возбуждает?

Ее лицо заметно побледнело, и вид у нее был слегка нездоровый.

– Ну, – сказала она, подбирая слова, – это… эмм… полагаю, так говорят про вещи, которые делают нас счастливыми.

Я повернулась к двоюродной сестре:

– Меня возбуждают Яркая Радуга и единороги.

Мишель улыбнулась в ответ – у нее недоставало двух зубов спереди.

– Меня возбуждают мультики Monchhichis, – сказала она. – А еще жвачка Tubble Gum.

Бабуля выдавила из себя натянутый смешок.

– Ну я могу еще ошибаться по этому поводу. Знаете, я не так хорошо говорю по-английски. Почему бы вам просто *больше никогда не говорить эту фразу, ладно?*

Она извинилась и пошла в дом. Мы услышали, как оттуда доносится нечто, по звуку напоминавшее молитву, но мы были слишком очарованы всеми этими женщинами и их непрочным на вид (и явно подобранным не по размеру) нижним бельем.

Внезапно яркий солнечный день обернулся ужасной грозой с градом. Мы побежали к порогу, прикрывая головы журналом. Бабуля вышла наружу с властным видом, приподняв одну бровь.

– *Итак*. Вы видите, что бывает, когда вы смотрите на грязные картинки? – нараспев произнесла она. – *Идет град*. А вы знаете, откуда берется град? – ласково спросила она.

– Из кучевых облаков? – предположила я. Недавно я получила четверку с плюсом по естествознанию и была практически уверена, что это правильный ответ.

– *Нет*, – ответила бабуля. – Град берется из ада. Дьявол посылает его, так как доволен, что вы читаете злобный мусор.

Мы с Мишель переглянулись. То, что гроза с градом началась в совершенно ясный день, *действительно* казалось подозрительным, однако мы чувствовали изъян в бабулиной логике.

ПОСЫЛАТЬ ГРАД, КОТОРЫЙ ОТВЛЕК НАС ОТ НАШЕЙ НОВОЯВЛЕННОЙ ЛЮБВИ К ПОРНОГРАФИИ?

«*Нет никаких сомнений,* – подумали мы, – *она как пить дать перепутала*». Что нас *все-таки* беспокоило, так это тот факт, что град пошел в считаные секунды после того, как мы услышали из дома бабулины молитвы. Это сбивало с толку. *Неужели* у моей бабули была какая-то прямая связь с Богом? Неужели все эти годы сливания денег на церковные нужды все-таки принесли свои плоды? Мы не были уверены, однако лучше было не рисковать. Я положила журнал обратно в соседский мусорный бак, уверенная, что если *мы* и не можем больше прикасаться к этому чуду, то водитель мусоровоза обязательно оценит мою щедрость и великодушие – качества, которые определенно придутся Богу по душе.

Годы спустя я осознала всю правоту бабули по поводу того, что этот журнал был мусором, и с радостью переключилась с него на ее старые замызганные номера «Признаний домохозяек» и «Голливудских скандалов», в которых практически отсутствовала нагота, однако были такие сюжетные линии, которые Playboy и не снились.

– Только не говори родителям, – говорила бабуля, ласково ухмыляясь.

Я улыбалась ей в ответ. Ей было не о чем беспокоиться.

Дженкинс, гребаный ублюдок

Когда я была маленькой, моя мама частенько говорила, что у меня «беспокойный желудок». Так мы называли «серьезное нелеченое тревожное расстройство» в семидесятых, когда все лечилось витаминами, на пузырьке с которыми красовалась семейка Флинстоунов, и угрозами отправить меня жить к бабушке, если я не перестану прятаться от окружающих в коробке с игрушками.

К семи годам я поняла, что со мной что-то не так и что у большинства детей не начинается учащенное дыхание с последующей рвотой, когда их просят выйти из дома. Мама называла меня «капризуля». Мои учителя шепотом говорили «неврастеник». Глубоко же в душе я знала, что есть куда более удачное слово, чтобы меня описать.

Обреченная.

Обреченная, потому что каждое Рождество я пряталась под столом на кухне у тети: присутствие стольких людей вокруг вызвало у меня панику. Обреченная, потому что каждый раз, когда я выступала перед классом, у меня начинался неконтролируемый истерический смех прямо у всех на глазах. Обреченная, потому что я знала без тени сомнения, что случится нечто ужасное и не поддающееся описанию, и я буду не в состоянии это остановить. Причем это были не обычные ужасные предчувствия, которые беспокоят маленьких детей, например, что отец разбудит тебя посреди ночи с кровавой перчаточной куклой. Вещи вроде ядерного холокоста. Или отравления угарным газом. Или необходимости выйти из дома и общаться с кем-то помимо собственной матери. Скорее всего, я попросту такой родилась, однако не могу отделаться от подозрений, что моя социофобия как минимум усилилась после одного случая из детства.

Когда я была в третьем классе, отец однажды ночью забежал в дом и сказал, чтобы мы вышли посмотреть, что он привез в кузове своего пикапа. Я была маленькой, но уже достаточно умудренной опытом, чтобы понимать, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Мы с сестрой обеспокоенно переглянулись, а мама принялась предусмотрительно вглядываться через кухонное окно, чтобы понять, не шевелится ли в кузове что-то огромное. Она смерила нас взглядом, который мой отец, должно быть, всегда

расшифровывал так: «Как же повезло вам, девочки, что у вас такой предприимчивый отец» и значение которого я всегда понимала иначе: «Наверное, одну из вас энтузиазм вашего отца когда-нибудь убьет. Скорее всего, это будет Лиза, потому что она меньше и не так быстро бегает, однако ей будет проще спрятаться в каком-нибудь тесном месте, так что кто знает». Впрочем, вероятнее всего, что она имела в виду что-нибудь вроде: «*Господи*, почему бы кому-нибудь не поторопиться изобрести “Ксанакс”[1]?»

Обычно отец просил нас выйти во двор и взглянуть, что у него в кузове, только когда содержимое того было слишком кровавым и/или агрессивным, чтобы заносить его в дом, так что мы не спешили покидать относительно безопасные пределы дома и задавали отцу вопросы, чтобы понять, опасности какой степени он собирается нас подвергнуть. Мы научились правильно интерпретировать его ответы и изобрели то, что позже будем называть «Тезаурусом отцовской опасности».

Краткая версия:

«Вам это точно понравится» = «Я не имею понятия, что нравится детям»

«Наденьте темные куртки» = «Скорее всего, на вас попадет кровь»

«Он не причинит вам вреда» = «Надеюсь, вам нравится зеленка»

«Он *очень* оживленный» = «У него бешенство»

«Только не нужно *слишком* привязываться» = «Эта обезьяна досталась мне бесплатно, потому что она заражена каким-то вирусом»

«Ты ему нравишься!» = «Теперь ты отвечаешь за этого дикого кабана»

«Вот *это* очень любопытно» = «Вам и в тридцать будут сниться из-за этого кошмары»

«Не кричите, а то напугаете» = «На вашем месте я бы уже бежал сломя голову»

«Он просто хочет тебя поцеловать» = «Скорее всего, он просто сожрет твое лицо»

Моего отца вечно разочаровывало наше недоверие, однако я напомнила ему, что еще на прошлой неделе он принес собственной матери коробку с озлобленной живой змеей, найденной им по дороге к ее дому. Он пытался защищаться, но мы с сестрой своими глазами видели, как отец поставил коробку

на заднем дворе и позвал бабушку, чтобы она посмотрела на «сюрприз». Затем он открыл коробку, пнув ее ногой, змея выпрыгнула, и мы с бабушкой убежали в дом. Лиза побежала в другую сторону и решила запрыгнуть в кузов пикапа моего отца, что было весьма недальновидно с ее стороны, потому что именно там мой отец обычно хранил неопознаваемых животных с содранной шкурой, которых планировал разварить, чтобы изучить строение их скелета.

> Кузов пикапа моего отца запросто мог стать частью «Ада» Данте, если бы Данте хоть раз побывал в техасской глуши.

Это воспоминание было все еще свежо, когда отец вытолкнул нас в холодный мрак, чтобы показать тот ужасный трофей, который ему удалось поймать, подстрелить или сбить. Мы с сестрой обеспокоенно держались позади, в то время как мама, сделав глубокий вдох, отважно наклонилась, увидев перед собой дюжину живых птиц, выглядевших так, словно их провезли прямо через ад. Некоторые из них недовольно щебетали, но большинство просто забились в угол, явно контуженные после только что совершенной ими поездки с ветерком и шокированные тем, что им пришлось находиться в кузове пикапа вместе с несколькими животными трупами, скорее всего, подобранными моим отцом, чтобы сделать из них чучела. Полагаю, у птиц были такие же впечатления, какие были бы у вас, если бы вы сели в попутную машину к незнакомцу, а потом обнаружили в ней несколько абажуров для ламп, сделанных из останков убитых попутчиков.

Отец заявил, что эти птицы – послушные перепела, а мама возразила, что на самом деле это шумные *индейки.* Он объяснил, что выменял их на ржавый арбалет, который притащил домой пару месяцев назад; поскольку формально птицы вроде как были меньшим из зол, постольку она покачала головой и вернулась к уборке. **Моя мама не спорила без надобности** и, наверное, решила, что перепела (которые на самом деле были индейками) будут представлять для всех нас куда меньшую опасность.

Эти птицы горячо полюбили моего отца. Они ходили за ним по пятам – подозреваю, ими руководил своего рода стокгольмский синдром, который определенно усиливался от того, что они видели, как отец каждый день заносит в дом мертвых животных. Казалось, мой отец был единственным человеком, которого они могли терпеть. Шли месяцы, индейки росли, становились все более громкими и несносными. Они усаживались на невысокие ветки деревьев и горланили на маму

каждый раз, когда она выходила из дома. Отец настаивал, что перепелки просто ведут себя немного эксцентрично и что принимать радостные песни этих птиц за злобное кулдыканье – ошибка с нашей стороны. Он предположил, что **то, как мы реагируем на перепелок, указывает лишь на то, что у нас у самих совесть нечиста,** а мама предположила, что ему не помешало бы несколько раз проткнуть ногу вилкой, но говорила она это скорее глазами, а не ртом, – впрочем, мой отец редко обращал внимание как на ее слова, так и на ее взгляд.

Птицы становились все более крупными и злыми, и я благодарила Бога за то, что у нас есть соседи, которые являются свидетелями того, как индейки себя ведут. Меня уже одолевали комплексы и застенчивость, и неприятные злобные нападения индеек мало способствовали повышению моей и без того заниженной самооценки. Мы с сестрой пытались не обращать внимания на происходящее, что было довольно сложно, поскольку мой отец настоял на том, чтобы мы дали индейкам клички и обращались с ними как с домашними животными. Домашними животными, которые злобно нападали на нас и щипали за тоненькие щиколотки, пока мы кругами бегали от них по двору, с криками умоляя кого-нибудь открыть дверь в дом и пустить нас.

Лиза попыталась объяснить отцу, что птицы (под предводительством непредсказуемой индейки, которую по какой-то причине назвали Дженкинсом) хотели нас сожрать, но отец заверил нас, что «у перепелок даже зубов *нет*, так что если бы им и *удалось* вас убить, *то съесть они точно вас не смогли бы*». Полагаю, он думал, будто это нас успокоит.

– А у *индеек* есть зубы? – сообразила спросить моя ловкая сестренка.

Папа попытался было прочитать ей нотацию по поводу уважения к старшим, но ему пришлось отвлечься, чтобы поймать Дженкинса, который разместился на капоте автомобиля почтальона и ожесточенно атаковал дворники, одновременно осуждающе кулдыкая на самого недоумевающего почтальона.

Мы жили в сельской местности, так что наш почтальон привык к тому, что ему досаждают бродячие собаки, но он оказался совершенно не готов к нападению озлобленной индейки и возмущенно закричал:

– Посадите этих долбаных индеек под замок, если вы не можете их контролировать!

Моему отцу пришлось немного поднапрячься, чтобы поднять с капота здоровенную птицу: после этого он засунул ее под мышку и сказал (с поразительным для человека с индейкой под

мышкой достоинством):

Сэр, это перепел. И зовут его Дженкинс.

Я была поражена изящными манерами и самообладанием моего отца в этот момент, особенно в свете того факта, что Дженкинс яростно фыркал на почтальона и потрясал резинкой от дворников, которую зажал в клюве, словно кнут. Я *не* удивилась, когда на следующий день обнаружила в нашем почтовом ящике записку, в которой сообщалось, что отныне нам не разрешается вместо марок лепить скотчем к письмам четвертаки, а посылки теперь будут оставляться у почтового ящика, а не доставляться до двери. Маму это расстроило – ей не очень хотелось ездить в город за марками, а оставлять посылки у почтового ящика для почтальона, скорее всего, означало, что он будет попросту выбрасывать их на ходу из машины в сторону нашего дома. Индейки быстро приспособились к этим нововведениям и начали собирать почту во дворе, и это было бы полезно, приноси они ее, как это делают собаки, в дом, но вместо этого они гордо расхаживали с письмами в клюве, словно это были какие-то важные индюшачьи документы, которые моя мама совершенно незаконно пыталась у них отобрать. Она постаралась убедить нас в том, что забирать почту у индеек будет веселой каждодневной игрой, но мы с ней не согласились, заметив, что нормальная игра в «попробуй отними» не заканчивается окровавленными лодыжками и угрозой заражения птичьим гриппом.

Для нашего физического здоровья и социального статуса было куда безопасней попросту держаться от этих индеек подальше, так что мы с сестрой принялись разрабатывать оборонительную стратегию, чтобы защититься от птичьих атак. Только что вышел фильм «Танец-вспышка», и я попыталась убедить маму купить мне гетры (как для того, чтобы подружиться с крутыми одноклассниками, так и для того, чтобы защитить ноги от индеек), но она мне отказала, заявив, что носить гетры летом в Техасе – совершенно пустая трата денег. Так что мне пришлось просто с завистью смотреть на гетры *остальных* детей, у которых, как я подозревала, и индеек-то не *было*. **Мы с Лизой попробовали смастерить себе доспехи для лодыжек из пустых консервных банок**, открытых с обеих сторон, но на мои ступни они не налезали, а ее ноги были настолько худенькими, что во время ходьбы банки звенели друг о друга, что только привлекало к нам внимание злобного стада. Так что она была как маленький собирающий всех на обед колокол с косичками. Я собиралась было ей сказать, что от ее доспехов мало толку, однако это было все равно как если бы одна зебра взялась предупреждать другую о

том, что та испачкалась соусом для стейков, прямо посреди переполненной львами парковки. Инстинкт самосохранения – товарищ эгоистичный, и гордиться собой мне было нечего, но я утешалась мыслью о том, что если Лиза и падет жертвой озлобленных птиц, то я выжду целую неделю – в дань уважения, – прежде чем заберу себе ее игрушки.

Лиза где-то слыхала, что индейки настолько тупы, что, когда идет дождь, задирают головы, чтобы увидеть, что это на них там падает, и в итоге захлебываются попавшей им в нос водой, – поэтому мы начали молиться о дожде, но в ответ получили затяжную засуху.

Наверное, все потому, что нельзя просить Бога убивать твоих домашних животных.

Мы частенько поговаривали о том, чтобы полить их из шланга и таким образом истребить самых тупых, но так на это и не сподобились, потому что это казалось уж слишком жестоким (даже в рамках самообороны), ну и еще потому, что отцу наверняка показалось бы подозрительным, если бы все его индейки умерли от какого-то необыкновенного ливня, который имел место исключительно поблизости от садового шланга.

Время от времени индейки грозно следовали за нами по дороге в школу, которая располагалась за полкилометра от дома, и при этом прятались у нас за спиной, словно какие-то немыслимые гангстеры или крошечные насильники в перьях. Мне было всего девять, но мнение окружающих уже значило для меня очень много, и я понимала, что индейки с отклонениями в качестве домашних животных вряд ли будут восприняты как что-то «крутое», так что всегда как можно скорее пряталась в здание школы, делала вид, будто совершенно не понимаю, в чем дело, и демонстративно спрашивала одноклассников, какого черта у нас в школьном дворе всегда разгуливают эти перепелки. Тогда другие ученики обычно возражали, что это индейки, на что я безразлично пожимала плечами со словами:

– Разве? Ну мне-то откуда знать.

После этого я садилась, сгорбившись, за парту и всячески старалась избегать с индейками зрительного контакта; в конце концов они теряли ко мне всяческий интерес и возвращались домой, где принимались воплями выпрашивать у мамы завтрак.

Эта схема работала прекрасно, пока однажды утром я недостаточно быстро спряталась в школе, и Дженкинс беззаботно поплелся за мной, курлыкая себе под нос, и вид у него был совершенно невинный, но при этом довольно пугающий. Следом за Дженкинсом шествовали еще две индейки. Я поспешила

забежать в класс, а индейки бесцельно поплелись в библиотеку. Поняв, что никто не заметил вторжения индеек, я с облегчением вздохнула, однако час спустя мы услышали крики и вопли – оказалось, что библиотекарь с директором обнаружили индеек, которым каким-то образом удалось добраться до столовой и *напугать всех до усрачки*. На самом деле это было даже немного впечатляюще – и к тому же совершенно омерзительно. Директор уже видел раньше, как индейки ходят за мной в школу (как и большинство моих одноклассников, которые слишком жалели меня, чтобы признаваться, что они в курсе), так что позвонил моему отцу и попросил его приехать в школу и ликвидировать устроенный индейками бардак. Отец возразил директору: мол, тот, должно быть, ошибается, потому что *он* разводит перепелок, но директор на это не купился.

Полчаса спустя, когда весь мой класс выстроился перед уроком физкультуры, я увидела своего отца, который, стоя на коленях, отчищал фойе от индюшачьего помета. Он безуспешно пытался прогнать индеек, тихо, но настойчиво прикрикивая:

«ИДИ ДОМОЙ, ДЖЕНКИНС»!

Я замерла на месте и попыталась слиться с обоями, но было уже слишком поздно. Дженкинс сразу же меня узнал и побежал на меня, радостно курлыкая, словно говоря: «ГОСПОДИ, НУ РАЗВЕ НЕ ЗДОРОВО? А С КЕМ ТЫ ТУТ ДРУЖИШЬ?», и я впервые не закричала и не пустилась от него вприпрыжку. Вместо этого я вздохнула и с неохотой помахала ему рукой, удрученно пробормотав: «Привет, Дженкинс», прямо на глазах у моих изумленных одноклассников. Изумлены они, впрочем, были не в *хорошем* смысле, как если бы ко мне в школу приехал на лимузине дядя и пригласил меня жить вместе с ним, и при этом им был бы Майкл Джексон (о чем я никогда не упоминала из скромности), и все тут же принялись бы жалеть о том, что не приглашали меня на ночные девичники, когда у них была такая возможность. Это было скорее изумление в *плохом* смысле. **В такие моменты понимаешь, что отсутствие правильных гетр – сущие пустяки по сравнению с тем, что за тобой гонится агрессивная перевозбужденная индейка по кличке Дженкинс**, которую на глазах у всей школы отчитывает твой покрытый пометом папа. Думаю, в этот момент я и осознала, что стать самым популярным ребенком в классе мне можно теперь даже и не мечтать, так что я просто кивнула Дженкинсу и моему отцу (оба и в голову не брали, до какой степени они только что подорвали мою репутацию) и пошла по коридору, как можно выше подняв голову и стараясь не поскользнуться на птичьем

помете.

Весь оставшийся день я ожидала, что меня начнут дразнить, но ничего подобного не произошло. Наверное, они просто не знали, с чего начать. Или были слишком напуганы Дженкинсом, чьи угрожающие вопли на пытавшихся выставить его из здания детского сада воспитателей я услышала чуть позже. Моя сестра решила сделать вид, будто подобные вещи происходят повсеместно. Она не собиралась допускать, чтобы случившееся хоть как-то отразилось на ее социальном статусе, так что этого и не произошло. Эта уверенность пригодилась ей несколько лет спустя, когда на школьном дворе на нее напала свинья (эту историю вы прочитаете в следующей книге, так что можете уже начинать на нее откладывать).

> *А вот я раз и навсегда отказалась от попыток «вписаться».*

Когда остальные девочки устраивали на школьном дворе чаепития, я доставала подержанную спиритическую доску и пыталась воскресить мертвых. Когда мои одноклассники выступали с докладами о «Ветре в ивах» или «Паутине Шарлотты», я рассказывала про романы Стивена Книга в рваных мягких переплетах, которые брала почитать у бабушки. Вместо книг из серии «Ласковая долина» я читала рассказы про зомби и вампиров. Все закончилось тем, что моя учительница, когда я еще была в третьем классе, вызвала мою маму, чтобы обсудить с ней мое поведение, которое все больше ее беспокоило, и мама блаженно кивала в ответ на ее слова, но так и не поняла, в чем проблема. Когда миссис Джонсон вручила маме мой последний доклад по книге «Кладбище домашних животных», она неодобрительно нахмурила лоб.

– Ага, понимаю, – разочарованно сказала она мне. – Ты неправильно написала слово «кладбище».

Тогда мне пришлось ей объяснить, что Стивен Кинг специально его так написал[11], и она кивнула, сказав:

– А, понятно. *Ну тогда ладно*.

Казалось, учительница немного растерялась, но директор напомнил ей, что именно наша семья была виновна в нападении индеек на школу в 1983-м, так что она, как видно, поняла, что толку от ее вмешательства не будет никакого, и сдалась, не чувствуя себя при этом особо виноватой: ведь было вполне очевидно, что сделать из меня «нормальную» третьеклассницу все равно не удастся. Я была за нее рада.

На самом деле я была немного рада и за себя. Потому что впервые в своей жизни я позволила себе быть собой. Я была все

такой же застенчивой, неуверенной в себе и боялась окружающих, но Дженкинс освободил меня от необходимости пытаться вписаться. Я бы должна была быть благодарна за то, что усвоила этот урок в столь юном возрасте, но все несколько портило то, что речь шла о нападении индеек на школу и то, что его свидетелями стали люди, с которыми мне предстояло проучиться до самого выпускного.

Вскоре после этого Дженкинс и остальные индейки исчезли из нашей жизни, но усвоенные благодаря им уроки я помню по сей день: домашние животные из индеек никудышные, никогда нельзя доверять отцу определять вид домашней птицы, а еще нужно принимать себя такой, какая ты есть, *со всеми твоими недостатками*, потому что если пытаться быть кем-то другим, то какая-нибудь индейка непременно нагадит на тщательно созданную тобой иллюзию, – так что проще сэкономить силы и почитать свои любимые книги про зомби. В каком-то смысле, думаю, я даже в долгу у Дженкинса: пускай это и было совершенно непреднамеренно с его стороны, но из него вышел потрясающий учитель.

А еще знаете что?

ОН БЫЛ ПРОСТО ОБЪЕДЕНЬЕ.

Если тебе потребовался презерватив для руки, то, пожалуй, самое время переосмыслить свои жизненные ценности

(Альтернативный заголовок: Старшие классы – это днище, и они даются нам жизнью для того, чтобы было потом с чем сравнивать)

Я была единственной девчонкой-готом в моей крошечной сельской школе. Ученики иногда приезжали в школу на тракторах. Большая часть занятий проходила в с/х амбаре. Как если бы Джетро из «Деревенщины в Беверли-Хиллз» попал в клип группы The Cure, только наоборот.

Я специально выбрала образ гота, чтобы люди меня избегали – ведь я была болезненно застенчивой, – и все перемены, в том числе и во время перерыва на обед, я пряталась в туалете с книгой, – пока наконец не закончила школу. Это было поганей некуда.

Конец.

СВЕЖАЯ ИНФОРМАЦИЯ: мой редактор сказал, что получилась ужасная глава и что она «даже не знает, что такое с/х амбар». Что довольно странно. В смысле, для *нее*. «С/х амбар» – это сокращение от «сельскохозяйственный амбар». Это амбар, в котором проводятся занятия по борьбе с хлопковыми долгоносиками. Как бы мне хотелось, чтобы это было шуткой, – но это чистейшая правда. Еще можно было ходить на занятия по сварке, животноводству, оценке качества хлопка и его культивации и еще по какому-то предмету, название которого я не помню, – впрочем, суть была в том, что на этих занятиях мы учились делать стулья и заборы. Я почти уверена, что он назывался «Базовый курс по стульям и заборам». И я ничего этого не выдумывала.

ЕЩЕ БОЛЕЕ СВЕЖАЯ ИНФОРМАЦИЯ: мой редактор продолжает твердить, что глава вышла ужасная и что мне следует ее дополнить. Как я понимаю, под «дополнить» она подразумевает «восстановить кучу неприятных воспоминаний, на подавление которых я потратила уйму времени и сил». *Ладно.* Мой учитель по с/х рассказал нам, что как-то раз, много лет назад, один из учеников, вешая плакат, посвященный оценке

качества хлопка, упал со стремянки и приземлился на ручку метлы, которая вошла ему *прямо в задний проход*. Видимо, эта история навсегда врезалась в сознание нашего учителя, потому что он постоянно напоминал нам, чтобы, прежде чем залезать на стремянку, мы убеждались в том, что вокруг нет метел с ручкой.

> По сей день я, увидев стремянку, непроизвольно оглядываюсь в поисках метлы. Пожалуй, это единственная полезная вещь, которой я научилась в старших классах.

А, ну и еще я на практике научилась искусственному осеменению коровы с помощью кухонной спринцовки (но этот случай был менее «полезным» и более «травмирующим психику», причем как для меня, так и для коровы). Вот чем мы занимались вместо изучения географии. Вот почему, играя в викторины, я вынуждена пропускать вопросы, связанные с названиями стран и городов.

СНОВА СВЕЖАЯ ИНФОРМАЦИЯ: мой редактор меня ненавидит и, судя по всему, действует сообща с моим психотерапевтом, потому что они оба настаивают на том, чтобы я «глубже копнула» тему своих старших классов. *Ладно*. Вину за всю эту главу я перекладываю на них. Имейте в виду, что, когда вы будете это читать, у вас в голове наверняка всплывут ужасные воспоминания о собственных старших классах. Счета за услуги психотерапевта вы можете направлять моему редактору.

Итак, давайте еще раз начнем сначала…

Почти каждый ненавидит старшие классы. Полагаю, это показатель нашей человечности.

Если вам нравилось в старших классах, то, скорее всего, вы либо психопат, либо черлидерша.

> *Если вам нравилось в старших классах, то, скорее всего, вы либо психопат, либо черлидерша.*

Ну или и то и другое. Знаете, эти вещи не являются взаимоисключающими. Я пыталась заблокировать воспоминания о своих старших классах, однако как я ни старалась их стереть, они всегда были со мной, подобно назойливому автостопщику. Ну или герпесу. *Как я предполагаю.*

Поскольку в старшие классы я ходила с теми же ребятами, которые были свидетелями моего своеобразного детства, постольку я уже смирилась с тем, что никогда не стану популярной и крутой, так что вместо этого пыталась создать себе

новое «я» с помощью одежды в стиле готов, черной губной помады и взгляда, который, как я надеялась, говорил: «Тебе не стоит ко мне приближаться. *У меня есть темные, ужасные секреты*».

1980:

Этот образ так и кричал: «Спросите меня, собираюсь ли я стать одной из жен какого-нибудь мормона».

К сожалению, та таинственная личность, которую я старалась из себя изобразить, была воспринята с озадаченным (и немного жалостливым) скептицизмом, потому что ребята из моего класса были *прекрасно* осведомлены обо всех моих темных и ужасных секретах. Конечно, с секретами все должно быть совсем по-другому. Это были те же ребята, которые стали свидетелями *Великого нападения индеек 1983 года*, а также очень хорошо помнили ту историю, когда отец отправил меня участвовать в постановке в честь Дня благодарения, которую делал наш четвертый класс, в боевом раскрасе и окровавленной шкуре буйвола вместо картонной шляпы отца-пилигрима – весь остальной класс сделал себе такие шляпы на уроке ИЗО. Еще у них дома имелись школьные ежегодники, в которых было запечатлено десятилетнее помешательство моей мамы на самодельных платьях в деревенском стиле, из-за которого мы с сестрой большую часть начала восьмидесятых выглядели как внебрачные дети лесбийской любви Лоры Инглз и Холли Хобби. Полагаю, Мэрилину Мэнсону тоже было бы сложно добиться того, чтобы его всерьез воспринимали «мрачным и зловещим», если бы все помнили, что во втором классе он наряжался подобным образом.

Мои одноклассники отказывались воспринимать меня

всерьез, так что я решила проколоть себе нос с помощью рыболовного крючка, но мне было слишком больно, и я не просунула его до конца, а потом туда попала инфекция. Так что вместо пирсинга я стала носить клипсу. В школу. Она была больше моей ноздри, и я чуть не задохнулась. Как бы то ни было, **я стала первым человеком с кольцом в носу у нас в школе**, так что с мятежной гордостью прошлась мимо директора, который, как я ожидала, тут же запрется у себя в кабинете, чтобы подавить девчачий бунт, который вот-вот начнется из-за того духа анархии, который исходит от моего псевдопирсинга. Директор заметил это, но показался мне скорее озадаченным, чем обеспокоенным, и как будто старался сдержать смех, когда показывал на меня школьному повару, – ну а та была просто в недоумении.

Ну и еще она была моей мамой.

И это была ее клипса.

Мама мысленно вздохнула, тряхнула головой и продолжила нарезать желе. Никто из нас потом никогда не упоминал об этом случае (и не носил эту серьгу).

У того, что моя мама работала в школьной столовой, были свои плюсы и минусы, потому что она разрешала мне прятаться в школьной кладовке, когда у меня не задавался день, – но зато каждый раз, проходя мимо столовой, я слышала ее громкий шепот:

– Дорогая, не сутулься. *Ты выглядишь такой подавленной*.

И остальные дети были такие все:

– *Симпатичная у вас сетка для волос, мама Эльвиры*[12].

Так что да, в старших классах было *просто на хрен охренительно*. Причем многие люди говорят мне, что у *каждого* есть ужасные воспоминания о старших классах, и тогда я обычно говорю:

– *Что, правда?* Значит, кульминацией вашего выпускного класса был момент, когда вы засунули свою руку во влагалище коровы?

После этого они ничего мне не говорили. Как правило, больше никогда.

Не менее нелепо, только на этот раз я подбирала себе одежду сама (совет профессионала: ваши псевдовикторианские эмо-селфи на кладбище будут выглядеть немного более стильно, если вы не забудете снять с себя наручные часы).

Казалось, у моей сестры Лизы никогда не было проблем с тем, чтобы вписаться, и она старалась отдалиться от меня как можно больше, при этом не переставая уговаривать меня записаться в школьные кружки, как это делали все остальные. Лиза занималась легкой атлетикой, баскетболом, участвовала в школьном театре, а совсем недавно ее избрали на роль школьного талисмана – огромной птицы мужского пола по имени Уолли. Мы все ей гордились, потому что конкуренция была неслабая, и она крайне серьезно отнеслась к своей новой роли, тренируясь выплясывать в костюме у нас в гостиной. Пока мы ждали возвращения родителей домой с работы, я наблюдала за ней и давала различные советы по технике исполнения.

– Попробуй сильнее трясти крылом у себя на заднице, – услужливо предлагала я.

– Хвостовыми перьями, – поправляла меня она (с поразительной для человека, у которого на ногах птичьи лапы, снисходительностью) слегка приглушенным из-за того, что на плечах у нее была огромная птичья голова, голосом. – Они называются *хвостовыми перьями*. И раз мы уж тут начали раздавать друг другу советы, то, может быть, тебе стоит прекратить *постоянно* ходить только в черном? Люди думают, что

ты *с приветом*.

– Люди думают, что я с приветом, из-за того, что я часто ношу черную одежду? – спросила я. – *Да ты вообще одета как курица*.

Лиза безразлично пожала плечами.

– Может, и так, но меня *выбрали* одеваться как курица, и когда я завтра пойду в этом костюме по коридору, люди будут улыбаться и давать мне пять. А вот когда *ты* будешь идти по коридору, они будут расступаться и избегать зрительного контакта с тобой, чтобы ты не наложила на них порчу Вуду.

– Ладно, ну, во-первых, никто не может *дать* тебе пять по-настоящему, потому что *у тебя нет рук*. А во-вторых, чтобы наложить на кого-то порчу Вуду, мне бы понадобились его волосы или обстриженные ногти».

– ВОТ ИМЕННО ОБ ЭТОМ Я И ГОВОРЮ! – закричала Лиза, прервав свои птичьи дела, чтобы неодобрительно скрестить крылья на груди. – Ты не должна даже знать, *как* накладывать порчу Вуду. *Это странно*. НЕУЖЕЛИ ТЕБЕ ТАК СЛОЖНО ХОТЯ БЫ ПОПЫТАТЬСЯ БЫТЬ НОРМАЛЬНОЙ?

– Ой, извини… Не могла бы ты повторить последнюю фразу? – попросила я. – Я не расслышала тебя через твою ГИГАНТСКУЮ ПТИЧЬЮ БАШКУ.

Лиза сняла с себя птичью голову, готовясь, должно быть, прочитать мне лекцию, но я не собиралась выслушивать от человека в костюме птицы поучения относительно того, что мне нужно стараться лучше вписаться в окружение, так что я заперлась от нее в туалете. Несколько минут спустя Лиза нерешительно извинилась передо мной через закрытую дверь – скорее всего, она просто вспомнила, что на руках у нее по-прежнему толстенные птичьи крылья, а я – единственный человек в доме, который может расстегнуть на ней костюм, если она захочет в туалет. *Да*, это было жестоко.

> На такие риски приходится идти, когда выменяваешь большие пальцы на популярность в школе.

Наверное, именно поэтому Большая Птица из «Улицы Сезам» ведет себя со всеми так мило. Как бы *приходится* быть милым, когда ты заперт в костюме, и то, сможешь ли ты сходить в туалет, полностью зависит от благорасположения окружающих, у которых есть на руках большие пальцы. В самом деле, если бы у нас вдруг закончились смирительные рубашки, то можно было бы надевать на людей вместо них старые костюмы школьных талисманов. Кроме того, если этим людям удастся сбежать из психушки, то передвигаться им будет не легче, чем в смирительной рубашке,

но выглядеть при этом они будут далеко не так пугающе. Им необязательно будет кричать на перепуганных детишек на автобусной остановке – ведь они будут смотреться как обворожительно задрипанные Маппеты, которые просто потерялись и нуждаются в душе. *Все в выигрыше.* Кроме того, мне кажется, что я только что решила проблему с бездомными[13].

Как бы то ни было, слова моей сестры все равно звенели у меня в ушах на следующий день в школе, и я решила сделать усилие, чтобы вписаться в окружение. Вот как давление, которое я ощущала из-за полученного моей сестренкой птичьего костюма, привело меня к тому, что моя рука застряла во влагалище у коровы. *Вот почему давление со стороны общества – ужасная вещь.* Честно говоря, по этой главе можно было бы снять неплохой подростковый фильмец.

Самым странным в том, что я помогла забеременеть корове в старших классах, было то, что официально на эти занятия я даже не была записана.[14] На большую часть обязательных предметов я отходила в первые два года, так что оставшиеся два года заполнила легкими факультативными занятиями. Я любила искусство, однако уже прослушала три художественных курса, которые предлагались в моей школе, так что мой преподаватель по ИЗО разрешил мне придумать новый. Я выбрала «Дизайн средневековых костюмов», однако после первых полутора месяцев он мне наскучил, так что я переключилась на «Блестки! Самые блестящие пуговицы!», но тут учитель заметил, что у школы нет денег на блестки, да и **я, пожалуй, не готова к продвинутым занятиям по блесткам, раз полагаю, что блестки – это пуговицы**, так что я перестала туда ходить. Вместо этого я записалась помогать школьной администрации и в обед сидела вместо миссис Вильямсон, временной секретарши, чье рабочее место располагалось за соседней дверью средней школы *(7–9-й классы)*, а та проводила обеденный перерыв, выпивая в своей машине. Это была нервная разведенная женщина, в верхнем ящике стола которой всегда валялись невероятно похабные романы, а как-то раз она мне рассказала, что домашние коты съедают своего хозяина через час после его смерти. Она пропала где-то через месяц после того, как я начала ее замещать (я подозревала, что ее просто уволили, но не могла отрицать вероятности того, что ее сожрали собственные коты), и на ее место явился автоответчик, так что никому не было особого дела до того, буду ли я выполнять свои обязанности. Свой час я проводила, скрючившись за покинутым столом миссис Вильямсон и читая оставленные ей развратные книжки, но последняя книга (это был роман Вирджинии Эндрюс, особенно красочные

описания в котором были подчеркнуты карандашом) произвела на меня такое впечатление, что на следующий день я уже не спешила в ее кабинет. Вместо этого я задержалась в с/х амбаре, неторопливо убирая инструменты и сварочный аппарат.

Учитель заметил мою расхлябанность и предложил помочь ему провести урок животноводства и поехать со всеми на экскурсию на местный скотный двор. Это был небольшой класс, состоявший из одних только мальчиков, каждый из которых был одет в джинсы и ковбойские сапоги, и я (вопреки здравому смыслу) сделала глубокий вдох и, сказав: «А почему бы и нет», нервно забралась в небольшой автобус. Я была похожа на гастрольного администратора «Металлики», которого переманил на свои автобусные туры Вилли Нельсон, но парни всячески старались, чтобы мне не было неловко, и, казалось, были впечатлены тем, что я вызвалась поехать с ними. Только по приезде на скотный двор я узнала, что мы будем учиться искусственному осеменению коров. Учитель предложил мне ему помочь, ведь у меня руки потоньше, так что «корове это доставит меньше дискомфорта». Я не совсем понимала, в чем будет состоять моя «помощь», однако все встало на свои места, когда он надел мне на руку резиновую перчатку и натянул ее до самого локтя. Он всучил мне открытый термос с бычьей спермой и наполнил из него кухонную спринцовку.

Наверное, в этот самый момент мне следовало попросту убежать, но что-то было в его взгляде такое, что меня остановило. Это был взгляд мужчины, ожидающего, что девочка сейчас с криками убежит, а он потом сможет над ней вдоволь посмеяться. Ну или же это был взгляд человека, раздумывавшего над тем, как он будет объяснять повару из школьной столовой, что ему *пришлось* дать ее дочке эту сперму, потому что она была единственной, на кого налезал презерватив для руки. Сложно сказать. Как бы то ни было, казалось, он ждал, что я дам деру, и я решила: будь я проклята, если позволю себя осуждать человеку, таскающему с собой термос со спермой.

Так моя рука и оказалась засунутой по локоть в коровье влагалище, а я – выдавливающей сперму из спринцовки на глазах у кучи мальчишек. Это была максимально приближенная к съемкам в порно ситуация в моей жизни. Внезапно влагалище коровы напряглось, и я поняла, что моя рука застряла. Я непроизвольно закричала. Учитель запаниковал, полагая, что корова решила присесть, и сказал мне, чтобы я аккуратно вытащила руку, потому что если корова сядет, то непременно мне ее сломает. Это окончательно меня огорошило; дело было не только в той боли, которую, как я понимала, это могло мне

причинить, но и в том, что мне не очень-то хотелось потом всем объяснять, что «я сломала руку во влагалище у коровы». Я выдернула руку, и корова обернулась – в ее взгляде чувствовалось отвращение. **Тогда-то я поняла, что у меня в руках больше нет кухонной спринцовки.**

Хотелось бы мне сказать, что я, стиснув зубы, произнесла: «*Я ее там не оставлю*» с сосредоточенной решительностью Брюса Уиллиса, как в том фильме, название которого я не помню. В том, что про Армагеддон[15].

Вместо этого я сделала глубокий вдох, задрала вверх голову и со всем достоинством, на которое меня хватило (а это было немного), медленно стянула с себя перчатку и ушла. Никто не позвал меня – наверное, никто из них не мог придумать, как бы поэлегантней сказать: «*Ты забыла спринцовку во влагалище у этой коровы*». Или они просто понимали, что первому же заговорившему придется занять мое место. Я предполагаю, что кто-то все-таки вытащил эту спринцовку (хотя бы ради коровы), но я не знаю этого наверняка, потому что не стала дожидаться, чем все закончится. Я просто вышла на улицу и ждала, пока не покажутся остальные. Я была готова услышать издевательства, но так никогда и не услышала. Ребята были бледные, и их слегка потряхивало, но они смеялись над собственными шутками про быков, а учитель с/х ободрительно похлопал меня по спине, когда мы вернулись к автобусу.

Мы вернулись в школу, как раз когда моя сестра выходила из спортзала, где тренировалась выступать вместе с группой поддержки. Она по-прежнему была одета в костюм Уолли и щеголевато размахивала своими хвостовыми перьями. Увидев меня, она замедлила шаг и пошла рядом со мной по направлению к школе, и пока мы шли в тишине, до меня дошло, что более нелепую на вид парочку сложно себе вообразить.

– Как дела? – осторожно поинтересовалась она. – Ты какая-то странная.

– Я воспользовалась твоим советом насчет того, чтобы вписаться, – сказала я куда более спокойным, чем ожидала, голосом.

– И? – спросила она.

– *И* моя рука застряла во влагалище у коровы, – ответила я, уставившись куда-то вдаль.

Лиза сразу же остановилась и посмотрела на меня, как мне показалось, с разочарованием. Ну или просто она была в шоке. Сложно было сказать из-за этой птичьей башки. Потом она пошла дальше рядом со мной, упорно всматриваясь в окружавшие нас хлопковые поля, словно там можно было найти достойный ответ

на мое заявление.

– Что ж, – сказала она, пытаясь подобрать нужные слова. – *Бывает.* – Она сказала это с таким достоинством, словно внутри ее птичьего костюма сидел крохотный умудренный жизнью Морган Фриман, который подсказывал ей, что отвечать.

– Я чуть не потеряла руку, – добавила я, поддерживая разговор, и в мой голос закралась легкая истерическая нотка. – Я чуть не потеряла свою руку *внутри коровьего влагалища*.

Я несколько преувеличивала, однако к этому моменту я чуть ли не подбивала ее на ссору, так как мне начинало казаться, что немалая часть ответственности за случившееся лежит на ней.

Она осторожно кивнула, и ее клюв стал раскачиваться вверх-вниз, явно настроенный продолжать разговор в нормальном тоне.

– *Внутри* коровьего влагалища, говоришь? Что ж, это… это просто невероятно, – сказала она с той же интонацией, с которой говорят, что вот-вот похолодает или что лошади не умеют блевать. – Итак, – она выдержала паузу, – *возможно*, ты неправильно поняла мой совет.

Я смерила ее взглядом.

– Но знаешь, что? Именно из таких моментов и состоят воспоминания о старших классах, не так ли?

Она приподняла свои крылья и попыталась, как я поняла, изобразить «джазовые ладошки»[16].

– *Ура воспоминаниям?* – неуверенно сказала она несколько извиняющимся тоном.

И вот тогда я ее ударила.

Но лишь мысленно, потому что, по правде говоря, начать день с застрявшей в коровьем влагалище руки и закончить его избиением человека в костюме птицы было бы уже слишком даже для меня.

Тем не менее в каком-то смысле она была права… действительно *нужно* наслаждаться своими старшими классами и ценить их, потому что *будешь* помнить их до конца жизни.

> Например, когда попадешь в тюрьму или грабители приставят пистолет к твоему виску, ты сможешь сказать про себя:
>
> «Что ж, ну я хотя бы не в старших классах».

Старшие классы – это днище, и они даются нам жизнью для того, чтобы было потом с чем сравнивать. Я знаю это, потому что как бы дерьмово все ни было, я всегда могу оглянуться назад и сказать: «Ну хотя бы у меня не застряла рука в коровьем

влагалище».

Насколько я знаю, не существует фотографии меня с застрявшей в коровьем влагалище рукой, но зато у моих родителей тонны фотографий с моей сестрой в костюме птицы. Думаю, мне не нужно вам объяснять, кто в нашей семье был любимчиком.

На самом деле эта фраза стала как бы моим жизненным кредо. Еще я произношу ее, когда не могу подобрать слова в разговоре с людьми, скорбящими по поводу смерти бабушки или дедушки. «Ну хотя бы у тебя рука не застряла в коровьем влагалище», – шепотом говорю я такому человеку, пытаясь как-то подбодрить, и похлопываю его по руке. И это работает, потому что так оно и есть, а еще потому, что, представив себе нечто столь неприятное, они сразу же перестают плакать. Наверное, они видят в этом одну из величайших прописных истин жизни. Ну или все дело в том, что большинство людей не рассказывают про застрявшие в коровьем влагалище руки во время похорон. Сама толком не знаю. Меня не так часто приглашают на похороны.

ДОПОЛНЕНИЕ: Когда я только написала эту главу, то поняла, что людям будет не так просто во все это поверить, так что я нашла контакты своего бывшего школьного директора и отправила ему по электронной почте это письмо (здесь оно сокращено), которое только доказывает, что мне следует запретить пользоваться электронной почтой, когда я выпью:

> …Я тут подумывала написать про искусственное осеменение коров, но проблема в том, что у меня

хреново с памятью, и я не могу вспомнить все детали. Наверное, я просто подавила эти воспоминания. Ну или все дело во всей той наркоте, которую я принимала в колледже.

Вот как я помню это: резиновая перчатка по локоть и кухонная спринцовка, которая засовывалась корове во влагалище. Готова поклясться, что мы именно так это и делали, однако, насколько я знаю, теперь предпочтительным является ректовагинальный метод. Может, я что-то путаю? Потому что, уверена, я бы запомнила, если бы засовывала руку корове в задний проход. Но опять-таки мне приходится расспрашивать своего школьного директора о подробностях того, как я проводила искусственное осеменение корове, так что, очевидно, на мои воспоминания не стоит полагаться полностью.

А не осталось ли каких-нибудь фотографий того, как это делается? Я понимаю, что это, пожалуй, самая странная просьба, которую вы получали от бывшего ученика, и заранее приношу за это извинения.

Я также приношу извинения за то, что посылаю вам письмо, в котором есть слово «ректовагинальный». Могу вас заверить: я сама этого не ожидала.

Обнимаю,

Дженни

Отправив это письмо, я тут же поняла, насколько оно было неподобающим, так что позвонила Лизе и сказала: «Слушай, я тут, по ходу, только что отправила нашему школьному директору письмо со словом «*ректовагинальный*»», а она была такая вся: «*А это кто?*», и я была такая типа: «Нет, *серьезно*. Это. Только что. Произошло». Перестав биться головой о письменный стол, она заметила, что я так ничего и не усвоила, и согласилась с тем, что мне, пожалуй, следует позвонить его секретарше и попросить ее удалить письмо из его аккаунта, пока он его еще не открыл. Было, однако, слишком поздно, потому что он сразу же его открыл и ответил, и, казалось, он совершенно не был удивлен. Он заверил меня, что в начале девяностых практически *никто* не делал это ректовагинальным способом, и это было правдой во всех смыслах. Он поискал фотографии, но ничего не нашел – наверное, никому не приходило в голову фотографировать несовершеннолетних девушек, засунувших руку во влагалище корове. Наверное, **потому, что эти фотографии с большей вероятностью попали бы в хранилище для вещественных доказательств**, чем в

фотоальбомы воспоминаний о золотом детстве.

Нарисуй мне гребаную собаку

Предупреждение: Моему агенту и издателю эта глава не нравится, потому что она про то, как я принимала наркотики (неумело), и она не особо вписывается во всю остальную книгу, но я возразила, что «наркоши проникнутся», а не «наркоши испытают самодовольство и гордость своим жизненным выбором», когда ее прочитают, так что я, по сути, бью сразу по всем группам читателей. Но тогда они мне сказали, будто бы я написала слишком невнятно и запутанно, чтобы делать из этого полноценную главу. Может, они и правы. Вот почему эта глава вовсе не полноценная. Это бонусная история, которую можно пропустить, – она нужна для того, чтобы вам казалось, будто за сегодня вы сделали больше, чем на самом деле. Так что вы можете подчеркивать отдельные фразы и делать пометки для себя на полях, чтобы люди в метро думали, будто вы либо очень умны, раз читаете в метро учебник, либо достаточно богаты, чтобы использовать книги в твердом переплете для заметок. Вам не разрешается, однако, осуждать эту главу, потому что это не полноценная глава. В качестве заметки, однако, могу сказать, что она охренительно впечатляющая.

Особая заметка для моих детей-подростков, которые, возможно, у меня когда-нибудь будут: все, кто принимает наркотики, полные мудаки. Не принимайте наркотики. Из-за них вы умрете, и у вас отвалятся сиськи. Это случилось с вашей тетей Ребеккой, и именно поэтому вы никогда про нее ничего не слышали. Но мы храним ее сиськи в коробке, чтобы не забывать об этом ужасном уроке, и если я хоть раз почую, что от вас пахнет травкой, я надену их на вас во сне, и вы проснетесь с сиськами мертвой женщины на лбу. Что ж, можете переходить к следующей главе, потому что сейчас я расскажу, как занималась сексом с вашим отцом.

ПРЕДИСЛОВИЕ: *На самом деле тут нет никакого предисловия. Просто я хотела понять, сколько абзацев смогу впихнуть, прежде чем начать саму главу.*

Дополнительное предисловие: *Четыре. Оказалось, что*

четыре.

Мне было восемнадцать, когда я первый раз попробовала кислоту *(ЛСД)*. И это было здорово. И одновременно ужасно. А еще я была немного идиоткой, потому что додумалась специально выждать, пока пройдет целая неделя после моего совершеннолетия, означавшего, что меня в случае чего будут судить за хранение наркотиков как взрослую.

Мой друг Джим баловался кислотой с пятнадцати лет, и меня завораживали его рассказы про эксперименты с ЛСД, в том числе недавнее наркотическое откровение, что **всех людей объединяет друг с другом наличие сосков.**

– В смысле… У нас у *всех* они есть, не так ли? – возбужденно спросил он меня. – И разве есть какое-то другое *возможное* объяснение наличия у мужчин этих бесполезных частей тела, кроме как того, что это неоспоримое доказательство *единства* мужчин и женщин в этом гигантском космическом бульоне, который мы все называем вселенной?! Мужчины и женщины… *мы все едины!* Просто все относительно!

Он назвал это откровение «Теорией относительности», но кто-то заметил, что она уже существует, так что он неохотно изменил название на «теорию относительности Джима». Тогда она показалась мне гениальной, только я была пьяная в стельку.

Меня одновременно пугала и очаровывала идея о существовании целого мира, известного лишь тем, кто закидывается кислотой, и я была совершенно заинтригована присущим Джиму наркоманским жаргоном, которым он очень ловко владел. Мне не терпелось «обзавестись» связями в наркобизнесе и казалось, что единственный вариант, при котором бы я могла честно использовать эту фразу, – это начать спать с каким-нибудь аптекарем или встретить человека, время от времени приторговывающего спидами *(амфетамины)*. Второй вариант казался мне более простым и уменьшал риск заразиться какими-нибудь венерическими заболеваниями. К тому же у меня не было знакомых аптекарей.

Джим как-то рассказал мне про случай, когда он ждал у себя дома, пока за ним заедут друзья, чтобы вместе закинуться кислотой. Он решил не терять зря времени и принять ЛСД, пока его мама смотрела в соседней комнате телевизор. К сожалению, друзья тоже решили принять кислоту заранее, и, обдолбавшиеся, поехали на машине забирать Джима, что было бы крайне глупо и опасно, **если бы на самом деле они не сидели за обеденным столом, только** *думая,* **будто едут в машине,** – так что это было не так уж опасно и просто крайне глупо. Они просидели за этим

столом все следующие четыре часа, потому что никто не знал, где педаль тормоза, и выходить из машины было страшно. По сути, это была самая долгая поездка на машине без участия машины. Тем временем Джим в своей комнате взял ручку и стал рисовать в телефонной книге. Только он накорябал человечка, как этот человечек ожил и сказал:

Чувак. Нарисуй мне гребаную собаку.

Тогда-то Джим понял, что наркотики подействовали, а когда немного погодя в комнату зашла мама Джима, огромный орел пролетел мимо нее и приземлился к нему на кровать. Джим говорил, что нарисованный человечек начал вопить, но он не обращал на него внимания, потому что *был* обдолбан, но не настолько, чтобы не понимать: если он начнет разговаривать с рисунком в телефонной книге, то это будет выглядеть подозрительно.

Джим заметил, что мама смотрит на него настороженно, но уже был настолько обдолбан, что не помнил, задал ли он *ей* вопрос, на который она не ответила, или *она* задала вопрос, на который он не ответил. Ему показалось, что будет еще более странно, если он задаст ей еще один вопрос, особенно учитывая то, что он не помнил вопроса, который на самом деле ей и не задавал. Так что они просто сидели, продолжая играть в эти весьма неловкие гляделки. Тогда нарисованный человечек заметил, что если орел не был галлюцинацией, то его мама должна была сразу понять, что он под кайфом, потому что кто станет говорить: «*Ой, да нет ничего странного в том, что здесь сидит этот орел*»? Джим нервно засмеялся и попытался посмотреть на свою маму взглядом, который, как он надеялся, говорил что-нибудь вроде: «Ух ты. Наш мир – странное место, где орлы могут приземляться тебе на кровать, а могут и не приземляться, не правда ли?»

Но на самом деле он, должно быть, говорил что-то ближе к «*Срань господня, как же я, на хрен, обдолбался*», потому что на следующий день мама Джима отправила его в местный психиатрический/реабилитационный центр, который помог ему найти Бога и познакомил с куда более серьезными наркотиками, чем те, которые можно найти на улице. Когда он вернулся, то только и говорил, что про карбонат лития да про Иисуса, и когда я упомянула, что мне очень хочется попробовать ЛСД, он закатил глаза, словно был знатоком вина, у которого я только что спросила, как лучше всего раскупорить бутылку портвейна.

НАРКОШИ ПОРОЙ НА УДИВЛЕНИЕ ЛЮБЯТ

ОСУЖДАТЬ ДРУГИХ. ПОЖАЛУЙ, ТОЛЬКО В ЭТОМ КРУГЕ ОБЩЕНИЯ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ТОЛЬКО ЧТО ВКАЛЫВАЛИ ДРУГ ДРУГУ В ЗАДНИЦУ ЛОШАДИНЫЙ ТРАНКВИЛИЗАТОР, МОГУТ НА ПОЛНОМ СЕРЬЕЗЕ СМОТРЕТЬ НА ТЕБЯ СВЫСОКА, ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ ТАКОЙ КРУТОЙ, КАК ОНИ.

Если, конечно, не существует какого-то клуба фетишистов-любителей лошадиных клизм, в чем я сомневаюсь. Погодите, дайте-ка я гляну в Интернете.

Срань господня. Не нужно вбивать этого в поиск, ребята.

К счастью, когда тусуешься с наркошами, в конечном счете непременно натыкаешься на идеального барыгу, и для меня таким стал Трэвис. Это был длинноволосый блондин за двадцать, который жил вместе с родителями. Казалось, он всегда знал кого-то, у кого были наркотики, однако почти никогда не принимал их сам, что делало его не таким уж и настоящим барыгой, но каждый раз, когда нам с друзьями была нужна травка, мы звонили ему, потому что больше нам достать ее было негде. Он был скорее посредником, оберегавшим нас от встречи с «настоящими барыгами» – **в нашем представлении это были здоровенные злобные чернокожие с проколотыми ушами и пейджерами, которые непременно бы нас засмеяли. До смерти.** В моем представлении все озлобленные чернокожие были отморозками, которые таскают с собой ножи с откидным лезвием и у которых бывают имена вроде «Чарли Петарда». (На самом деле тогда у меня не было ни одного знакомого чернокожего, что должно быть и так понятно, если судить хотя бы по одному этому абзацу.)

У одного моего знакомого был дом в пригороде, и он предложил устроить у него небольшую ЛСД-вечеринку для меня и еще нескольких людей из нашего круга, которые тоже никогда раньше не закидывались кислотой. Так что мы позвонили Трэвису и попросили его привезти столько кислоты, чтобы ее хватило на нас шестерых. Трэвис приехал и сказал, что наркотики в пути, и где-то пятнадцать минут спустя подъехала машина доставки пиццы. К двери подошел курьер с грибной пиццей и неразрезанным листком, пропитанным кислотой. Курьер, которому было под двадцать, был ниже меня где-то на полметра, и кожа у него была белая-пребелая, хоть серьги и пейджер у него и *были* (что было весьма впечатляюще, так как дело было в начале девяностых, – хотя, наверное, пейджер ему был нужен лишь для того, чтобы принимать заказы на пиццу). Звали его Джейкоб. Позже Трэвис рассказал мне, что кто угодно может покупать у Джейкоба кислоту, если назвать «кодовую фразу»,

когда звонишь заказать пиццу. Тогда я думала, что это что-то в духе «Плаща и кинжала», например: «Одну пиццу с пепперони без корочки» или «Большой сырный хлеб*, и птицы пролетают в полночь*», но на самом деле нужно было, наверное, просто сказать: «И попросите Джейкоба принести кислоты», потому что, по правде говоря, с воображением у них у всех были проблемы.

Джейкоб продал Трэвису кислоту по четыре доллара за дозу, а потом Трэвис провернулся и продал ее нам по пять долларов за дозу, что было немного нелепо, да и прибыль получилась у него мизерная. Мы закинулись кислотой, и Трэвис сказал, что если накинуть ему еще десятку, то он останется и присмотрит за нами, чтобы мы случайно не отрезали себе руки. Я ни капли не беспокоилась по этому поводу, пока он об этом не упомянул, но теперь мысль была посеяна у нас в головах, и **я ни капли не сомневалась, что как только он уйдет, мы все начнем дружно отрезать себе руки**, так что я протянула ему десять баксов. Трэвис предупредил нас, что если нам вдруг покажется, будто соседские коты мысленно нам угрожают, то, скорее всего, это не так. А еще он попросил нас не пялиться на солнце, потому что от этого мы ослепнем (что, может, и оказалось бы полезным советом, не будь на часах десять вечера).

– Оседлайте зверя… не позволяйте зверю оседлать себя, – посоветовал нам наш мудрец.

По правде говоря, я переживала, что кислота и вовсе на меня не подействует. Я уже курила травку до этого, однако так и не почувствовала полного головокружительного прихода, про который мне все так красочно рассказывали. Я испытала все возможные побочные эффекты, но кайфа – почти никакого. В то время как мои друзья, развалившиеся в мягких плетеных креслах, были погружены в безрезультатные поиски рифмы к слову «апельсин», я слопала целую коробку печенья и начала загоняться, что соседи вызвали копов.

«ШМАПЕЛЬСИН!»

завопила я, судорожно брызгая освежителем воздуха, чтобы скрыть запах.

– Шмапельсин рифмуется с апельсином. *А теперь помогите мне кто-нибудь подпереть дверь холодильником!*

Никто мне так и не помог.

То, что мне никак не удавалось накуриться, скорее всего, было связано с тем фактом, что я не могла удержать дым в легких. Многие говорят, что если кашляешь, когда куришь травку, то вставляет еще больше, но эти люди лжецы. Я делала затяжку, и едкий дым начинал жечь мне глотку, словно раскаленная

докрасна кочерга, и я начинала кашлять, как больной эмфиземой шахтер. У которого к тому же туберкулез. Ну и… Я не знаю… птичий грипп. Что там есть похуже туберкулеза? Что бы это ни было, звук был такой, как будто я этим болею. И еще я постоянно вдыхала попадающиеся в траве семена, а все мои друзья были слишком обсажены, чтобы просто произнести слова «прием Геймлиха», так что каждая затяжка была сродни игре в русскую рулетку и провоцировала несколько минут истошного кашля, из-за которого я обрызгивала всех вокруг, как мне казалось, кусочками своих разорванных легких. Не думаю, что кто-то курил травку менее сексуально, чем это делала я.

– Все нормально там у тебя? – спрашивал кто-то.

– Когда так кашляешь, вставляет сильнее, – соврала я таким голосом, словно проглотила горсть гравия. – Нужно кашлять как можно сильнее, пока не почувствуешь, что вот-вот стошнит. Кажется, я прочитала об этом в «Роллинг стоун».

К тому времени все были обдолбаны настолько, что это звучало правдоподобно, так что *они* начали кашлять специально, и по всей машине стала брызгать слюна, и в итоге кого-то чуть не стошнило. А потом мы все смеялись. Потому что забавно, когда тебя чуть не стошнило, если ты при этом под кайфом и весь в чужой слюне.

Тем не менее, хотя у меня и был чуть ли не иммунитет к травке, я никогда не отказывалась от протянутого мне косяка, так как это помогало мне занять руки при общении с окружающими. Я была все еще страшно стеснительной и охотнее согласилась бы переспать с ослом, чем вести непринужденную беседу с малознакомыми людьми.

> *Вся прелесть марихуаны в том, что она моментально объединяет людей.*

Всего две минуты назад ты стояла рядом с незнакомцами в неловкой тишине, потому что завела разговор про фаллоимитаторы, а потом кто-то шепотом сказал, что брат девушки, у которой ты в гостях, умер от несчастного случая с фаллоимитаторами, и тебе стало неловко от того, что ты затронула столь больную тему, но в то же время тебя стало раздирать любопытство, потому *как вообще можно умереть от несчастного случая с фаллоимитаторами?* Разве что ему упала на голову коробка с ними. Но ты боишься спрашивать, потому что тебе и без того не по себе, так как это ты заговорила про фаллоимитаторы, а они, возможно, каким-то образом убили человека, и ты мысленно говоришь себе, что лучше вообще не упоминать про фаллоимитаторы на вечеринках, но знаешь, что не

прислушаешься к собственному совету, и в следующий раз, когда в разговоре возникнет пауза, ты непременно решишь заполнить ее, рассказав про знакомую девочку, брат которой умер из-за несчастного случая с фаллоимитаторами. И потом вспомнишь, что рассказываешь все это как раз той самой девочке. Затем, когда ситуация станет настолько напряженной, что ты уже начнешь подумывать, а не пырнуть ли кого-нибудь ножом под колено, чтобы всех отвлечь, и убежать, кто-то достанет пакет с травкой – и все немедленно будет забыто. Вот вы стоите, прижавшись плечом к плечу, и наблюдаете за обрядом сворачивания косяка, и окружающие дают советы, и предаются воспоминаниям об ароматизированной бумаге для скручивания, и протягивают свои драгоценные зажигалки «Зиппо». Люди, всего несколькими минутами ранее брезгливо раскладывавшие туалетную бумагу на сидушке унитаза, теперь радостно затягиваются смоченными слюной дюжины незнакомцев косяками и рассказывают про свое неудачное обрезание, – **как будто когда-то давно все мы вместе отслужили в армии.**

Чтобы оставаться честной до конца, скажу, что *один* раз мне все-таки удалось накуриться *по-настоящему*. Я покурила мексиканской травки со своей подругой Ханной, к которой меня тянуло, потому что нам обеим нравилось носить платья в кукольном стиле, рваные колготки и берцы. Мы презирали всех остальных в городе, тех, кто шел за стадом и боялся быть таким же особенным и ни от кого не зависящим, как мы, две девчонки-гота, *одетые совершенно одинаково.*

Когда Ханна была маленькой, она таскала с собой повсюду одну из этих кукол, которых нужно поить из бутылочки, чтобы они писали, – но Ханна просто откручивала своей кукле голову и наполняла под завязку водой из садового шланга. Еще она обходилась без специальных подгузников и просто сжимала раздутую талию куклы, и добрые два литра «мочи» фонтаном выливались из примитивного пластикового мочевого пузыря куклы прямиком в соседские кусты.

– Это она в отца, – объясняла Ханна. – Долго в ней ничего не задерживается.

> В конце концов шея куклы растянулась, потому что ее голову слишком часто откручивали, и туловище потерялось, но Ханна сохранила ее голову – возможно, в качестве напоминания о том, что ей, пожалуй, не стоит обзаводиться детьми.

А потом Ханна повзрослела, и мы прошли через ту стадию, когда делаешь бонг[17] из всего, что попадается под руку:

жестяных банок из-под газировки, лампочек, дынь. В тот вечер в качестве бонга мы использовали голову той самой куклы (я практически уверена, что подобное предложение впервые используется в мемуарах. Остается только надеяться. Я бы проверила в Интернете, однако, по правде говоря, вся эта хрень с фетишистами – любителями лошадиных клизм и без того напугала меня до усрачки, так что больше я туда ни ногой). Мы проделали дырки в голове куклы, положили туда ситечко, подожгли травку и выкурили ее, затягиваясь через алые кукольные губки. После нескольких затяжек я поняла, что хихикаю, у меня кружится голова, и меня тошнит… И я *определенно* обдолбана. Ханна самодовольно заявила, что дело в ее особой мексиканской марихуане, но я подозреваю, что все благодаря токсичному дыму от обгоревшего пластика. Как бы то ни было, полученный эффект, как мне показалось, стоил сопутствующего риска заболеть раком, потому что я впервые в жизни была под кайфом, и мне не хотелось расстраивать Ханну, потому что, по правде говоря, сделанный ею бонг был вершиной мастерства, и я решила, что буду как тот первый человек, который сказал Леонардо да Винчи: «*А почему такая маленькая?*», увидев «Мону Лизу». Вот какие мысли блуждали у меня в голове в тот вечер, когда я приняла кислоту, которую подогнал нам разносчик пиццы.

Ух ты. История и правда получилась запутанной. Что ж, наркотики всему виной.

Как бы то ни было, мне пришлось ждать два часа, пока кислота подействует, и я почувствовала только легкое головокружение и уже смирилась было с тем фактом, что обдолбаться могу лишь от горящего скальпа куклы своей подруги. Потом внезапно все стало восприниматься как-то иначе. Мое тело зачесалось и как-то напряглось, и я поняла, что у меня начался либо приход, либо грипп. Я обратилась к Трэвису, и он заверил меня, что это абсолютно нормально, и все дело в стрихнине. И я была такая вся:

– Ах… В стрихнине? Типа… *той штуке, что добавляют в крысиный яд?*

И Трэвис невозмутимо ответил:

– Ага. В кислоту добавляют немного стрихнина, чтобы она лучше держалась на бумаге, и из-за него начинаются небольшие конвульсии, однако этого количества недостаточно, чтобы тебя убить, так что расслабься.

И тут я такая типа:

– Я ПОЧТИ УВЕРЕНА, ЧТО НЕ СТОИТ ГОВОРИТЬ ЛЮДЯМ ПОД ЛСД, ЧТО У НИХ КОНВУЛЬСИИ ИЗ-ЗА КРЫСИНОГО ЯДА,

ТРЭВИС. – Но я не сказала этого вслух, так как внезапно испугалась, что мои крики не *сойдут с* моего языка, а *войдут* в него, из-за чего он распухнет и я задохнусь, и вот тогда-то я поняла, что, скорее всего, обдолбалась.

Потом я отвлеклась, потому что услышала какой-то звон, и стала без конца всех просить замолчать, чтобы понять, откуда он доносится, однако все были слишком заняты облизыванием стен: по их словам, ощущение было такое, будто лижешь карамельку. Я хотела было уточнить, что карамелька эта сделана из токсичной краски на основе свинца, но тут же вспомнила, что мы все только что проглотили крысиный яд, так что терять нам уже нечего, и если мы выживем, то это только сделает нас сильнее.

Потом я снова услышала звон и принялась ползать на коленях по дому, так как подумала, что, быть может, смогу попасть *под* звуковые волны, издаваемые моими упоротыми друзьями, которые в настоящий момент были в ужасе от осознания того, что никому не суждено увидеть собственное лицо таким, каково оно есть, поскольку «зеркалам доверять нельзя». Я задумалась о том, догадался ли Трэвис спрятать кухонные ножи, и собиралась было найти его и спросить, как вдруг снова услышала звон. Трэвис безрезультатно пытался вырвать у одной из девочек консервный нож и выкрикивал:

– *Да возьмите уже кто-нибудь этот гребаный телефон!*

В этот-то момент до меня и дошло, что это был за звон.

И еще в ту минуту я прониклась потрясающей красотой звука звонящего телефона, который, как я теперь понимала, можно по-настоящему оценить, только будучи под кайфом. Даже сама *концепция* телефона казалась мне теперь куда более значимой. *«На другом конце провода может оказаться кто угодно*, – подумала я про себя. – *Это может быть Мистер Ти или один из Громовых котов»*. От всех этих возможностей голова шла кругом. Я подняла трубку и стала вслушиваться в звуки статических помех разделявшей нас пустоты.

– *Алло?* Трэвис? – спросил мужчина на другом конце провода.

Я:

– Нет, это не Трэвис. А это Громовой кот?

– *Кто?* – переспросил мужчина. Казалось, он был очень недоволен.

– Кажется, мы оба ошиблись номером, – сказала я и собралась было повесить трубку, но этот не Громовой кот начал вдруг истошно кричать; впрочем, я не могла разобрать ни слова и решила, что он просто злится из-за внезапного разочарования, в которое его повергла мысль о том, что он никогда не будет Громовым котом. Потом я вдруг осознала реальную вероятность

того, что я и вовсе ни с кем не разговаривала и что все это было лишь плодом моего воображения. Может быть, я даже по телефону не разговаривала. Может быть, я просто стояла и говорила по яблоку. Ну или по хомяку. Тут я поняла, что, будь это хомяк, он бы непременно зарылся мне в ухо и сгрыз мою ушную раковину, так что я бросила его на пол и ушла, а Трэвис был такой весь:

– Кто звонил?

И я такая типа:

– Это был *не* Громовой кот. *Возможно*, это был хомяк. У меня все в порядке с ухом?

Думаю, в этот момент Трэвису следовало просто включить автоответчик, только, как мне кажется, он и сам закинулся кислотой, – дело в том, что он как будто таял прямо на глазах, а согласно моему опыту, с большинством людей не под наркотой такого не случается. И тут меня начало тошнить. Я сказала:

– Ой. Кажется, меня сейчас вырвет.

А Трэвис сказал:

– Да нет, тебе только *кажется*, что тебя сейчас вырвет.

И я такая типа:

– Господи, *какое* облегчение.

И потом меня вырвало. Прямо на ноги Трэвису. Тогда Трэвис дал мне почти что пустой пакет с чипсами, чтобы в него блевать, я уселась в темной комнате, и меня рвало – сильно рвало. Настолько много, что мне даже казалось, будто меня рвет едой, которую я никогда не ела. Трэвис поставил композицию *L.A. Woman* группы Doors, потому что, по его словам, от нее мне должно было полегчать, и мне *действительно* полегчало, если не считать того факта, что весь дом растворялся у меня на глазах, наполненный призраками и волосатыми гоблинами. Кроме того, **я была практически уверена, что во всех шкафах разожжены костры**, и каждый раз, когда песня подходила к концу, меня снова рвало, Трэвис это слышал и запускал песню сначала.

Это повторялось каждые пять секунд на протяжении следующих четырех часов.

И все-таки в какой-то момент между топтанием воображаемых костров и сном, в который я таки погрузилась, на меня нашли ясность и вдохновение. Знаю я это, потому что, когда проснулась рядом с заполненным пакетом из-под чипсов, то увидела написанную кем-то на стене обличительную речь в адрес Смурфиков, причем почерк был мой. Кроме того, я несколько раз написала свое имя на стене – видимо, я не хотела, чтобы кто-нибудь присвоил себе сделанное мной открытие, что Смурфики на самом деле – мирные коммунисты-бисексуалы. Вот в тот

момент я и осознала, что наркотики – это плохо, и больше никогда в жизни их не принимала.[18]Потом я ушла и решила обзавестись новыми друзьями, но перед этим стерла свое имя со стены и заменила его на «Трэвис». Я подозревала, что он может попытаться все свалить на меня, так что поставила сердечко, так как все знали – я не тот человек, который просто так рисует сердечки. Впрочем, Трэвис тоже. Наверное, тогда меня еще не до конца отпустило.

> Как бы то ни было, смысл в том, что наркотики – это плохая идея, если только не использовать их, чтобы отвлечь окружающих от постыдных историй про фаллоимитаторы.

А еще в том, что – если отбросить в сторону рвоту, паранойю и чувство стыда – на самом деле это было прямо как в жизни. Ты хочешь, чтобы тебе позвонил Громовой кот Лайон-О, но вместо этого тратишь кучу времени, попусту переживая, что внутри тебя застрянет хомяк. Все это можно назвать своеобразной метафорой нашей жизни. Очень, очень неудачной метафорой.

Вот почему Нил Патрик Харрис стал бы самым успешным серийным убийцей

Через неделю после того, как мне стукнуло двадцать один, я приняла ряд хороших решений. Я так и не напилась (потому что пьянство потеряло свое очарование, как только оно стало законным), и я по-настоящему сосредоточилась на своей анорексии – лучшем психическом заболевании на свете, потому что пусть ты и моришь себя голодом, но хотя бы выглядишь сексапильно. Только вот волосы выглядят паршиво, потому что выпадают клочьями, и не спишь по ночам, не переставая думать о том, что твои тазовые кости торчат слишком сильно, и еще представляешь себе, до чего будет больно, если подровнять их теркой для сыра. Погодите, я сказала *«хорошие решения»*? Давайте-ка начнем сначала.

Через неделю после того, как мне стукнуло двадцать один, мне было скучно, я была трезвой и отощавшей до той степени, когда люди начинают думать, что ты либо сидишь на героине, либо умираешь от рака. На часах было девять вечера, когда я решила выбраться из дома, так что я накинула пальто, села за руль и поехала в близлежащий город в единственный книжный магазин, который был открыт в столь поздний час. Моя детская любовь к романам ужасов отозвалась непродолжительным увлечением колдовством (которое длилось достаточно, чтобы я поняла, что мои заклинания и привороты ни разу не сработали. Когда нужно было «размахивать белой свечой над разломанными семенами», я, пожав плечами, махала папиным фонариком над банкой с арахисовым маслом. В конечном счете я постановила, что от колдовства нет никакого проку; впрочем, честно говоря, вполне вероятно, что проблема была не столько в заклинаниях, сколько в том, что из меня очень паршивый повар**. Кроме того, это было арахисовое масло, перемешанное с желе**, что значительно экономило время, – но друиды вряд ли имели в виду именно его).

Итак, в книжном магазине я отправилась в отдел с книгами об оккультизме, и в кои-то веки я была там не одна – рядом стоял парень приблизительно моего возраста, который не сводил с меня глаз. Кроме того, он был практически вылитый Доктор Дуги Хаузер*.

*** Специальное примечание для читателей, которые родились после 1990-го: 1) Я вас ненавижу. Пожалуйста, хватит уже так хорошо смотреться в шортах; 2) «Доктор Дуги Хаузер» – один из первых сериалов, в которых снялся Нил Патрик Харрис. Это было до того, как он стал такой горячей штучкой. Да я даже тогда не была в него влюблена. А потом он признался, что гей, и внезапно стал просто сексуальным, и все девочки на свете захотели с ним переспать. Так вот устроены девчонки. У нас тоже нет этому объяснения.**

Двойник (пускай и не подозревающий об этом) Дуги Хаузера был одет в джинсовую куртку, так что я почти не сомневалась, что он гей, но дело было в девяностых, так что все могло быть. Он не переставал на меня пялиться, и каждый раз, когда я брала книгу, он мимоходом замечал: «О, у меня есть эта книга». Это жутко раздражало, и мне захотелось найти какую-нибудь книгу про тампоны, чтобы от него отделаться, но это был книжный магазин небольшого городка, так что если бы книги о том, как колдовать с помощью тампонов, и существовали, они вряд ли бы здесь нашлись. Потом Дуги улыбнулся, взял книгу по астрологии и *спросил, какой у меня знак зодиака.* Он клянется, что такого никогда не было, *но именно так и было*. И все это время я не переставала думать: *«Да этот парень просто меня преследует»*. Он же думал: *«Я женюсь на этой девочке»*. Главным образом потому, что **у него был сон, в котором он женился на девочке в определенном пальто, и на мне тогда было именно такое** (должна заметить, что я носила это пальто лет с пятнадцати – мне купили его, когда мама лежала в больнице с грыжей, и ее так вставило обезболивающее, что она такая: «Дженни нужно новое пальто», в чем мой отец должен был распознать наркотический бред, потому что *нам никогда не покупали новые пальто*, однако он действительно повел меня в магазин и купил мне новое пальто, и я была такая вся: «Ой, мне и шляпа новая нужна». А когда мы вернулись в больничную палату, моя мама была все еще под морфином, и была такая вся: «Эй, чудная шляпа!» Потом два дня спустя действие лекарств прекратилось, и она была вся такая: «*Какого?* Я тут провела один день без сознания, и теперь все внезапно помешались на шляпах?!»).

Дуги Хаузер заметил мое пальто в тот момент, когда я переступила порог книжного, и зациклился на том, как бы узнать, кто я такая. Я отказалась говорить ему свою фамилию и давать номер телефона, я ясно дала ему понять: «*У меня есть парень*»,

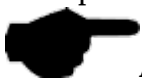
потому что не хотела, чтобы он ходил за мной следом. Дуги представился Виктором и сказал, что я впустую потрачу деньги, если стану покупать что-то из этих книг, так как они все есть у него, и он с радостью даст мне их почитать. Я отвечала, что у меня нет с собой денег и на самом деле я планировала их стащить. Последнее было враньем, но он искренне прыснул со смеху, что было приятно, поскольку обычно мужчины, с которыми я завожу разговор, смеются только неловко. Он взял книгу, которую я держала в руках, и поставил ее обратно на полку.

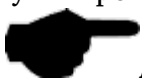
– Ты слишком восхитительная, чтобы отправиться за решетку. Пойдем ко мне в общагу, и ты сможешь украсть их у меня.

Так я и сделала.

Потому что, очевидно, никогда не видела ни одного из этих фильмов, в которых всяких тупорылых студенток расчленяют серийные убийцы.

А *еще* потому, что никто не станет подозревать Нила Патрика Харриса в том, что он собирается тебя укокошить.


А *еще* потому, что он меня рассмешил, как бы я этому ни противилась.


А *еще* потому, что я всегда мечтала заполучить друга-гея, который научит меня пользоваться накладными ресницами и делать минет.

На самом деле главным образом из-за последнего.

Удивительно, но Виктор даже не попытался меня расчленить, у него *действительно* оказались все те книги, про которые он рассказывал в книжном. Еще у него была самая большая коллекция курток, которую я только видела у мужчины (три штуки). Он был старше меня всего на пару месяцев, но вел себя так, как будто был намного взрослее и мудрее, чем все мои сверстники, так что мы быстро подружились. Он был одним из самых ярых республиканцев, которых я когда-либо встречала, но не переставал меня удивлять тем, что выходил за рамки любых стереотипов, в которые я пыталась его уместить. Он удивительным образом сочетал в себе татуированного учителя кунг-фу, ходячий цитатник «Звездных войн» и стильно одетого компьютерного хакера.

Он также был первым встреченным мной человеком, у которого в комнате был проведен Интернет*,

***Особое примечание для тех же самых людей,**

которые родились после 1990-го: Я знаю. Заткнитесь.

и я сразу же стала его использовать, чтобы смотреть фотографии трупов, потому что скачивать порно у него на глазах мне было как-то неловко. Казалось, он был увлечен моей странностью – так бывает увлекательно поглазеть на жертв автомобильных аварий. Полагаю, в конечном счете он понял, что я не из тех девушек, которых ему пророчили родители, но он был упрямым и не собирался позволить моим выходкам себя оттолкнуть.

Мы ходили в один и тот же колледж в соседнем городке Сан-Анджело, и в обед я подолгу сидела у него в комнате в общежитии, где мы разговаривали про жизнь, мечты и детство, и между нами совершенно ничего не было, *потому что я не из таких девушек.* Пока он меня не поцеловал. И тогда он принялся меня убеждать, что он вовсе не гей, и стал выражать беспокойство по поводу того, что я вычисляла геев по курткам.

– *Ну в хорошем смысле,* – заметила я. – Я просто решила, что только геи носят потертые куртки.

(Много лет спустя мои друзья-геи заметили, что одна только эта фраза доказывает, как *мало* я знала о геях в то время, а еще из нее ясно, что я явно путала «потертые куртки» со «штанами с вырезами на месте ягодиц». Я отвечала им, что никогда не путала эти два предмета гардероба, потому что в одном продувает намного больше, чем в другом. Потом мы смеялись и заказывали еще выпивку, и чокались за то, как здорово иметь веселых друзей-геев. *Совет: Это просто охренительно*. Идите немедленно отыщите себе таких.

Геи прямо как мы с вами, только лучше.

Не считая, конечно, тех, которые скучные, ну или полных мудаков. Их старайтесь избегать.)

Через несколько недель после нашего знакомства Виктор заявил мне:

– Я решил стать диджеем.

И я ответила:

– Ну *конечно же, решил.* А *я решила* стать ковбойшей-балериной.

Однако на следующий день его взяли на работу диджеем на самую большую станцию в четырех округах. *Мне было немного не по себе.* Главным образом из-за того, что в том же самоуверенном тоне он обычно мне как бы между прочим говорил: «Однажды я на тебе женюсь». Я фыркала и закатывала глаза, потому что этому ну никак не было суждено случиться.

Виктор родился и вырос в обеспеченной семье, был амбициозным и состоял в организации юных республиканцев – он был полной противоположностью тем парням, к которым меня тянуло. А еще он по-прежнему носил куртку. Так что я смеялась над этой его шуткой, но он не смеялся в ответ, и глубоко в душе я беспокоилась, что он окажется прав. Несмотря на тот факт, что у нас не было практически *ничего* общего, я по уши в него влюбилась, а он мимоходом предлагал за него выйти чуть ли не каждый день. И я, смеясь, отказывала ему каждый день, потому что он был очень опасным. Опасным не в *физическом смысле,* разумеется. Хотя как-то раз он и врезал мне по носу. То есть *формально* его вины в этом не было, потому что он просто практиковал позы кунг-фу, а я стояла у него в комнате, думая о том, насколько кунг-фу скучная штука, а потом увидела что-то на полу и такая вся: «Чипса!», и наклонилась в тот самый момент, как он развернулся, чтобы поменять позу, и тогда он треснул мне прямо по носу. После этого я почувствовала себя виноватой – он так расстроился от того, что случайно чуть меня не вырубил, а еще во всей этой суматохе кто-то из нас наступил на чипсу.

Ах да, еще как-то раз я заработала сотрясение во время секса. Я не могу пускаться в подробности, потому что это, наверное, будет читать моя мама, но суть в том, что у него в общаге в комнате стояла двухъярусная кровать (потому что он был единственным ребенком в семье, и только такие дети *помешаны* по какой-то причине на двухъярусных кроватях), и мы лежали на нижней койке, и я откинула волосы назад, представляя, что это будет выглядеть, как в сцене из порнофильма, **но деревянная перекладина второго яруса оказалась слишком низкой**, так что в итоге я со всей силы стукнулась головой о деревяшку и отрубилась – наверное, сложно представить себе нечто менее сексуальное. Конечно, если бы я при этом еще и обделалась, было бы хуже, но не намного. Когда я пришла в себя, Виктор был весь такой:

– *Сотрясение от секса, мать твою!* – словно он гордился этим. В принципе, это было нечто вроде аутоасфиксиофилии, только вместо удушения ты получаешь по голове брусом два на четыре. А вместо оргазма ты теряешь мышечный контроль и писаешь под себя. *Чего со мной определенно не случилось, потому что это было бы мерзко.* Я почти никогда не писаю под себя.

Как бы то ни было, я не имела в виду ничего из этого, когда говорила, что Виктор был опасен. Я имела в виду, что он был опасен для меня в *ментальном* плане. Во-первых, он был богатым. В смысле, *другие люди*, может, и не посчитали бы его прям богатым, но он был единственным из моих тогдашних знакомых

парней, у кого был собственный смокинг. Лето он проводил с бабушкой и дедушкой в деревне, так что ему казалось, что мы не такие уж и разные, но когда я сказала ему, что мои родители не верят в кондиционеры, он посмотрел на меня так, словно я была голодающей прокаженной, которая нуждалась в пожертвованиях. Разница между нами была очевидна, даже когда мы ходили обедать. Он заказывал огромный стейк, а я – жиденький бульон, потому что я запрещала ему меня угощать (и еще из-за всей этой истории с анорексией, которая приходится как нельзя кстати, когда у тебя нет денег на нормальную еду).

Он был опасным, потому что он был другим, и к тому же ниже меня ростом, и ему хотелось, чтобы я вела себя по-взрослому.

> Моя мама решила, что мне следует выйти замуж за Виктора, прежде чем я снова начну встречаться с нищими, психически нестабильными художниками.

Как-то раз, когда мы с Виктором встречались уже полгода, я пришла домой и увидела, что она собрала все мои вещи, а потом сказала нам обоим, что мне следует просто съехаться с Виктором, так как я *«явно с ним уже спала»*. Тогда мы с Виктором оба притихли, и я пыталась сообразить, когда это мама успела стать такой же двинутой, как и отец, – я не была готова к тому, чтобы они оба были неуравновешенными. Тогда-то я и поняла, что дело было не столько в маминой неуравновешенности, сколько в том, что она пыталась меня спасти от самой себя. Я была практически уверена, что зацикленность мамы на том, что Виктор должен стать моим мужем, объяснялась тем, как она была впечатлена всей этой историей про «*у него есть свой собственный смокинг*», и я подумывала – не сказать ли ей, что он взял его в прокат, а потом переехал и так его и не вернул, но не успела я открыть рот и начать протестовать, как Виктор обхватил меня рукой за талию и радостно на меня посмотрел со словами:

– *Однозначно.* Тебе *однозначно* следует переехать жить ко мне.

Я подозревала, что они с мамой все это спланировали, потому что на самом деле я *не хотела* переезжать к нему, но позже он признался, что сам был застигнут врасплох – и хотя он и вправду хотел со мной съехаться, на самом деле он боялся с ней спорить, потому что опасался, что в этом случае мой отец попросту его пристрелит. Я сказала Виктору, что он говорит несуразицу, потому что, хотя у моего отца и *было* несколько забитых под завязку оружейных шкафов, на самом деле он пользовался только луком со стрелами, потому что это «более спортивно». Но потом я вспомнила, как мой папа *упоминал* на

прошлой неделе, что присматривался к новому арбалету, и решила, что лучше о нем и вовсе не упоминать. Виктор нахмурился и заметил, что у большинства людей нет специальной мебели, предназначенной исключительно для оружия, и тут я начала подозревать, что Виктор на самом деле родом *не* из Техаса. Потом мы уставились друг на друга, словно не понимали, какого хрена не так с каждым из нас. Наверное, это был первый тревожный звоночек по поводу того, что меня ждет в будущем.

Тогда мы с Виктором все еще были бедными студентами, так что мы сняли крошечную однокомнатную квартирку в самом неблагоприятном районе города, и **она оказалась на удивление чудесной**. За исключением того, что чувак из соседней квартиры был каким-то душевнобольным отшельником, который никогда не покидал своей квартиры, но махал мне из окна иногда удосуживаясь надеть штаны. Не уверена, где ставить в предыдущем предложении запятую, потому что слово «иногда» относится как к «махал», так и к «штанам». То есть он иногда мне махал, и (когда махал) иногда делал это в штанах. Казалось, однако, что делал он это не столько с целью показать свой член, сколько из-за того, что не каждый день был достаточно в себе, чтобы сообразить, как пользоваться штанами.

Дружелюбная пара с затуманенными глазами, что жила напротив, вела бойкую торговлю кексами собственного приготовления. Только замените «кексы» на «метаамфетамин». «Кексы», конечно, звучат более приятно. Если, конечно, вы не большой любитель метаамфетамина. В этом случае, думаю, вам уже не до кексов. Если, конечно, это не кексы с метаамфетамином. Звучит, если честно, ужасно, однако расходились бы они как *горячие пирожки*. Кстати, это было бы отличное название для кексов с метаамфетамином, если бы они существовали. *Господи, да этот бизнес-план пишется сам собой*. Кто-нибудь, найдите мне инвестора.

Когда мама впервые пришла в гости в нашу новую квартирку, она, казалось, была очень огорчена сомнениями: не сделала ли она ужасную ошибку, вынудив меня съехать, – но я заверила ее, что мы счастливы и что у нас есть эдакая своеобразная народная дружина, потому что изготовители метаамфетамина и сосед-отшельник постоянно торчат дома, получают наши посылки и приглядывают за грабителями (которые, как мы подозревали, жили в квартире под нами). Это были не самые приятные соседи, но мы были молоды и пока еще не знали, как бывает больно, когда в тебя стреляют, так что мы пренебрегали опасностью и были погружены в осознание того, насколько невероятно тяжело

жить с человеком, который отличается крайней дотошностью и страдает слабовыраженным обсессивно-компульсивным расстройством (*кхм… Виктор*). А также с человеком, который постоянно случайно приклеивается к ковру, а еще немного психически неуравновешен, но при этом хотя бы помнит, как пользоваться штанами (*кашель… это про меня)*. Виктор заметил, что сравнивать себя с периодически обнажающимся соседом-отшельником – не особо убедительный показатель психического здоровья, если учитывать то, что я и сама частенько оказывалась без штанов. Я удивилась было этому его замечанию, показавшемуся мне даже соблазнительным, но тут же поняла, что он имеет в виду тот случай, когда я случайно приклеила к ковру собственные штаны и он застал меня полуобнаженной.

Тем не менее, несмотря ни на что, Виктор, казалось, любил меня странной любовью, которая никогда не была так очевидна, как в тот день, когда он сделал мне предложение. Но об этом в следующей главе.

(Ну разве не хорошо, что вы не платите за эту книгу по главам? Тогда вы почувствовали бы себя облапошенными, потому что вы заплатили за эту главу, а закончилась она на самом интересном месте, прямо как «Пираты Карибского моря-2». Я бы с вами, ребята, так в жизни не поступила. Кроме того, знали ли вы, что в России есть места, где нужно *платить* за пользование туалетом? Это не совсем в тему, но, правда, *какого хрена?*

> Я БЫ НИКОГДА НЕ СТАЛА ПЛАТИТЬ ЗА ТУАЛЕТ. ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО ПЛАТИТЬ КОМУ-ТО ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБРАСЫВАТЬ МУСОР В МУСОРНУЮ КОРЗИНУ В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ. ЕСЛИ Я КОГДА-НИБУДЬ ПОЕДУ В РОССИЮ, ТО БУДУ ВСЕ ВРЕМЯ ПИСАТЬ ПРЯМО НА ПОЛ.)

Меня никто не учил диванному этикету

Виктор настаивал, чтобы я познакомилась с его родителями прежде, чем мы начнем жить вместе. Жили они в Мидленде – небольшом городке, специализирующемся на добыче нефти, и в моем представлении все, кто там жил, были миллионерами. Виктор уверял меня, что его семья не *такая* уж и богатая, но никак не мог уняться и прекратить учить меня, как отличить вилку для рыбы от десертной вилки. Когда я зашла в дом его родителей, то заметила, что по центру стола у них стоит огромная цветочная композиция, а на крыше имеется стеклянный люк, и тогда дыхание у меня против моей воли участилось. Отчима Виктора в городе в этот день не было, так что нас принимала только его мама, которая оказалась очень вежливой – настолько, что я пожалела, что не надела перед встречей с ней белые перчатки.

Она предложила мне присесть на диван. Но стоило моей спине коснуться одной из диванных подушек, как Виктор выпучил на меня в ужасе глаза, словно я только что пырнула их собаку ножом. Он кашлянул, подавая мне знак, и я тут же выпрямилась, а он незаметно разгладил подушку и прошептал: «*Эти подушки только для украшения*». И вот тогда-то я и сформулировала свое первое правило про богатых людей. Они никогда не пользуются подушками. Что немного дебильно, потому что *подушки как бы и существуют для того, чтобы ими пользовались.*

Бонни извинилась и пошла смешивать нам напитки, а заодно, подумалось мне, рассказать мужу про бродягу из низшего сословия, которую сын умудрился притащить к ним в дом.

– Ты только послушай, – представляла я себе ее слова, – она даже диваном не умеет правильно пользоваться. Думаю, она из бездомных.

Я притянула Виктора за руку к себе и прошептала, что нам стоит удрать, пока я еще чего не натворила, а он посмотрел на меня так, словно я спятила.

– Мы оставим записку, – объяснила я. – Записку, в которой скажем, что увидели на улице мартышку и пошли ее ловить.

– *Ты что, обдолбалась?* – он принялся с подозрением всматриваться в мои зрачки. – Серьезно, успокойся уже. Ты ей понравишься. *Просто не сиди на диванных подушках*.

Я посмотрела на него в замешательстве, а он похлопал меня по руке, натянуто улыбнулся и попросил расслабиться. Тогда я

смиренно вздохнула, соскользнула на пол и уселась по-турецки; это было вполне прилично, потому что на мне были джинсы, да и, честно говоря, так мне было всяко удобней. Виктор шепотом сказал: «*Какого хрена ты делаешь?*», и я была такая вся: «Чувак. Я так не могу. Меня смущает твой гребаный *диван. У нас явно ничего не получится*». Он судорожно попытался вернуть меня на диван, пока в комнату не вернулась его мама, но я не беспокоилась на этот счет, потому что быстро фруктовый порошок для напитков водой не развести.

– Ты не можешь сидеть на долбаном полу. *Тебе что, семь?*

– Ты *только что* сказал мне не сидеть на подушках.

– На *декоративных* подушках, – попытался объяснить он, притягивая меня обратно на диван рядом с собой. – *Но* ты можешь сидеть на самом *диване. Так диванами люди и пользуются*.

– ПОЧЕМУ ЖЕ ТЫ НЕ НАУЧИЛ МЕНЯ ДИВАННОМУ ЭТИКЕТУ?

Полагаю, я сказала это громковато, потому что, когда вернулась мама Виктора, она как-то странно на меня посмотрела, и я так растерялась, что не могла собраться с мыслями, поэтому поспешила выпить то, что она принесла, и это оказалось худшим растворимым напитком на свете, а потом (после приступа кашля) я поняла, **что под «смешанными напитками» она подразумевала содовую с вином, а не разведенный водой фруктовый порошок**. Когда стало ясно, что я не умру, она попыталась заполнить неловкую тишину и принялась показывать мне фотографии одетого в смокинг Виктора с кучей каких-то девиц, – все они были в вечерних платьях и с хорошими прическами, и я готова была поспорить, что ни одна из них никогда даже и не *слышала* про обувь из мешочков для хлеба. Виктор закатил глаза, когда его мама начала распинаться про балы, на которые он ходил с ними, а я кивала, стараясь изобразить вежливую заинтересованность. Тогда она спросила меня, когда *я* выходила с другими девушками в свет[19], на что я ответила:

– Ой, нет, вы знаете, я не лесбиянка. Я же встречаюсь с вашим сыном, – мне показалось, что лучше сразу все выяснить.

Тогда Виктор начал громко кашлять, а Бонни пришла в явное замешательство, но потом отвлеклась, потому что Виктор издавал такие звуки, как будто проглотил язык. А потом Виктор сказал, что нам, пожалуй, лучше уйти.

По дороге домой Виктор объяснил мне, что девушки, когда становятся женщинами, «выходят в свет», а я в ответ заметила, что эта формулировка скорее смахивает на рекламу тампонов. Он закатил глаза, и тогда я принялась ругаться на него за то, что он так много времени потратил на то, чтобы обучить меня

обращению со столовыми приборами, а мы между тем даже не остались на ужин, и он был такой весь:

– Да ты даже долбаным диваном не смогла правильно воспользоваться!

Он был прав, так что я вздохнула и дальше сидела молча, потому что сложно продолжать спорить, когда только что узнала, что всю жизнь неправильно пользовалась диванами.

По дороге домой мы заехали в Dairy Queen, что обнадеживало, потому что там дают *один* набор столовых приборов – и только при заказе шоколадного парфэ тебе приносят удлиненную красную пластиковую ложку, чтобы можно было соскрести помадку со дна чашки. На ней изображен конус мороженого на случай, если кто-то не сообразит, для чего она. Тогда-то я и принялась разглагольствовать о том, что Dairy Queen лучше дорогих ресторанов, а **Виктор смотрел на меня в изумлении, как будто его удивляло то, что никто не додумался до этого раньше, ну или он просто размышлял о том, что со мной не так.** За то время, что мы с ним знаем друг друга, он довел технику владения этим взглядом до совершенства.

Я сделала глубокий вдох и наклонилась, чтобы зловеще на него посмотреть.

– Слушай. Это мы. Я – ложечка для мороженого из Dairy Queen. *Ты* — ложка для улиток. Вот почему у нас никогда ничего не получится.

Виктор выдержал паузу, затем наклонился через весь стол и прошептал:

– Вилка.

И я была такая вся:

– Я не поняла… Неужели богатые люди так ругаются?

Его губы скривились в улыбке, как будто он пытался сдержать смех:

– Нет. Улиток едят *вилкой*. А не ложкой.

И я воскликнула:

– *Вот именно! Именно* об этом я и говорю.

А Виктор засмеялся и сказал:

– Мне *плевать*, что ты не знаешь, что такое вилка для улиток. Мне кажется милым то, что ты этого не знаешь. Но ты всему научишься. Или не научишься. Это не так уж и важно, потому что *мне* нравятся ложки для мороженого из Dairy Queen.

И я нерешительно улыбнулась, ведь он сказал это настолько уверенно, что было тяжело ему не поверить, и все-таки я подозревала, что он был таким милым только потому, что не хотел, чтобы в Dairy Queen его бросила девушка, которая даже не

умеет правильно пользоваться диваном. Наверное, это было бы худшее расставание на свете.

Я и Виктор на диване его родителей.

Обратите внимание, как неспокойно Виктор чувствует себя, просто находясь поблизости от диванных подушек. Он как будто готовится в любой момент задать от них стрекача. А я между тем продолжаю считать, что сумасшедшая из нас двоих я.

Совершенно обычное предложение руки и сердца

В средних классах я один за другим читала романы Даниэлы Стил и поэтому всегда думала, что в день, когда мне сделают предложение, я буду голая, усыпанная лепестками роз и при этом буду лежать в постели с братом собственного похитителя.

А еще он будет герцогом.

И еще, возможно, моим сводным братом.

Потом одного из нас порежут разбитой бутылкой из-под виски и/или изнасилуют.

Как оказалось, я не ошибалась только насчет того, что меня порежут.

Дело было в 1996 году, когда мы с Виктором все еще учились в колледже. По вечерам он работал диджеем на радио, а я зарабатывала сексом по телефону телемаркетингом. Мы прожили вместе уже где-то год, когда Виктор решил, что нам пришла пора пожениться, и (чтобы добавить романтики в духе рок-звезды) придумал сделать мне предложение прямо в эфире. Единственная проблема была в том, что в прямом эфире он не смог бы услышать мое «да», поэтому он взял выходной и сделал запись, чтобы казалось, будто он звонит на радио и говорит с парнем, который вышел ему на замену. **По его плану я должна была услышать его предложение в прямом эфире, после чего он встал бы на одно колено** и протянул бы мне кольцо, но при этом он понятия не имел, как заставить меня слушать радио, так что предложил покататься, чтобы он мог послушать своего заместителя по радио в машине. В общем, мы поехали кататься. *На шесть. Гребаных. Часов.*

18.00 – Мы в машине уже полчаса. Чувствую, что скоро проголодаюсь.

18.30 – Я проголодалась, но Виктор отказывается заехать перекусить.

19.00 – Виктор ведет себя очень странно и дергано. Я начинаю подозревать, что он собрался меня убить. Я понимаю, что подобное умозаключение может показаться нелогичным, потому что это тот же самый человек, который плакал, когда врезал мне по носу из-за картофельной чипсы, но я всегда подозревала, что не бывает до такой степени хороших людей, как Виктор, и мне было проще поверить, что он хочет меня убить, а не жениться на мне.

19.30 – Я притворяюсь, что упаду в обморок, если он не отвезет меня куда-нибудь поесть. Виктор убежден, что как только я выйду из машины, его заместитель сразу же поставит запись, и поэтому настаивает, чтобы мы просто заказали еду в окошке Taco Bell., не выходя из машины.

20.00 – Виктор отказывается выключить радио, пока мы заказываем наши бурито. Я же полагаю, он просто хочет заглушить мой голос на случай, если мне вздумается попросить кассира позвонить в полицию.

20.30–22.30 – Виктор нарезает круги. Мне хочется писать. Виктор не собирается выпускать меня из машины. Он обливается потом. Я начинаю гадать, где он сбросит мой труп.

22.30–23.30 – Желание сходить в туалет теперь стало сильнее желания сбежать. Я начинаю подозревать, что Виктор хочет, чтобы я умерла от разрыва мочевого пузыря. Он нервно улыбается, а я задумываюсь о том, получится ли у меня пописать под себя.

23.40 – Нет, но я попыталась.

23.45 – Остается пятнадцать минут до конца эфира. Виктор раздавлен. Мне же писать хочется уже настолько, что меня вот-вот стошнит, но я понимаю, что как только меня стошнит, я все равно описаюсь, так что начинаю подумывать выскочить на ходу из машины, потому что даже если я и описаюсь, патологоанатом не станет меня осуждать, потому что кто *не* описается, выпрыгнув на ходу из машины? *Никто*, вот кто.

Полночь – Виктор вздохнул и заехал на парковку у нашего дома. Он уставился, словно огорошенный, на мусорный бак перед нами, и выглядел крайне подавленным. В тот момент мне стало его очень-очень жалко. Я взяла его за руку, и он жалобно вздохнул, так, как будто был полным неудачником.

> МНЕ ХОТЕЛОСЬ ЕГО ПРИОБОДРИТЬ, ПРАВДА, НЕМНОГО СТРАННО ХОТЕТЬ ПРИОБОДРИТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ, БЫТЬ МОЖЕТ, ПОДАВЛЕН ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ УБИТЬ ТЕБЯ ТЕМ СПОСОБОМ, КОТОРЫЙ ОН ЗАПЛАНИРОВАЛ, И ТОГДА Я ПОДУМАЛА: «НАВЕРНОЕ, ЭТО И ЕСТЬ ЛЮБОВЬ. КОГДА ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ БЫЛО НЕ ТАК ТЯЖЕЛО ТЕБЯ УБИВАТЬ».

И тут-то я поняла, что *слишком* влюблена в него, раз не думаю о собственной безопасности, а еще что мне, пожалуй, нужно к психотерапевту.

А еще в тот момент я заметила, что он весь напрягся, а по радио зазвучал его голос. И тут я подумала, что он *точно* меня

убьет, потому что это идеальное алиби: ведь когда найдут мое тело, все решат, что он был в студии. Но тут я увидела, что он смотрит на меня с кривой улыбкой, и услышала, как Виктор по радио говорит другому диджею про девушку, с которой познакомился и в которую влюблен, и про то, что в конце каждого эфира он ставит напоследок песню Стинга «Когда мы танцуем», признаваясь таким образом этой девушке в любви. А потом он сказал, что настолько эту девушку полюбил, что собирается сделать ей предложение прямо сейчас.

ПО ГРЕБАНОМУ РАДИО.

А затем я повернулась и увидела, что Виктор незаметно открыл пассажирскую дверь и встал передо мной на колени, держа в руке кольцо с настолько маленьким бриллиантом, что я не сомневалась – он купил его сам. И я согласилась, отчасти потому, что любила его, отчасти от радости, что меня никто не убьет, а отчасти потому, что знала – он не выпустит меня из машины пописать, пока я не соглашусь за него выйти. И тогда я поцеловала его, а он все стоял, преклонив колено и преграждая мне дорогу. И тогда я спросила у него, можно ли мне в туалет, а у него искривилось лицо, и я стала переживать, что испортила такой романтичный момент, но тут он выпрямился, и я заметила, что он случайно встал коленом прямо в битое стекло.

> Это было здорово, ведь нет ничего более романтичного, чем предложение руки и сердца, после которого тебе приходится сделать прививку от столбняка.

Помню, я подумала тогда, что если бы мне не хотелось так сильно в туалет, то, наверное, я сказала бы ему, что нам нужно подождать, потому что, по правде говоря, я была слишком разбита, чтобы выходить за кого бы то ни было замуж. Но к тому моменту, как я вышла из туалета, он уже обзвонил всех, кого только знал, и сказал им, что я согласилась.

Несколько раз я пыталась убедить Виктора, что он совершил ужасную ошибку, сделав мне предложение, но каждый раз, когда я принималась убеждать его, что ему будет лучше с одной из тех девиц с фотографий, он отмахивался, считая, что я говорю так из-за низкой самооценки. Даже когда я объявила, что у меня не все в порядке с головой, он сказал, что я преувеличиваю, потому что он был свидетелем моих незначительных панических атак и периодических нервных срывов и решил, будто хуже уже не будет.

Как-то утром, вскоре после того, как мы обручились, я

проснулась от того, что Виктор ко мне потянулся, но вдруг остановился и медленно сел. Очень осторожно он спросил:

– Дорогая…? А ты… ты что, описалась?

И я была такая вся:

– ЧТО?! Ну, конечно же, я не описалась!

А потом я подумала: «*Фу, НЕУЖЕЛИ* я и правда описалась?», потрогала все вокруг, но ничего не нащупала, а потом увидела огромную лужу, медленно просачивающуюся из-под одеяла в пространство между мной и Виктором. Тогда я закричала:

«ГОСПОДИ, КОТ НАССАЛ!»

И скинула с себя одеяло, разбрызгивая повсюду кошачью мочу.

Виктор подпрыгнул с кровати с рвотными позывами и проклятьями в адрес меня и кота, и тут я поняла, что – несмотря на *полное отвращение*, которое вызывала у него мысль, что я его опи́сала, – он все равно старался сохранять спокойствие и относиться к ситуации с пониманием. Как видно, он воображал, будто я настолько безумна, что *стану на него писать*. Вот тогда-то я и поняла, что, *может быть*, у нас с ним и правда есть шанс.

Тем не менее мне жалко Виктора, потому что он знал, что у меня есть *какие-то* проблемы с головой, но при этом он еще и предполагал, что я стройная от природы. То есть, как мне кажется, он рассчитывал, что я буду безумной, но при этом еще и горячей безумной штучкой, – но потом он настоял, чтобы я обратилась к психотерапевту нашего колледжа, а она отговорила меня от всей этой анорексии, и я моментально набрала пятнадцать килограмм, что было хорошо для моего здоровья, но при этом было *ни капли не сексуально*. Кроме того, я случайно начала есть твердую пищу, так что обходилась Виктору дороже, чем он предполагал изначально. В общем, он заключил по-настоящему дерьмовую сделку.

И я оказалась еще более сумасшедшей, чем прикидывалась.

Это было не рагу

Мне всегда казалось несправедливым, что у меня было так мало времени понравиться родителям моего будущего мужа, в то время как у Виктора был целый год, чтобы завоевать сердце моих.

Конечно, нелегко пришлось нам обоим. Однажды, когда он пришел к нам домой на обед во второй или в третий раз, мы – я, мама и Виктор – сидели в гостиной и болтали. Мы с мамой сидели на диване, и нам было оттуда видно, как в комнату на цыпочках зашел папа. Он поднес палец к губам, давая нам понять, чтобы мы не говорили Виктору, что он стоит у него за спиной с живой рысью под мышкой. Пожалуй, именно этого я бы и боялась больше всего на свете, приводя парня домой, если бы мне только хватило фантазии представить, что мой отец додумается швырнуть живую рысь в мальчика, которого я буду хотеть впечатлить. Я же решила, что папа просто случайно оставил дома рысь, заснул, а потом спросонья осознал свою ужасную ошибку и, услышав голос Виктора, решил незаметно вынести животное на улицу, чтобы Виктор не подумал, будто мы из тех людей, которые держат дома живую рысь. К сожалению, замысел моего отца заключался вовсе не в этом, и мои глаза округлились от ужаса, когда он наклонился, заорал звучным радостным голосом: «*ПРИВЕТ, ВИКТОР!*»

И швырнул в Виктора живой рысью.

Большинство людей, читающих эти строки, подумают, что таким образом отец запугивал моих поклонников, стараясь внушить им, что они должны хорошо обращаться с его дочерью, – однако его это нисколько не заботило. Он с не меньшим удовольствием швырнул бы рысью в меня или в маму, но ему мешала наша сверхчеловеческая способность улавливать звуки, которые он издает, когда пытается не шуметь. В защиту своего отца могу сказать, что это была маленькая рысь, которую он вскармливал, чтобы потом отпустить в дикую природу, а не одна из взрослых особей, которые обитали на заднем дворе. В то время мой отец держал несколько взрослых рысей, правда, они почти не бывали дома, а если моя мама и обнаруживала кого-то из них внутри, то загоняла метлой в клетку. Как-то раз я спросила, *зачем* мой отец время от времени заводит рысей, и она сказала, что «он собирает их мочу». Потому что, *ну вы знаете.* У кого отцы *не* собирают что-нибудь? (Кстати, если в вашем регионе рыси не водятся, то знайте, что это такие звери вроде небольших тигров, и

этих зверей частенько недооценивают. По мере возможности они избегают конфликтов, но если их довести, то они с радостью сожрут твое лицо[20]. Они прямо как барсуки, и лучше держаться от них подальше.)

Даже если бы я и задумывалась над тем, как Виктор отреагирует на брошенную в него огромным бородачом рысь, я бы все равно едва ли смогла предвидеть то, как он отреагировал в действительности. Он щелкнул челюстями и сжал их, выпучился на рысь и остался сидеть совершенно неподвижно. **Затем, избегая любых резких движений – это было весьма впечатляюще, – он поднял голову и посмотрел на моего отца растерянным взглядом.** Быть может, Виктор ожидал увидеть на лице моего отца смущенное выражение – ведь он, наверное, *случайно* уронил на него рысь, – а может быть, он думал, что отец, увидевший рысь у Виктора на коленях, удивлен и испуган не меньше него и вот сейчас велит ему не двигаться, пока он сходит за пистолетом с транквилизатором. Вместо этого мой отец широко улыбнулся и протянул Виктору руку, словно у того на коленях не сидела из ниоткуда взявшаяся рысь (рысь, которая, должна добавить, и сама выглядела весьма напуганной и недовольной тем, что ее поставили в такое неловкое положение). Виктор настороженно посматривал на рысь (которая теперь начала издавать ужасающие звуки, которые рыси издают, чтобы дать понять, что они *не* домашние кошки и тискать их не стоит), а потом бросил взгляд на меня, словно бы оценивая, стою я того или нет. Он сделал глубокий вдох и медленно-медленно повернулся, чтобы пожать руку моему отцу.

– Генри, – сказал он, приветственно кивая головой, и в его голосе почти не чувствовалось страха. После этого он повернулся обратно к маме и продолжил разговор, словно ничего более естественного и представить себе было нельзя. Это было круто, и, думаю, он завоевал в тот момент уважение всех присутствующих. Даже рысь, казалось, поняла, что с Виктором ей будет безопасней, чем с огромным здоровяком, который швыряется ею в других людей, и примостилась у Виктора за спиной, злобно поглядывая оттуда на остальных.

Виктор в доме моих родителей с рысями, которых, как я думаю, сплотило недоверие к моему отцу.

Предупреждение: и Виктор, и рысь на этих фотографиях вышли не особенно удачно

Позже Виктор мне признался, что ситуация его напугала до чертиков, но когда-то, когда Виктор был маленьким, у его папы был ягуар по кличке Сонни, так что Виктор заверил меня, что понимает людей, которым нравятся экзотические домашние животные.

> Было приятно, что у нас нашлось нечто общее, только разница была в том, что у его отца были вертолеты, спортивные автомобили и домашние ягуары, потому что он был богатым и любил показуху, а мой отец держал диких рысей ради их мочи.

Я не стала это уточнять, потому что мы только начали привязываться друг к другу. И еще потому, что по-прежнему не могла до конца объяснить всю эту историю с мочой, хотя позже мне и сказали, что некоторые люди используют ее в качестве натурального средства от садовых вредителей. Если, конечно, этими вредителями не являются сами рыси, потому что в этом случае эти люди оказались бы в полном дерьме.

Почему-то Виктор очень беспокоился по поводу того, что

подумают о нем мои родители, и старался всеми силами добиться их расположения. Маму он перетянул на свою сторону практически сразу же, так как помог восстановить старенький маслкар, но вот отец относился к нему так, будто я по какой-то причине пригласила на ужин собственного бухгалтера. Если бы, конечно же, у меня был свой бухгалтер. Виктор попытался произвести на отца впечатление *мужественности*, попросив научить его делать чучела.

Казалось, они оба были не в восторге от этой затеи, но ради меня притворились, что с радостью этим займутся, хотя я и сказала обоим, что идея, по-моему, просто ужасная.

В конце своего первого (и последнего) дня в чучельном бизнесе Виктор выглядел несколько нездорово, а отец казался озадаченным.

– Что случилось? – шепотом спросила я у Виктора, когда отец пошел прилечь. – Тебя что, стошнило? Потому что *почти каждого* тошнит, когда он в первый раз делает чучело, – заверяла я его. – Я практически уверена, что это нормально.

– Нет, – ответил Виктор, прикрыв глаза рукой, словно пытаясь прогнать стоящие перед глазами образы. – Нет, твой отец уже сделал чучело. Нужно было сделать еще всего пару штрихов. Это было чучело черного кабана, и он сказал мне, что я могу раскрасить его пасть, потому что это отличная не хлопотная работа для новичка.

На самом деле так и *было*, и отец заработал в моих глазах дополнительные очки за то, что дал Виктору простое и не слишком мерзкое задание.

– И? – спросила я.

– Я потратил шесть часов, раскрашивая пасть. *Шесть часов.* С помощью краскопульта.

– *Ничего себе.* Тебе и правда понадобилось *очень* много времени, чтобы раскрасить пасть кабану. И как получилось?

– Получилось похожим на… – он выдержал небольшую паузу, уставившись мрачным взглядом в потолок. – Помнишь, когда Фред Флинстоун переодевался в женщину?

– *А,* – я прикусила язык, чтобы не засмеяться, так как понимала, что от этого ему станет еще обидней, и ободряюще похлопала его по руке. – Ну и что сказал папа? – полюбопытствовала я.

– Он ничего не сказал. Он просто молча посмотрел на кабана, а потом отвел меня от него в сторонку. Я никогда не видел его таким молчаливым. После этого он попросил меня натянуть тетиву охотничьего арбалета, и я чуть не заработал себе грыжу, делая это. Он отвел меня во двор, чтобы я попробовал из него

пострелять, и я чуть не подстрелил себя в ногу. Кроме шуток. *Я чуть себя не подстрелил. В ногу.* Я думаю, твой отец рассчитывал, что я себя убью, а он бы потом мог рассказать, что случилась трагедия, и ты жила бы себе дальше, пока не встретила бы кого-то, рядом с кем дикие рыси не становятся похожими на дешевых мужчин по вызову.

Я попыталась было убедить Виктора, что мой отец его обожает, но потом вспомнила, что двумя неделями ранее папа пытался научить Виктора искусству изготовления наконечников для стрел из камня, как это делали индейцы, и у Виктора на удивление все хорошо получалось, пока он не порезался и не начал так сильно истекать кровью, что мы уже начали беспокоиться, не задета ли артерия.

– *А ты точно хочешь выйти замуж за гемофилика?* – шепотом сказал мне папа, подыскивая что-нибудь, чтобы наложить жгут. – Знаешь, это передается по наследству.

> *Так что возможно, что мой отец действительно пытался его убить.*

В качестве последней отчаянной попытки Виктор решил преподнести отцу подарок – аутентичную индейскую сумку для талисманов, которую смастерил своими руками из найденной где-то головы койота, мертвой черепахи и плетеных кожаных ремней. Закончив свою жуткую поделку, он триумфально поднял ее вверх, и я какое-то время смотрела койоту в глаза, а потом вернулась к чтению книги.

– *Разве не охренительно?* – настаивал он (несколько маниакально), и я без особого энтузиазма пожала плечами, допуская, что моему отцу *такое* запросто может понравиться. И действительно, он непонятно почему любил подбирать на дороге сбитых животных и создавать из отдельных частей их тел чучела вымышленных существ. Виктор разозлился из-за того, что я не разделяла его восторга, и пренебрежительно от меня отмахнулся, заявив, что я «девчонка», а значит, мне попросту не оценить такого мужественного поступка, как завоевание расположения отца будущей невесты с помощью мужественного подарка.

– Наверное, ты прав, – признала я. – Мне *действительно* сложно оценить то, насколько это мужественно, – когда один мужчина мастерит сумку в подарок другому.

В ответ на эти слова он пустился в объяснения (довольно громкие), что это *индейская сумка для талисманов*, и я ответила:

– Ой, ну а мне-то откуда про это знать. У меня никогда не было сумочки из морды койота, потому что я все равно не смогла бы подобрать к ней туфли.

Тогда Виктор сверкнул на меня глазами и сказал, что мне просто не дано это понять, и я с ним согласилась, обвинив во всем свое влагалище, ведь, как мне казалось, именно обвинениями мы с ним и занимались. Тогда Виктор смиренно вздохнул, поцеловал меня в лоб и несколько неубедительно передо мной извинился. Подозреваю, сделал он это не столько из-за того, что не хотел показаться сексистом, сколько потому, что попросту боялся спорить с моим влагалищем. Что было весьма разумно с его стороны, потому что с моим влагалищем *шутки плохи.*

Отцу, впрочем, сумка из морды койота понравилась, и он повесил ее на почетное место над камином, где она висит и по сей день. Виктору все-таки удалось завоевать уважение моего отца, и для этого оказалось достаточно ранца, сделанного из мертвого животного. Мне тоже хотелось подобрать какое-то секретное сочетание, благодаря которому родители Виктора приняли бы меня так же охотно. Не то чтобы они меня *недолюбливали.* Просто, казалось, им рядом со мной было неловко. Они были вежливыми и добрыми, но выглядели озадаченными. Как если бы их сын внезапно явился домой с вытатуированной на шее надписью: «ПРИГОТОВЬТЕ МНЕ МАКАРОШКИ». Казалось, они в шоке и в замешательстве, а может, им и вовсе было плохо, но при этом они вроде бы понимали, что уже ничего не поделаешь, так что неуверенно хвалили эту непонятную татуировку на шее, которой их сын предложил руку и сердце.

Это никогда не было до такой степени очевидно, как в день перед нашей свадьбой, когда Виктор привел своих маму и отчима в дом моих родителей, чтобы они могли познакомиться и пообщаться до свадьбы. Нам с мамой удалось убедить отца не выходить из мастерской, пока мне не удастся их немного напоить и убедить, что мы все вполне себе нормальные. К сожалению, как только Виктор и его родители приехали, отец их услышал и принялся махать им рукой, чтобы они подошли к нему на полянку за мастерской, где он развел очень большой костер. **Посреди костра стояла огромная металлическая бочка, наполненная кипящей жидкостью, и пар поднимался прямо к сединам моего отца, размешивавшего содержимое бочки ручкой от метлы.** В этот самый момент Виктору следовало сделать вид, что он не слышит моего отца, а затем быстренько загнать своих родителей в дом, но вместо этого он нервно улыбнулся и принялся помогать своей маме, чьи элегантные каблуки утопали в грязи, петлять между курами. Мой отец грозно возвысился над Виктором и его родителями, но тепло

поприветствовал их своим звучным голосом, не прекращая при этом помешивать бурлящую жижу. Моя будущая свекровь решила попробовать завести разговор: она удивленно взглянула на пузырящуюся жидкость и дрожащим голосом спросила:

– А что вы готовите? – она нерешительно наклонилась, пытаясь улыбнуться. – Это… рагу?

Мой отец дружелюбно ухмыльнулся, снисходительно улыбнулся, словно перед ним стоял ребенок, и сказал:

– *Да нет.* Просто отвариваю черепа, – после чего выловил ручкой от метлы коровий череп с остатками мяса, чтобы продемонстрировать ей.

В этот момент из коровьей головы выпали глаза. Они покатились прямо к моей будущей свекрови и остановились у ее дизайнерских туфель, словно хотели заглянуть ей под юбку. После этого моя будущая родня заковыляла обратно к машине и поспешно ретировалась. Больше до свадьбы я их не видела.

Тем не менее они, стиснув зубы, предприняли отважную попытку принять меня в свою семью и нерешительно пригласили меня в свою жизнь. Они относились ко мне с уважением, но при этом и с немалой долей смущения, словно я принесла с собой в эту жизнь угрозу нестабильности – и вообще угрозу. Только потом, когда я уже шла к алтарю в день своей свадьбы, я, наконец, поняла, что за выражение было в глазах родителей Виктора – это был тот же самый взгляд, который я как-то видела у него самого много месяцев назад. Тогда-то до меня и дошло, что *я* стала той самой рысью, которую никто не ожидал увидеть. И теперь я прекрасно понимала, до чего было напугано это бедное животное.

Женившиеся четвертого июля

Мы с Виктором поженились четвертого июля. Это было как в фильме «Рожденный четвертого июля», только с меньшим количеством инвалидных колясок, да и Тома Круза тут не было. А вообще я на самом деле никогда не смотрела «Рожденного четвертого июля», потому что этот фильм мне всегда казался слишком депрессивным. Впрочем, если честно, я мало что помню о собственной свадьбе, так что вполне возможно, что Том Круз на ней все-таки был, и я просто об этом забыла. Наверное, будет неловко, когда я в следующий (или в первый) раз встречу Тома Круза.

В день нашей свадьбы и у меня, и у Виктора было дурное предчувствие.

Мое дурное предчувствие было связано с тем, что мне только-только исполнилось двадцать два, я была совершенно незрелой и не имела ни малейшего понятия о том, как быть кому-то женой, – а еще, и это куда более важно, с моим нарядом *(см. «двадцать два» и «незрелая»)*. По странной иронии судьбы, Виктор купил мне свадебное платье, которое я увидела в витрине проката свадебных платьев незадолго до его закрытия. Оно было неподобающего девственно-белого цвета, было украшено бисером и бантом и выглядело как свадебное платье, которое бы и принцесса Диана, и Скарлетт О'Хара назвали бы «полным перебором». Каждый из вздымающихся пышных рукавов был больше моей головы – казалось, они набиты газетной бумагой (подозреваю, это были воскресные выпуски «Нью-Йорк таймс»), а юбка на жестком каркасе с бесконечными оборками вынуждала меня следить, чтобы в радиусе двух метров от меня никого и ничего не было, потому что когда юбка прижималась к чему-то с одной стороны, то другая сторона тут же поднималась и била меня по голове. Она требовала большого внимания, была модной и чистой, как свежевыпавший снег, *и я бы в жизни не выбрала это платье сама*, но Виктор настаивал, что оно «прямо для меня», – это, как мне казалось, было не столько оскорбительно, сколько соответствовало его представлению о женщине, которой я могла бы однажды стать. Он в стольком ошибался, что я даже начала сбиваться со счета.

Дурные предчувствия между тем были не у меня одной. У Виктора они были связаны с тем, что за две недели до того у нас было, как я его называю, «*очень неудачное свидание*». Виктор же по-

прежнему называет его *«тот раз, когда ты меня чуть не убила»*.*

*** Примечание: теперь он называет его «*первый раз*, когда ты меня чуть не убила».**

Но ведь не Виктор пишет эту книгу – главным образом потому, что он любит делать из мухи слона. Правда же заключается в том, что мы с ним в тот день поехали после заката кататься по пустынным сельским дорогам, и Виктор выглядывал змей. Целенаправленно. Он в тот год начал ими увлекаться и подрабатывал тем, что разыскивал змей, греющихся после наступления темноты на горячем асфальте пустых дорог, ловил их, укрощал, а затем продавал любителям змей. Он отлично распознавал самых безобидных и простых в укрощении змей и прислушивался к моему совету никогда не связываться с агрессивными ядовитыми змеями до тех самых пор, пока в тот вечер не увидел на дороге очень крупную гремучую змею, – казалось, что ее переехала машина. Виктор остановил пикап, и я сказала ему не выходить из машины, но он возразил, что змею явно раздавили, и попросил меня посветить фонарем, чтобы он мог убедиться, что змея умерла и не мучается. Я предложила просто еще несколько раз по ней проехаться, но Виктор посмотрел на меня так, словно я несу какую-то околесицу, и медленно вышел из машины. Я нерешительно открыла пассажирскую дверь, но не стала выходить наружу, а перегнулась через капот, уверенная, что поблизости лежат в засаде и готовятся напасть другие гремучие змеи. Виктор обернулся и посмотрел на меня с недовольством.

– Ну, иди уже сюда и принеси фонарь. *Ты слишком далеко*.

– О, нет, я в порядке, спасибо. *Просто будь добр, вернись, на хрен, в машину*.

Он смерил меня взглядом и покачал головой.

– Ну доверься же мне, – он встал на колени позади гремучей змеи. – Она мертва. Кажется, ей раздавило голову.

– *Круто.* А теперь возвращайся, на хрен, в машину.

Виктор не стал меня слушать, надел перчатку и взял пятиметровую гремучую змею за хвост.

– Принесем ее твоему папе. Наверное, он сможет – *ОХГОСПОДИИИСУСЕ!*

В этот самый момент «мертвая» гремучая змея принялась агрессивно набрасываться на ногу Виктора. В ту же секунду я (совершенно неслучайно) забилась обратно в машину, забрав с собой фонарь и оставив Виктора в кромешной темноте на заброшенной дороге, пока его пыталась убить гремучая змея, которую он держал в руках. Он заорал:

«ВЕРНИ ФОНАРЬ!»

– Я ГОВОРИЛА ТЕБЕ ТУДА НЕ ХОДИТЬ! – сердито завопила я, а затем (по какой-то причине) заперла в машине двери и закрыла все окна. *Конечно*, я беспокоилась за него и хотела ему помочь, но никак не могла отделаться от мысли, что он *сам* во всем виноват.

– ПРИНЕСИ ГРЕБАНЫЙ ФОНАРЬ, А НЕ ТО Я ЗАБРОШУ ЭТУ ЗМЕЮ К ТЕБЕ В МАШИНУ, – заорал он, и это было неожиданно: мало того, что его голос звучал слишком оживленно для умирающего от укуса змеи человека, так он еще и вообразил, будто я *не* закрыла в машине все двери. *«Он так плохо меня знает»*, – подумала я про себя.

Я сделала глубокий вдох и напомнила себе, что хотя он и был тупым мачо, он был *моим* тупым мачо, так что я приоткрыла окно ровно настолько, чтобы просунуть в него руку с фонарем, и увидела, что Виктор все еще вполне себе жив и очень, очень зол. Как оказалось, хотя змея была жива, челюсти у нее были сломаны, так что прокусить кожу ей не удалось. Виктор посмотрел на меня полными ужаса глазами и избавил змею от мучений при помощи лопаты, после чего направился обратно к пикапу.

Спустя минуту Виктор перевел дыхание, но все еще с трудом контролировал свой голос.

– Ты бросила меня одного. В темноте. *С живой гремучей змеей.*

– Нет. Это *ты* оставил меня одну. В машине. *Ради* гремучей змеи, – возразила я. – Так что, полагаю, мы квиты.

Последовала долгая пауза, на протяжении которой он недоумевающе на меня смотрел.

– Но я тебя прощаю, – сказала я.

– ДА ТЫ ЧУТЬ МЕНЯ НЕ УБИЛА, – заорал он.

– Нет, – заметила я. – Это *гремучая змея* тебя чуть не убила. Я была лишь невольным свидетелем. *Я* хотела завести машину и переехать через змею, чтобы тебя спасти, но *ты* взял ключи с собой. Кроме того, я не умею ездить на механике. Так что я бы тоже в конечном счете умерла, только *гораздо* более медленной и мучительной смертью – от голода и палящего солнца. Раз уж на то пошло, это *я* должна злиться на *тебя*.

На самом деле я вовсе не злилась до тех пор, пока не начала себя защищать, но говоря все это, поняла, что абсолютно права. С этой точки зрения я, пожалуй, чуть не убила нас *обоих*, но Виктор был слишком недальновиден, чтобы это понять.

– Ты оставила меня одного. В темноте. *С живой гремучей змеей*, – шепотом повторил Виктор.

– Ну я в тебя верила, – ласково сказала я. Это одна из самых моих любимых фраз в спорах, потому что человеку сложно тебе возразить, не признав при этом, что твоя вера в него была совершенно неоправданной.

Я частенько использую этот прием. На самом деле прозвучало настолько убедительно, что я решила не останавливаться.

– Я *знала*, что ты сможешь справиться с этой змеей. Иногда нужно просто довериться.

Именно *вера* меня и спасала на протяжении всей недели, предшествовавшей нашей свадьбе. Лично я была в ужасе от такого количества внимания со стороны других людей, и мне хотелось просто сбежать с Виктором и пожениться в теннисных туфлях в Лас-Вегасе, где двойник Элвиса объявил бы нас мужем и женой, но Виктор был единственным ребенком в семье, так что его родители хотели настоящей свадьбы, поэтому я смирилась и просто плыла по течению. Я никогда не мечтала о пышной свадьбе, так что совсем не думала о традиции символической передачи огня домашнего очага посредством зажженной свечи и обеде в честь репетиции свадьбы. Мы с мамой смастерили фату при помощи клеевого пистолета, сетки и ободка с цветами, а торт купили в местном продуктовом.

Ни я, ни Виктор не были верующими, так что мои бабушка с дедушкой подкупили свою церковь, чтобы нам разрешили использовать их небольшую часовню. Церемония продолжалась целых двенадцать минут, поскольку мы попросили священника убрать практически все упоминания про Иисуса («*Конечно же*, Иисус приглашен, – объяснили мы священнику. – Просто мы не хотим, чтобы он выступал с длинной речью»). После этого у нас было двадцатиминутное свадебное торжество в подвале, который выглядел в точности так, как и должен выглядеть подвал, только еще более уныло.

Тем не менее в часовне, где мы оба сказали «да», ничто из этого, казалось, не имело значения. Важно было лишь то, что мы любили друг друга. И пока наша родня пробиралась к выходу из церкви, чтобы бросать потом в нас птичий корм, мы с Виктором спрятались за алтарем, и я заставила его пообещать мне, что он будет любить меня вечно.

– Доверься мне, – сказал он с надменной улыбкой.

Оглядываясь назад, я понимаю, что должна была попросить о чем-то более практичном, например: «Пообещай мне, что всегда будешь убирать кошачью рвоту в коридоре», или «Пообещай, что не будешь спрашивать “у тебя что, месячные?” посреди совершенно рационального спора, когда тебе нужно просто

извиниться и перестать быть мудаком».

Но нет же, я была юной и наивной, хотела любви и старалась верить, что этого будет достаточно. Иногда нужно просто принять на веру.

Наш официальный свадебный портрет.

Если бы вы нас не знали, то могли бы вообразить, что мы в этот момент кружимся на балу при свете свечей, а не стоим перед декоративным задником в фотостудии в торговом центре. Как бы то ни было, в колонках звучал Лайонел Ричи. Играла песня «Танцуя на потолке». Как будто бы даже торговый центр над нами насмехался.

Как же хорошо дома

Когда мы поженились, я начала работать в службе управления персоналом. Виктор работал с компьютерами. Мы купили небольшой домик семидесятых годов постройки в Сан-Анджело, том самом городе, где ходили в колледж. Дом быстро оброс множеством воспоминаний. Именно в этом доме я решила, что «Проблема 2000» – это, по сути, конец света, так что в канун Нового 2000 года наполнила ванну водой, чтобы нам было что пить, когда вода в кранах превратится в кровь, но мой кот не понял, что ванна полная, и плюхнулся прямо в воду, и вся вода от этого стала грязная. Виктор смеялся над моим негодованием, и меня это просто выбесило, потому что *але! Я как бы делаю это для нас обоих.* А потом он оставил меня одну дома, чтобы поехать проверить компьютеры на работе, и даже не зарядил для меня дробовик, прежде чем уехать. Когда он вернулся несколько часов спустя, я уже забаррикадировала дверь диванами, чтобы в дом не ворвались мародеры. Я слишком устала, чтобы раздвигать обратно всю эту мебель, так что просто сказала ему, что дверь не работает из-за проблемы 2000 и ему придется спать под машиной. В итоге ему удалось меня убедить в том, что никаких мародеров поблизости нет, так что я открыла окно, чтобы он смог забраться в дом.

Эти счастливые воспоминания и вертелись у меня в голове, когда месяц спустя Виктору предложили работу в Хьюстоне, и он оставил меня продавать дом. Он нашел для нас новое местечко и рассчитывал, что я приеду следом за ним в Хьюстон через неделю-другую, но **как только у меня появилась возможность уехать из глуши, откуда я всю жизнь мечтала свалить, я тут же поняла, насколько сильно не хочу уезжать**. Меня пугала одна только мысль о жизни в большом городе, и я сделала все возможное, чтобы дом не купили. Я парковалась так, чтобы загораживать знак

который установил Виктор, и говорила стучавшимся к нам в дверь людям (которые увидели размещенное Виктором в газетах объявление), что мы продаем дом, потому что «я просто не могу больше жить в доме, в котором произошло столь ужасное убийство».

Спустя шесть месяцев ожидания Виктор начал подозревать, что я специально тяну с продажей, и приехал забрать меня в Хьюстон, сказав, что дом просто будет стоять пустой, пока его кто-нибудь не купит. Он с недовольным видом вытащил из решетки радиатора моей машины знак «Продается» (я все свалила на несуществующих хулиганов, которые, как я убеждала потенциальных покупателей, скитались по окрестным улицам по ночам в поисках потерявшихся домашних животных, чтобы их сожрать) и водрузил его обратно. Два часа спустя в дверь кто-то позвонил, и Виктор продал дом какому-то случайному прохожему. Он планировал отдать его своей дочке с мужем и принялся мерить лужайку перед домом, на которой хотел поставить колодец желаний, чтобы «дорожка выглядела более привлекательной». Мне стало жалко наш дом почти так же сильно, как себя саму.

Проведя несколько месяцев в Хьюстоне, я поняла, что разница между двумя городами не так уж и велика, если не считать пробок и того, что мои родители не так часто без предупреждений появлялись у нас с мертвыми животными в кузове машины. К собственному удивлению, однако, я стала тосковать по этому. Виктор пытался меня убедить, что это все лишь новое приключение, в котором полно суши, музеев, культурных мероприятий и пугающих кофеен, и (прямо как это было с Уоллом) я, стиснув зубы, принялась просто терпеть, уверенная, что вскоре мы непременно уедем из Хьюстона и вернемся в Западный Техас. *И* с этой мыслью я и прожила все следующие десять лет.

Каждый раз, когда я приезжала погостить в Западный Техас,

он немного менялся. Вместо бескрайних хлопковых полей постепенно вырисовывались отдельные земельные участки. Вместо старых тракторов появлялись новые. Катаясь по городу, я обнаружила, что на месте лавки с мороженым, в которой я когда-то работала, построили парковку. Каток был закрыт и заброшен, а на вывеске было полно пустых птичьих гнезд. Книжного магазина, где мы познакомились с Виктором, уже и след простыл, а дом моих бабушки с дедушкой продали вскоре после того, как они умерли. Каждый год чучельная мастерская моего отца разрасталась, пока не превратилась в настоящий бизнес, и на парковке возле дома моих родителей всегда была куча машин. **Приехав однажды в гости, я была потрясена, увидев, что начальная школа, в которую я ходила каждый день, стала альтернативной школой для беременных подростков**, а школьную площадку, с которой я не вылезала каждое лето, сровняли с землей. Вместе с сестрой мы прошлись по тому, что осталось от школьной площадки, и я взяла себе небольшой кусок гравия на память. Теперь, проезжая мимо школы, я смотрю в сторону, чтобы помнить ее такой, какая она была, со всеми этими опасными металлическими качелями и каруселями, которые в конце концов исчезли по всей Америке. От всего этого остались лишь воспоминания, по-прежнему эхом отдающиеся у меня в голове, – воспоминания о том, как ржавый скрип моих любимых качелей меня успокаивал, пока они качались, снова и снова, туда-сюда.

Однажды, когда мы с Виктором уже несколько лет жили в Хьюстоне, приехали на выходные к моим родителям, и моя мама с гордостью объявила, что в Сан-Анджело открылось «несколько новых кофеен», о которых все судачат. Мы поехали посмотреть, как я думала, на деревенские кофейни в ковбойском стиле, но вместо этого увидели огромный «Старбакс», который казался совершенно неуместным на фоне магазинов, которые ничуть не изменились со времен моего детства.

– Ох, слава богу, – сказал Виктор. – *Наконец-то в Техас пришла цивилизация!* – воскликнул он.

Меня это напрягало. Не то, что Виктор приравнивал карамельные фраппучино к приходу цивилизации, а то, что это был переломный момент, последняя капля, которая означала, что маленький городок, в который я всегда рассчитывала вернуться, канул в Лету – во всяком случае, в том виде, в котором я его помнила.

Позже, уже ночью, я сидела на пороге и разглядывала те же самые звезды, на которые смотрела в десять лет, мечтая посетить места, которые существовали лишь в моем воображении. Это

были места вроде Египта или Франции, но Египта и Франции в представлении ребенка – тут были идеальные пирамиды на фоне теплого песка, Эйфелева башня, а еще нечто, которое люди называют «вином». Это были зрительные образы, мало связанные с настоящими местами, – и это было задолго до того, как я осознала, что география – это не просто красивые картинки и в других странах есть вещи, которые я в детстве не могла себе даже представить. Такие как политические беспорядки, дизентерия и похмелье.

В ту ночь я смотрела на те же самые звезды, и мне уже ничего этого не хотелось. Мне не хотелось ни Египта, ни Франции, ни каких-то других далеких стран.

> МНЕ ПРОСТО ХОТЕЛОСЬ ВЕРНУТЬСЯ К ТОЙ ЖИЗНИ, КОТОРАЯ БЫЛА У МЕНЯ В ДЕТСТВЕ, ПРОСТО ПОБЫВАТЬ ТАМ, ПРИКОСНУТЬСЯ К НЕЙ И УБЕДИТЬСЯ, ЧТО ВСЕ ЭТО БЫЛО ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Виктор понимал, что я расстроена, но я не могла описать свое состояние так, чтобы это не звучало нелепо.

– Да пустяки, – сказала я. – Просто… Ты когда-нибудь скучал по месту, которого больше не существует? Месту, которое осталось только у тебя в памяти?

Он раскачивался вместе со мной в тишине на пороге, не зная, что ответить; наконец он обхватил меня рукой за талию и сказал, что все будет хорошо, а потом ушел в дом спать. На следующее утро он обнаружил меня все там же, в том же кресле-качалке, и встревоженно на меня посмотрел. Он ласково спросил:

– А ты готова сегодня ехать домой?

Я молча раскачивалась и впервые в жизни осознала, что это место больше не было моим «домом». «Дом» – это там, где мы живем с Виктором. Это было одновременно и пугающее, и познавательное откровение, и я сделала глубокий вдох, хорошенько подумав, прежде чем ответить.

– Да. Я готова ехать домой.

Я как будто одновременно поздоровалась и попрощалась, и Виктор уставился на бейсбольное поле, которое когда-то было хлопковым полем. Он тихим голосом сказал (словно самому себе), что воспоминания о местах, где мы бывали ранее, кажутся годы спустя куда более радужными, чем все было на самом деле, и я кивнула, удивленная, что он понимает куда больше, чем делал вид. Он был прав, но я не знала, лучше мне от этого или хуже. Что хуже – скучать по месту, которое было когда-то твоим домом, но теперь живет лишь у тебя в воспоминаниях… или же скучать по месту, которого никогда на самом деле не

существовало? У меня не было ответа на этот вопрос, так что я просто зашла в дом, чтобы собрать вещи.

Чтобы ехать домой.

Несколько полезных записок, которые я расклеила по дому для своего мужа на этой неделе

• *Дорогой Виктор.* Это полотенце в ванной было мокрым, а ты оставил его на полу, и это при том, что это последнее чистое полотенце в доме. Я практически уверена, что именно так туберкулез и разносится. Я напишу об этом у себя в блоге на случай, если умру из-за твоей безответственности.

• *Дорогой Виктор.* В шкафу уже пять месяцев висит целая куча костюмов для химчистки. Ты работаешь дома. *Какого хрена, Виктор?*

• *Дорогой Виктор.* Почему вытирать блевотину за котом всегда приходится *мне*? Я что, не присутствовала, когда мы тянули жребий по домашним обязанностям? Потому что мне бы хотелось все переиграть. Кроме того, я в курсе, что ты всегда меняешь кошачий лоток, но делаешь ты это только потому, что моя ВМС[21] может в любой момент выпасть, и я могу случайно забеременеть, и потом заразиться этой болезнью беременных, которая разносится кошачьими какашками, и у нас родится ребенок без ручек или ножек. Ты *этого* хочешь, Виктор? Чтобы у нашего ребенка не было рук? *Ты такой эгоист.*

• *Дорогой Виктор.* Меня от тебя тошнит. Ради всего святого, объясни, почему просто не взять и выкинуть пустую коробку из-под пиццы после того, как ты доел? У тебя что, руки сломаны? Или у тебя какая-то неизвестная мне болезнь, из-за которой ты не видишь пустые коробки из-под пиццы?

• *Дорогой Виктор.* Ладно, я только что вспомнила, что последней ела пиццу, так что, наверное, это я оставила коробку. Тем не менее я оставлю эту записку, чтобы тебя проучить. *Плохой, плохой Виктор.*

• *Дорогой Виктор.* Мне не нравится, когда ты оставляешь пассивно-агрессивные комментарии к моим запискам. На самом деле *пользы от них ровно никакой, даже наоборот.* Они просто неприятные.

• *Дорогой Виктор.* Если ты еще раз оставишь полотенце на полу, я пырну тебя ножом.

• *Дорогой Виктор.* Нельзя просто доставать вещи из сушилки, не предупредив меня, и сваливать их в кучу на кровати. Когда я их нахожу, они обычно уже высохшие, и мне приходится наливать воду и засовывать их обратно, а потом еще раз запускать

сушилку, чтобы разгладить складки, а потом доставать каждую вещь по отдельности и вешать ее. *Это называется «метод», Виктор*. Хватит меня осуждать.

• *Дорогой Виктор.* Нет, на самом деле *я не* умею пользоваться утюгом. *Потому что у нас его нет.* Разве ты этого раньше не замечал?! Сушилка у нас вместо утюга, Виктор. Кроме того, я бы предпочла, чтобы ты говорил со мной напрямую, а не кричал на меня через свои записочки. Записки нужно использовать в образовательных целях. А не чтобы рисовать непристойные карикатуры с тыкающими в меня руками. Кроме того, тыкают обычно указательным пальцем. Это основы тыкательного этикета.

• *Дорогой Виктор.* Я добавила отраву в один из продуктов в холодильнике. Удачи.

• *Дорогой Виктор.* Прости. Наверное, у меня просто ПМС. Понятия не имею, что со мной не так.

• *Дорогой Виктор.* Это было извинение, мудак ты этакий! Теперь в холодильнике отравлены два продукта. *Потому что ты не умеешь принимать извинений.*

• *Дорогой Виктор.* Мне так жаль, что тебе стало плохо. Клянусь, я просто пошутила про отраву в холодильнике. В смысле, *я и правда* оставила йогурт открытым на столе больше чем на полдня, но это все потому, что отвлеклась на мокрое полотенце на полу в ванной. Раз уж на то пошло, ты сам во всем виноват. Опять-таки приношу свои извинения.

• *Дорогой Виктор.* Я тебя, конечно, люблю, но от голода я немного слабею. Ты говоришь, что ничего не отравлял в холодильнике, но каждый раз, когда я что-нибудь кусаю, ты косишься и подозрительно хихикаешь, так что мне приходится это выплевывать. Могу только предположить, что так, наверное, чувствовал себя Ганди, когда ему нельзя было есть (подсказка: ему хотелось *взяться за нож*).

• *Дорогой Виктор.* Ладно, во-первых, ты не можешь знать наверняка, что Ганди специально устроил голодную забастовку. Насколько мне известно, он тоже пытался избежать отравления. Историю пишут *выжившие*, Виктор. *А не те, кто умирает от голода, потому что их муж, возможно, отравил всю еду в доме*. А хотя знаешь что? Все это отправится в мой блог, чтобы в том случае, если люди найдут мой истощенный труп, они могли добиться правосудия. Тебя ждет жестокая и стремительная расправа.

• *Дорогой Виктор.* Отлично, теперь у нас закончились стикеры. Я пишу это на полотенце, которое ты оставил утром на полу, потому что, судя по всему, мы теперь совершенно наплевательски относимся к полотенцам. Я пойду в магазин,

чтобы купить еще стикеры, и я собираюсь есть отравленные крекеры прямо из коробки. Кроме того, кота вырвало в коридоре, и я не собираюсь за ним убирать. С меня *достаточно*, Виктор. И с кота тоже. Которого, я подозреваю, ты и отравил.

• *Дорогой Виктор.* Мы с котом уходим от тебя. Можешь оставить себе собаку. И еще я в итоге решила не идти в магазин за стикерами, потому что я с тобой больше не разговариваю, так что пишу все это на твоем полотенце для рук. Больше ты меня никогда не увидишь.

• *Дорогой Виктор.* Собака начала скулить, когда я сказала, что ей придется остаться с тобой, так что ее я тоже забираю.

• *Дорогой Виктор.* Да, на самом деле я *держала* в руках упаковку собачьих лакомств, когда говорила собаке, что она останется с тобой, однако я не думаю, что это имеет хоть какое-то отношение к ее реакции. Кроме того, у нас уже заканчиваются полотенца для посуды, так что это будет моя последняя записка.

• *Дорогой Виктор.* Ладно-ладно. Можешь оставить себе собаку. Я попыталась засунуть ее в машину, но она меня описала. *Вы друг друга стоите.* Я пишу это на собаке, потому что это касается ее. Кроме того, я не смогла найти орешки на закуску, так что пришлось прикончить всю бутылку. ТЫ БУДЕШЬ ТАК ПО МНЕ СКУЧАТЬ, КОГДА Я ПРОТРЕЗВЕЮ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ПРОСНУТЬСЯ И УЕХАТЬ.

• *Дорогой Виктор.* Мда… Ситуация… *И правда* вышла из-под контроля. Я посылаю тебе этого кота в знак предложения мира. Я прощаю тебя за все, что ты написал на стенках про мою сестру, а также собираюсь закрыть глаза на все, что ты написал про мою «огромную жопу» (продолжение с другой стороны кота), потому что люблю тебя, и ты во мне нуждаешься. Кто еще будет любить тебя настолько, чтобы посылать тебе записки на котах? Никто, вот кто. Кроме того, я прикрепила степлером коту к левой лапе нашу свадебную фотографию. Ну разве мы не выглядим счастливыми? Мы снова можем такими стать. Почему бы просто не перестать оставлять на полу мокрые полотенца? Это все, о чем я прошу. В этом плане со мной просто. А еще этого кота нужно посадить на диету. Я столько уже на нем написала, а места свободного еще полно.

Эпилог. Виктор меня простил, и мы все жили долго и счастливо, за исключением кота, которому пришлось отрезать ногу, но не столько из-за инфекции, сколько из-за проблем с кровообращением, связанных с тем, что он такой жирный. Он как бы тоже сам в этом виноват. Но теперь он похудел. На целую ногу.

Предупреждение: Большая часть этой главы была преувеличением, за исключением разве той части, где Виктор оставил на полу мокрое полотенце. Эта хрень и правда случилась. Я все еще над этим работаю.

Страшные тайны, которые скрывает от вас отдел кадров

Я проработала в отделе кадров почти пятнадцать лет в нескольких разных компаниях, в том числе в религиозной организации, где одной из моих обязанностей было учить людей вести себя адекватно и профессионально. Да, я понимаю, насколько это иронично.

Отдел кадров – это место, куда люди приходят жаловаться и/или стрелять по другим людям, когда у них лопается терпение.

> РЕШИТЬ РАБОТАТЬ В ОТДЕЛЕ КАДРОВ – ВСЕ РАВНО ЧТО РЕШИТЬ РАБОТАТЬ В ОТДЕЛЕ ЖАЛОБ В АДУ, ТОЛЬКО ТУТ ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ, ПОТОМУ ЧТО В АДУ ХОТЯ БЫ МОЖНО СОГЛАСИТЬСЯ С ТЕМ, ЧТО САТАНА – ПОЛНОЕ МУДАЧЬЕ, ПРИ ЭТОМ НЕ НАРУШИВ ПРАВИЛ КОМПАНИИ.

Отдел кадров – это место, куда люди заглядывают, чтобы сказать: «ЭТО ПОЛНАЯ ЖЕСТЬ», – и сотрудник отдела кадров задумчиво и профессионально закивает, словно думает про себя: «*Ничего себе. Это и правда полная жесть. Хотелось бы мне, чтобы этот человек поскорее ушел, и тогда я смогу рассказать об этом всем коллегам*».

Когда я работала в отделе кадров и ко мне приходил кто-нибудь, чтобы рассказать о по-настоящему долбанутой проблеме, я извинялась и приглашала кого-нибудь, чтобы делать записи, и тогда сотрудник немного успокаивался, думая: *«Ну наконец-то меня тут стали воспринимать всерьез»*, но обычно мы делали это для того, чтобы потом, когда человек уйдет, кто-то еще мог высказать свое мнение по поводу того, насколько безумным был весь этот разговор.

– А эта хрень и правда была настолько безумная, насколько мне показалось? – спрашивала я после его ухода. Мне всегда казалось правильно. К сожалению, у отдела кадров практически нет никакой власти в организации, если, конечно, настоящие директора не уйдут в отпуск, и тогда всем лучше остерегаться, потому что в отставку отправится много мудаков.

Существует три типа людей, которые решают работать в отделе кадров: садистские мудаки, которые, наверное, все были ябедами в школе; сочувствующие идеалисты (вскоре непременно разочаровывающиеся в своих ценностях), которые воображают,

будто смогут сделать жизнь других людей лучше; а также те из нас, кто работает тут просто по той причине, что отсюда лучше всего наблюдать за самыми забавными нелепицами, которые происходят в компании.

Люди, не работающие в отделе кадров, обычно считают, что в отделе кадров работают исключительно ханжи и мудаки, так как отдел кадров нужен якобы для того, чтобы все соблюдали правила.

> *Люди не понимают, что отдел кадров – это единственный отдел, которому платят за просмотр порно.*

Разумеется, это происходит под видом «изучения истории интернет-просмотров всех сотрудников с целью убедиться, что *другие* люди не смотрят порно», но люди всегда смотрят порно, так что нам тоже приходится это делать, чтобы потом сделать распечатки для проведения внутреннего расследования. По этой же причине в отделе кадров всегда стоят цветные принтеры, в то время как больше никому ими пользоваться не разрешается. А все потому, что иногда мы забываем забрать только что распечатанное порно.

Это только один из множества секретов, которые отдел кадров от вас скрывает, и после того, как я раскрыла эти секреты, меня, наверное, исключат из гильдии кадровиков, которая очень похожа на гильдию волшебников (в том плане, что я не состою ни в одной из этих организаций, да и не уверена до конца в их существовании). Как бы то ни было, практически сразу после начала работы в отделе кадров я стала вести журнал, в который записывала всю ту невероятную жесть, в которую люди, не работающие в отделе кадров, в жизни бы не поверили. Вот некоторые из этих историй:

* * *

В прошлом месяце мы решили завести специальную папку для самых ужасных заявок на трудоустройство, которые мы получаем от соискателей, чтобы нам было над чем посмеяться, когда работа достанет. Теперь в папке «Нанимать этих людей только в случае, если станет известно, что нас всех на следующей неделе увольняют» почти в два раза больше заявок, чем в папке «Эти люди подходят для работы». Как там называют что-то, что сначала показалось смешным, а в конечном счете вогнало в жуткую депрессию? Вставьте это слово сюда.

* * *

Сегодня утром пришла женщина, чтобы устроиться на работу. Она написала, что в прошлом месяце уволилась, но теперь хочет вернуться. В графе «причина увольнения» она написала: «Эта работа – полный отстой. Кроме того, мой начальник – конченый мудак». Теперь же она подавала заявку на ту же самую должность. Я наняла ее и поставила ей того же начальника, потому что я полностью с ней согласна. Этот парень – конченый мудак.

* * *

За последние два месяца целых шесть мужчин в графе *sex*[22] заявки на трудоустройство написали что-то в духе «В зависимости от того, кто предлагает». Двое ответили: «Да, пожалуйста», а еще один написал: «Нет, спасибо». Я наняла последнего, потому что он показался мне вежливым.

* * *

Сегодня одна соискательница написала в заявке на трудоустройство, что ее уволили с автозаправки за то, что она спала в пачке. Мы все перечитали ее заявку, но так и не сошлись во мнениях относительно того, что именно она имела в виду, так что пригласили ее на собеседование. Когда я стала расспрашивать ее, зачем она ходит на работу в балетной пачке, она возмущенно ответила: «Что? Я такого не писала». Когда я ей показала заполненную ей заявку, она сказала:

– В тачке. Мой начальник узнал, что я спала в тачке. Какое бы ему было дело до того, в чем я сплю?

– Эмм… А почему вашему начальнику есть дело до того, что вы спите в машине? – спросила я.

– Потому что в ту смену я работала одна. Но я бы обязательно проснулась, если бы кто-то приехал. Знаете, я очень чутко сплю. У меня все было продумано.

Мораль тут в том, что иногда тебя приглашают на собеседование лишь для того, чтобы разрешить пари.

* * *

Сегодня у меня состоялся разговор с сотрудником, который

прислал по электронной почте фотографию собственного члена девушке из своего отдела. Я знала, что это его пенис, потому что в теме письма было написано: «Это мой пенис». Кроме того, у него на поясе висел бейдж с его именем, которое было отчетливо видно. Я тренировалась говорить «Это ваш пенис?» у себя в кабинете снова и снова, чтобы не засмеяться, когда задам этот вопрос, после чего вызвала его к себе вместе с начальником.

– Это ваш пенис? – спросила я, подвинув к нему распечатанную фотографию из письма.

Думаю, я рассчитывала, что он будет волноваться или попытается выпрыгнуть от стыда в окно, потому что, видимо, я забыла, что это тот самый человек, который счел совершенно нормальным сфотографировать в туалете свой член и прислать фотографию потрясенной коллеге. Так что он самодовольно улыбнулся и сказал:

– Думаю, лучше будет спросить, откуда у вас фотография моего члена?

– Попало в почтовый фильтр. В смысле, фотография попала, а не ваш пенис. В смысле, если это ваш пенис, конечно.

Я немного растерялась, но попыталась вернуть контроль над ситуацией, сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Вы отправляли по электронной почте фотографию своего пениса?

Он удивленно на меня посмотрел:

– А что, было бы лучше, отправь я по почте фотографию чьего-то чужого пениса?

Я думала над этим вопросом последние пятнадцать лет, и у меня по-прежнему нет на него ответа. Тогда я сказала:

– Не думаю. Рассылка фотографий пениса сотрудникам категорически порицается. Это написано в памятке сотрудника. Точнее, написано между строк.

– А в памятке сотрудника написано что-нибудь про то, что кто-то из отдела кадров будет протягивать тебе фотографию пениса и спрашивать, тебе ли он принадлежит?

Я не нашлась, что на это ответить, так что просто сообщила ему, что он уволен, и сделала заметку о том, что нам следует дополнить памятку для сотрудников указаниями, связанными с пенисами.

* * *

На сегодняшний день мне приходилось спрашивать «Это ваш пенис?» уже у пятерых разных мужчин, чьи фотографии попали в

наш фильтр.

Примечание: когда я читаю этот отрывок людям, не работающим в отделе кадров, они перебивают меня вопросами: «Что, правда? Неужели люди действительно рассылают коллегам фото своих пенисов?». И я им объясняю, что да, это происходит как минимум раз в квартал. Когда же я читаю это кадровикам, то они всегда говорят: «Что, правда? Ты проработала в отделе кадров пятнадцать лет и всего пять раз спрашивала мужчин про их пенисы?» И тогда мне приходится объяснять, что нет, я написала это в первые годы своей работы в отделе кадров, и уже в следующем абзаце я рассказываю про еще один такой случай, после которого это уже настолько приелось, что я перестала писать в своем журнале про подобные истории. В итоге я научилась говорить «Это ваш пенис?», не краснея и не хихикая. Настолько часто я протягивала разным мужчинам фотографии их хозяйства с просьбой опознать свой пенис. С влагалищем мне подобного не приходилось делать ни разу. Наверное, все потому, что женщины более ловко обходят фильтр электронной почты, потому что не используют для темы письма фразы вроде «Взгляни на мой пенис». Кроме того, влагалища, как мне кажется, не настолько индивидуальны, как пенисы, так что на вопрос «А это ваше влагалище?» ответить, как мне кажется, будет очень непросто. Если бы кто-то попросил меня выбрать из фотографий влагалищ крупным планом мое собственное, я бы не справилась. А еще, наверное, забеспокоилась бы насчет того, чем же таким занималось мое влагалище, что его сняли крупным планом.

* * *

«Это ваши пенисы?»

Никогда не думала, что мне придется задавать такой вопрос, потому что никогда не встречала человека, у которого было бы больше одного пениса, но в данном случае речь шла о двоих мужчинах, которые вместе сфотографировали на работе свои пенисы. Они не отсылали эту фотографию по почте, но

распечатали ее на офисном принтере и случайно забыли забрать. Один из парней просто молча кивнул, а другой принялся внимательно вглядываться в фото, после чего ткнул пальцем на пенис слева. «Только этот», – сказал он. Я поблагодарила его за разъяснение, потому что не знала, что еще тут сказать. Его друг ошарашенно на него посмотрел, и, как мне кажется, это должно было научить его выбирать только надежных людей для того, чтобы вместе фотографироваться голышом.

* * *

На прошлой неделе я отказала соискательнице, которая допустила в заявке грамматическую ошибку и оставила незаполненными практически все графы. Она снова пришла вчера практически с такой же заявкой на трудоустройство, только на этот раз вписала в нее другое имя. Я снова ей отказала. Сегодня она пришла снова и дала мне очередную заполненную заявку, опять подписанную новым именем. Я назвала первое имя, под которым она приходила, и спросила ее, не она ли та девушка, которая им подписывалась. Она сказала, что это была ее сестра. Я сказала ей, что не смогу ее нанять, если имя в заявке не совпадает с именем в паспорте, и она попросила меня вернуть ей заявку, после чего поменяла имя на то, которым подписывалась изначально. Я отказала ей со словами, что все врут в своих заявках на трудоустройство, но обычно не насчет имени. Уходя, она сказала: «Ладно. Увидимся завтра». Я почти уверена, что это был не сарказм.

* * *

Сегодня утром начальник отдела кадров сказал нам, что мы начинаем нанимать водителей, чтобы развозить сотрудников на автобусах, и попросил комиссию составить ряд стандартных вопросов, которые мы будем задавать соискателям. Я поинтересовалась, будем ли мы их спрашивать, думают ли они, что будут спасены, когда начнется вознесение, потому что если они так думают, то, значит, осознанно подвергают жизни пассажиров риску остаться без водителя в автобусе на полном ходу. На меня стали как-то странно коситься, но я заметила, что формально мы являемся религиозной организацией, так что вопрос более чем уместный.

Мне не разрешили вступить в эту комиссию, так что,

полагаю, они наняли целую кучу водителей, планирующих вознестись прямо за рулем. Уверена, эти водители прекрасно понимают, что подвергают жизни своих пассажиров опасности, но им просто наплевать. Что (если судить по тому, что я узнала про религию из телевизора), вероятно, должно считаться грехом. Так что, полагаю, у наших пассажиров все-таки будут водители, когда начнется вознесение. А водителей между тем ждет весьма неприятный сюрприз.

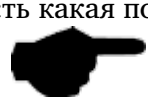
* * *

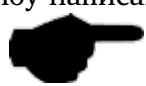
В каждом отделе кадров, где я работала, были секретные коды, про которые больше никто не знал, и мы пользовались ими, чтобы говорить про людей в их присутствии.

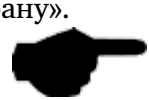
Вот несколько кодов с моей последней работы

Откидывание волос за ухо означает «Эта сука совсем поехавшая».

Откидывание волос за оба уха означает «Ну просто жесть какая поехавшая».

 Рассеянное вытирание лба: «Простите, у меня что, на лбу написано “круглый идиот”?»

 Ковыряние в носу означает: «Кто-нибудь, вызовите охрану».

 Почесывание промежности означает «Можешь смело подкатывать».

Эта система работала просто прекрасно, пока мы не наняли новую девушку с кучей нервных тиков и не возникло слишком много путаницы.

* * *

В прошлом году нам каждому под стол поставили по тревожной кнопке, чтобы вызывать охрану, если кто-то начнет нам слишком агрессивно угрожать. Мы должны проверять их исправность каждый месяц, но охрана вечно не торопилась

появляться. Вчера нашего начальника не было, так что мы решили нажать сразу все тревожные кнопки. Пятнадцать минут спустя так никто и не явился, так что мы решили лечь на пол и положить себе на грудь листки с надписями вроде «Меня застрелили в голову» и «Мы все теперь мертвы. Спасибо». На моем листке было написано: «Я все еще жива. Я просто зашла и поскользнулась на луже крови и теперь без сознания. А еще у меня сотрясение. Так что лучше не давать мне заснуть». Я настолько вжилась в роль, что когда охрана пятнадцать минут спустя все-таки соблаговолила прийти, я спала. Их наша сценка не развеселила, и они заметили, что с нашей стороны было бы разумно вести себя чуть менее стервозно по отношению к единственным людям в здании, от которых требуют приносить на работу заряженные пистолеты.

На следующий день на нас на всех наорал начальник, потому что «потенциальные соискатели работы могли бы испугаться, увидев через стеклянное окошко в двери нашего кабинета лежащих на полу людей». Я заметила, что если бы они обнаружили на полу тела и не попытались как-то помочь, то таким людям все равно лучше не давать работу, так что формально мы просто сэкономили время. Его мое замечание не позабавило.

* * *

На одной из работ мы устраивали учения, чтобы проверить, насколько легко тайком вынести младенца из здания. Одному из сотрудников (обычно это был кто-то из новичков, чтобы его не узнали) давали младенца, а все остальные должны были не дать этому человеку проскочить. Это было общественное здание, и никто из наших клиентов не должен был знать о наших учениях по краже младенца, так как это бы выглядело непрофессионально, – и это значительно все усложняло. Обычно в качестве младенца мы использовали куклу, но ведь никогда не знаешь – кому-то может прийти в голову принести из дома настоящего ребенка. Сегодня у нас снова были учения, и я остановила кого-то в холле и не пропускала, пока пятнадцать минут спустя не пришла охрана, – я была уверена, что у этого человека в руках кукла. А это была совсем не кукла.

* * *

Сегодня утром мы все молились на работе вместе с епископом (что совершенно законно, потому что наша организация является религиозной, но в то же время это очень странно, и я до сих пор не понимаю, как меня сюда взяли. Могу сказать лишь одно – им следует более тщательно проверять прошлое своих потенциальных сотрудников). Нас было человек сто в коридоре, когда епископ сказал этим характерным громким и пафосным голосом: «Отец наш небесный! Да услышь наши молитвы!» Тут из рации кого-то из рабочих раздалось: «ДАВАЙ, ЧАК!», и мне пришлось выйти посреди молитвы, потому что я прыснула со смеху и стала привлекать к себе внимание. А все потому, что я сразу представила себе, как Бог, наверное, слушал этого епископа вполуха, а потом весь такой: «Какого хрена? Он и правда назвал меня Чаком?» Тут-то я и поняла, что попасть на небеса мне не светит, если, конечно, у Бога нет отличного чувства юмора, которое у него наверняка есть, потому что – ну а вы как думаете? Он сделал так, чтобы я работала в религиозной организации. В смысле, он меня, конечно, не заставлял, но я слышала, что он как бы держит все под контролем, так что формально это, пожалуй, было его виной. Раз уж на то пошло, им следует винить Бога за то, что я прыснула посреди молитвы. Когда меня будут увольнять, нужно будет не забыть сказать об этом епископу.

* * *

На прошлой неделе начальник сказал мне, чтобы я переписала двадцатистраничное предложение по сравнительному анализу вовлеченности сотрудников. Я принесла ему исправленную версию, и он написал на обложке: «Нет, нет. Не так». Я понятия не имела, что он хотел, так что просто отложила в сторону, а потом, когда он пришел ко мне сегодня утром и сказал, что через полчаса ему нужен черновик финальной версии, я распечатала ему тот же самый документ, но только на этот раз на более симпатичной бумаге. Сегодня после обеда он собрал всех сотрудников, чтобы похвалить меня за то, как я прислушиваюсь к конструктивной критике.

* * *

У нас работает очень злобная девушка, которая пытается добиться моего увольнения. У меня с конфликтами опыта мало,

так что каждый раз, когда я громко говорю ей: «Хорошего дня», на самом деле я мысленно говорю: «Будь со мной милой, а не то я ткну тебе в лицо вилкой». Хорошего дня я желаю ей как минимум каждый час. Она уже стала загоняться и нервничать по этому поводу, но ничего поделать с этим не может, потому что любые ее жалобы на то, что я желаю ей хорошего дня, будут выглядеть полным безумием. Вот почему не стоит связываться с неконфликтными людьми. Потому что они слишком непостоянны, чтобы их критиковать. А еще потому, что у этих людей в любой момент в голове может что-то щелкнуть, и тогда они ткнут тебе в лицо вилкой.

* * *

На прошлой неделе генеральный директор пришел к нам со своей обычной жалобой на то, что отдел кадров не выполняет свою работу, так как ему вечно не хватает людей. Мы объяснили ему, что отстаем от графика, и вручили папку с названием «Нанимать этих людей только в случае, если станет известно, что нас всех на следующей неделе увольняют», попросив дать нам знать, кого из них нам лучше позвать на собеседование. Он вернул нам папку на следующий день и с тех пор больше не жаловался.

* * *

Сегодня за обедом мой коллега (Джейсон) рассказал мне про документальный фильм о женщине с маленьким туловищем, у которой все ниже талии просто огромное, и я такая вся: «Господи, наверное, у нее громадные половые губы», и тогда Джейсон отложил вилку в сторону и сказал, что больше на обед со мной ходить не будет. Тогда я заметила, что с научной точки зрения вполне логично предположить, что у нее огромные половые губы. На ее месте я бы закатывала их и фиксировала зажимами для бумаги. Ну или мягкими бигудями. А по особому случаю она бы снимала зажимы и вуаля: завивка. Теперь она готова к выпускному вечеру.

– Привет, – сказал Джейсон, саркастично размахивая у меня перед лицом рукой. – Я тут ем салат с тунцом.

– Но ты просто представь, что можно с ними делать. Если на тебя нападут, можно дать отпор, набросив их на обидчика, ну или еще можно ловить ими детей, прыгающих из горящего здания.

Наверняка они еще и плоские, как блины, потому что придавливаются ногами. Можно поставить позади них яркую лампу и устроить театр теней. Это как дар, которым нельзя воспользоваться. Но я бы определенно использовала свои гигантские половые губы. Я бы устраивала представления по всему миру. Потому что такой я человек. *Праведный*. Будь у меня огромные половые губы, я бы перевернула мир.

Джейсон выбросил свой салат с тунцом в мусорное ведро.

– То есть единственное, что тебя останавливает – это… слишком маленькие половые губы?

– Ну не то чтобы это делало меня *неполноценной*, – парировала я. – В смысле я справляюсь.

Джейсон молчал.

– Я бы сказала, что они просторные, но компактные. Как пышный балдахин. Ну или «Хонда Аккорд».

Тут Джейсона прям переклинило, и он закричал:

– Ты не должна говорить мне, что твое влагалище как «Хонда Аккорд»! МЫ РАБОТАЕМ ВМЕСТЕ!

И я такая вся:

– Ты сам заговорил на эту тему!

Потом повисла неловкая тишина, во время которой я пыталась выглядеть раскаивающейся, а Джейсон пытался выглядеть суровым, но на самом деле я думала только о том, как удобно было бы укрываться огромными половыми губами холодными ночами, а Джейсон, наверное, пытался сообразить, что такое пышный балдахин. Так что я сказала:

– Это как маленькие шторы.

А Джейсон такой типа:

– Что?!

И я такая:

– Да ладно, забей.

* * *

Сегодня соискатель, которая не прошла проверку на навыки набора текста, обвинила меня в том, что я дала ей «дурацкую клавиатуру, на которой клавиши не в алфавитном порядке». Я попыталась ей объяснить, что так расположены клавиши на всех клавиатурах, а она в ответ обозвала меня лгуньей. Я извинилась и сказала, что она может принести свою клавиатуру с клавишами в алфавитном порядке и пересдать тест, но она закричала:

– Я НЕ СОБИРАЮСЬ ОПЛАЧИВАТЬ ЗАМЕНУ ВАШЕГО ПОДДЕЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ.

Тогда я сказала ей зайти в магазин компьютерной техники через дорогу, найти клавиатуру с клавишами в алфавитном порядке и попросить их оформить ее на наш счет. Час спустя из магазина компьютерной техники позвонили с просьбой перестать отправлять к ним сумасшедших.

* * *

Сегодня мне позвонила коллега по имени Коллет – милая, но чересчур наивная девушка.

– А ты знала, что специально снимают порно с людьми, у которых ампутированы конечности? Потому что его снимают.

Она выглядела так, словно вот-вот впадет в шоковое состояние, и я подумала, не укрыть ли ее одеялом.

– Начальница этого парня нашла в принтере порнографию, так что попросила меня заглянуть в его жесткий диск, и там оказалось *полно* порно с людьми, у которых ампутированы конечности.

Видимо, я выглядела недостаточно шокированной, потому что она посмотрела мне в глаза и ударила кулаком по моему столу с криком:

– Порно с людьми, у которых нет рук и ног!

Она явно нуждалась в помощи: она зациклилась на порно.

Я достала одну из фотографий: на ней была изображена обнаженная женщина без ног.

– Ладно, смотри. У нее не ампутированы ноги. Это всего лишь… *плохой фотошоп*. Это легко понять, потому что тут остались тени от ее ног, а сами ноги кто-то попросту стер. В смысле, это все равно порнография. Просто у этой женщины на самом деле есть ноги.

Коллет посмотрела на меня печальными потухшими глазами – я поняла, что ее невинность вряд ли когда-нибудь от этого оправится.

– А что насчет этого? – спросила она, увеличив фото одноногой девушки в бикини.

– Это считается порно? Или нет? Потому что я уже ничего не понимаю. В смысле, должно быть, это порно, потому что фотография была в его папке с порно, но я уже не знаю. Это одноногая девушка на водных лыжах. Может, это должно как-то вдохновлять? Или же это порнография? Я НЕ ПОНИМАЮ.

У меня не было для нее ответа. Когда не понимаешь, порно перед тобой или нет, то это означает, что пора идти домой. Ну или уволиться. Возможно, и то и другое.

* * *

Было бы вполне уместно (и просто) закончить эту главу абзацем про то, как моя карьера кадровика прервалась, потому что я потеряла способность отличать порно от реальности, но это было бы враньем: на самом деле я ушла, потому что решила выделить год на то, чтобы попробовать стать писателем.

> Я сказала начальнику, что внутри меня сидит книга, и что мне нужно вытащить ее, даже если придется протащить ее через влагалище. Потому что именно это и нужно миру. Книга, вытащенная из влагалища.

Тем не менее это того стоило, так как вы держите эту самую книгу у себя в руках. Если, конечно, дело происходит не в 2057 году и вы не полицейский детектив, стоящий над телом частично съеденной собственными котами старушки с заляпанной незаконченной рукописью в руках, и эта глава не оканчивается написанным от руки примечанием: «Нужно найти более позитивный способ закончить главу, потому что мысль о том, чтобы быть съеденной котами, – немного депрессивная, а также не самая удачная сквозная тема для книги. И еще обязательно купи кошачьего корма и обязательно оплати страховку своего летающего автомобиля». Если это так, то я извиняюсь за бардак в моей квартире. Имейте в виду, что я *не* ждала гостей, и что обычно у меня раковина не забита грязными тарелками, а на полу не валяются наполовину съеденные трупы. Могу вас заверить, что этот день не задался с самого начала.

Если видишь мою печень – значит, ты забрался слишком далеко

***Внимание, спойлер: мама Бэмби умрет**

Итак, готовьтесь, потому что глава будет немного депрессивная и про мертвых детишек. Знаю-знаю. *Фу*. Но они не *все* умирают, и все заканчивается хорошо. По большей части. Если просто забыть про всех этих мертвых детишек. Ну или, если хотите, называйте их плодами. Если говорить «плод» вместо «ребенок», то звучит более по-медицински и не так печально, но я уверена, что мне можно называть их так, как мне вздумается, потому что они *мои* мертвые дети. И нет, я называю их «детьми», а не «плодами» не по каким-то там политическим причинам, потому что я совершенно против запретов абортов и думаю, что люди могут делать со своим телом все, что заблагорассудится, так что хватит нападать на эту главу, мудило, потому что она про меня. Господи, *да у тебя явные проблемы*. А еще мой издатель была вся такая: «Какого хрена ты делаешь? Как ты собираешься держать читателя в напряжении, если всю главу выложила в первом абзаце? Ты что, не знаешь про шесть принципов драматургии?», и я такая вся: «Нет, но когда я хожу смотреть грустные фильмы, мне всегда хочется, чтобы кто-нибудь выскакивал перед грустной сценой и такой типа: “Ладно, смотрите – мама Бэмби сейчас умрет, но в конце все *непременно* будет хорошо, так что не пугайтесь”». Именно это я для вас только что и сделала. *Можете не благодарить.* Тогда редактор заметила, что я только что испортила просмотр «Бэмби» тем, кто его не смотрел, но ЭТО ЖЕ ГРЕБАНЫЙ «БЭМБИ», ребята. Если вы еще не видели «Бэмби», то моей вины в этом нет. Он вышел *десятки* лет тому назад. Эй, а вы уже слышали про эту новую штуку, которую все называют «сэндвичем»? Она просто охренительная. Редактор сказала, что я намеренно несу всякую белиберду. Не знаю, что это значит, но звучит неприятно, так что вернусь к началу и добавлю предупреждение о спойлере. ДА я просто гребаная святоша.

Итак, как написать что-то смешное про мертвых детишек? Ответ: *никак.* Так что готовьтесь.

* * *

Я всегда представляла себе, что когда забеременею, это будет

здорово, и все пройдет идеально, и я буду позировать, как Деми Мур, обнаженной, а фото развешу по всему дому. У меня тут же станет *меньше* целлюлита, а схватки начнутся в очереди в банке, но все будет нормально, потому что ребенок застрянет у меня в штанине и не ударится об пол. Спасибо Господу за джинсы в обтяжку с вставками для живота, *не правда ли?* Именно так я и представляла себе свою первую беременность. На самом же деле, как только я узнала, что забеременела, мне тут же стало так плохо, что я с трудом могла пошевелиться, а потом весь день напролет меня тошнило в мусорное ведро в офисе. Тогда я все еще работала в отделе кадров, обучая людей правильно себя вести в некоммерческой христианской организации в Хьюстоне. Звучит как шутка, но я заверяю вас, что это все на полном серьезе. На самом деле у меня весьма неплохо получалось притворяться нормальной (когда меня при этом не тошнило перед большим скоплением людей), но все равно все быстро поняли, что я либо беременна, либо при смерти, так что мы с Виктором решили не медлить и всем рассказать. И в восторге были все, за исключением нашей уборщицы на работе, которой приходилось опорожнять мое мусорное ведро.

Я всегда мечтала стать матерью. Мне не очень-то нравились чужие маленькие дети, но это качество никогда не казалось мне таким уж необходимым, так что я предполагала, что мой младенец будет улетным, ну или хотя бы быстро подрастет.

> В ДЕТСТВЕ МНЕ ВСЕГДА ХОТЕЛОСЬ УСТРОИТЬ ПИЖАМНУЮ ВЕЧЕРИНКУ, НО МОИ РОДИТЕЛИ БЫЛИ СЛИШКОМ УМНЫМИ, ЧТОБЫ НА ЭТО СОГЛАСИТЬСЯ, ТАК ЧТО Я ПООБЕЩАЛА СЕБЕ, ЧТО КОГДА Я ПОДРАСТУ, ТО ЗАВЕДУ РЕБЕНКА И БУДУ КАЖДУЮ НОЧЬ УСТРАИВАТЬ С НИМ ПИЖАМНЫЕ ВЕЧЕРИНКИ.

Это может показаться несколько нелепой причиной обзаводиться детьми, но бывают причины и похуже. Мною же в первую очередь двигало то, что я не могла толком сформулировать. Мне хотелось стать частью наследия своей семьи. Мне хотелось дать своему ребенку такое волшебное детство, о котором сама мечтала. Мне хотелось увидеть перед собой в новом лице отражение самой себя и предыдущих поколений, а вместе с ним переродиться и самой. Мне хотелось бы, чтобы был человек, которого бы я могла обыгрывать в «Скраблз».

Мы с Виктором выбрали имена, накупили распашонок и стали гадать, какой будет наша жизнь, когда мы станем родителями. Я нервничала, но мне было слишком плохо, чтобы о

чем-то по-настоящему беспокоиться. За несколько недель до начала второго триместра мы с Виктором пришли к врачу на УЗИ. В ту ночь я толком не спала, потому что у меня случилась паническая атака, и я позвонила своей сестре в полночь с истерическими воплями:

ГОСПОДИ, А ЧТО, ЕСЛИ РЕБЕНОК РОДИТСЯ РЕСПУБЛИКАНЦЕМ?

После этого она положила трубку, потому что ей нравится меня не поддерживать. Ну или она просто злилась, что я звоню ей только в полночь, когда у меня случаются панические атаки. Я уж не знаю. Что я знаю, так это то, что была готова услышать в кабинете врача все, что угодно.

– У вас близнецы.

– У вас тройняшки.

– У вас республиканец.

– У вас маленький медведь.

Конечно, последнее было совсем маловероятно, но я была мысленно готова практически ко всему – ко всему, кроме того, что в итоге сказал нам врач: что сердцебиения нет. Что ребенок мертв. Что *«подобное случается с лучшими из нас»*. И вот тогда-то я сломалась. Снаружи это было не так очевидно. Я не плакала. Я не кричала. Меня просто парализовало, и потом я поняла, что сама во всем виновата. Если бы я ходила в церковь, ну или верила в нужного Бога, то этого бы никогда не случилось. Кабинет, в котором проводили УЗИ, был под несчастливым номером, следующим за двенадцатью, и мне хотелось попросить принять нас в другом кабинете, но я постеснялась объяснить, по какой причине. Если бы я потребовала другой кабинет, ребенок был бы все еще жив. Произошедшему было миллион причин, и все эти причины были связаны со мной.

Огорошенная, я поплелась следом за Виктором по коридору и впервые в жизни всерьез задумалась о суициде. Я задумалась, удастся ли мне ускользнуть от Виктора достаточно быстро, чтобы он не заметил. Я задумалась, достаточно ли в здании этажей, чтобы я умерла, если выпрыгну из окна, или же я просто проснусь, поломанная как физически, так и морально, в больничной палате. Я задумалась о том, что бы мне такое сделать, чтобы никогда с этим не разбираться, – потому что была недостаточно сильна, чтобы все это пережить. Виктор, казалось, почувствовал, что я собираюсь сбежать, ну или он сам просто был тоже на автопилоте, потому что схватил меня за руку чуть ли не до боли, не оставив мне ни малейшего шанса на побег. Мы отправились домой, и пока я ждала выкидыш, я заставила

Виктора обзвонить всех и попросить больше *никогда на свете* при мне об этом не упоминать. Никаких цветов, никаких «мои соболезнования». *Ничего подобного*. Потому что я знала: **пережить я смогу это лишь в том случае, если постараюсь об этом забыть.**

И это, возможно, было бы проще, если бы не тот факт, что у меня *не* случилось выкидыша. Я продолжила носить в себе ребенка еще целый месяц, и потом у меня случился нервный срыв. Я все еще не уверена, что именно его спровоцировало, но мои коллеги нашли меня истерично ревущей у себя в кабинете. Я даже сама не поняла, что это за нечеловеческий звук, и помню, как пыталась разобраться, откуда исходит этот ужасный шум, пока не поняла, что это я сама бесконтрольно реву и причитаю до полного изнеможения. Виктор забрал меня домой, и мой врач в конечном счете решил немедленно положить этому конец и провел операцию. Были осложнения, и в итоге в ту ночь у меня случился болезненный и очень кровавый выкидыш. Неделю спустя у меня диагностировали посттравматический стрессовый синдром и прописали антидепрессанты, от которых у меня появились суицидальные мысли. *А антидепрессанты должны действовать вовсе не так*, как оказалось. Виктор увидел, как я ищу в Интернете форумы самоубийц, выдернул у меня сетевой кабель и попросил врача прописать мне другое лекарство, – и вот оно уже подействовало. Мой психиатр лечил меня, пока я, наконец, не стала способна выходить из дома, не впадая в истерику, а потом отправил мне по электронной почте письмо, сообщив в нем, что уходит на пенсию, и это, я практически уверена, означало: «Ты слишком долбанутая даже для меня. Больше видеть тебя не хочу». Но в этом не было ничего плохого, потому что мне было уже лучше – я стала сильнее и была готова попробовать снова.

И тогда я еще раз забеременела.

И ребенок снова умер.

Я поменяла врача и потребовала, чтобы меня проверили на все что только можно. Тогда-то и выяснилось, что у меня антифосфолипидный синдром, – я и слово-то это выговаривала с большим трудом. Я отправилась домой и поискала информацию про него в Интернете, и в статьях, которые я нашла, в сущности, говорилось:

«Ты сдохнешь».

Но врач сказала, что все не так уж и страшно. Это всего лишь редкое аутоиммунное заболевание, которое приводит к образованию тромбов и обостряется во время беременности. Еще

я сказала ей, что у меня почти наверняка полиомиелит и «рак яичек», и на это она ответила, что мне больше не стоит лазить по медицинским сайтам.

Мне назначили детский аспирин, и я была такая вся: «Серьезно? Гребаный *детский аспирин?*» Но врач заверила меня, что он достаточно разжижит мою кровь, чтобы у меня больше не было выкидышей. И тогда у меня случился еще один выкидыш. Так совпало, что именно тогда я и закричала:

«НА ХРЕН ЭТОТ ДЕТСКИЙ АСПИРИН».

И мой врач согласилась назначить мне дорогостоящие антикоагулянты, и я была такая вся:

– *Да, черт побери*.

Тогда она сказала:

– Вот тебе огромный мешок шприцов, чтобы ты могла вводить себе лекарство прямо в кровоток, – и я подумала: «Ой. *Я только что сделала ужаснейшую ошибку*». Но тогда было уже слишком поздно идти на попятную, потому что я прочитала все эти ужасные истории из Интернета про то, как женщины с этой болезнью умирают от инсульта, и еще я подумала, что антикоагулянты помогут и с полиомиелитом, который я сама себе диагностировала, так что я сделала глубокий вдох и начала делать уколы. В живот. Дважды в день. *Круто, да*. По сути, это как лечение бешенства, только вместо пяти уколов нужно сделать семь сотен.

После многих, *многих* месяцев уколов выяснилось, что я снова беременна. На этот раз я дошла дальше, чем когда бы то ни было. К началу второго триместра мой живот напоминал лоскутное одеяло из кровоподтеков, и когда я задирала блузку во время УЗИ, специалист невольно ахал от ужаса, так что мне приходилось поспешно объяснять, что меня никто не избивает в живот. Они все равно презрительно поглядывали на Виктора, что очень своевременно меня отвлекало, потому что перед каждым УЗИ я в ужасе съеживалась, уверенная, что ребенок умрет. **Но он не умер.**

Я продолжала ходить на приемы к врачу и упорно настаивала, чтобы ни один из них не приходился на несчастливое число месяца. Я стала называть этот номер «двенадцать-Б». То есть одиннадцать, двенадцать, двенадцать-Б, четырнадцать. Люди думали, что я сумасшедшая, и я действительно ею была (и остаюсь до сих пор). Но я решила, что не стану рисковать, и необходимость лечить обострение моего ОКР казалась мне не такой уж и проблемой, когда речь шла о возможности сохранить ребенку жизнь, в том числе за счет того, что я просила котов

пожелать мне удачи.

> Однажды, когда Виктор отвез меня утром на работу, я вспомнила, что забыла попросить котов пожелать мне удачи, и потребовала, чтобы он немедленно развернулся.

Он попытался мне вразумительно объяснить, что моя удача на самом деле ну никак не может зависеть от котов, но это было не важно. Я *знала*, что моя удача не находится во власти котов. Ведь эти коты спокойно садились в свой лоток и, ничего не подозревая, гадили мимо. Ну *конечно же,* они не контролировали мою судьбу. Я сама контролировала свою судьбу. Просто я следовала придуманным мной обсессивно-компульсивным правилам, которые помогали мне продолжать жить. Конечно, все эти правила были странными и крайне усложняли мне эту самую жизнь, но я была готова жить с этим психическим расстройством, если оно поможет мне сохранить ребенка (который, как нам только что сказали, был девочкой) живым.

Когда я была на седьмом месяце, коллеги решили устроить мне вечеринку в честь предстоящего рождения ребенка. Я с пеной у рта настаивала, чтобы они этого не делали, потому что знала: она помешает всем моим тайным маленьким ритуалам. Но коллеги были непреклонны и решили насильно устроить эту вечеринку-сюрприз. Которая по воле случая была организована на этаже с несчастливым номером. **Я зашла в лифт, думая, что иду на совещание по обсуждению бюджета**, но просто не смогла заставить себя нажать на кнопку с несчастливым номером, так что сделала то, что делала всегда: просто каталась на лифте, пока кто-то не нажал злополучную кнопку за меня. Только ехать на этот этаж было некому, потому что все уже ждали меня в конференц-зале, чтобы устроить сюрприз. Двадцать минут спустя кто-то пошел меня искать и обнаружил сидящей с беспомощным видом в углу лифта. Я сказала, что у меня просто кружится голова и я присела отдохнуть, но, думаю, было очевидно, что у меня просто не все в порядке с головой.

К восьмому месяцу мой живот стал огромным и натянутым, как барабан, и у меня не осталось складок жира, в которые можно было бы втыкать шприцы. Врач настаивал, что иглы, какими бы длинными они ни казались, до ребенка достать не могут, но я все равно боялась, что буду вводить антикоагулянты ей прямо в голову, так что кричала:

– ПОДВИНЬСЯ, МАЛЫШКА. ПОДВИНЬСЯ ВЛЕВО, а ТО Я ТЕБЯ СЕЙЧАС ПРОТКНУ.

Виктор отмечал, что плод едва ли говорит по-английски, но я много разговаривала с малышкой, так что она определенно

должна была усвоить несколько основных фраз. Но я *беспокоилась*, что она не знает, где находится лево, так что кричала:

– Слева *от меня*, а не *от тебя*. Если, конечно, ты сейчас не лицом к моему пупку. В этом случае слева и от тебя, и от меня.

После этого Виктор смотрел на меня обеспокоенным взглядом, и я была такая вся:

– Знаешь, а ты *мог бы* помочь.

И он был такой типа:

– *Какого хрена я могу сделать? У тебя же явно окончательно снесло крышу*.

И я смотрела на него осуждающе, и он покорно вздыхал, вставал слева от меня и кричал в живот:

– СЮДА, МАЛЫШКА. ИДИ НА МОЙ ГОЛОС!

И я благодарно ему улыбалась, но потом, когда укол уже был сделан, я слышала, как он ворчит:

– Если и на этот раз не получится, то мы просто заведем щеночка, – и это было полное безумие с его стороны, потому что у нас уже был щенок. Виктор явно сходил с ума, и сохранить нашу семью могла только я. Я и коты, которые приносили мне удачу, только когда я специально их об этом просила. Так что, да… многое зависело от меня.

Один из многих сотен уколов. Как же легко быть матерью.

Время тянулось, пока, наконец, не пришла пора вызывать роды. Мы приехали в родильное отделение больницы, и Виктор поспешил включить телевизор, чтобы заглушить женщину в

другом конце коридора, которая с энтузиазмом вопила:

«ГОСПОДИПРОСТОУБЕЙМЕНЯ»

– Она молится, – неубедительно сказал Виктор.

По какому-то извращенному совпадению по телевизору показывали сцену из «Чужого» с окровавленным животом, которую, как мне кажется, следовало бы запретить к показу во всех роддомах. Виктор хотел было переключить канал, но я попросила его оставить, потому что, как мне казалось, фильм был как нельзя более уместен.

Пришла медсестра, чтобы поставить капельницу, и сказала, что сожалеет по поводу кричащей в соседней палате женщины и что попросила ее вести себя тише. Я задумалась о том, что сделала бы медсестра, если бы женщина отказалась вести себя тише. Медсестра была невысокой чернокожей женщиной, но вид у нее был такой, что, казалось, она запросто может при необходимости вытащить орущую роженицу на улицу, – мне показалось, что она из тех людей, которых лучше не доводить.

– Все потому, что она черная, – как бы между прочим пояснила медсестра.

– Эмм… *что, простите?* – переспросила я, уверенная, что мне послышалось.

– Женщина, что кричала в соседней палате. Она черная, – продолжала медсестра. – Чернокожие женщины *всегда* рожают громче всех. Обычно они взывают к Иисусу. Белые женщины, как правило, намного тише, пока не покажется головка. Вот тогда белую от черной уже не отличить. Азиатки вообще никаких звуков не издают. *Тихие, как церковные мыши.* С ними приходится быть особенно внимательными, потому что если не присматривать за их елочкой, они могут родить, даже нам не сказав.

– Ах, – промычала я, не находя слов… не столько из-за приведенной ей расовой классификации, сколько из-за того, что услышала от медсестры слово «елочка» в таком контексте. А все потому, что, я почти уверена, она хотела сказать «щелочкой». Должно быть, она заметила мой встревоженный взгляд, потому что похлопала меня по руке и сказала:

– Все нормально. Я черная, так что спокойно могу говорить такие вещи вслух. Другим медсестрам на этаже о таком можно только думать. К тому же, – гордо добавила она, – я так ловко вас отвлекла, что вы даже и не заметили, как я поставила вам капельницу.

И она была права. Меня и правда отвлекли азиатские елочки. Причем не в первый раз.

Виктор знал, что я напугана, но не беспокоюсь по поводу боли. Я была в ужасе, потому что риск смерти ребенка при антифосфолипидном синдроме был очень высок. **Я была настолько сосредоточена на том, чтобы вытащить свою дочку из собственного тела (которое по-прежнему рассматривала как настоящую смертельную западню), что почти не почувствовала боли.** Виктор бормотал милые слова поддержки мне в ухо, но они звучали из его уст настолько неестественно, что я не могла перестать истерично хихикать, и все так смотрели на меня, словно это я не в себе, так что я сказала Виктору, чтобы он замолчал. Я потужилась еще раз, и наступила тишина. А потом я услышала этот прекрасный плач. Это плакала я. А потом заплакала и Хейли. Моя милая, прекрасная доченька. И это было просто нечто.

Лишь в этот самый момент я позволила себе поверить, что я и правда смогу быть кому-то матерью. Я держала ее у себя на руках, а Виктор плакал, и я была настолько проникнута благоговейным трепетом, что чувствовала, будто моя грудь вот-вот взорвется. Потом действие эпидуральной анестезии начало проходить, и, помню, я подумала, что было бы неплохо, если бы пришла мать этого ребенка и забрала его, чтобы я могла поспать. А потом я вспомнила, что *я* была матерью этого ребенка. Тогда я немного испугалась за нас обеих.

Несколько минут спустя персонал умыкнул у меня Хейли, и я погнала Виктора следом, потому что я насмотрелась мыльных сериалов и не сомневалась, что врачи непременно подменят ее на другого ребенка, который вырастет психопатом.

Так я и оказалась полуобнаженной, совершенно одинокой, покрытой собственной кровью и все еще привязанной ремнями к родильному столу, причем, пожалуй, в самой неприглядной позе из всех возможных, и мне пришлось добавить испуганного и сконфуженного уборщика к длинному списку людей, которые в тот день видели мое влагалище.

Но оно того определенно стоило.

Я с Хейли –
2004 год.

С моим влагалищем все в полном порядке. Спасибо за беспокойство

Если у вас нет детей, то, дойдя до этой главы, вы решите, что она посвящена приучению к горшку (потому что почти в каждой написанной мамочками книге после главы про роды идет глава про приучение к горшку), вас начнет подташнивать, и вы захотите ее пропустить. Не нужно этого делать. Потому что, читая эту главу, вы почувствуете себя на голову выше в связи с тем, что вы пользуетесь средствами контрацепции, ну или бесплодны.

Если у вас *есть* дети, то вы, наверное, захотите пропустить эту главу, так как думаете, что вас уже не удивить. Гарантирую вам – такого вы еще не слышали. А еще знаете что? Бездетные читатели непременно эту главу прочитают и потом будут над вами ухмыляться, так что вам следует хотя бы подготовиться. По этой же причине я часто слушаю невероятно консервативное республиканское радио. Потому что хочу знать, что у моих врагов на уме. А также потому, что живу в Техасе, и нам тут особо выбирать не приходится. К тому же эта глава вовсе не *про* приучение к горшку. Понятия не имею, с чего вы это вообще взяли.

Приучение к горшку – не самое интересное и приятное воспоминание. Оно скорее похоже на гонку на выживание в лесу, который наводнен призраками и деревьями, сделанными из злых медведей, на которых у тебя аллергия. Причем одновременно тебе приходится смотреть на фотографии трупов. В смысле, это настолько отвратительно, что хочется отправить своего ребенка жить на улице до конца жизни, но сделать этого ты не можешь, потому что на улице злые собаки. Вот почему я не стану писать про приучение к горшку и вместо этого напишу про свое восприятие.

* * *

В первый год после рождения ребенка я никак не могла привыкнуть к своей новой роли и постоянно про нее забывала. Это как если кто-то из родных умер, и час спустя, смеясь над какой-то комедией по телевизору, ты вдруг вспоминаешь: «Ой, черт, у меня же дедушка умер», и тебе снова становится грустно, а потом мысли начинают блуждать, и ты такой весь: «Интересно, почему никогда не попадаются пожилые межрасовые пары»? А

потом, минуту спустя: «*Черт*. Снова забыла. У меня же дедушка умер». Так продолжается снова и снова – ты плачешь, потом на что-то отвлекаешься, и думаешь уже просто выключить эту комедию, потому что она никак не помогает, но потом вспоминаешь: «Но дедушке ведь нравились комедии», и убеждаешь себя, что, досмотрев эту комедию, ты тем самым почтишь его память, хотя на самом деле тебе просто хочется ее досмотреть. Наверное, инстинкт самосохранения таким образом помогает справляться с горем, так что *отвалите уже, и хватит меня осуждать.*

Вот на что похоже материнство. Ты просто занимаешься своими делами, подумываешь приготовить себе начос, а потом внезапно такая вся: «Гребаный-коребаный, *у меня же ребенок*. Мне, наверное, нужно его покормить или что-то типа того». Что ты и делаешь, а потом, полчаса спустя, снова про него забываешь, а потом слышишь, как он хихикает в соседней комнате, и думаешь: «*Какого хрена? Чей это ребенок?*», а потом вспоминаешь: «Ах, да. Мой. *Странно*». А потом тебе приходит в голову отличная идея превратить пустующую комнату в бар, чтобы брать с друзей деньги за все то спиртное, которое они и так выпьют, и ты готовишь проект, приглашаешь строителей, а потом такая вся: «Черт. *Погодите*. Эта комната же не пустует. Здесь же живет мой ребенок». Так ведь?

Нет, не так. Я говорила серьезно вплоть до этого последнего примера. Если вам он кажется нормальным, то лучше бы вам отложить эту книгу в сторонку и пойти проверить, все ли в порядке у вашего малыша, потому что он наверняка валяется пьяный где-нибудь на ветке дерева. *Родитель из вас ужасный.*

Особое примечание бездетным людям, которые сейчас сидят и самодовольно улыбаются: Хватит осуждать.

> Вполне возможно, что вы не такие уж и бездетные и просто забыли, что у вас есть ребенок.

Потому что подобная хрень происходит сплошь и рядом. Проверьте свое влагалище. Кажется ли оно вам немного раздолбанным? Если кажется, то, скорее всего, у вас есть ребенок. Серьезно, мое выглядело крайне неприглядно где-то год после родов, и только потом снова приобрело презентабельный вид. «Презентабельный» не в том смысле, что я стану выставлять его на рождественском столе. Я бы не стала делать этого и *до* того, как оно было уничтожено. В смысле, *не то чтобы это того не стоило*, потому что определенно стоило. И теперь с ним все в полном порядке. Я бы даже сказала, *все прекрасно. С моим влагалищем все прекрасно.* Оно даже похудело. Спасибо за

беспокойство. Просто после рождения Хейли оно выглядело довольно паршиво, но тогда мне не было особого дела до этого, настолько я радовалась, что она жива, и поэтому я лежала на больничном столе, думая, что больше никогда в жизни не буду так счастлива, чтобы не обращать внимания на то, как зашивают мое влагалище.

Также мне хотелось бы заметить, что я не понимаю, почему врач, когда зашивает влагалище (правда-правда, бездетные люди: *Зашивает. Влагалище*), не проводит заодно какую-нибудь пластическую операцию (раз он все равно уже там), чтобы оно выглядело более привлекательно. Например, когда гинеколог сказала мне, что ей, вероятно, придется разрезать мне влагалище, я была такая вся:

– ДА ТЫ ГРЕБАНАЯ ПСИХОПАТКА.

А она была такая типа:

– *Не забавы ради,* – добавив про себя: «*тупица*». – Это чтобы достать ребенка.

И я сказала:

– Ах, ну ладно. Но раз вы и так собираетесь оставить там шрам, то не могли бы сделать его какой-нибудь крутой формы? Например, как насчет молнии?

Она уставилась на меня недоумевающе, так что я решила объяснить:

– Ну знаете… как у Гарри Поттера.

Тогда она посмотрела на меня так, будто я только что обделалась прямо на пол, и я подумала, что, может быть, она решила, будто я говорю про влагалище Гарри Поттера, так что уточнила:

– Но только не на лбу, как у него.

Она по-прежнему ничего не отвечала, так что я показала пальцем вниз и сказала:

– *На моем влагалище*.

Она покачала головой, словно изначально понимала, что я говорю не про влагалище Гарри Поттера, и сказала:

– Ну мы так не делаем. На самом деле будет лучше, чтобы все порвалось само собой, потому что так потом быстрее заживает.

И я такая вся:

– ТВОЮ. МАТЬ. Вы что, на хрен, серьезно?

Я и правда подозревала, что она все это придумывает, потому что не хочет, чтобы мое влагалище стало более симпатичным, чем у нее, – она-то никогда не рожала, и ее влагалище, наверное, было просто идеальным. Она не хотела, чтобы я потом утерла ей нос своим влагалищем с крутым шрамом в виде молнии. *Будто бы я стала так делать, доктор Райдер.*

Я БЫ НИКОГДА НЕ СТАЛА УТИРАТЬ КОМУ-ТО НОС СВОИМ ВЛАГАЛИЩЕМ, ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ ЭТО БЫЛО БЫ САМОЕ КРУТОЕ ВЛАГАЛИЩЕ НА СВЕТЕ.

И каждый раз, когда у меня начинались бы спазмы от месячных, я бы воображала, что где-то поблизости Волан-де-Морт.

Позже, когда я рожала, у меня и порвалось само, и мне сделали *разрез, причем он был вовсе не в форме молнии*, так что я тут же пожалела, что не сделала предварительную перфорацию в форме молнии, но к тому моменту у меня был настолько большой живот, что я даже не *видела* собственного влагалища. И когда я попросила Виктора нарисовать пунктирную линию в форме молнии (вместе с маленькими ножницами, указывающими: «резать здесь»), он просто развернулся и ушел. Подозреваю, он просто не хотел признаваться, что не умеет рисовать ножницы, потому что, если честно, художник из него так себе, но когда я принялась изводить его на следующий день, он сказал уверенно:

– А я уже сделал это. Пока ты спала.

Что звучало весьма подозрительно, так как я сплю довольно чутко. Но я не могла заглянуть себе между ног даже с помощью зеркальца, так что задумалась, не морочит ли он мне голову, чтобы я просто оставила его в покое. А если он не морочит мне голову, тогда что за хрень он там нарисовал? Наверное, пистолет или пуму, ну или еще какую-нибудь глупость. А еще я не вижу особого смысла в том, что рваные раны заживают лучше резаных, потому что если это так, то почему тогда врачи не вырывают у людей желчные пузыри или аппендиксы, а аккуратно их вырезают?

Больше нет таких операций, при которых врач предпочитает дать пациенту порваться на части, вместо того чтобы его разрезать, и я подозреваю, что гинекологи просто все очень ленивые.

Срань Господня, ребята. Помните, как я говорила вам, что у меня умер дедушка, а я отвлеклась на комедию по телику? То же самое случилось только что, когда я начала говорить про восприятие и отвлеклась на собственное влагалище. *Я этого даже не планировала.* Настолько естественно получается у меня это писательское дерьмо. Мой мозг словно подсознательно придерживается темы, *несмотря* на то, что его отвлекает мое влагалище. Я определенно получу за это Пулитцеровскую премию.

Как бы то ни было, воспитание ребенка учит смотреть на все с хорошей стороны. Потому что приходится учиться мириться со

всеми ужасами и унижениями жизни. Потому что другого выбора попросту нет.

Возьмем, к примеру, первое посещение бассейна с ребенком. Вы всячески стараетесь выглядеть клево перед своей худой соседкой без детей, которая, скорее всего, ночью поспала больше двух часов, и вдруг замечаете, что **задницу вашего ребенка начинает раздувать**. Тут вы с ужасом понимаете, что ваш муж надел на ребенка не специальный подгузник для плавания, а обычный, и теперь он впитывает воду из бассейна и набухает, как ядерный гриб, а ваш ребенок смотрит на вас типа такой: «*Что за хрень происходит с моей одеждой?», и тогда вы такая вся: «БЕЗ ПАНИКИ*. Медленно иди в сторону туалета», но ребенок такой весь: «Возьми меня на руки! МЕНЯ ХОЧЕТ СОЖРАТЬ МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПОДГУЗНИК», и вы берете его на руки, и в этот момент под давлением швы подгузника расходятся, и по вам растекается этот гель, который кладут в подгузники, – он, *оказывается*, представляет собой голубоватое, кристаллообразное желе. Вам одновременно и противно, и любопытно, и вы несетесь в туалет, но желе капает, и за вами остается след, а спасатель в бассейне смотрит на вас презрительным взглядом; вы между тем наконец добираетесь до туалета, а гель внутри подгузника продолжает набухать. Так что, как только вы стягиваете с ребенка купальный костюм, подгузник разрывается на части, плюхается на пол, и синее желе разбрызгивается *повсюду*. И именно в этот момент в туалет беззаботно заходит ваша бездетная соседка и тут же в шоке прижимается к стене, увидев вас, согнувшуюся посередине туалета, покрытую синим наполнителем подгузника и отчаянно пытающуюся убрать бесполезными бумажными полотенцами это (скорее всего, канцерогенное) желе со своего ребенка. А вы стараетесь улыбаться ей ободряющей улыбкой, как будто подобная хрень происходит с вами постоянно, и как раз собираетесь встать и как бы между делом объяснить, *что на самом деле во всем виноват ваш муж*, как вдруг ваш ребенок замечает вашу огромную грудь, угрожающе нависшую над краем купальника, и бьет по ней, и она от этого вываливается наружу. И соседка молча пятится прочь из туалета, как будто увидела чей-то труп, а вы кричите ей вслед: «ТЕБЕ ОТ МЕНЯ НЕ УБЕЖАТЬ. УЗРИ. ЭТО. ТВОЕ. БУДУЩЕЕ!»

Приготовься.

Подобная хрень происходит *постоянно*.

Могу вас заверить – этот случай травмировал нас всех.

Телефонный разговор, состоявшийся у меня с мужем после того, как я потерялась в восьмидесятитысячный раз

Я: Алло?

ВИКТОР: Ты где?! Тебя уже час нет.

Я: Я потерялась. Не кричи на меня.

ВИКТОР: Ты же отправилась за молоком. Ты была в этом магазине сотню раз.

Я: Да, но не ночью. Все выглядит совсем иначе, и мне не было видно названий улиц. Думаю, я свернула не туда, и вот теперь езжу кругами в надежде, что наткнусь на что-нибудь знакомое.

ВИКТОР: Как тебе удается теряться каждый гребаный раз, как ты выходишь из дома?

Я: Не уверена, что я все еще в Техасе.

ВИКТОР: Твою ма…

Я: НЕ ОРИ НА МЕНЯ.

ВИКТОР: Я не ору на тебя. Просто включи навигатор и введи наш адрес.

Я: Я оставила его дома.

ВИКТОР: Да что с тобой, на хрен, не так?!

Я: Ты сказал, что не станешь на меня кричать!

ВИКТОР: Это было до того, как ты оставила навигатор дома. Я ЖЕ КУПИЛ ЕГО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕБЯ.

Я: Может, ты просто мне объяснишь, как доехать до дома?

ВИКТОР: Как я должен помочь тебе добраться домой, Дженни? Я ВЕДЬ ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, ГДЕ ТЫ.

Я: Ладно… тут много деревьев. И кустов. Или это могут быть лошади. Так темно, что не разобрать.

ВИКТОР: Ах, ну да, теперь я *в точности* знаю, где ты.

Я: Правда?

ВИКТОР: Нет. Ты в каком-то месте, где, может, есть кусты, а может, и нет. *Ты думала, это поможет?*

Я: Черт. Нужно попытаться найти табличку с названием улицы.

ВИКТОР: Тебе НУЖНО не забывать ставить в свою машину навигатор.

Я: Не-а. Я им больше не пользуюсь.

ВИКТОР: С чего вдруг?

Я: Он хочет моей смерти.

ВИКТОР: [озадаченное молчание]

Я: Помнишь, как на прошлой неделе мне нужно было съездить в город, и я посмотрела маршрут в Интернете, а ты все равно заставил меня взять с собой на всякий случай навигатор, и на полпути он такой весь женским голосом: «Поверните налево», и я такая вся: «Нет. По моему маршруту нужно ехать прямо», и она такая типа: «НЕМЕДЛЕННО ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО», и я такая вся: «А вот хрен тебе», а потом она вздохнула, как будто совсем отчаялась, и заладила этим своим осуждающе-снисходительным голосом: «Пересчет маршрута», а потом такая вся: «НЕМЕДЛЕННО ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО!» Тут я вся перепугалась и повернула налево, *в точности, как она мне сказала*, а потом она такая вся: «Пересчет маршрута. Пересчет маршрута», и я такая типа: «Я СДЕЛАЛА В ТОЧНОСТИ, КАК ТЫ СКАЗАЛА. ЧТО ЗА ТОН, СУЧКА?»

ВИКТОР: Ты не пользуешься навигатором, потому что тебе не нравится тон, в котором с тобой разговаривает робот?

Я: Нет, это было только начало. Потому что она сказала мне повернуть на улицу Вест-Лион, *но там не было никакой улицы Вест-Лион*, так что мне приходилось снова и снова переезжать через двойную сплошную, пока до меня, наконец, не дошло, что она просто неправильно произносит название улицы Весли-Анн. Наверное, специально.

ВИКТОР: Эта улица называется «Уэслиан». Так что, ты еще не увидела никаких опознавательных табличек?

Я: Ах, прости. Я уже и забыла, что за рулем.

ВИКТОР: Ты забыла, что за рулем, *пока ехала за рулем*?

Я: Ну не то чтобы я врезалась в корову. Я просто забыла, что нужно высматривать названия улиц.

ВИКТОР: Если ты когда-нибудь доберешься до дома, я спрячу ключи от машины.

Я: Как бы там ни было, я потом такая вся: «Ладно, одна из нас неправильно произносит “Весли-Анн” и еще одна из нас потерялась, и мне кажется, что и той и другой могу быть я». Вот тогда-то мне и пришло в голову, возможно, величайшее изобретение в истории человечества.

ВИКТОР: Названия улиц. Высматривай названия улиц.

Я: Пока что не попадались. Такое ощущение, что я уже на трассе. Спроси у меня, что за гениальная идея пришла мне в голову.

ВИКТОР: Нет.

Я: Навигаторы для тупых людей.

ВИКТОР: [тишина]

Я: Я на полном серьезе. Потому что у меня не очень хорошо с

направлениями, зато с ориентирами я справляюсь очень даже неплохо. Поэтому если сказать мне ехать на север по Мэйн, то я в полном дерьме, но если мне сказать: «Поверни у “Бургер Кинга”, который сгорел в прошлом году», то я сразу же все пойму, так что нужно сделать навигатор с такой функцией.

ВИКТОР: *[вздыхает]*

Я: А вот и гениальная часть: его нужно сделать таким, чтобы он подстраивался к личности человека. То есть, если, например, я скажу: «Ха. Смотри, бомж онанирует», то он занесет это в свою базу данных, и когда потом мне захочется куда-то поехать, то вместо всех этих непонятных улиц он просто мне скажет: «А помнишь, где бомж онанировал? Вот езжай туда. Поверни налево у той забегаловки, что тебе так понравилась. Потом направо у того кафе, куда вы с Сарой ходили есть буррито, когда она была одета, как шлюха. Езжай до того места, где ты передернула тому парню».

ВИКТОР: *Какого хрена?*

Я: *Вот именно.* Видишь, в этом и заключается недостаток такой системы, потому что на самом деле я всего-то одернула мальчику куртку, которая задралась. Но роботам не понять все эти тонкости и хитросплетения человеческой речи, так что какое-то время навигатор будет проходить период обучения. Мы предупредим об этом в брошюрах.

ВИКТОР: Сколько должно пройти времени после того, как ты пропала, прежде чем я смогу начать встречаться с кем-то еще?

Я: Я просто говорю, что этот робот пока еще не совершенен, чувак. Но прогресс не стоит на месте. Хотя я не стала бы пользоваться им в одной машине с твоей мамой. Так, на всякий случай. ГОСПОДИ, ДА Я ЗНАЮ, ГДЕ Я!

ВИКТОР: Ты в том месте, где передернула тому парню?

Я: Нет, я у того заброшенного здания, которое выглядит так, как будто его владельцы – сектанты из «Ветви Давидова».

ВИКТОР: Ха. Весь остальной мир называет это «улицей Далласа». Так что, теперь найдешь дорогу домой?

Я: Думаю, да. Налево у зловещего бара, который выглядит так, словно он из «Скуби-Ду», налево у того места, где мы видели с тобой того дикого борова, оказавшегося в итоге собакой, и направо на углу, где меня тогда вырвало. Правильно?

ВИКТОР: У меня от тебя голова разболелась.

Я: ЧУВАК, МЫ СТАНЕМ МИЛЛИОНЕРАМИ.

ЭПИЛОГ: Я добралась до дома*. Виктор приклеил навигатор скотчем к ветровому стеклу моей машины и отказался сделать мне робота. Можно подумать, что ему *хочется*, чтобы мы оставались бедными.

***ПОЯСНЕНИЕ: Под «добралась до дома» я имею в виду, что я снова потерялась, и Виктору пришлось меня найти, чтобы я могла поехать за ним до дома. Смысл в том, что я добралась до дома. И у меня нет робота.**

Вся эта история – настоящая трагедия. Виктор со мной согласился – правда, думаю, по несколько иным причинам.

А потом меня пырнул ножом в лицо серийный убийца

На людей с тревожными расстройствами частенько навешивают ярлыки «застенчивый», «молчаливый» или «та странная девушка, которая, скорее всего, закапывает трупы у себя в подвале». На самом деле я никогда не слышала, чтобы про меня говорили вот это последнее, но я всегда полагала, что именно так люди и думают, потому что такого рода паранойя является распространенным побочным эффектом тревожного расстройства. Лично я всегда считала себя «неуклюжей в общении с другими людьми» и подбадривала себя мыслью, что на свете *полно* совершенно нормальных людей, которые не любят выступать на публике. И это действительно так. К сожалению, мои страхи немного выходят за рамки «совершенно нормальных» – они парализуют меня, мешая нормально жить.

Даже во время обычного разговора с незнакомцем в продуктовом я либо не могу выдавить из себя ни слова, либо оказываюсь не в состоянии *перестать* говорить о чем-то, о чем говорить с незнакомцами в продуктовых совершенно неуместно. Долгое время я корила себя за это, поскольку была уверена, что будь я достаточно сильной, то непременно могла бы себя контролировать, но на третьем десятке я начала испытывать самые настоящие панические атаки и обратилась наконец к врачу, который и диагностировал у меня общее тревожное расстройство.

Согласно моему опыту, люди всегда полагают, будто *общее* тревожное расстройство не так страшно, как *социальное* тревожное расстройство, потому что это звучит более расплывчато и безобидно, – однако эти люди в корне ошибаются. Лично для меня общее тревожное расстройство – **это что-то вроде всех остальных видов тревожных расстройств, сжатых в одну болезнь.** Причем среди них есть расстройства, которые пока неизвестны современной науке. Например, тревожное расстройство «птицы наверняка задушат меня во сне» или расстройство «я всегда ношу с собой в кармане крекеры на случай, если застряну в лифте». По сути, я просто испытываю *общую* тревогу по поводу *всего*, на хрен, на свете. Подозреваю, так и придумали это название.

Моя врач вела себя очень тактично, когда диагностировала у меня тревожное расстройство. *Настолько* тактично, что только после нескольких сеансов у нее я наконец поняла, что у меня именно эта проблема. Она все болтала про какого-то пациента,

который, судя по ее рассказам, был полным психом. Я не особо внимательно слушала, как она говорит про тревожные расстройства, поскольку была слишком поглощена мыслями о том, не покажется ли ей шагом назад, если я буду во время наших сеансов прятаться под диваном. И только потом до меня дошло, что **тем безумным человеком, про которого она говорила, была я сама.** Полагаю, она не торопилась давать моей проблеме название, так как боялась, что я буду стыдиться наличия настоящего психического расстройства. На деле же я почувствовала облегчение. Теперь моя неспособность вести нормальный разговор объяснялась не тем, что я «странная», а тем, что у меня «*крайне губительное и неизлечимое психическое заболевание, которое изводит и саму жертву, и тех, кто ее окружает*». Во всяком случае, так его называла я. Моя же врач называла это «*незначительным расстройством, легко поддающимся медикаментозному лечению*». Подозреваю, однако, что, если бы ей хоть раз пришлось вести со мной разговор на званом ужине, она согласилась бы, что мое определение подходит куда лучше, чем ее.

Когда я прихожу к кому-то в гости на ужин, то обычно здороваюсь с хозяевами, а потом все оставшееся время прячусь в туалете. Как правило, это идет на пользу всем присутствующим. Раньше я читала книги про людей, которым от природы легко даются разговоры, и недоумевала, почему *я* не могу быть настолько же уверенной в себе и обворожительной и рассказывать забавные истории, случившиеся со мной, когда я путешествовала с Жаком Кусто. По правде говоря, я подозреваю, что собеседник все равно был бы из меня никудышный, даже если бы я и *правда* хоть раз встречалась с Жаком Кусто. Большинство моих разговоров на вечеринках начинаются с того, что я просто киваю в ответ на ту тупую чушь, которую мне кто-то рассказывает, а затем, несколько минут спустя, у меня начинается паника, потому что этот человек спрашивает моего мнения обо всем том, что я только что пропустила мимо ушей, и **я непроизвольно начинаю рассказывать историю о том, как случайно проглотила иголку**. Потом я объясняю, что на самом деле это была *не* иголка, но тогда я думала, что это иголка, а потом молчание собеседника становится все более и более невыносимым, но я уже не могу прекратить говорить о том, насколько ужасно, когда *не* знаешь, проглотил ли ты на самом деле иголку или нет. Тут я замечаю, что в комнате воцарилась полная тишина, и слышно только, как я немного истерично пытаюсь придумать конец истории, *у которой его, на хрен, нет.* Тогда мне приходится физически *заставить* себя замолчать, и (после нескольких невыносимых секунд

тишины) кто-то меняет тему разговора, а я незаметно ускользаю, чтобы спрятаться в туалете до тех пор, пока не придет пора идти домой. И это еще самый благоприятный вариант развития событий.

Мой панический бред неоднократно звучал настолько ужасающе, что все вокруг теряли дар речи, и, когда тишина становилась пугающе осязаемой, я от отчаяния выдавала вслух номер своей кредитки и убегала в туалет. Я делала это по двум причинам. Во-первых, я надеялась, что, услышав случайные числа, озадаченная публика подумает, будто я одна из этих эксцентричных математиков, которые слишком гениальны, чтобы их мог хоть кто-нибудь понять, а во-вторых, я чувствовала себя немного виноватой за то, что этим людям пришлось слушать всю эту историю про то, как *«я, может, проглотила, а может, и не проглотила иголку»*, и, давая им номер своей кредитной карты, я тем самым как бы давала им возможность взять с меня плату за впустую потраченное время. Проблема только в том, что с числами у меня все совсем плохо, и номер своей кредитки я никогда запомнить не могла, так что вместо него я выдавала случайный набор цифр. Короче говоря, получается, что каким-то случайным, совершенно незнакомым мне людям приходится платить за мое несовершенство только потому, что у меня плохая память. *А также* потому, что я не могу вести разговор, как это делают нормальные люди. *А еще* потому, что мошенничество с кредитками – невероятно прибыльное дело. Так что, по сути, мы *все* в проигрыше.

Полагаю, это могло бы привести в замешательство людей, с которыми я контактирую только по электронной почте и СМС, – дело в том, что, вообще-то говоря, в переписке я *могу* произвести впечатление в меру остроумного и вразумительного человека, ведь **у меня есть время обдумать, что написал бы на моем месте нормальный, сдержанный, психически уравновешенный взрослый человек**, прежде чем я нажму «Отправить». Вот почему я предпочитаю общаться с людьми только таким образом. Бывает, я напишу письмо, а потом спрашиваю себя: разве стали бы нормальные люди говорить, что Линкольн умер после того, как все подряд тыкнули своими немытыми пальцами в отверстие от пули у него в голове? Потом я понимаю, что не стали бы, и вдобавок убираю кусок про то, что вегетарианцам разрешено съедать человеческую плаценту, потому что ни одно животное ради нее не пострадало, и в итоге оставляю лаконичное письмо, в котором просто говорится: «Поздравляю с рождением ребенка!»; это звучит куда более банально, но именно это я слышала прежде от других людей, так что точно ничем не

рискую.

Многие люди думают, что я преувеличиваю ради создания комического эффекта, но так думают только те люди, у которых нет тревожного расстройства. Остальные же согласно кивают головой, потому что тоже оказались во власти этого паршивого расстройства, из-за которого написание электронного письма (на которое должно было уйти всего несколько минут) растягивается на долгие часы, которые приходится посвятить переписыванию.

Вот, например, реконструкция проделанной мной работы, результатом которой стала заурядная переписка по электронной почте с моим коллегой Джоном этим утром:

Джон: Хотел всех вас предупредить, что меня сегодня на работе не будет, потому что мы вынуждены усыпить нашу любимую собаку.

Я: У меня есть одно яичко. В банке. В смысле, это яичко собаки. Не то чтобы лично у меня было одно яичко. Потому что это было бы странно. Для девочки. Полагаю, для парня тоже. Просто хочу сказать, что когда нашей собаке пришлось вырезать из-за рака одно яичко, я решила его сохранить, потому что мне так и не удалось заполучить свои вырезанные гланды, и я подумала: «Ну пусть будет хотя бы так». И слава богу, что я его оставила, потому что две недели назад моя собака сбежала, и теперь у меня осталось хотя бы яичко на память.

Я: Мне так жаль, Джон! Помню, как бабушка однажды сказала мне: «Смерть домашнего питомца сродни смерти члена семьи». Только гораздо дешевле, потому что не приходится его бальзамировать, да и гроб покупать необязательно – можно просто закопать на заднем дворе.

Я: Пенис.

Я: Джон, сердцем я с тобой. Прикладываю «Мост Радуги»[23] и небольшое стихотворение Майи Энджелоу.

Джон: Это именно то, что мне было нужно. Как ты догадалась?

Я: Я знаю, как тяжело бывает отпускать. Я до сих пор не могу заставить себя выбросить яичко своей собаки, а ведь прошли уже гребаные годы, Джон. В смысле, я даже не знаю, умер ли он. Может быть, он просто убежал, потому что я ему не нравилась. Или же он опасался, что я заберу у него и второе яичко. А может, он и вовсе был просто мудаком, Джон. Иногда и собаки бывают теми еще мудаками.

Я: Я догадалась, потому что знаю, как тяжело бывает прощаться.

Хотите вкратце? Быть мной крайне утомительно.

Когда притворяешься нормальной, то на это уходит невероятное количество энергии и Ксанакса.

На самом деле мне, наверное, стоит брать со всех нормальных людей деньги за то, что я не прихожу к ним, когда они приглашают гостей, и не порчу им вечер. Особенно учитывая то, как много я трачу денег на успокоительные препараты, помогающие *немного* сдерживать мою тревогу, причем на эти расходы мне даже никакого налогового вычета не дают. Тем не менее эти расходы того стоят, потому что лучше уж быть накачанной наркотиками, чтобы казаться полувразумительной, чем видеть, что к тебе относятся, как к полярному медведю, который незваным явился на ужин.

Обратили внимание на последнее предложение? Психически здоровый, рациональный человек написал бы «*гостю,* который незваным явился на ужин», но только не я. Я *начала* писать «гостю», а потом мой мозг сказал:

– Погоди. А что может быть еще более незваным, чем незваный гость? *Точно, гребаный полярный медведь*.

А потом в дело вступает здоровая, но медленно реагирующая часть моей головы и говорит:

– *Нет*. Никто этого не поймет. Просто напиши «*гостю»*, и дело с концом.

А потом нездоровая такая вся:

– *Что, правда?* Потому что, как по мне, это *совершенно* логично. Если к тебе на вечеринку придет незваный гость, то в худшем случае у тебя раньше времени закончатся кукурузные чипсы. Если же на вечеринку заявится *полярный медведь*, то повсюду будет кровь. Полярным медведям не рады *НИГДЕ*.

А потом здравомыслящая часть снисходительно улыбается и, вздохнув, говорит:

– Никто не понимает твоей логики, чудило. К тому же в некоторых местах полярным медведям *будут* рады. Например, в зоопарках. Ну и в рекламе «Кока-колы».

Но нездоровая часть мозга слушать ничего не хочет и переходит на крик:

– *В зоопарке специально ставят клетки, чтобы оградить их от нас. ПОТОМУ ЧТО* ИМ НЕ РАДЫ.

А потом здоровая сторона такая вся:

– Что ж, если ты так ненавидишь полярных медведей, то какого хрена в субботу мы ходили в зоопарк?

А нездоровая сторона вся такая:

– Потому что ты пообещала мне отсосать, *ты, снисходительная сука.*

А потом здоровая сторона ахает от удивления, как будто не может поверить, что нездоровая сторона осмелилась это сказать, потому что *такая хрень должна оставаться между нами, нездоровая сторона*, и начинает сердиться и вести себя по-ханжески… Пожалуй, нам стоит на этом остановиться, потому что вся эта история не очень приятная и смахивает на домашнее насилие. К тому же как вообще нездоровой стороне моего разума можно отсосать? Она что, парень? Все это звучит путано и попахивает сексизмом. Теперь понимаете? Если бы я хотела вас впечатлить, то удалила весь бы этот абзац и просто заменила «полярный медведь» на «незваный гость», но я его оставлю, потому что мне лень его стирать. А еще для того, чтобы вы поняли, *насколько тяжело жить с психическим заболеванием.* Но в большей степени все-таки по первой причине. По сути, по этому абзацу можно судить о том, что происходит у меня в голове постоянно.

Так что да.
Там творится чертов бардак.

Как бы то ни было, я благодарю Бога за то, что у моего мозга хотя бы *есть* здравомыслящая сторона, потому что как-то у нас был сосед, который в результате аварии потерял часть мозга, отвечающую за самоконтроль, и выкрикивал в мой адрес всякие странные штуки, когда я выходила проверить почтовый ящик. Штуки вроде: «Привет, красавица! Твоя задница все толще и толще!» и «Я бы все равно отодрал эту задницу!» Я всегда просто выдавливала из себя улыбку и махала ему рукой, потому что, уверена, изначально эти оскорбления в мой адрес задумывались как комплименты. Я только хочу сказать, что у этого парня даже *не было* здравомыслящей части мозга, которая бы фильтровала его мысли, так что, наверное, было бы немного эгоистично с моей стороны не быть благодарной за то, что она есть у меня, даже если она немного поломана и понимает, насколько долбанутую чушь я несу, только после того, как я ей это скажу сама. Как будто у меня в голове сидит цензор, работающий с семисекундной задержкой. Он преисполнен лучших побуждений, но вечно запаздывает на семь секунд и ничего не в состоянии поделать с «той хренью, которую мне не стоило бы говорить, но которую я только что сказала».

В каком-то смысле способность распознавать собственные недостатки можно назвать даром, но на деле я постоянно говорю людям всякие ужасные вещи, и та часть меня, которая понимает, насколько это было неуместно, кричит на меня: «*Нет!* Нельзя говорить священнику про вибраторы!» Тогда я отвлекаюсь на эти

крики у себя в голове, начинаю паниковать, и снова наступает очередь номера кредитки. Либо я выдаю что-то другое, чтобы заполнить неловкую тишину, но по какой-то причине та часть моего мозга, в которой нет фильтра, может думать только о некрофилии, а часть моего мозга, понимающая, что некрофилия *всегда* будет неуместной темой для разговора, кричит: «*НЕКРОФИЛИЯ – ЭТО ПЛОХО*», и я паникую, и слышу, что уже пустилась в объяснения, *почему* некрофилия – это плохо, и та часть меня, которая немного в себе, качает головой, видя, как люди не могут подобрать слова, чтобы хоть что-то ответить девице, выступающей против некрофилии на вечеринке. Мне жалко этих людей. Не только потому, что им приходится быть свидетелями этого безумия, но еще и вот почему: кто станет спорить с тем, что некрофилия – это плохо? *Никто, вот кто.* И если попытаться сменить тему, то будет выглядеть так, как будто ты являешься тайным сторонником некрофилии, который просто не хочет признавать этого публично. **Наверное, именно поэтому люди, с которыми я разговариваю на вечеринках, медленно пятятся от меня,** чтобы присоединиться к какому-нибудь другому разговору, и в итоге оказывается, что я стою в одиночестве и разговариваю сама с собой. И это просто охренительно. Ведь если и есть что-то более нелепое, чем девчонка, которая на вечеринке разговаривает с незнакомцами про секс с трупами, так это девчонка, которая на вечеринке разговаривает *о том же самом* сама с собой.

Вот почему каждый раз, когда я вижу лохматых бомжей на улице, которые кричат в никуда, что медведи – это злые гении, пытающиеся захватить город, мне сразу же представляется, как несколькими годами ранее они пускались в непроизвольные рассуждения об этом на вечеринках и пугали самих себя до нервного срыва, а окружающие при этом просто отходили в сторонку. И вот теперь, *годы спустя*, эта бездомная женщина все еще пытается закончить этот разговор с достоинством, но у нее ничего не выходит. Вот почему я всегда даю бомжам доллар и немного «Ксанакса». Потому что я в точности знаю, каково им. А еще мне нравится кивать им и говорить что-нибудь в ответ, например:

– Это весьма любопытная теория, но я не уверена, хватит ли медведям когнитивных способностей, чтобы создать сложную систему управления.

Правда, обычно человек, с которым я разговариваю, просто смотрит сквозь меня, потому что сосредоточен на уже давно не слушающей его аудитории, которая существует теперь только у него в голове. После этого муж оттаскивает меня в сторону и

читает нотации о том, как опасно провоцировать бездомных. Он не видит того, что вижу я: отчаянное лицо человека, который сошел с ума, придя на вечеринку.

Вам, наверное, подумалось, что Виктор мог бы проявлять побольше эмпатии, потому что видел собственными глазами, какую эмоциональную разруху я оставляю после себя, если мне приходится с кем-то общаться, – однако вплоть до совсем недавнего времени он категорически отказывался воспринимать всерьез мою способность полностью разрушить нашу с ним репутацию за один-единственный вечер и называл это преувеличением с моей стороны. Могу лишь предположить, что он не придает особого значения моей неспособности нормально общаться с другими людьми по одной из двух причин: а) мои настоящие приступы паники были настолько серьезными, что по сравнению с ними моя неловкость в общении выглядит не так страшно и б) он просто недостаточно наблюдателен.

К тому же, по правде говоря, за моими приступами тревоги наблюдать гораздо тяжелее, и мне очень повезло, что худшие из них случаются лишь несколько раз в год. **Сначала со мной все в полном порядке, но уже секунду спустя на меня накатывает тошнота, а следом за ней и паника**. Потом я никак не могу отдышаться, понимаю, что вот-вот потеряю всяческий контроль над собой, и во что бы то ни стало хочу сбежать. Только вот сбежать я хочу от того единственного, от чего сбежать попросту не могу, – от самой себя. Причем происходит это всенепременно в битком набитом людьми ресторане, на вечеринке или в другом штате, за много миль от любого потенциального убежища.

Я чувствую, как нарастает паника, словно меня схватил за грудь лев и теперь подбирается к моей шее. Я стараюсь его сдержать, но люди за столом чувствуют, что что-то изменилось, и начинают обеспокоенно на меня поглядывать. *Я как открытая книга.* Мне хочется залезть под стол и прятаться там, пока все не пройдет, но это вряд ли удалось бы объяснить людям за столом. У меня начинает кружиться голова, и я чувствую, что у меня случится либо обморок, либо истерика. Это самая худшая часть, потому что я даже не знаю, что именно произойдет на этот раз.

– Мне дурно, – бормочу я людям за столом, не в состоянии сказать что-либо еще, не начав при этом учащенно дышать.

Я выбегаю из ресторана, натянуто улыбаясь таращащимся на меня людям. Они стараются относиться ко мне с пониманием, но они ничего не понимают. Я выбегаю на улицу, чтобы сбежать от обеспокоенных взглядов людей, которые меня любят, людей, которые боятся меня, незнакомцев, которые гадают, что со мной не так. Я тщетно надеюсь, что они решат, будто я просто

напилась, но я знаю, что они *знают*. Каждый мой безумный взгляд так и кричит:

«Душевнобольная».

Потом кто-то находит меня на улице сжавшейся в клубок и кладет свою холодную ладонь на мою разгоряченную спину, пытаясь меня тем самым успокоить. Этот человек спрашивает, все ли со мной в порядке, и если он в курсе моих проблем, то его голос звучит более ласково. Я киваю, пытаюсь виновато улыбнуться и закатываю глаза, словно насмехаясь над ситуацией, – лишь бы мне не пришлось что-то говорить. Они думают, что я делаю это от стыда, и я позволяю им так думать, потому что так проще, а еще потому, что мне *действительно* стыдно. Но молчу я не по этой причине. Я держу рот на замке, потому что не знаю, смогу ли перестать кричать, если его открою. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки – так сильно, что начинают болеть. Мое тело порывается убежать. Каждый мой нерв оживает и словно бы загорается огнем. Если я успею вовремя принять свои лекарства, то смогу предотвратить самое худшее… неконтролируемую дрожь, ощущение, будто меня бьет током, ужасающее осознание того, что наступает конец света, – но, кроме меня, об этом никто не знает. Если я не доберусь вовремя до лекарств, то потом они уже не помогут, и следующие несколько дней я буду обмякшей тряпкой.

Я знаю других людей, похожих на меня. Они принимают те же самые лекарства. Они пробуют всевозможные курсы лечения. Они потрясающие и удивительные, но что-то в них навсегда сломано. Мне повезло, что Виктор, хоть и не понимает этого, *пытается* понять и говорит мне:

– Расслабься. Поводов для паники совершенно нет.

Я признательно ему улыбаюсь и делаю вид, будто именно это мне и нужно было услышать, как будто у меня просто такой дурацкий период, который однажды пройдет. На самом же деле я *знаю*, что поводов для паники нет. **И именно от этого все становится еще хуже**.

Эти мучительные дни и искажают, как мне кажется, представление Виктора о том, как я взаимодействую с людьми. Бывают дни, когда я уверена, что он думает, будто небольшая вызванная тревогой неловкость в общении – это ничто по сравнению с моими полномасштабными паническими атаками. И вот тогда мне приходится доказывать ему, что он не прав.

Наглядный пример: на этой неделе Виктор взял меня с собой на вечеринку в честь Хеллоуина с его коллегами. Я сразу же ему напомнила, что он совершает ужасную ошибку: он же видел, как я

из года в год порчу людям вечеринки. Но он только похлопал меня по ноге и заверил, что я справлюсь. Точно так же ободряюще он похлопывал и нашего кота прямо перед тем, как мы его усыпили. Это меня *не* подбодрило.

Дорога до вечеринки была долгой, и это работало против меня, потому что, во-первых, действие принятого мной успокоительного начало истекать, а во-вторых, у меня появилось дополнительное время попереживать по поводу наших костюмов. Мы нарядились Крейгом и Арианной[24], черлидерами команды «Спартанцы» из «Субботнего вечера в прямом эфире». Когда я покупала эти костюмы, то думала, что это будет всем понятная отсылка к поп-культуре, но няня, которая пришла присмотреть за Хейли в наше отсутствие, *не имела ни малейшего понятия, кого мы изображаем.*

– Ну ты знаешь? Спартанцы? Из «Субботнего вечера в прямом эфире»? – спросила я, стараясь скрыть истеричные нотки в своем голосе, а Виктор (который изначально не хотел быть мужчиной-черлидером и до сих пор меня не простил за то, что я выбрала эти

костюмы) тем временем сверлил меня взглядом. Няня смотрела на меня недоумевающе.

– *ДА ЛАДНО, НУ ТЫ ЖЕ ТОЧНО ИХ ЗНАЕШЬ!* – несколько пронзительно завопила я на нее, и Виктор потянул меня за руку к выходу, потому что именно так мы потеряли нашу первую приходящую няню, так что я сделала глубокий вдох, чтобы попытаться успокоиться, и сказала: – Это было не *так* уж давно, Дэни. *Помнишь?* Это было в девяностых?

И тогда она сказала:

– А-а-а. Я же *родилась* в девяностых.

И тогда я врезала ей в живот. Но только мысленно, потому что похожим образом мы потеряли нашу вторую приходящую няню.

Как бы то ни было, нахальное незнание Дэни *того дерьма, что крутили по телику до ее рождения*, все еще не давало мне покоя, пока мы ехали на вечеринку. Я попыталась прочистить голову и напомнила сама себе проследить за тем, чтобы не показать людям случайно свое влагалище. Не то чтобы мне всегда приходилось об этом переживать, просто юбка черлидерши была сделана из полиэстера, и при каждом моем движении цеплялась за нижнее белье и задиралась. Поэтому вместо того **чтобы весь вечер постоянно одергивать свою юбку, я решила пойти вообще без нижнего белья.** Когда мы подъезжали к дому начальника Виктора, я все еще нервничала по поводу этого своего решения, и пока мы шли по длинной тропинке к огромному дому, я быстро прошептала Виктору:

– Кстати*, на мне нет нижнего белья*.

Он замер на ходу и нахмурился в откровенной панике.

– Я не пытаюсь тебя соблазнить, – заверила его я. – Просто предупреждаю, чтобы ты, ну знаешь, *был в курсе*.

Виктор уставился на меня полными ужаса глазами.

– Был в курсе *чего?*

– Ну знаешь, – принялась объяснять я, – в случае, если ты решишь, что нам нужно выплясывать, как черлидерам, ты будешь в курсе, что *нужно быть поосторожней с влагалищем*.

Виктор остановился у порога и уставился на меня, приоткрыв рот. На лбу у него начал поблескивать пот.

– Мы НЕ будем ничего выплясывать. Я даже не хотел *надевать* эти гребаные костюмы, ради всего святого, и *КАКОГО ХРЕНА НА ТЕБЕ НЕТ НИЖНЕГО БЕЛЬЯ?*

Тогда я попросила его говорить тише, а то его начальник мог бы услышать, и вот тогда Виктора начало потряхивать. Меня это обеспокоило, так как мы не могли испытывать паническую атаку одновременно, а я уже за собой это право застолбила. Я стала

размышлять, стоит ли ему объяснить, *почему* на мне нет нижнего белья, или же лучше просто молчать, – к этому моменту он казался совершенно невменяемым, и я сомневалась, что мне удастся объяснить ему, как нижнее белье сочетается с юбками. Тогда я посмотрела через стеклянную дверь в дом начальника Виктора и увидела на диване перед телевизором четырех людей.

И ни на одном из них не было костюма.

Вот тогда-то я и задумалась над тем, что лучше сбежать, потому что если вы заставляете своего мужа носить костюм черлидера – это уже достаточно веское основание для развода, но если вы заставили его надеть костюм черлидера на вечеринку, которую устраивает его начальник и на которой все остальные будут в брюках, то так недолго и ножом в бок получить. Тут до меня дошло, что если я побегу к нашей машине прямо сейчас, то Виктор наверняка заметит, что в доме все без костюмов, и тихонько последует за мной к машине, чтобы пырнуть ножом, пока никто не видит, а получить удар ножом в тот вечер не входило в мои планы. Я сразу же решила, что лучше уж чтобы были свидетели, так что позвонила в дверь, прежде чем Виктор успел осознать всю тяжесть ситуации. Тогда-то он повернул лицо (все еще с разинутым ртом) к двери и увидел, что ни на ком в доме нет костюмов.

– Какого. *Хрена?* – только и успел он сказать, прежде чем дверь открыл мужчина под шестьдесят. Мужчина посмотрел на нас как-то странно, что, как мне показалось, было немного грубо с его стороны – ведь он же хозяин! – и я решила сразу со всем разобраться, так что выпалила:

– *Ну знаете…* Спартанцы? Из «Субботнего вечера в прямом эфире»?

Он все продолжал на нас таращиться, нахмурившись, как будто присматривался к нам, и я, пожав плечами, сказала:

– Ладно. Можете не переживать. Наша няня тоже не вкурила.

Виктор прочистил горло и посмотрел на меня своим типичным взглядом, в котором читалось: «*Пожалуйста, заткнись*», а мужчина у двери сказал:

– Простите. Я могу вам как-то *помочь*?

Тогда Виктор объяснил ему, что мы пришли на вечеринку, но, *судя по всему*, неправильно поняли написанное в приглашении (*и снова сверкнул на меня без надобности глазами*), потому что решили, что вечеринка костюмированная, и тогда мужчина прервал нас и сказал:

– *Тут нет никакой вечеринки*.

Я решила, что он просто пытается от нас отделаться, но тут

Виктор вытащил приглашение, и мужчина любезно обратил наше внимание на то, что мы находимся на Северной Кливлендской улице, а нам нужно на Южную Кливлендскую улицу. Казалось, он испытал огромное облегчение, когда ситуация разъяснилась, но тут я выпалила:

– Ох, *слава Иисусу!*

Тогда он снова как-то странно на меня посмотрел. Наверное, он просто был атеистом, который не понимал, что я благодарила Бога за то, что теперь не получу от собственного мужа удар ножом, после того как заставила его надеть наряд черлидера на повседневно-деловую встречу. Атеисты таких вещей никогда не догоняют.

Несколько минут спустя мы с Виктором приехали по нужному адресу и увидели дом, украшенный всевозможными декорациями к Хеллоуину, и нескольких людей, болтающихся без дела снаружи в костюмах. Я начала тихонько молиться, но, видимо, делала это недостаточно тихо, потому что Виктор злобно на меня глянул и попросил вести себя сегодня как можно лучше. Он зачитал мне список тем, на которые *нельзя* разговаривать в малознакомой компании.

– Развод, смерть, политика, героин, секс, рак, *проглоченные иголки*, – пробубнил он. – Вот об этом разговаривать *не* надо.

– Все поняла, – заверила я его.

Он посмотрел на меня с сомнением.

– Кроме того, большинство из этих людей – консервативные республиканцы, так что, *пожалуйста*, не надо им рассказывать о том, как тебе нравится Обама. Мне с этими людьми работать. И ни слова про влагалища или некрофилию, – он действительно был свидетелем того случая, – или про ниндзя, или про то, как твой прадедушка убил твою прабабушку молотком.

Я попыталась было кивнуть в знак согласия, но **теперь все упомянутые им вещи застряли у меня в голове,** и я безуспешно пыталась думать о чем-нибудь другом. И ничего другого на ум не приходило.

К счастью, на вечеринке было очень шумно, а поскольку дело происходило в Техасе, постольку большинство гостей уже были пьяны и очень разговорчивы, так что я могла только бездумно улыбаться и кивать в знак согласия в ответ на все, что говорили другие. Мы с Виктором уселись рядом с довольно большой группой его коллег. По правде говоря, было бы весьма непросто вставить слово в разговор, главным участником которого был человек, одетый Джоном Маккейном (я вам клянусь). Он разразился тирадой о том, что Обама собирается забрать у нас все наше оружие (*«Да где он его хранить-то будет?»* – думала я), и я

увидела панику в глазах Виктора, который заметил, как я напряглась, и принялся безмолвно умолять меня не встревать. Я прикусила язык и выдавила из себя улыбку. На лице Виктора отразилось явное облегчение, и он сделал глубокий вдох, а я улыбнулась и закатила глаза – *мол, а ты-то все сомневаешься!* – но ряженый Маккейн, видимо, заметил, что мы обменялись взглядами, – он фыркнул и, подозрительно нахмурив бровь, спросил:

– А это что? Неужели в наши ряды затесался сердобольный либерал?

Вот тут-то все вокруг и поплыло, – ведь меня *настоятельно* попросили не говорить о политике! – так что я замерла и принялась мысленно подбирать уместный ответ, который помог бы мне сменить тему разговора. Когда тишина стала невыносимой, я выпалила, пожалуй, самую неуместную фразу, которая когда-либо звучала на вечеринках:

– *Как-то раз меня пырнул ножом в лицо серийный убийца*.

Самым ужасным было то, что я умудрилась произнести эти неуместные слова совершенно серьезным и невозмутимым голосом. Словно людей постоянно бьют ножом в лицо. А еще знаете что? *Я не имею ни малейшего понятия, почему я это сказала.* Тогда Виктор посмотрел на меня с таким выражением, как будто у него инсульт, и цвет его лица начал меняться. Стиснув челюсть, он выдавил из себя:

– Ха-ха-ха, дорогая! А какое отношение *это* имеет ко всему? – и я знала, что это он пытается дать мне возможность соскочить, ну или просто хочет таким образом от меня отстраниться. Наверное, мне следовало просто списать все на выпивку, но вместо этого я решила попытаться спасти ситуацию, объяснив, что псевдо-Маккейн упомянул про огнестрельное оружие, и это напомнило мне про ножи, и вот *тогда* я вспомнила, как меня пырнул ножом в лицо серийный убийца, – но после этих объяснений ситуация стала еще более странной, и люди вокруг начали бросать в мою сторону неловкие взгляды и издавать нервные смешки. Тогда Виктор принялся сверлить меня взглядом, а я все продолжала самооборону, потому что Я ТУТ ПЫТАЮСЬ ПОМОЧЬ. Раз уж на то пошло, **Виктор должен был сердиться на Маккейна, а не на меня, потому что во всем этом, по сути,** он **был виноват**. В смысле, на парня в костюме, а не на бывшего кандидата в президенты Джона Маккейна. Его там даже и не было. Я не очень хорошо понимаю, почему мне нужно это уточнять.

Наконец Виктор прочистил горло и попытался поменять тему разговора, но пути назад уже не было: сначала люди

принимаются задавать вопросы, потом замечают тоненький шрам у тебя на лице, и вот уже у тебя нет другого выбора, кроме как рассказать историю про серийного убийцу. Готова поспорить, что прямо сейчас вы думаете: «Неужели ее и правда пырнул ножом в лицо серийный убийца?» И не пытайтесь даже этого отрицать, потому что вы только что об этом прочитали, так что вы просто *должны* об этом думать. Так устроены книги. А еще знаете что? *Велоцирапторы.* Ха! Теперь вы думаете о велоцирапторах. *Крутотень.* Наверное, именно поэтому Стивен Кинг написал так много книг.

Ваш разум теперь в моей полной власти.

Как бы то ни было, ответ на ваш вопрос такой: «Да. *Да*, меня и правда пырнул ножом в лицо серийный убийца. *Типа того*». Так я в точности и сказала людям на вечеринке. После этого Виктор чуть со мной не развелся. А самое трагичное тут то, что *формально* во всем как бы виноват Виктор, потому что к тому моменту я уже была готова сказать всем, что просто напилась, а потом пойти спрятаться в туалете, но Виктор решил сказать, что я напилась, первым, и я так на него разозлилась, что перестала бояться разговаривать с незнакомыми людьми: ведь он *явно* не воспринимал историю про то, как меня пырнули ножом в лицо, всерьез. Виктор поспешил заметить, что на самом деле все было несколько иначе, и он был прав, но к этому моменту все были уже слишком заинтригованы. И потом, никто ведь не знал, каким кошмаром обычно оборачиваются разговоры со мной на вечеринках, так что вместо того, чтобы поддержать предложение Виктора и отправить меня прилечь, они потребовали, чтобы я рассказала им эту историю. Они были обречены.

Практически сразу же я осознала, какой большой это было ошибкой, но решила, что все еще могу спасти положение, так что сделала глубокий вдох и объяснила, что на самом деле я просто заснула во время просмотра документального фильма про серийных убийц, и, видимо, этот фильм сильно меня впечатлил, потому что мне приснилось, что за мной гонится Ночной охотник[25], размахивающий огромным ножом, и во сне *ОН ПЫРНУЛ МЕНЯ ПРЯМО В ЛИЦО*. Мне стало так больно, что я закричала и тут же проснулась, после чего поняла, что все это мне только снилось.

Тут люди обычно начинают из вежливости смеяться. И именно на этом месте мне следует заканчивать свой рассказ. Постараюсь не забыть об этом в следующий раз. Конечно же, в тот раз я на этом *не* остановилась – ведь мой внутренний цензор отставал от повествования на семь секунд, и к тому же был

слишком шокирован происходящим, чтобы велеть мне *заткнуться*.

Так что я наклонилась вперед с заговорщицким видом и сказала только-только расслабившейся публике:

– А крик между тем не прекращался, и тут выяснилось, что кричу *я*, потому что МЕНЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ПЫРНУЛИ НОЖОМ В ЛИЦО.

В этот момент все перестали смеяться, а у Виктора сделался нездоровый вид. Тогда-то у меня и началась паника, и я заговорила ужасно быстро, чтобы поскорее закончить и убежать.

– Значит, Виктор просыпается и видит, что у меня все лицо в крови, и такой весь: «КАКОГО ХРЕНА?!» А я такая типа: «*НЕ ГОВОРИ!* МЕНЯ ПЫРНУЛ НОЖОМ НОЧНОЙ ОХОТНИК!», и тогда Виктор подскочил, обнажил свой меч и побежал по коридору в погоне за Ночным охотником, – это было довольно странно, потому что в документальном фильме говорилось, что он все еще в тюрьме, но, полагаю, когда ты просыпаешься и видишь, что твою жену пырнули ножом, сложно мыслить трезво, и лично я была прямо впечатлена тем, как быстро он обнажил свой меч и пустился в погоню за опасным серийным убийцей…

Виктор перебил меня:

– Пожалуйста, *ради всего святого, замолчи*.

Я с удивлением на него посмотрела, пытаясь понять, какая именно часть моего рассказа его так шокировала, и тут же поспешила пояснить:

– *Ах!* Когда я сказала «обнажил свой меч», я не имела в виду его пенис, ребят. Я говорила про самурайский меч, который мы держим у кровати. Не побежал же Виктор по коридору за серийным убийцей, размахивая своим пенисом. *В смысле, это было бы нелепо*, – засмеялась я. Больше никто смеяться не стал.

– *Как бы то ни было,* – продолжала я, – Виктор рыскал повсюду, но никого, кроме нас, в доме не было, и все двери были закрыты. Виктор попробовал было убедить меня, что я просто случайно поцарапалась, но я в этом сомневалась. На следующий день кто-то на работе решил, что Виктор меня избивает, и мне пришлось рассказать про приснившегося мне серийного убийцу, но, конечно же, *никто мне не поверил*, и это было немного обидно, потому что, ударь меня мой муж *на самом деле* ножом в лицо, мне бы хватило ума придумать историю получше, а не рассказывать всем про нападение серийного убийцы во сне.

К этому моменту мне уже очень-очень хочется замолчать, но я не могу этого сделать, потому что я сама в шоке от того, куда меня занесло, и мне отчаянно хочется как-то логично все это закончить, но мне мешает паника. Я уже начинаю мечтать о том,

чтобы Виктор устроил пожар, который бы всех отвлек, но он этого не делает, так как явно не собирается мне помогать.

Итак, я продолжила:

– Конечно же, тогда я испугалась, что со мной наяву будет происходить все, что мне снится, так что теоретически может получиться так, что я проснусь в школьном кабинете в платье из маринованных огурцов. Или с руками из зефира, или без ноги. Потом, где-то неделю спустя, мы с Виктором лежали в кровати и вдруг услышали из окна над головой какой-то скрежет, словно кто-то водил ножом по стене. Меня парализовало от страха. Я медленно повернулась лицом к окну и увидела *ОГРОМНУЮ ЗАДНИЦУ МОЕГО КОТА*. Как оказалось, наш толстозадый кот Поузи пытался разместиться на крохотном подоконнике, но не помещался на нем, так что ему приходилось отчаянно цепляться одной из задних лап за стену, чтобы удержаться, и тут я поняла, что именно со мной случилось. Мой огромный, жирный кот упал мне на лицо и поцарапал меня своими огромными кошачьими когтями в тот самый момент, когда мне снились серийные убийцы. *Вот* почему десять лет спустя у меня по-прежнему этот шрам.

Все смотрели на меня озадаченно, и Виктор заставил меня уйти, после чего поклялся больше никогда не брать меня с собой на вечеринки. Мне было сложно с ним спорить, и все-таки **я заметила, что вечеринка на самом-то деле удалась, потому что никто так и не увидел моего влагалища.** Виктор сказал, что мы по-разному понимаем слово «удалась». Потом он сказал мне, что истории про серийных убийц, которые в конце концов оказываются обыкновенными котами, теперь возглавляют перечень вещей, о которых мне запрещено разговаривать, и вот тут я уже возмутилась не на шутку, потому что в этой истории он выглядел долбаным американским героем, гоняющимся по всему дому за серийным убийцей (который на самом деле оказался котом). Тогда он заметил, что коты на самом деле не серийные убийцы, а я ответила, что формально коты *опаснее* серийных убийц, потому что они слишком пушистые, чтобы их кто-то заподозрил, и если бы Поузи приземлился на несколько сантиметров ниже, то мог бы порезать мне яремную вену. По сути, Поузи – незаметный убийца.

Прямо как холестерин.

Я попыталась успокоить Виктора, пообещав, что когда мы вернемся домой, я все заглажу, отправив его коллегам остроумное письмо, в котором не будет ни единого слова о ножах.

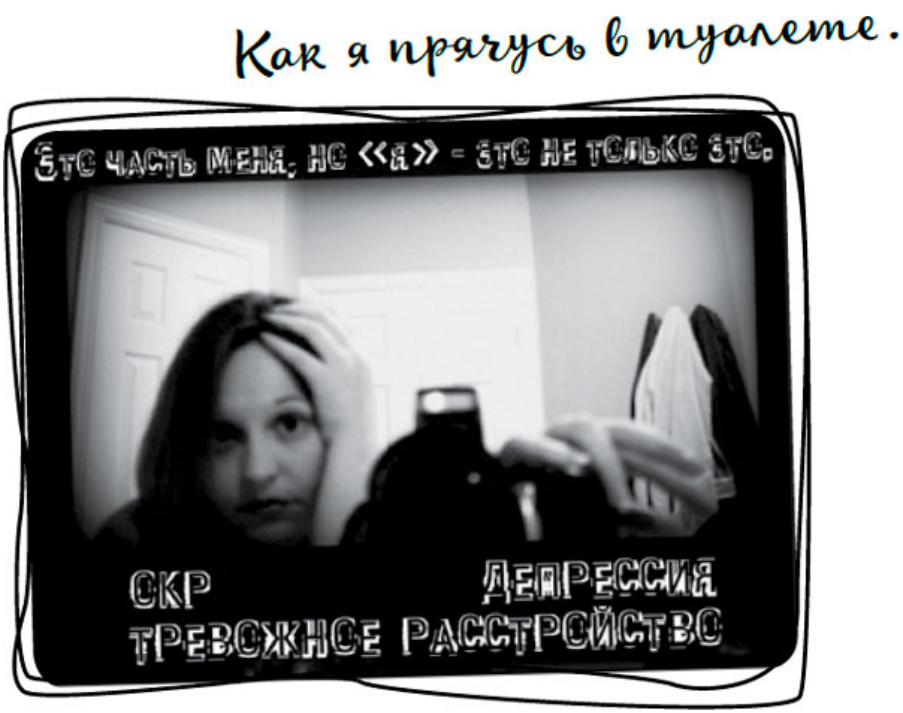
– А потом что? – спросил Виктор.

– А *потом*, – объяснила я, – все будет хорошо, потому что я буду настолько обворожительна, что они меня простят. Кроме того, все на вечеринке были порядочно пьяны, и они вряд ли поверят, когда проснутся утром, что я *и правда* рассказала эту ужасную историю.

Тогда Виктор заметил, что, если мне и *удастся* убедить их в своей нормальности по электронной почте, в итоге я непременно снова облажаюсь, и он был прав, и именно поэтому в следующий раз на вечеринке я скажу всем, что у меня ларингит, и попрошу всех достать сотовые телефоны, чтобы общаться со мной с помощью СМС. Но, как мне пришлось с неохотой признаться Виктору, проблема в том что я, скорее всего, запаникую и скажу первому же попавшемуся человеку, что не могу говорить, потому что мою гортань сожрал леопард, а потом достану телефон, чтобы показать, насколько гортань при увеличении напоминает влагалище. Виктор жалобно на меня посмотрел, и я достала телефон, чтобы найти видео с гортанью и подтвердить свои слова. Тогда Виктор глубоко вздохнул и попросил меня перестать с ним разговаривать. Чего, полагаю, и следовало ожидать.

Что ж, извинюсь перед ним завтра.

По электронной почте.



Спасибо за зомби, Иисус

Разговор с Виктором в машине:

Я: Господи, а ты видел название того кладбища, которое мы только что проехали? «*Кладбище воскресения*». Что за жуткое название для кладбища.

ВИКТОР: Это потому, что они верят в воскресение Иисуса, дубина.

Я: *И тем не менее.* Некоторые вещи просто нельзя воскрешать. Можно подумать, нам нужно, чтобы по земле шатались эти гребаные зомби.

ВИКТОР: Это уже не «воскресение». Это *«оживление»*.

Я: Одно и то же. Хотя, полагаю, *«Кладбище оживления»* звучало бы куда более жутко.

ВИКТОР: Это не одно и то же. Зомби – это оживленные трупы, которые при этом лишены былых умственных способностей, так что это не воскресение. *Формально* это можно назвать «зомбификацией».

Я: Ну ладно, раз уж ты хочешь говорить *формально*, то что тогда насчет вампиров?

ВИКТОР: Эмм… *С ними все в порядке?*

Я: Я хочу сказать, что вампиры обладают «былыми умственными способностями», а значит, следуя твоей логике, они «воскрешены». С тем же успехом можно было назвать его «Кладбище *приносящего вампиров Иисуса*».

ВИКТОР: Нет, это не то же самое, потому что когда ты воскрешаешь кого-то из могилы, это уже не нежить.

Я: Ну уж нет, как раз это и ЕСТЬ нежить. Это как бы *определение* нежити.

ВИКТОР: Нет. Нежить – это вампиры. Воскрешенные трупы – это не нежить.

Я: Кажется, ты сам не знаешь, что такое «нежить».

ВИКТОР: КАЖЕТСЯ, ЭТО *ТЫ* НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ «НЕЖИТЬ»!

Я: Господи, *да успокойся уже, Дарвин*. Не надо сходить с ума из-за того, что я нашла изъян в твоей дурацкой логике.

ВИКТОР: [вздыхает] Слушай, есть множество исключений, которые ты не учитываешь. Можно оживить человека, не превращая его в настоящего «зомби». Например, можно вернуть кого-то к жизни, чтобы он выполнил какую-то задачу.

Я: Ага. И это называется *зомби*.

ВИКТОР: *Нет*, потому что он не станет охотиться за мозгами. Ему просто нужно сделать определенную работу. *Посмотри в Интернете.*

Я: Ага, *я посмотрю*. Я посмотрю это в *Словаре несуществующего дерьма*.

ВИКТОР: [сердито сверлит глазами]

* * * *пять минут озлобленной тишины** * *

Я: Значит, я тут разговаривала на работе с женщиной, которая занимается вопросом донорства органов, и она рассказала секретный способ, который не позволит тебе *не* отдавать мои органы.

ВИКТОР: А знаешь что? А слабо тебе сказать что-нибудь еще более бессмысленное?

Я: Ну я же знаю, что ты против донорства органов, так что я сказала ей, что опасаюсь, что ты не разрешишь врачу забрать мои органы, если я умру первой, но она объяснила, что если я запишу на карточке донора в качестве ближайшего родственника свою маму, то твоего разрешения даже спрашивать никто не станет.

ВИКТОР: Если ты хочешь разбрасываться своими органами, я не стану тебя останавливать. Только не нужно потом жаловаться мне в загробном мире, когда мы встретимся: *«О нет, я только что вся описалась, потому что отдала кому-то свой мочевой пузырь»*.

Я: *Ладно.* Но если ты умрешь первым, то я непременно отдам твои органы для пересадки.

ВИКТОР: *Черта с два.* Они мне могут понадобиться.

Я: С какой стати они могут тебе понадобиться? ТЫ ЖЕ БУДЕШЬ МЕРТВ.

ВИКТОР: А что, если я стану зомби? Что скажешь, хитрожопая? Из меня будет довольно паршивый зомби, если у меня заберут глаза. Я буду кусать столбы, котов и всякое прочее дерьмо.

Я: То есть ты готов отказаться спасать кому-то жизнь из-за ничтожной вероятности того, что ты станешь неполноценным зомби?

ВИКТОР: Из твоих уст это звучит совсем тупо.

Я: Ладно. Я просто отдам те органы, которые зомби не нужны. Например, твою кожу. Ну или мозг.

ВИКТОР: Зомби нужен мозг.

Я: Нет, зомби *едят* мозги. А потом их жертвы тоже становятся зомби, несмотря на то, что их мозг уже съели другие зомби, так что, очевидно, ты можешь отдать свой мозг и все равно остаться полноценным зомби.

ВИКТОР: Ага, и потом я буду всю вечность шататься по миру безмозглым идиотом.

Я: *[фыркаю]*

ВИКТОР: Заткнись.

Я: Я ничего не сказала.

ВИКТОР: Если я, став зомби, узнаю, что у меня не хватает органов, то первым делом я сожру тебя.

Я: А что, если ты погибнешь в автомобильной аварии и Хейли сильно пострадает, а единственным способом ее спасти будет пересадка твоих почек?

ВИКТОР: Она будет выглядеть очень странным ребенком с моими огромными почками внутри.

Я: Ладно, а если ей будет шестнадцать, когда это случится?

ВИКТОР: Если ей будет шестнадцать, а я умру, то она определенно может забрать мои органы. Но только второстепенные… вроде руки или пальцев.

Я: Уверена, она будет самой популярной девочкой в школе с твоей волосатой старой рукой.

ВИКТОР: Ага, и если к ней начнет приставать какой-то мальчик, она может сказать ему: «Не вынуждай меня доставать руку моего отца!»

Я: Интересно, а это самая странная наша ссора?

ВИКТОР: Можешь мне поверить – нет.

Поиски подруг

Большую часть своей жизни я прожила с маленьким ужасным секретом: мне никогда не нравились девочки. Я понимаю, что это стереотип, да и звучит лицемерно, так как я сама девочка, но если честно, то я вряд ли бы стала с собой тусоваться, будь у меня выбор.

Так было всегда. Я была слишком нервной и не похожей на всех, чтобы по-настоящему подружиться с другими девочками, и с самой юности мне никак не удавалось этому научиться. Я утешалась мыслью о том, как много денег экономлю на рождественских подарках друзьям, которых никогда не делала, и еще заверяла себя, что то, что у меня нет подруг, которые могли бы устроить мне девичник или выступить в качестве подружек невесты, – совершенно нормальное явление.

> Каждый раз, когда я слышу про женщин, по-прежнему близко общающихся со своими школьными подругами, я всегда делаю мысленную пометку обходить их стороной, так как уверена, что они неисправимые лгуньи.

Даже когда я повзрослела, большинство моих друзей по-прежнему составляли мужчины, и мне все так же казалось, что женщины любят осуждать других, жестоки, непостоянны и склонны брать у тебя поиграть куклу, а потом ее не возвращать. Виктор всегда подстрекал меня найти подруг, но я убедила себя в том, что девочки – это как небольшие медведи: милые на вид, но слишком опасные, чтобы садиться с ними за один стол.

Все это изменилось, когда я завела блог и обнаружила в Интернете таких же нелюдимых изгоев, как я сама, и тогда я с гордостью рассказала Виктору о своих новых прекрасных друзьях, с которыми я почти наверняка никогда не встречусь.

– ГОСПОДИ, у Raptor99 будет еще один ребенок! – радостно говорила я, а Виктор на это отвечал, что не имеет ни малейшего понятия, кто это такой. – Ну ты знаешь, – объясняла я, – Raptor99 – это тот человек, который в прошлом году победил рак и теперь подумывает сделать каминг-аут. Помнишь, как много времени в прошлом месяце я провела за компьютером, убеждая одного человека, что ему нужна помощь с его булимией? *Так вот, это был человек под ником* Raptor99.

– Ха. Так я не понял, Raptor99 – это парень или девушка? – спросил Виктор.

– На самом деле я не знаю, – сказала я. – На аватаре у него дельфин.

Тогда Виктор поспешил заметить, что сложно назвать кого-то «своим хорошим другом», если ты даже не знаешь, парень это, девушка или дельфин. Мне пришлось признать, что он прав, так что я решила выбраться из дома и пообедать с другой ведущей блог мамочкой, женщиной по имени Лаура, с которой мы подружились в Интернете на фоне общего ужаса перед воспитанием маленького ребенка. Встреча прошла на удивление здорово, но так я ступила на скользкую дорожку, которая привела к знакомствам со все большим и большим количеством людей. Моя тревожная личность содрогалась от одной только мысли о том, чтобы обзавестись друзьями, тем более женского пола. Лаура попыталась убедить меня в *существовании* по-настоящему интересных и не особо любящих осуждать других женщин, которые не станут смеяться над тем, что я частенько прячусь под столом, если не могу совладать с эмоциями. Я ей не поверила, но сделала глубокий вдох и решила покориться, потому что в худшем случае с помощью этого эксперимента я только доказала бы правильность своей теории о том, что **большинство взрослых женщин не менее опасны, чем дети на детской площадке**, которые не разрешают тебе играть с ними в тетербол, потому что у тебя нет трусиков и майки с Чудо-Женщиной.

За следующие два года я провела предварительную работу и подружилась с несколькими блогерами, с которыми меня познакомила Лаура, – в результате меня пригласили в девчачью блогерскую поездку на калифорнийские винодельни. В программе была дегустация вина и групповая йога, и я не особо горела энтузиазмом, но Лаура была в числе организаторов и сказала мне, что с моей стороны было бы глупо не поехать.

– К тому же, – напомнила она мне, – ты мне *сказала*, что одна из твоих целей на этот год – завести подруг.

Она была права, но вместе с тем напомнила мне, почему из девушек получаются одновременно и прекрасные, и ужасные друзья: они и правда слушают, когда ты рассказываешь о своих целях, даже если ты слишком пьяна, чтобы понимать, какую чушь городишь. Я *правда* сказала, что, как мне кажется, должна попытаться завести подруг, но на самом деле мне хотелось подружиться с приземленными девицами, которым нравится пить клубничные слаши[26] и которые на приглашение «Давай сходим на дегустацию вина и проведем день в спа-салоне» отреагируют с таким же ужасом, как если бы кто-то сказал: «Давайте выступим в цирке, а потом сожжем его дотла».

Лаура пристально на меня смотрела, пока я пыталась

придумать предлог, чтобы не поехать.

– Это правда, *я действительно* сказала, что мне нужны подруги, – неохотно признала я, – но не могли бы мы начать с чего-нибудь менее грандиозного и не такого пугающего? Например, провести выходные в наркопритоне? Насколько я слышала, люди там совершенно никого не осуждают, а если сказать что-то неподобающее, то потом всегда можно свалить все на их галлюцинации.

– *Заманчиво…* – ответила Лаура, – но давай сначала попробуем мой вариант. Ничто не мешает нам потом и в наркопритон заглянуть.

Главным организатором этой четырехдневной поездки была блогер по имени Мэгги, которую я знала только понаслышке. Недавно ей удалось добиться того, чтобы огромная корпорация проспонсировала исполнение поставленных ею перед собой целей. Она уже побывала в Греции, в компании целой толпы народу покидалась на улицах едой, а еще сплавала в Пуэрто-Рико, причем за все заплатил спонсор, ну или она на самом деле просто продала свою душу. Следующим пунктом в ее списке была организация небольшой девчачьей поездки, так **что она решила организовать «Бабий саммит», названный так потому, что мы были кучей баб**. Ну или потому, что название «*Слет вагин*» уже было занято.

Женщины и без того пугают меня не на шутку, но с блогершами я боюсь иметь дело еще больше. В большинстве своем они эмоционально нестабильны и зачастую испытывают неловкость в общении с другими людьми, из-за чего, собственно, многие из нас изначально и завели свои блоги. Кроме того, они постоянно ищут, о чем бы им написать, так что если ты как-то облажаешься, то они непременно напишут об этом в своем блоге, в «Фейсбуке» и «Твиттере», и репосты будут продолжаться до самой твоей смерти. Это как если бы Линдси Лохан провела выходные с редакцией National Enquirer и сайта TMZ[27], и я подозреваю, что в один прекрасный день на моем надгробном камне будет написано: «Дженни Лоусон. Ее неправильно процитировали в “Твиттере”».

Полагаю, что большинству людей винодельни кажутся чудесным местом, но я не любитель. Дегустация вина, массаж, косметические процедуры и пижамные вечеринки в маленьких отелях – все это казалось мне развлечениями для богачей, у которых действительно бывают пижамы и к числу которых я никогда не принадлежала. Я все пыталась придумать предлог, чтобы никуда не ехать, когда получила по почте приглашение: небольшой ящик с вином и трубочку безумной формы. Виктор

увидел этот ящик и принялся настоятельно рекомендовать поехать и обзавестись новыми друзьями, и я ответила на приглашение согласием, потому что быстренько наклюкалась этим самым вином. Всю следующую неделю я об этом своем решении жутко сожалела.

РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ У МЕНЯ СОСТОЯЛСЯ С МОЕЙ СЕСТРОЙ ЗА ТРИ ДНЯ ДО ПОЕЗДКИ:

Я: Я отправляюсь в долину Напа на тусовку, и я просто в ужасе. Все остальные, кто едет со мной, наверняка те еще модницы, и многие из них дизайнеры, а у меня нет никакой дизайнерской одежды.

МОЯ СЕСТРА: Просто сделай вид, что ты из богемы, и они подумают, что ты в авангарде.

Я: Ну на самом деле у меня *есть* модная сумочка, но я никогда ею не пользовалась. Производитель товаров для взрослых прислал мне огромный металлический фаллоимитатор, завернутый в сумочку от Кейт Спейд, в надежде, что я напишу про него в своем блоге.

МОЯ СЕСТРА: То, что у тебя есть сумочка от Кейт Спейд, – это еще более странно, чем то, что тебе кто-то прислал в ней фаллоимитатор.

Я: Знаю. Вот почему она все еще лежит в коробке, вместе с фаллоимитатором. Но с собой я ее точно возьму и буду использовать в качестве щита, чтобы люди думали, будто я одна из них. По сути, это будет все равно что носить с собой распятие от вампиров.

МОЯ СЕСТРА: Ты про фаллоимитатор?

Я: Про сумочку.

МОЯ СЕСТРА: А-а. Только не рассказывай больше никому эту историю.

Я: Наверное, это будет первое, что я расскажу. В последнем письме, которое я получила по поводу нашей поездки, говорилось, что мы будем несколько раз переобуваться *за один день*. У меня только одна пара симпатичных туфель, и те без каблука.

МОЯ СЕСТРА: Ну твой артрит станет достаточно хорошим оправданием.

Я: Да, но у меня такое чувство, что мне придется написать это на своей футболке: «Пожалуйста, не осуждайте меня, я больная». Когда все остальные будут переобуваться, у меня не будет ничего на смену. Впрочем, у меня ведь есть носки. Я могу переобуться в носки.

МОЯ СЕСТРА: Ох, да ты в полном дерьме.

ЗА ДВА ДНЯ ДО ПОЕЗДКИ:

Я: Итак, я только что видела список приглашенных, и я теперь *просто в панике по поводу этой вечеринки.* Такое чувство, что все остальные – школьные красавицы, а я – та странная девочка со спинным корсетом, которая объелась клея.

ЛАУРА: Пора бы тебе уже перестать паниковать по этому поводу. Все будет происходить в крайне расслабленной и беззаботной атмосфере, так что тебе нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Просто привези с собой несколько пар джинсов с футболками, и этого будет достаточно.

Я: У меня нет джинсов.

ЛАУРА: *Ты чертова врушка.*

Я: Сколько лет ты меня знаешь? Ты хоть *раз* видела меня в джинсах?

ЛАУРА: *Вау.* Нет. Наверное, с тобой что-то не так.

Я: *Именно это я и пытаюсь до тебя донести.*

ЗА ДЕНЬ ДО ПОЕЗДКИ:

Карен (чудесная и милейшая блогерша, с которой меня познакомила Лаура) узнала, что у меня нет джинсов, и решила вытащить меня за покупками.

КАРЕН: Просто не верится, что ты не носишь джинсы. Джинсы – это нечто, и они безумно удобные. Джинсы – как нижнее белье. Это все равно что ходить в нижнем белье.

Я (ИЗ ГЛУБИНЫ ПРИМЕРОЧНОЙ): *Нет. Платья* – это как нижнее белье, потому что – знаешь, что я ношу под платьем? Только нижнее белье. А иногда? *Даже нижнего белья не надеваю.*

Я ВЫШЛА ИЗ ПРИМЕРОЧНОЙ.

КАРЕН: Ох. *Видишь?* Это прелестнейшие джинсы. Тебе стоит их взять.

Я: Ммм. Нет. У меня колени в них толстыми выглядят.

КАРЕН: Эмм… *что?*

Я: *Тебе* не понять, потому что ты всегда была стройной, но у толстых коленные чашечки устают поддерживать весь этот вес, поэтому, когда сводишь колени вместе, они выгибаются назад. Вот почему я всегда тщательно слежу за тем, чтобы мои ноги были слегка согнуты в коленях и мои колени не стали такими, как у толстух.

КАРЕН: Я тебя, конечно, люблю, но у меня даже нет слов, чтобы описать, насколько безумный бред ты сейчас несешь. Чаще всего ты абсолютно нормальная, но сейчас? *Просто ходячее безумие.*

Я: Наверное, раньше ты просто не вслушивалась в то, что я говорю.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОЕЗДКИ, В САМОЛЕТЕ:

Всем же знакомо, когда командир самолета объявляет по громкой связи что-то подобное?

– Через несколько минут мы взлетаем, но придется пока обойтись без кондиционера, потому что у нас не хватает мощности, а еще у нас проблема с одним из двигателей, так что мы начнем взлетать пока без него, а потом запустим.

После этих слов, пожалуй, следует просто сойти с самолета. Но я этого сделать не могла, потому что оцепенела от ужаса, так что вместо этого просто спросила у сидевшего рядом парня, не думает ли он, что все это было просто шуткой. Он так не думал, но сказал, что беспокоиться не о чем.

– Ага, – сказала я пронзительным от страха голосом, – но тут только что сказали, что у нас не все двигатели работают. *А я почти уверена, что два двигателя куда лучше одного*.

Он снисходительно погладил меня по руке и сказал, что со мной все будет в норме, а я, решив, что он ко мне подкатывает, ответила:

– Я замужем.

Тогда он как-то странно на меня посмотрел и сказал:

– Поздравляю.

Наверное, он и не думал ко мне подкатывать. Скорее всего, ему просто хотелось, чтобы я заткнулась. Тогда по громкой связи заговорила стюардесса, и вместо своей стандартной фразы: «просим вас отключить все электронные приборы» она сказала:

– Если вы говорите по мобильному, то попрощайтесь со своим собеседником.

И я такая вся:

– Какого хрена она сказала «попрощайтесь» таким обреченным голосом?

Сидящий рядом парень не ответил. Наверное, он просто знал, что живыми мы оттуда не выберемся.

Удивительно, но мы приземлились. Я должна была встретиться с одной из блогерш у выдачи багажа, чтобы взять такси на двоих, но я ужасно плохо запоминаю лица, и до меня тут же дошло, что **если на ней не надет тот же плащ, что и на фотографии в ее блоге, то у меня серьезные проблемы**. Я решила ей позвонить и попросить меня найти.

– На мне черная шляпа, – сказала я.

– Я знаю, как ты выглядишь, Дженни, – добродушно засмеялась она. – Я узнаю тебя и без всякой шляпы.

Черт. Теперь я пытаюсь сообразить, не встречались ли мы с ней уже. Какие истории я ей рассказала? Может, я ее и обидеть

успела? Паника. А еще она сказала это в духе: «Да брось. *Конечно же,* мы друг друга узнаем», так что я начала пялиться на каждую проходившую мимо в одиночестве девушку в аэропорту, улыбаясь и делая вид, будто я ее узнала, и все они с недоумевающим видом отворачивались. Так я понимала, что они не ищут незнакомку в шляпе. Как оказалось, на этой Сьюзан все-таки *был* надет плащ с той фотографии, но я прошла прямиком мимо нее, потому что не поверила, что такое возможно. Она закричала:

– ДЖЕННИ! *Ты куда?* – словом, я завалилась на первом же испытании, причем в нем не было даже подвоха.

Гостиница была маленькой, причудливой и простой, и как только мы зашли внутрь, нас встретила собака владельца, которая была изображена на рекламной брошюре гостиницы. Во рту она держала фрисби, на котором отчетливо читался логотип, и все были такие:

– Господи, какая она миленькая!

А я только и думала: «Они точно приделали этот фрисби ей к языку степлером». Потому что так работают мои мысли. Я подумала было прилепить наклейку с символикой моего блога на фрисби, но эти штуки потом хрен отдерешь, да и владелец, наверное, будет такой весь: «ЧЕРТ. Теперь придется прибивать собаке в рот степлером новое фрисби». Реклама того не стоит. Тем более что гостиница была маленькой, и едва ли эту собаку много кто бы увидел. И к тому же приделывать объявления степлером к собачьему рту в корне неправильно.

На мне были джинсы, которые Карен уговорила меня купить, и черная шляпа в стиле 1930-х годов, которая, как я надеялась, так и кричала: «я из богемы и люблю винтажные шмотки». Потом до меня дошло, что я забыла отодрать огромный оранжевый ценник с надписью: «Новая цена $7.48». Замечательно. А еще я только и думаю, что о том, насколько толстыми в этих джинсах выглядят мои коленные чашечки. Нужно пойти прилечь.

В течение следующего часа я здоровалась с девушками (все они казались очень дружелюбными) и тут же забывала, как их зовут и чем они живут, поскольку была слишком сосредоточена на том, чтобы не сказать чего-нибудь неподобающего. А потом я увидела Эвани Томас и уже не могла сдержать эмоций, потому что мне нравится ее писанина. Я услышала, как рассказываю ей, что вырезала из бумаги ее маленькую фигурку, чтобы поставить на свой письменный стол. Тут до меня дошло, что это уже из серии «я хочу носить куртку из твоей кожи», но она меня искренне поблагодарила, потому что она такая же странная, как и я. В этом и состоит вся прелесть общения с блогершами. Почти все они такие же прибитые, как и я.

На ужин мы ели тако из фургончика. Они были просто объеденье, и я обернулась, чтобы представиться девушке, которая стояла рядом со мной. Она назвала свое имя, но оно мне ни о чем не говорило, потому что я только и запомнила, что названия их блогов.

Я: А! Я тебя знаю! У тебя этот крутой блог про дизайн!

ОНА: Нет, это у другой азиатки. Я пишу про моду.

Я: Вот дерьмо. Не могу поверить, что я только что это сделала. Я жуткий расист.

ОНА: Не переживай. Так, а ты чем занимаешься?

Я: Я веду блог про то, как унижаюсь на публике. Вот эта история точно туда попадет.

ОНА: Могу представить.

Я: Я, наверное, сделала бы пост про это на «Фейсбуке» прямо сейчас, но связь почти не ловит. А еще большая часть моей одежды куплена в Target, и я в курсе, что мои колени выглядят толстыми в этих джинсах. Я решила, что просто должна во всем этом признаться прямо сейчас. Прости, такая вот я. Ты меня осуждаешь?

ОНА: Ну уж точно не за твою одежду.

Я: Ты мне нравишься. Ты говоришь все напрямую. Думаю, мы станем лучшими подругами.

Казалось, она в этом сомневается. Я хотела было ей сказать, что у меня уйма друзей из Азии, но решила, что это только все усугубит. Печальная правда в том, что я и белых женщин друг от друга точно так же не отличаю. На самом деле к тому моменту я уже так набралась, что не совсем была уверена, кто я сама. У меня была тусклая надежда на то, что я Эвани Томас. Вот она мне нравится.

Началась пижамная вечеринка. Только было до жути холодно, и у меня не было пижамы, а вот у всех остальных были просто потрясные халатики и штанишки. Организовавшая вечеринку Мэгги была одета в красный шелковый халатик, накинутый, казалось, поверх свадебного платья, а на ногах у нее были тапочки с мехом. Она выглядела так, словно только что вышла из костюмерной. На мне же было просторное платье в гавайском стиле, надетое на спортивные штаны, сверху огромное мужское худи и рыжий парик для уверенности.

> Я ношу парик, когда оказываюсь среди большого числа малознакомых людей, по нескольким причинам: 1) в нем я себя чувствую человеком, которого не пугают другие люди, 2) если я облажаюсь, то всегда могу

отойти, снять парик и сказать: «что это была за странная рыжая и почему она без конца трындела про фаллоимитаторы?»

Им *стоит* быть осмотрительней с тем, кого они сюда пускают. Так что этот парик – моя защита, своего рода талисман, позволяющий мне делать вид, будто я не та, кем являюсь на самом деле. Только вот на дорогой парик у меня денег не было, так что я просто выглядела так, как будто притворялась больной раком.

Я с недовольным видом рассматривала свой прикид в зеркале, но Лаура заверила, что я похожа на какую-то таинственную шпионку. Я с подозрением на нее посмотрела.

– А может, на бомжиху, которая случайно забрела на модную коктейльную вечеринку?

Она осмотрела меня, стараясь оценить объективно.

– Ну, может, самую малость, – призналась она. – Но *куда* больше на шпионку.

Классные у меня подруги.

Вдвадцатером мы уселись вокруг костра в наших пижамах, и ни у кого в руках не было сотового телефона. Со связью здесь было совсем плохо, так что мы были просто вынуждены разговаривать друг с другом. Удивительно, но общение складывалось без особых помех, и никто, казалось, не паниковал, кроме меня. Выпивка, конечно, тоже сделала свое дело. Я прошептала Лауре, что никогда не была в детском лагере, так что мне подобные вечера в новинку, и еще что именно в этот момент серийный убийца должен был бы решать, кого из нас прикончить. Мы сошлись на том, что первой будет девушка слева от нас, потому что она была вся такая хрупкая и расчудесная, и зрителям бы она точно понравилась. Мне бы ее было жалко. Девушка в соседнем домике стала бы следующей, потому что она горячая блондинка с пышной грудью, но сначала она, наверное, попросит свою соседку потереть ей спинку в душе, потому что она должна быть голой для второго убийства, которое всегда самое кровавое. Наверное, все потому, что нет одежды, которая могла бы впитать

кровь. Мне сразу же стало жалко ее соседку. **Мы решили, что за ночь прикончат всех, за исключением тихой девушки справа от нас**, которая даже не пила и которая в конечном счете отомстит за всех нас и станет идеальным кандидатом, чтобы сразить убийцу, потому что она была беременная, из мормонов, ну и вообще вся такая себе на уме брюнетка. Тогда-то и выяснится, что убийцей все это время была Мэгги, потому что, как окажется, стать серийным убийцей было одним из ее желаний. Выполнение которого проспонсировали. Но зрители, наверное, ее простят, потому что она была просто чудо, да и вообще нужно отдавать должное человеку, который так упорно следует за своими мечтами.

* * *

ТРИ ЧАСА УТРА. НЕ СПИТСЯ.

К счастью, я спала в одной кровати с Лаурой, которая спит как убитая, но мне все равно было неудобно, что я сильно ворочаюсь, так что я завернулась в десять слоев одежды, накинула сверху худи и уселась у бассейна смотреть мультики на своем телефоне, чтобы никому не мешать. Только лес вокруг напомнил мне про «Сумерки», и я непроизвольно стала беспокоиться насчет вампиров.

Четыре утра. В Техасе уже давно наступило утро, так что я позвонила Виктору. Он собирал Хейли в школу, и минуте на десятой разговора на меня напал огромный медведь. На самом деле не совсем, но ощущение было именно такое. Короче, я разговаривала по телефону, и вдруг к бассейну из леса вышло это громадное животное, и я прошептала:

– *СРАНЬ Господня. Что это еще за хрень?*

А Виктор был такой весь:

– А где зубная щетка Хейли? *Почему ты вечно ничего не кладешь на место?*

И я закричала:

– ТУТ КО МНЕ КАКАЯ-ТО ГРЕБАНАЯ ЗВЕРЮГА КРАДЕТСЯ.

А Виктор такой:

– А? – и при этом он не переставал шариться по полкам в поисках щетки.

Тогда я заорала:

– ДА МЕНЯ ЩА ПУМА СОЖРЕТ. Погоди, а в Калифорнии есть пумы?

А Виктор такой весь:

– Ага. Вроде как. Ах да! Я так и не рассказал тебе про свою

идею для мобильного приложения, которое хочу сделать.

Я хотела было назвать его мудаком, но животное подходило ко мне все ближе, и в темноте мне удалось разглядеть, что у него нет хвоста, поэтому я прошептала:

– Рысь! На меня собирается напасть рысь. Ну или пума, которая осталась без хвоста. Наверное, его отгрыз какой-нибудь вампир. И теперь эта пума стала вампиром. Я в полной жопе, – но я не произнесла все это вслух, потому что боялась привлечь внимание животного. Оно подняло голову, увидело меня и тут же удрало.

Виктор орал в трубку:

– *Але! Ты, балбесина, которая в четыре утра торчит у бассейна!* Ты там еще жива? СКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ!

И я трясущимся голосом сказала:

– Я в порядке. Оно убежало, – но не успела я начать говорить про только что перенесенную психологическую травму, как он снова принялся трындеть про свое мобильное приложение, так что я закричала: – КАКОГО ХРЕНА ТЫ ГОВОРИШЬ ПРО КОМПЬЮТЕРЫ, КОГДА МЕНЯ ЧУТЬ НЕ УБИЛИ?

ВИКТОР: *Ты же в порядке*. Так что, может, послушаешь про мою идею для мобильного приложения?

Я: Нет, не послушаю.

ВИКТОР: Очень жаль. А я ведь сделал мобильное приложение, которое предупреждает, когда рядом оказывается пума. Только оно не работает, когда говоришь по телефону.

Я: Как же я тебя сейчас ненавижу.

ШЕСТЬ УТРА:

Я: *ГОСПОДИ, ЛАУРА, ПРОСЫПАЙСЯ.* На меня только что пума напала!

ЛАУРА: [все еще заспанная] *Что?*

Я: Ну это могла быть пума.

ЛАУРА: ТЫ ВИДЕЛА ПУМУ?

Я: Ну она была маленькой, так что, скорее всего, это был детеныш пумы.

ЛАУРА: [тишина]

Я: Может, это была и обычная домашняя кошка. НО ОНА БЫЛА ОГРОМНАЯ. И уж точно смотрела на меня угрожающе.

ЛАУРА: А она рычала?

Я: Нет. *Но готова поспорить, хотела.*

ЛАУРА: А насколько большой она была?

Я: Ну ее можно было бы положить в картонную коробку, но коробка вышла бы тяжелой. Наверное, она даже влезла бы в мой чемодан, *но с большим трудом*. В твой огромный чемодан она,

конечно, точно бы поместилась и даже запросто прожила бы в нем пару недель.

ЛАУРА: Я сейчас начну кидаться в тебя пумами, если ты не перестанешь смеяться над моим чемоданом.

Я [обращаясь к десяти людям за завтраком]: А Лаура вам сказала, что на меня прошлой ночью напал медведь?

ВСЕ: *ЧТО?*

ЛАУРА: На нее *не* нападал никакой медведь.

Я: Медведь… пума. *Одна хрень.*

ЛАУРА: Не было никакого нападения. *Она в порядке.*

Я: Думаю, кто-то должен спросить у владельцев, сколько пум они держат на территории гостиницы.

ЛАУРА: Я уже спросила у владельцев, кто это мог быть, и они ответили, что тут бегают по округе бездомные кошки.

Я: Я почти уверена, что «бездомные кошки» – это кодовое название для «пум-вампиров».

Я: [всем остальным, кто пришел завтракать часом позже]: Значит, вчера ночью на меня напал йети. Он был как уменьшенная версия лох-несского чудовища. Только на суше. Так что да. Было *жесть* как страшно.

Никто ничего не сказал, но это было и неудивительно, ведь в подобных ситуациях всегда так сложно подобрать слова. Как если бы кто-то сказал, что его пырнули ножом. Тут не бывает какого-то идеального ответа. Разве что если это не произошло *вот только что*. Тогда, я полагаю, нужно сказать: «Приляг и скажи нам, кто убийца», потому что это потом сэкономит следователям кучу времени.

Утром выяснилось, что мы собираемся посетить занятие по дегустации вина, и я почувствовала себя так, словно попала в какой-то пансион благородных девиц и при этом ни черта не понимаю в этикете. Нашим преподавателем была писательница, которая, судя по всему, частенько появлялась в передаче Today. Передо мной стояли пять полных бокалов вина, но преподавательца сказала, чтобы мы не пили из них, пока не закончится занятие. Подозреваю, именно так чувствуют себя собаки, когда им на нос кладут корм и дают команду его не есть. Только вот я украдкой прихлебывала из бокалов, когда преподаватель не видела, потому что из меня довольно паршивая дрессированная собачка.

Немало времени мы потратили, обучаясь вращать бокал с вином. Мне всегда казалось, будто люди делают так, чтобы выглядеть высокомерно, но, как выяснилось, чем больше вино забирает кислорода, тем лучше его вкус, а при вращении бокала вино распределяется по стенкам, за счет чего максимально

увеличивается контакт с воздухом. Мне было немного жалко девушку, сидевшую справа от меня, потому что я всегда чересчур стараюсь, когда нужно вращать бокалы с вином, и несколько раз до нее долетали брызги. К счастью, **она оставалась совершенно невозмутимой и просто слизывала капли вина с руки – это и выглядело элегантно, и говорило о том, что она за безотходное производство** и любит природу. Преподавательница наша, с другой стороны, была явно не очень довольна, так что я решила ее отвлечь и спросила, почему бы людям тогда просто не подавать вино в больших суповых тарелках и не пить его прямо из них через трубочки. Она напыщенно улыбнулась и сказала, что ей впервые задают подобный вопрос. Я была практически уверена, что на самом деле это означало:

– Я определенно украду твою гениальную идею.

Я записала на салфетке номер своего телефона и сказала ей, что жду проценты от дохода, если она вздумает производить винные тарелки. Она согласилась, а потом поспешила уйти. По ходу, не видать мне этих денег.

Пять машин с телками уехали на винодельни. *Только четыре из них вернулись.*[28]

На десятом бокале вина я задумалась, все ли нормально с моими вкусовыми рецепторами. Все остальные делали отметки в винной карте, например «Приятное послевкусие. Яркий оттенок». Я же в своей карте вырисовывала пум-вампиров. Заметив, что люди поглядывают на мои каракули, я принялась писать рядом с названиями вин слова. Фразочки вроде: «Вкус как у “Терафлю”, только в хорошем смысле» и «От этого можно нажраться в хлам», «Я своих ног не чувствую».

«Не забыла ли я закрыть дверь в гараж? Интересно, кот там не загорелся случайно? Наверное, выпивки на сегодня с меня хватит». У всех остальных были такие изысканные вкусовые рецепторы. Моим же явно нужна была психотерапия, а может, и вмешательство специалистов.

Последний виноградник в нашей программе выглядел так, словно его облюбовали привидения, а утки снаружи, казалось, высматривали, нет ли поблизости бомжей с голодными глазами, но когда официант принес нам сыр, я тут же отвлеклась. Я прошептала девушке рядом, что я в восторге от первой в своей жизни дегустации сыра, потому что обожаю сыр. Особенно чеддер. Я люблю чеддер *с любым* вкусом. Резким, очень резким, копчено-резким. Я типа знаток. А потом нам принесли сыр, и я не увидела ничего знакомого, и ТАМ ДАЖЕ НЕ БЫЛО ЧЕДДЕРА. Я была такая вся:

– ЧТО ЭТО ЗА ГРЕБАНАЯ СЫРНАЯ ТАРЕЛКА ТАКАЯ? – но сказала я это только мысленно (я, может, и была под мухой, но профессионализм сохранить все-таки пыталась).

Официанты мне объяснили, что это были «художественные сыры», которые завоевали кучу наград. По правде говоря, все они были очень вкусные, за исключением того куска в моей тарелке, к которому был наклеен пластырь. Я сказала:

– У меня тут на сыре пластырь.

И азиатка, которую я тогда еще обидела, нагнулась вперед и сказала:

– Нет. Это такая подача французского бла-бла-бла что-то там, – и я поблагодарила ее, но съела только с краю, подальше от пластыря, на случай, если она все еще пыталась мне отомстить за мой давешний непреднамеренный расизм. Правда, час спустя мы с ней довольно-таки сблизились, потому что обе потерялись в лабиринте из винных бочек в поисках туалета, и она заверила меня, что ни в коем случае не пыталась скормить мне пластырь.

Отчаянное желание избавиться от излишков мочи делает всех равными.

На одной из виноделен явно было нашествие ос, потому что осы там были повсюду. Парень, разливавший вино, пошутил, что своим насыщенным цветом оно обязано всем тем осам, которые упали в бочку. Я с подозрением уставилась в свой бокал, а он засмеялся и сказал, что это была шутка, но этим осам и вправду нравится вино, так что они запросто могли бы там оказаться. Но я все равно выпила.

– Ничего страшного, – сказала я между делом, – но у меня смертельно опасная аллергия на ос, так что я могу тут умереть.

Все остальные за столом были такие:

– Что, правда?

А я такая типа:

– Нет, не правда. *Но ведь это был бы крутой способ умереть, не правда ли?*

Никто мне ничего не ответил. Наверное, они были слишком заняты обдумыванием того, до чего это и вправду крутой способ умереть.

ВОСЕМЬ ВЕЧЕРА.

Я должна была вместе со всеми есть барбекю, но оказалась на грани панической атаки, так что пришлось откланяться. Все были такими милыми и понимающими. В этом и прелесть общения с блогершами. Они уже знают, что у тебя серьезные проблемы, как и у большинства из них, так что просто кивают, убеждают тебя

принять «Ксанакс» и отправляют в кровать. Они такие участливые. А еще, наверное, они хотели меня выпроводить, чтобы посудачить обо мне.

Лаура занесла мне тарелку с жареным мясом и воду. Она ободряюще погладила меня по голове, когда я сказала, как сильно сожалею, что не сижу со всеми внизу.

– Ничего страшного, поверь мне. Все прекрасно понимают.

Она пошла к двери, но потом резко повернулась и сухо сказала:

– Но команда признала тебя *самым слабым звеном*.

Люблю своих подруг.

ЧЕТЫРЕ УТРА.

Я проснулась и обнаружила, что Лауры нет. Я выглянула за дверь, но ее нигде не было. Я принялась почти всерьез раздумывать над тем, не могла ли я ее случайно убить под действием своих таблеток. *«Хотя, наверное, нет*, – подумала я про себя. – *Крови вокруг маловато. Если, конечно, она вся не в ванной»*. Туда я решила заглянуть попозже.

ВОСЕМЬ УТРА.

ЛАУРА ОКАЗАЛАСЬ ЖИВА! Она уснула где-то в другом месте, но вернулась, потому что беспокоилась, что я подумаю, будто ее похитили.

Я: Я решила, что убила тебя, а потом стерла это из памяти.

ЛАУРА: Ты решила, что убила меня?

Я: Ну всего на мгновение, но крови вокруг было слишком мало. Зато насадка для душа висела неровно, так что я подумала, что, может быть, просто смыла всю кровь в душе. Но на меня это было бы не очень похоже. Я *ужасно* не люблю за собой убирать.

ЛАУРА: Что ж, приятно знать, что я буду первым человеком, которого ты захочешь убить.

Я: Ни фига. Я тебя обожаю. Ты *последний* человек, которого я захочу убить. Вот почему я решила, что стерла это из памяти. Я поняла, что эти воспоминания всплывут потом на сеансах психотерапии, а еще я внезапно вспомню, как меня похищали инопланетяне и вставляли свой анальный зонд. Это будет уже не очень круто. Хорошо, что ты не умерла, потому что у меня и без того куча проблем: не хватало еще вспоминать, как инопланетяне что-то в меня засовывали.

ЛАУРА: Полагаю, то, что ты убила лучшую подругу, тоже стало бы поводом для депрессии.

Я: Ну и это тоже. Хотя главным образом все-таки история с анальным зондом.

ДЕСЯТЬ УТРА.

Йога под дождем. Мы все вместе выполняли упражнение «собака мордой вниз», а я только и думала: *«Ради всего святого, хоть бы не пернуть».* Я принялась молиться младенцу Иисусу, чтобы он уберег меня от такого позора, и тогда пернул кто-то другой. Это была не я, но я только и думала, что о том, как сочувствую ей, и еще мне очень хотелось сказать: «Это уж точно была не я», но это было бы, пожалуй, не очень уместно, ведь мы должны были медитировать.

Я набралась достаточно смелости, чтобы поговорить с Мэгги и поблагодарить ее за приглашение, правда, в итоге начала рассказывать ей, что, как мне кажется, если бы среди нас был серийный убийца, им бы непременно оказалась именно она, потому что она самая организованная. Тогда она попросила у повара тесак для мяса, и я немного занервничала, но оказалось, что она сочла эту идею гениальной и захотела разыграть сцену убийства. Что мы и сделали…

И это было просто охренительно.

УТРОМ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ.

Мы все сидели у бассейна, завернувшись в одеяла, непричесанные и без макияжа, и я слушала разговоры вокруг, прямо как когда училась в старших классах, только вместо того, чтобы пытаться от них отгородиться или демонстративно фыркать, я улыбалась и кивала. Я заставила себя присоединиться и слушала эти разговоры, вместо того, чтобы спрятать голову в книге из опасения быть отвергнутой. Тогда-то я и поняла, до чего классными могут быть девчачьи разговоры. Вот случайные

обрывки из них:

– Я никогда прежде этого никому не говорила, но иногда мне кажется, что мой маленький ребенок – просто скотина. Это нормально?

– О, да. Мой малыш уж точно временами та еще сволочь.

– Ну знаешь, когда ты в Непале, вокруг все эти японцы, на часах два ночи, а ты в подвале и пытаешься раздобыть себе что-нибудь на завтрак, – и вдруг появляется волшебник?

– О, *я прекрасно* понимаю, о чем ты.

– У моего отца были неконтролируемые приступы ярости, так что врач посоветовал ему походить в школу мимов и научиться разбираться со своими эмоциями бесшумно. Я только когда выросла, поняла, что не все в детстве ходили вместе со своим озлобленным отцом в школу мимов.

– А мне мимы не нравятся. Мне не нравится, что они притворяются неполноценными.

– *В точку!* Зачем останавливаться на подражании немому? Где же клоуны, притворяющиеся, что у них полиомиелит?

– Как-то я переспала с парнем, у которого был просто ОГРОМНЫЙ пенис. Настолько, что с ним были одни проблемы. На него даже презерватив не налезал. Я была в таком шоке, что случайно засмеялась. Он сразу и поник. Парень был не очень доволен.

– Да про это можно было бы нарисовать комикс. Его суперспособностью был бы мегачлен, а уязвимым местом – смеющиеся над этим женщины.

– А у тебя когда-нибудь бывало, что ты заходишь такая в метро и думаешь: *«Что это за парень сзади? Выглядит знакомым. Может, я с ним спала?»* Со мной так постоянно.

– Нет. Со мной такого не бывало. *Шлюха.* Но в автобусе такое случалось не раз.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ.

Мы вытаскивали багаж на улицу к ожидающим нас машинам, и я посмотрела с невероятной теплотой на этих женщин, которых всего пару дней назад сочла бы заносчивыми снобами, – в конце концов их истории оказались ничуть не менее сумасшедшими и тяжелыми, чем моя. Конечно, я была единственной, кто приехал с одним-единственным маленьким чемоданчиком и одной парой туфель.

И ВСЕ-ТАКИ Я СО СТЫДОМ ОСОЗНАЛА: ТЕ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ВЫДЕЛЯЛИ МЕНЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ ДЕВУШЕК, ОКАЗАЛИСЬ НЕ «САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫМИ ЗНАКАМИ ПОЧЕТА», А ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ ЩИТАМИ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ Я ОТГОРАЖИВАЛАСЬ ОТ ОКРУЖАЮЩИХ.

Я осуждала и отвергала людей, у которых, как мне казалось, было больше, чем у меня, точно так же, как *меня* осуждали в детстве за то, что у меня всего меньше.

Я бросила свой чемоданчик в багажник и пошла помогать своим новым подругам с их огромными чемоданами и сумками, и они благодарно мне улыбались, недоумевая, как это мне на такую длинную поездку хватило такого маленького багажа. Я улыбалась им в ответ, и мне было немного неловко слушать их похвалы. Может, их чемоданы и были раза в три больше, чем у меня, но привезенный мной эмоциональный багаж быстро заткнул бы их за пояс. Зато теперь весу в нем поубавилось.

Мое предположение, что вино пьют только богатые снобы и что все быстренько разобьются по группам в зависимости от того, кто какое нижнее белье носит, не оправдалось. Самое же главное: не оправдалась уверенность, которую я вынашивала годами: уверенность в том, что девочкам доверять нельзя. Да, некоторые девушки и правда могут быть теми еще засранками, но к парням это относится в не меньшей степени (и даже, как видно, к некоторым детям), и вот теперь я постепенно избавлялась от своего предрассудка, который, хоть я этого и не понимала, все это время меня сковывал. Как оказалось, девушки – нормальные, и им можно (пока про каждую в отдельности не выяснится, что она сучка) доверять. Девушки оказались прекрасными и относительно безобидными.

Лучше беспокоиться по поводу пум-вампиров, которые подкрадываются к вам из леса в четыре часа утра.

Я волшебник страны Оз среди домохозяек (в том плане, что я одновременно «великая» и «ужасная», а еще потому, что время от времени прячусь за шторами)

У нас с Виктором очень разные представления о том, что такое чистота в доме.

По мнению Виктора, чистота в доме непременно означает, что все находится на своих местах (за исключением восьми тысяч проводов и удлинителей, которые торчат из каждого электронного устройства в нашем доме и которых, судя по всему, он не видит). Кроме того, она подразумевает, что все это происходит как по волшебству и без *какого-либо* его участия в уборке (за исключением того раза, когда я забежала в гостиную, потому что мне послышалось, что он там себе рот взбитыми сливками из баллончика наполняет, но оказалось, что это у него всего лишь полироль для мебели. Поразительно, до чего звук, который получается, если выдавливать в рот сливки из баллончика, похож на звук, с которым разбрызгивается лимонная полироль. На секунду мне стало стыдно, что Виктор все-таки взялся за уборку без меня, но тут я поняла, что он просто полирует рычаг переключения передач своей машины, так что спокойно пошла дальше смотреть свои фильмы про зомби).

> Мое представление о чистоте дома куда проще. Меня вполне устраивают груды писем, журналов и игрушек при условии, что под этими завалами чисто и нет антисанитарии.

Как по мне, по внешнему виду дома всегда должно быть сразу понятно, что в нем живут, и я буду считать его чистым до тех пор, пока не начну прилипать к полу или не подхвачу холеру. Я могу не обращать внимания на горы одежды на кровати в комнате для гостей, потому что знаю, что эта одежда только что из сушильной машины, и ее осталось только сложить. А вот Виктор то и дело будет бросать недовольные взгляды на растущую кучу и громко фыркать, пока я наконец не сломаюсь и не спрошу, почему он издает звуки, как будто он сдувающийся воздушный шар. Мы

смотрим на одну и ту же комнату для гостей и видим две совершенно разные вещи. Виктор видит опаснейший вулкан, извергающий одежду, которую я, как видно, *нарочно* отказываюсь развесить – из-за лени, а также потому, что целенаправленно пытаюсь довести его до нервного срыва. Для меня же эта гора – личное достижение… материальное олицетворение всех тех стирок, что я устроила за последние пару месяцев. Это такой своеобразный кубок из одежды, про завоевание которого я совсем позабыла. Виктор же утверждает, что в нашем доме как будто живет какой-то сумасшедший и лепит Везувий из свитеров, которым место в шкафу. Тогда-то мне и приходится напомнить ему, для чего люди придумали двери, и я закрываю дверь в комнату для гостей.

– Видишь? – говорю я. – *Проблема решена*.

– Ты не можешь решить проблему, *просто перестав пользоваться теми или иными комнатами в доме*, – возразил он, а я сказала, что это полная чушь, потому что я пользуюсь этой комнатой *постоянно*. Я использую ее в качестве гигантского шкафа для одежды, которую нужно развесить. А еще я храню в ней свой эллиптический тренажер. Виктор в ответ заметил, что я больше не использую тренажер «по назначению», и я спокойно объяснила ему, что он ошибается, потому что я купила этот тренажер, *намереваясь* заниматься с ним, пока не надоест, а потом сушить на нем одеяла и покрывала. Раз уж на то пошло, меня следовало бы похвалить за дальновидность и за то, что я не запихиваю все наши одеяла в сушильную машину, в которой они бы непременно сели. **Отвечай за это Виктор, нам бы пришлось укрываться одеялами размером с носовой платок.** Я даже не понимаю, почему мне приходится все это объяснять. Виктор говорит, что тоже этого не понимает, но мне кажется, что мы говорим не об одном и том же.

Я все прокручивала этот разговор у себя в голове, когда делала сегодня утром уборку. Я загрузила и запустила посудомоечную машину, но несколько минут спустя заметила на столе рядом с посудомоечной машиной контейнер со стиральным порошком, хотя я уже несколько дней ничего не стирала. Меня начало подташнивать от мысли:

– Черт. *Я что, положила в посудомоечную машину стиральный порошок?*

Тут у меня началась паника, потому что в прошлом году я случайно положила в посудомоечную машину мыло для рук, и, когда вернулась с работы, оказалось, что весь дом заполнен пеной. Было похоже на одну из тех пенных вечеринок, которые подростки устраивают на рейвах, только это было не так круто,

потому что Виктор разозлился, а у меня не было ни музыки в стиле «техно», ни таблеток экстази. Убирать все это было настоящим кошмаром, и мысль о том, что история может повториться, привела меня в ужас, так что я помолилась, чтобы Виктор не выходил из спальни, и зашла в свой «Твиттер». (Для тех, кто не знает, что такое «Твиттер»: это как «Фейсбук», только гораздо проще, и с помощью него можно рассказывать людям, чем занимается твой кот, а еще советоваться. Ты будто бы получаешь доступ к коллективному разуму, и это одновременно прекрасно и пугающе.)

Зайдя в «Твиттер», я написала: «Чисто гипотетически, если я случайно положу стиральный порошок в посудомоечную машину, она от этого не взорвется? Ответ нужен как можно скорее». Половина из ответивших были такие все: «Ой, да все будет нормально, дубина», а вторая половина были такие типа: «СКОРЕЕ УБЕГАЙ ИЗ ДОМА». Один парень написал: «На самом деле порошок помогает смыть пятна от крови», и мне оставалось только гадать, для чего он использует свою посудомоечную машину. Как бы то ни было, я все еще нервничала и обернула вокруг посудомоечной машины одеяло на случай, если из нее польется, потому что одеяла – они как огромные прокладки. Я гордилась своей изобретательностью, но радовалась я недолго – десять минут спустя пришел Виктор и сказал:

– *На кой черт вокруг посудомойки одеяло?*

А мне не хотелось ему ничего объяснять, потому что он *все еще* припоминает мне, как я подожгла духовку, *а это, на минуточку, случилось несколько лет назад*. Типа, давайте уже жить настоящим, не правда ли? Но тут я вспомнила, что в настоящем я, возможно, только что уничтожила нашу посудомоечную машину, насыпав в нее кучу порошка. Признаваться в этом я еще не была готова, так как по-прежнему оставался призрачный шанс, что я все-таки использовала нужное средство, и поэтому я просто сказала Виктору, что посудомоечная машина была слишком холодной, а он такой весь:

– Какого. Хрена?

– Ну, – принялась объяснять я, – ей же нужно нагреться, чтобы тщательно отмыть посуду, не так ли? И я решила, что сэкономлю электроэнергию, если хорошенько ее утеплю и она быстрее нагреется. И тогда наша посуда будет еще чище. Видишь, я всегда все продумываю.

Виктор скрестил руки на груди и принялся смотреть на меня вызывающим взглядом, и где-то секунд через десять я раскололась и призналась, что, *возможно*, засыпала в посудомоечную машину стиральный порошок, – потому что я не

могу найти другого объяснения тому, что порошок делает на столе.

– Из тебя был бы *ужасный* шпион. Ну правда, ты врать совсем не умеешь. Но ты можешь не беспокоиться, потому что уже после того, как ты запустила посудомойку, я поставил стиральный порошок на стол, чтобы не забыть купить еще.

Фотография укутанной одеялом посудомоечной машины которую я разместила в своем «Твиттере». Обратите внимание, каким гладким выгля- дит одеяло. Это все моя заслуга, ребят.

– ТАК ЗНАЧИТ, ВСЕ ЭТО ТВОЯ ВИНА? – закричала я.

И Виктор сказал:

– *Что?* С какой такой стати это вообще *может быть* моей виной?

Но я заорала:

«ВИНОВЕН!»

И выбежала, пока он не успел мне возразить. Приятно, когда из нас двоих облажалась не я, и мне хотелось пойти вдоволь насладиться моментом.

Рискну предположить, что мы с Виктором ссоримся из-за состояния дома больше, чем по какому-либо другому поводу, а это о чем-то да говорит, потому что мы как-то целую неделю спорили, кто из трех бурундуков умрет первым (первым будет Элвин – скорее всего, от передоза)[29]. Тем не менее чаще всего

предметом спора все-таки является наш дом. Вот вам типичный спор между мной и Виктором, случившийся у нас вскоре после того, как я ушла из отдела кадров, решив полностью посвятить себя писательскому делу:

ВИКТОР: Этот дом – просто гребаная *катастрофа*.

Я: Этот дом – «творческий рай».

ВИКТОР: Нет, это катастрофа.

Я: Ну не знаю, почему ты говоришь об этом *мне*. Убираться дома – не *моя* работа.

ВИКТОР: Ну на самом деле твоя. Помнишь? Ты собиралась уйти с работы, чтобы заняться книгой. А также убираться. И заниматься другими домашними обязанностями. Таков был уговор, помнишь?

Я: Не особо. Вряд ли бы я на такое подписалась.

ВИКТОР: «Я буду лучшей домохозяйкой НА СВЕТЕ. Я буду просто писать, убираться и готовить». Ничего не напоминает?

Я: Смутно. Наверное, я была пьяна, когда все это говорила.

ВИКТОР: «БЕСПЛАТНЫЕ ОТСОСЫ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ!»

Я: О, а вот это *уже* на меня похоже. Ты что, злишься по поводу отсосов?

ВИКТОР: Нет. *Я злюсь из-за того, что мы оба работаем дома, и этот дом – гребаная катастрофа.*

Я: Ну не *так* уж все и плохо. Ты так остро реагируешь, потому что ты жуткий зануда.

ВИКТОР: Ты используешь фрисби вместо тарелки.

Я: *Чего?* Я не использую – а, *погоди*, это что, фрисби. *Странненько*.

ВИКТОР: [таращится]

Я: Расслабься, чувак. Я его потом вымою. Наверное, его даже можно положить в посудомойку.

ВИКТОР: Дело не в том, можно ли класть фрисби в посудомойку. Дело в том, что *ты используешь гребаный фрисби для еды, потому что чистых тарелок не осталось.*

Я: У нас *точно* есть чистые тарелки. Я просто увидела фрисби на столе, вот и схватила. На самом деле это просто охренительная тарелка. Тут даже бортик есть, чтобы ничего не пролилось.

ВИКТОР: *То есть тебя это совершенно устраивает?*

Я: *НИ ХРЕНА* МЕНЯ ЭТО НЕ УСТРАИВАЕТ. Поверить не могу, что вообще согласилась убираться в доме в обмен на то, что уйду с работы. Поверить не могу, что ты рассчитывал, будто это сработает. Раз уж на то пошло, *тебе* следовало быть осмотрительней, когда ты на это соглашался. Так что во всем твоя вина.

ВИКТОР: Я тебя придушу.

Я: А я все наши тарелки заменю на фрисби. *Потому что я, мать твою, фантазерка.*

ВИКТОР: Я, вообще-то, с тобой серьезно.

Я: ТАК И Я. ЭТИ ТАРЕЛКИ-ФРИСБИ ПРОСТО ОХРЕНИТЕЛЬНЫ. А еще у меня нет времени на уборку, потому что я делаю всякие важные штуки в соцсетях.

ВИКТОР: *Так, значит?* И что ты сегодня сделала?

Я: Много чего. Всякие штуки… для соцсетей.

ВИКТОР: Нет. Что *именно* ты сегодня сделала? Давай посчитаем.

Я: Ну это нельзя посчитать. *Для той хрени, которую я делаю, нет даже единицы измерения.*

ВИКТОР: Ну ты попробуй.

Я: Эмм… Я нарисовала комикс про Гитлера.

Что случилось?
Все ненавидят меня.
Это неправда. Они просто завидуют тебе.
Правда?
Правда, вероятно, в том, что мы все немного завидуем Гитлеру. По-видимому.

ВИКТОР: Это… ни *капли* не смешно.

Я: Чувак, это *еще как* смешно. Ну ты понял? Потому что люди все время говорят: «Они ненавидят меня, потому что завидуют». Но это ведь Гитлер, и все *правда* его ненавидят, но совсем ему не завидуют.

ВИКТОР: Не смешно.

Я: Наверное, мне нужно просто записаться на курсы по рисованию. У меня ушло добрых два часа, чтобы сообразить, как приделать этому человечку шарфик. *Вот почему* у меня не было времени, чтобы вытереть суп, который я пролила в

микроволновке. **Кстати, не заглядывай в микроволновку**.

ВИКТОР: Я пойду прилягу, пока не пройдет желание тебя убить.

Он ушел и больше не возвращался. И мне все-таки пришлось вымыть микроволновку, потому что из нас двоих *я* ответственная, а еще потому, что рыбой стало вонять даже в ванной. **Вот почему так хреново быть мной.** А еще я почти уверена, что мой муж антисемит.

P.S. Виктор говорит, что если он не смеется над шуткой про Гитлера, то это не делает его антисемитом, но я практически уверена, что именно так антисемит и сказал бы. У этих ребят *паршивое* чувство юмора. А еще он говорит, что вопрос в том, «почему я не могу вести себя по-взрослому», но я почти уверена, что самый главный вопрос – почему он так сильно любит Гитлера.

P.P.S. Хотелось бы отметить, что на самом деле я весьма неплохая домохозяйка, а духовку я тогда подожгла, потому что мы пытались продать дом, а я читала, что перед просмотром нужно испечь печенье, чтобы в доме пахло по-домашнему. Так что я бросила на поднос замороженный полуфабрикат печенья и поставила его в духовку, а десять минут спустя запахло гарью. Я побежала к духовке, и оказалось, что, если не разрезать пластину замороженного теста на отдельные кусочки, оно взрывается прямо на подносе. А еще выяснилось, что люди, устанавливающие духовки, кладут внутрь бумажную инструкцию, потому что им, судя по всему, хочется, чтобы ты умер в муках при пожаре, который случился из-за сгоревшей бумаги, которую ты чуть не запек. Более того, инструкцию эту они кладут в полиэтиленовом пакетике, который ужасно воняет, когда плавится, и очень непросто продать дом, когда потенциальным покупателям приходится объяснять, что **духовка использовалась впервые, и то для выпечки полиэтилена**, из-за которого и стоит эта ужасная вонь. Виктор, к слову, сильно на меня ругался по поводу случившегося, и это довольно странно, если учитывать, что я только пыталась помочь, а еще он сказал, что наша страховая компания заставит нас установить в новом доме противопожарную систему, если я не пообещаю больше никогда не заходить на кухню. Мне это показалось ни капли не смешным, и я была очень зла, пока на следующий день не включила духовку, чтобы соскрести оставшийся в ней расплавленный полиэтилен и не засунула туда случайно кухонное полотенце, из-за чего снова начался пожар. Я очень рада, что мы все-таки продали тот дом, потому что *эта духовка явно желала нашей смерти.*

P.P.P.S. В свою защиту хочу заметить, что я *на самом деле* умею готовить, пусть и не так, как это делают все остальные. Так, например, я никогда в жизни не делала на ужин салат для всей семьи и не собираюсь делать этого впредь. Когда используется столько ингредиентов и приборов, чтобы приготовить блюдо, которое все равно подается в сыром виде, мне это кажется пустой тратой времени, продуктов и сил, тем более салат за ужином – это всегда препятствие, и всем членам семьи приходится преодолевать салат, обильно пропитывая его заправкой, чтобы поскорее с ним покончить и перейти к «нормальной еде». Меня так просто не одурачить. Вместо этого я сразу перехожу к нормальной еде. Недавно я приготовила на ужин макароны с сыром из полуфабриката, разогретого в микроволновке, и в ответ на недостаточно благодарные взгляды родных заметила, что у меня ушло целых полчаса на готовку. Виктор отказывался в это верить, пока не увидел в мусорном ведре десять пустых стаканчиков из-под порционных макарон с сыром быстрого приготовления. Он таращился на меня, не в силах этому поверить, а я мысленно похвалила себя за то, что успела вынести другой мусорный пакет, в котором было еще десять пустых упаковок из-под порционных макарон с сыром, содержимое которых слиплось у меня в липкий пирог. Как оказалось, чтобы приготовить десять стаканчиков с макаронами, которые предполагается подогревать по три минуты в микроволновке каждый, нужно просто запихать их все сразу в микроволновку на тридцать минут и пойти принимать душ. Этой мой вам совет, который вы вряд ли услышите в каком-нибудь кулинарном шоу.

> P.P.P.P.S. А если вы хотите заварить лапшу, но пакетик со специями лопнул, и вы просто побросаете ингредиенты в кучу вместе со всеми специями, которые только найдете на кухне, то у вас может получиться самодельный перцовый баллончик. Случайно.

И все, кто придет к вам на ужин, будут то и дело выбегать на улицу с кашлем и в слезах, как будто им и вправду прыснули из баллончика в лицо. А все потому, что у меня на кухне нашелся очень-очень жгучий перец. Лично я виню во всем тех, кто додумался сделать такую приправу, и напоминаю своим гостям, что если они и получили от меня перцовым баллончиком, то сделала я это по старинке, по-домашнему. *С любовью*.

Психопат по ту сторону двери туалета

Несколько недель назад моя подруга Лотта сказала мне, что ее врач сказал, что ее антидепрессанты не работают, потому что у нее в организме слишком много токсинов, и ей нужно провести «чистку толстой кишки», чтобы вымыть все вредное из организма. Как по мне, так это было полным безумием, о чем я ей и сказала, но она заметила, что в день проведения чистки похудела на полтора килограмма – больше меня можно было не уговаривать. Я убедила себя, что ради собственной семьи должна сделать все, лишь бы мои таблетки работали как надо, но на самом деле мне просто хотелось похудеть на полтора килограмма, ни секунды не потея в спортзале. И это последнее предложение как бы подтверждает, что мне действительно нужно сидеть на таблетках для шизиков. *Замечательно*.

Я: Да, мне хотелось бы купить что-то для чистки толстой кишки.

АПТЕКАРЬ: Никогда о таком не слышал. Звучит так, как будто этим пользуются всякие психи.

Я: Нет, это нужно для чистки кишечника, чтобы антидепрессанты лучше работали.

АПТЕКАРЬ: Кажется, вы неправильно пользуетесь своими антидепрессантами. Их нужно класть в рот.

Я: Вы на удивление неотзывчивы для работника здравоохранения.

АПТЕКАРЬ: Все, хватит, я звоню в полицию, психопатка.

Не знаю, почему, пытаясь представить себе диалог с аптекарем, я сразу решила, что он вызовет полицию, но от этой мысли было уже не отделаться, поэтому, когда он спросил, что мне нужно, я запаниковала. Выдержав неуклюжую паузу, я спросила, где его очки, а он сказал, что не носит их, и это было странно, ведь они есть у всех аптекарей, и мне всегда нравилось их примерять, изображая похотливую библиотекаршу. Итак, вместо средства для чистки толстой кишки я решила просто взять слабительное – *почти ведь то же самое, правильно?* Я купила средство удвоенной силы, потому что оно стоило столько же, сколько и средство обычной силы, так что формально я как бы *сэкономила*, – я решила, что это сыграет мне на руку, когда Виктор потребует объяснить, с какой стати я накупила «ненужного» слабительного на двадцать баксов (хотя потом выяснилось, что ему наплевать на рентабельность затрат, потому

что он ненавидит экономическую обоснованность, – ну или просто хочет, чтобы я была толстой или что-то типа того). Я заранее знала, что он с осуждением отнесется ко всей этой затее, потому что однажды он уже отказался меня поддержать, когда я хотела купить специальные китайские стельки, которые высасывают из ног токсины во время сна. Он заявил, что вся эта история с китайскими стельками – сплошное надувательство, однако я думаю, что он просто хочет, чтобы я страдала, – ну или он расист. Когда я назвала его расистом, он весь разозлился и принялся кричать, а я была такая типа:

– Я САМА НЕ ВЕДАЮ, ЧТО НЕСУ! ЭТО ВСЕ ТОКСИНЫ!

Но он все равно не разрешил мне их купить. Вот почему я решила дождаться его командировки в Нью-Йорк, чтобы провести себе чистку толстого кишечника.

В тот вечер я приняла две таблетки слабительного и вдруг заметила, что в инструкции говорится про «мягкий результат», но мне казалось, что хорошая чистка кишечника вовсе не должна быть «мягкой», так что я проглотила еще три. А таблетки, заразы, были с шоколадным вкусом, а сама я проголодалась, поэтому съела еще одну. А потом *ничего не произошло.* Тогда на следующее утро я приняла еще две таблетки (потому что я уже решила, что это со мной что-то не так и что у моего организма какая-то странная повышенная сопротивляемость к слабительному), а потом пошла в «Старбакс» и заказала гигантскую чашку фраппучино. Возможно, это была ошибка, потому что кофе, как оказалось, тоже обладает слабительным эффектом, – но в тот раз я об этом не думала, потому что была слишком занята мыслями о телефонном разговоре по поводу фраппучино, который состоялся у меня с Виктором на прошлой неделе, когда он позвонил мне на работу:

[Звонок]

Я: Это Дженни.

ВИКТОР: И почему это они не делают шоколадные «Слерпи»? [30]

Я: Э-э… что?

ВИКТОР: Ну, шоколадные «Слерпи». Почему их нет?

Я: Вообще-то есть. Они называются «Фраппучино мокко».

ВИКТОР: Не-а. Это не то же самое. С фраппучино не дают этих трубочек с маленькими ложками на конце.

Я: Ты путаешь, это «Айси» с такими трубочками продают, а не «Слерпи».

ВИКТОР: В следующий раз я приду в «Старбакс» и скажу такой: «*Дай-ка мне трубочку с ложечкой на конце, мудило!!!*» А как еще съесть этот последний кусочек в конце, а? Только трубочкой с

ложечкой!

Я:…?

ВИКТОР: Им следует объединиться, «Старбаксу» и «7-Eleven».

Я: Мокаслерпуччино?

ВИКТОР: Ну или «слерпимакиато». Но *это* был бы дьявольский союз.

Я: Так тебе от меня все-таки что-то было *нужно* или…?

ВИКТОР: *Ду-ду, ва-ва.*

Я: А это еще что?

ВИКТОР: Это я музыку из «Антихриста» изображаю.

Обращаю ваше внимание, что он даже не начал разговор с «Алло», что удручает меня как-то больше, чем вся эта история с «Антихристом», потому **что приветствие – это фундамент вежливого общества, а также одна из немногих вещей, которые отличают нас от медведей**.

Итак, я вернулась на машине домой, попивая свой фраппучино и думая о том, что в следующий раз надо дать Виктору поговорить с моим автоответчиком, и тут вдруг *мои кишки взорвались*. В смысле, они не взорвались *в буквальном смысле* слова, но ощущение было именно такое. Поначалу я была такая типа: «Ладно, боль – это хорошо. Значит, слабительное действует», а потом поняла, что это была не какая-то там йога и что я совершила на самом деле *ужасную-преужасную ошибку*. Я не собираюсь вдаваться в подробности, но ощущение было такое, будто у меня расплавились ноги, а в желудок ко мне забрался слон, который теперь пытается вырваться наружу. Причем у этого слона, судя по всему, имелись клешни, а вместо хобота у него были змеи.

Поскольку Виктор был в Нью-Йорке, а Хейли – в школе, весь дом оказался в моем распоряжении, и это было хорошо, потому что, по правде говоря, мне было бы крайне сложно и дальше поддерживать свой загадочный и женственный образ, если бы кто-то услышал раздававшиеся из туалета звуки. В какой-то момент я начала беспокоиться, не случился ли у меня передоз. Я не знала точно, что именно представляет собой передоз слабительного, но не сомневалась, что приятного в этом мало и что в результате ты непременно высрешь всю свою толстую кишку. Не уверена, возможно ли это с медицинской точки зрения, и я хотела было позвонить Лотте и спросить, не было ли у нее такого чувства во время чистки, будто она высирает собственный кишечник, но у меня едва ли получилось бы сдержать крик боли, да и ее номера у меня тоже не было.

ИТАК, Я СИДЕЛА И ДУМАЛА О ТОМ, КАКАЯ

УЖАСНАЯ ЭТО БУДЕТ СМЕРТЬ, – ПОТОМУ ЧТО ЧЕГО БЫ Я НИ ДОБИЛАСЬ В ЖИЗНИ, ВСЕ ЗАПОМНЯТ ТОЛЬКО ОДНО: «ОНА УМЕРЛА НА ТОЛЧКЕ, ВЫКАКАВ СОБСТВЕННЫЕ КИШКИ».

Типа, случись это с Томасом Эдисоном, именно об этом бы и говорилось в первом абзаце статьи про него в «Википедии». Выглядело бы это приблизительно так: «Томас Эдисон, *выкакавший свою собственную толстую кишку*, сделал ряд открытий и изобрел множество устройств, изменивших нашу с вами повседневную жизнь до неузнаваемости. А мы сказали, что он *выкакал свою толстую кишку?* Потому что так все и было. *Томас Эдисон выкакал свою толстую кишку.* Честно говоря, мы просто не можем не обратить на это ваше внимание еще раз».

Примерно на этом этапе я и решила, что пора мне что-то предпринять, и нашла средство от поноса и приняла полную дозу. Я подумывала выпить еще, но к тому моменту уже начала беспокоиться, как бы не пришлось звонить в «Скорую», а мне не хотелось им объяснять, почему я выпила в три раза больше рекомендованной дозировки слабительного, а *потом* еще в три раза больше рекомендованной дозировки средства от поноса – даже мне это напоминает какую-то плохо спланированную попытку самоубийства. Одна таблетка средства от поноса, с другой стороны, казалась мне вполне рациональным решением – ну относительно. *«Ну разумеется*, – подумала я, – *так я буду казаться куда более вменяемой, и меня уже вряд ли засунут в психушку».*

Как и следовало ожидать, средству от поноса было не справиться с мощным слабительным – это все равно что надевать на ноги футбольные щитки, находясь в эпицентре урагана, только еще менее эффективно, потому что щитки уберегут ноги от ссадин, и хоронить тебя можно будет в юбке (если, конечно, ноги не вырвет с корнем, что запросто может случиться). Как бы то ни было, от этого лекарства толку не было ровным счетом никакого – только язык весь почернел.

Мне пришло в голову, что, может быть, мне станет лучше, если я налопаюсь сыра, так как у нас в школе как-то раз одна девочка объелась сыром и у нее случился такой сильный запор, что ей пришлось лечь в больницу, чтобы *врач* там все прочистил. Услышав эту историю, я больше не могла на нее спокойно смотреть и частенько задумывалась, разрешили ли ей забрать удаленные какашки, – отдают же пациентам вырезанные гланды. Тут-то я и вспомнила, что сыра дома *нет* ни кусочка, а даже если бы и был, толку от этого было бы мало, потому что я не могла

отойти от унитаза. Тогда-то я и услышала какой-то шум за дверью туалета.

Звук был такой, будто кто-то прислонился к двери снаружи и барабанит по ней костяшками пальцев, и я была такая вся типа: *«Господи, я же не закрыла дверь в туалет на щеколду»*, а потом подумала: «Погодите, а с какой *стати* мне вообще закрывать дверь на щеколду, раз я дома одна?» Сначала я решила, что это убийца или насильник, но тут же подумала, что если это и насильник, то его ждет огромное разочарование. А потом я подумала, что с моей стороны странно даже просто прикрывать дверь в туалет, раз я дома одна, – впрочем, как мне кажется, дверь в туалет вообще никогда нельзя оставлять открытой нараспашку, потому что именно с этого и начинается развал общества. Потом я снова услышала потенциального насильника и специально закашляла на тот случай, если это был грабитель, решивший, будто дома никого нет. Кашель, как я рассчитывала, должен был дать ему понять, что пора уходить, хотя, пожалуй, остальные доносившиеся из туалета звуки были куда более устрашающими, чем какой-то там кашель. Как бы там ни было, я старалась быть вежливой, *ведь я же леди.*

И вот тут кто-то просунул мне под дверь записку.

И я таращилась на нее, недоумевая, потому что – ну правда, *какого хрена?* Я была в таком сильном замешательстве, что даже не испугалась. Я попыталась дотянуться до записки (это был маленький белый клочок бумаги) ногой, но у меня ничего не вышло, так что я просто закричала слабеющим голосом: *«Кто это?* Вы… *что, только что просунули мне записку?»*, но мне никто не ответил, и тут меня уже начало трясти от страха, и я мысленно поблагодарила Бога за то, что принесла с собой в туалет телефон на случай, если мне нужно будет позвонить в «Скорую» и сообщить о случае передоза слабительным.

> Я схватила телефон, чтобы вызвать полицию, но потом представила, что они подумают, когда я скажу, что звоню из туалета, что у меня случился передоз слабительного и что потенциальный насильник молча просовывает мне под дверь записки.

А потом я подумала, до чего было бы странно, если бы в записке оказалось написано что-нибудь вроде: «Я тебе нравлюсь? Обведи кружком *да* или *нет*», и я, наверное, рассмеялась бы, если бы меня так не напрягала вся эта история со слабительным и насильником. Тут из-под двери выглянула еще одна записка, и я

поняла, что никакая на самом деле это не записка, а всего лишь обертка от пластыря, и тогда до меня дошло, что я, видимо, имею дело с каким-то психопатом, потому что *с какой стати человеку просовывать мне под дверь обертку от пластыря, если он не конченый псих?*

Тогда я закричала:

– Я ЗВОНЮ В ПОЛИЦИЮ! А ЕЩЕ У МЕНЯ ПОНОС! От… СПИДа! – я решила, что так отобью у насильника всякую охоту. Я не была точно уверена, вызывает ли СПИД понос, но решила, что это звучит правдоподобно. Тут за дверью стало совсем тихо, а потом обертка от пластыря внезапно исчезла, и я была такая вся: «Какого черта?» Потом обертка снова показалась под дверью, только на этот раз я увидела, что проталкивает ее *гребаная кошачья лапа*, – и тут до меня дошло, что это кот перевернул мою сумочку и теперь просовывает под дверь всякие рецепты и прочий мусор, который оттуда вывалился. После этого я прикончила своего кота, но только мысленно.

Я решила обо всем случившемся написать, но писать мне было не на чем, поэтому я закричала:

– Поузи, подкинь бумажку поближе!

Но он не послушался, потому что он мудак. А еще он кот, так что с английским у него плохо. В результате мне пришлось написать все это на туалетной бумаге помадой (но только ключевые слова, а не прямо уж все, потому что *это* было бы нелепо). После этого я прочитала небольшую молитву, поблагодарив Бога за то, что спас меня от нападения насильника, а также за то, что мне не пришлось объяснять водителям «Скорой», что я случайно перепутала собственного кота с насильником после преднамеренной передозировки слабительным, целью которой было повышение эффективности моих антидепрессантов. Главным образом я радовалась потому, что как раз такими примерно историями из года в год запугивают новичков на «Скорой». Тут я снова вспомнила про ту девочку из школы, которой удаляли какашки хирургическим путем, и подумала, что по сравнению с ее историей моя, пожалуй, не такая уж и странная.

Только вот Виктору, когда тот вернулся домой, я обо всем в подробностях рассказала (потому что ну как можно *не* поделиться такой охренительной историей?), а он обозлился по поводу слабительного и стал говорить, что «меня нельзя оставлять дома одну без присмотра», а я такая ему вся:

– *Стакан наполовину полный, мудило*. Меня же не изнасиловали, не так ли?

А он закричал:

– *Да не грозит тебе никакое изнасилование*, – но он, как мне кажется, сказал это только для того, чтобы меня обидеть.

И поэтому я ответила:

– Ну уж нет, мне *ВСЕ ВРЕМЯ* грозит изнасилование.

А он такой весь:

– Я тут не сомневаюсь в том, что ты привлекательна для насильников. Я ПРОСТО ГОВОРЮ, ЧТО СТОИТ ОСТАВИТЬ ТЕБЯ НА ДВА ДНЯ ОДНУ, КАК У ТЕБЯ СЛУЧАЕТСЯ ПЕРЕДОЗ СЛАБИТЕЛЬНЫМ.

Тогда-то я и решила, что больше никогда в жизни не стану ему рассказывать про свои передозы *чем бы то ни было*. А еще решила непременно подружиться с водителями «Скорой», потому что у них точно найдутся для меня убойные истории.

Открытое письмо моему мужу, спящему в соседней комнате

Привет. Знаю. Ты, должно быть, увидел эти странные узоры в масленке, не так ли? Наверное, они тебя не на шутку взбесили. Что ж, вчера ночью я выяснила, что, разогрев вафли, можно не намазывать на них масло ножом, а просто бросить их в масленку. Это просто охренительно. Только вот горячие вафли оставляют на масле странный узор, и оно становится похоже на какой-то желтый плед. Знаю, ты предпочел бы, чтобы я воспользовалась ножом, потому что ты вечно нервничаешь из-за подобных вещей, но могу тебе сразу сказать – *я просто не из таких девушек.* По сути, я тут спасаю планету: я не пачкаю нож лишний раз, чтобы потом не мыть его водой. Я как бы герой. А еще ножи как бы в другом конце кухни. Это уже недоработка с твоей стороны. А под «с твоей стороны» я подразумеваю, что ты позволил мне распаковывать кухонную утварь, когда мы сюда переехали. В смысле, *наверное*, мы могли бы просто поменять местами содержимое двух выдвижных ящиков – со столовыми приборами и с ресторанными меню блюд навынос, но это слишком много работы. Если, конечно, просто не вытащить оба ящика и не поменять местами их.

Ладно, теперь у нас на полу в кухне лежат два выдвижных ящика. Я оба вытащила, но засунуть обратно не смогла. Прости. Не знаю, что со мной не так. Не заглядывай в масленку.

P.S. Раз уж на то пошло, ты должен быть мне *благодарен* за текстурированное масло. Помнишь, как мы видели ту нелепейшую машину в клетку, а ты такой весь: «*Ух ты!* Вот бы кто-то сделал так с моей машиной и/или моим маслом!»? Что ж, *с Рождеством, мудило.*

P.P.S. Прости, что назвала тебя мудилом. Это было крайне неуместно. А еще, прочитав это письмо, ты можешь заявить, будто никогда *не* просил меня раскрасить в клетку машину или что бы то ни было еще, – правда, у тебя что, более важных дел нет? Например, тебе надо починить три выдвижных шкафчика, которые лежат у нас на кухонном полу.

ЗНАЮ.

Просто я решила, что если медленно вытащу еще один, то разберусь, как там все устроено, а потом, к тому моменту, как ты проснешься, починю все остальные шкафчики, но у меня ничего не вышло. Зато я остановилась на трех. *Можешь не благодарить.*

P.P.P.S. *Вот дерьмо.* Ну ладно, я подумала, что еще один, – и я

точно разберусь, как эти долбаные шкафчики ставить обратно. И что в итоге? Опять я осталась с носом. Теперь я уже подумываю о том, чтобы устроить на кухне пожар, чтобы замести следы, но я уверена, что и за это ты всю вину свалишь на меня. Так что я делать этого не стану: я же знаю, что ты начнешь выделываться. А еще это было бы неправильно. Я бы никогда не устроила у нас дома пожар.

P.P.P.P.S. Ну ладно, я только что устроила у нас дома пожар, но это была чистая случайность. Я пыталась приготовить тебе на завтрак пиццу и случайно засунула в духовку полотенца. Знаю, что звучит подозрительно, потому что я только что говорила про пожар в доме, но это всего лишь ужасное-преужасное совпадение. Не могу не отметить, что ничего подобного в жизни бы не случилось, если бы те, кто строил наш дом, не додумались разместить ванную так близко от духовки. Они как будто *хотели*, чтобы я подожгла дом. *Эти ребята* мудаки. Не *ты*. Я *люблю* тебя.

P.P.P.P.P.S. Заеду в магазин по дороге домой и куплю тебе отдельную коробку с маслом, чтобы тебе не пришлось смотреть на масло в клетку. Прости. Не знаю, почему не подумала об этом сразу.

P.P.P.P.P.P.S. На самом деле все это неправда, за исключением истории про масло. Ну что, почувствовал облегчение? Знаю, что почувствовал. И теперь ты уже вряд ли будешь наезжать на меня из-за масла, ведь, *господиисусе, я же не пыталась сжечь дом* (если не считать того раза, когда я действительно чуть его не спалила, но это была чистая случайность, причем и в тот раз были виноваты строители – ну кто станет оставлять бумажную инструкцию от духовки в самой духовке? А я тебе скажу, кто – тот, кто хочет нашей с тобой смерти). Видишь, как по-разному можно на все смотреть?

P.P.P.P.P.P.P.S. Не заглядывай в масленку.

На всякий случай проясню: мы не спим с козами

– Кажется, у нас дома коза, – сказала моя сестра, слегка повернув голову и прислушиваясь к странному звуку, доносящемуся из коридора. При этом она даже не попыталась встать.

Уверена: она ошибается. Не столько потому, что в доме *не может быть* козы, сколько потому, что этот дом больше не *наш*. Конечно, мы с ней выросли в этом доме, и он все еще кажется теплым и знакомым, но мне уже удалось отгородиться от него достаточно, чтобы не чувствовать себя обязанной вставать и прогонять заблудившихся коз – в конце концов, я не живу здесь вот уже больше десяти лет.

– Нет, – объясняю я ей, оглядываясь на разложенные прямо на полу нашей спальни фотоальбомы. – Коза *в доме у наших папы и мамы*.

Она показывает на меня пальцем и подмигивает.

– Ах да, ты права. Слушай, только глянь на эти фотки, на которых ты маленькая в разных париках. Какого хрена тут происходит?

Только я начинаю отвечать, как топот в соседней комнате становится громче, а потом оттуда и вовсе начинают доноситься визги.

– В доме *точно* коза, – повторяет она. – Ну или пони.

Нечто подобное было бы немыслимо в ее или в моем доме, но на этой неделе мы приехали погостить к родителям в Уолл, а в небольшом доме, в котором восемь людей, один душ и слишком много коз,[31] это – совершенно нормальное явление.

Я продолжаю листать фотоальбом, как будто ничего не происходит.

– Я просто останусь в комнате, пока она не уйдет. Не *мне* с этим разбираться. – Что-то тяжелое ударилось об стену. – *Господи, воспоминания из детства так и нахлынули.*

Визги становятся все громче, и Лиза вздыхает.

– Наверное, это все ПТСР. Но, – в ее голос закралась нотка сомнения, – *там* наши дети, так что, может быть, нам все-таки стоит пойти проверить.

Лиза считает, что мы должны защищать наших детей от всего, что придумывает для них наш отец, но я склонна в данном вопросе придерживаться маминой позиции.

Самое странное в этой фотографии то, что мои родители не пьют. Могу только предположить, что это у Лизы были проблемы с выпивкой.

– *Чему они научатся, если мы будем вечно их выручать?* – спросила я. – В их возрасте *мы* уже усвоили, что нужно пригнуться и спрятаться, пока шум не пройдет. К тому же я почти уверена, что это радостные визги, так что все наверняка в порядке. Ну или следующие несколько часов окажутся для нас очень трагичными.

– Ой, я тут вспомнила, – сказала Лиза, нахмурившись при виде фотографии, на которой ей один год и она сидит в окружении пустых бутылок из-под пива. – За день до того, как ты приехала, зашел папа и спросил у моих детей, не хотят ли они посмотреть на новых «питомцев», и когда они закивали, выпустил из мешка прямо на пол в гостиной живых утят, чтобы дети за ними гонялись. Мама была *в ярости*. А папе даже не пришло в голову сначала их посчитать, так что никто даже не знает, всех мы поймали или нет.

– *Кто носит уток в мешке?* – задумалась я, впрочем, ответ и так напрашивался сам собой. Визги поутихли, и теперь я слышала хихиканье, топот и, похоже, кряканье. – *Вот дерьмо*, – сказала я, уже смирившись с происходящим. О детях я не беспокоилась (им было от двух до девяти и обычно они сами друг за дружкой присматривали), но я *беспокоилась* за утят. Я посмотрела на Лизу, сломалась и закатила глаза. – *Ладно*. Возьму метлу. Пока я буду их выгонять, охраняй дверь, чтобы козы не забрели.

Я увидела настоящий бардак, но до боли знакомый. Утята крякали и бегали повсюду, прятались под мебелью и даже пытались просочиться под декоративное неработающее пианино. Дети загоняли их в угол и брали на руки, и утята тут же

обделывались – тогда дети взрывались смехом, роняли утят на пол и все начиналось сначала.

– *ГЕНРИ! Что ты сделал?!* – закричала мама на отца, любующегося сотворенным им хаосом. Спустя все эти годы в его глазах все еще горел озорной огонек.

– А что? – спросил он, поддразнивая. – Я постелил на пол бумагу.

Он не врал. Посреди гостиной действительно лежал ровно один газетный лист.

– И ты решил, утки поймут, что нужно оставаться на газетке? – с сарказмом спросила она, уставившись на перепуганного утенка в детском кулачке.

– Ну, наверное, нет, – признал мой отец, но ему было просто приятно смотреть, как веселятся дети, и мы все прекрасно понимали, что подобное будет происходить и дальше. Мама выгнала его на улицу, потому что он только все усугублял криками:

«КТО ПОЙМАЕТ ПЯТНИСТОГО, ТОМУ СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР».

Это уже был откровенный цирк, и я порадовалась, что Виктору из-за работы пришлось остаться дома в Хьюстоне, потому что он без конца бы мне потом это припоминал. Наконец мы поймали последнего перепуганного утенка и оставили их всех в корзине в тихой затемненной спальне, чтобы они успокоились (и папа не смог принести их обратно в дом, как только они опять окажутся снаружи). Мы с Лизой снова устроились поудобней на нашей старой кровати и продолжили смотреть фотоальбомы, как будто ничего не случилось. Немного странно, когда подобная хрень становится нормой, но именно так все и устроено, так что приходится учиться принимать удар на себя, даже если этот удар исходит от острых когтей на лапках утят, которые не понимают, что ты пытаешься им помочь.

Хейли, когда мы приезжали в гости к моим родителям, всегда играла с самогонным аппаратом. Еще она каталась во дворе верхом на миниатюрном ослике по кличке Джаспер. А вместе со своими двоюродными братьями и сестрами она забиралась на старые тракторы и древние почтовые кареты и разбрасывала за домом всякий мусор. Дети играли и со смехом изучали чучельную мастерскую моего отца и надевали вместо масок коровьи черепа. Они искали клады по старинным картам, «найденным» моим отцом, и откапывали набитые монетами, всякой бижутерией и наконечниками для стрел деревянные сундуки, которые специально для них закапывал отец. Они

бродили по участку, гоняли коз и веселились от души, так что мы с Лизой не могли не согласиться с тем, что их радость стоит того, чтобы время от времени в ее или мою комнату посреди ночи приходили заплутавшие утята.

Было бы куда проще с осуждением относиться к этому самогонному аппарату, если бы моя дочка не помогала его смастерить.

На следующий день приехал Виктор, чтобы отметить нашу годовщину, только вот я не отмечаю ничего, что связано с *этим несчастливым числом*, потому что мое ОКР никуда не делось. Я заставила Виктора поклясться, что он будет просто говорить людям: «это наша с ней вторая двенадцатая годовщина», и это была бы прекрасная идея, если бы Виктор серьезно относился к моим фобиям и не желал нам смерти. Так что он снова и снова называл это несчастливое число, а я была такая вся:

– *Именно* поэтому я и не хотела ничего в этом году отмечать, и если ты не перестанешь произносить это число, я подам на

развод, а *именно* такие вещи и случаются в несчастливый год, *так что лучше бы тебе перестать искушать судьбу*.

Он удивленно на меня посмотрел и сказал невинным голосом:

– *Какое такое число?* Ты имеешь в виду _?

И ОН СНОВА НАЗВАЛ ЭТО ЧИСЛО. Тогда я решила, что в этом году непременно отрежу ему одно яичко и тем самым одним махом разберусь со всем накликанным им невезением, и мы все равно останемся женаты, потому что вся неудача истратится на этот преднамеренный несчастный случай с яичком. Виктор заметил, что не бывает «преднамеренных несчастных случаев», и его немного вогнало в ступор то, что от развода я сразу же перешла к членовредительству, но это ведь была уже наша вторая двенадцатая годовщина, так что он должен был бы уже привыкнуть к подобным штукам. К тому же оба яичка даже и не *нужны*. Лэнс Армстронг прекрасно обходится одним[32]. Кроме того, я ТУТ СПАСАЮ НАШ БРАК, МУДИЛО.

На нашу годовщину мама вызвалась присмотреть за Хейли, а мы с Виктором отправились на летний эстрадный фестиваль, который проводится в Мидленде, штат Техас, ежегодно начиная с сороковых. Тут рекой течет выпивка, а зрители могут кричать героям постановок прямо из зала и освистывать пойманных злодеев. Более того, тут принято покупать тоннами попкорн и бросать его на сцену каждый раз, когда там появляется злобный усач. Рука у меня, к сожалению, слабовата, поэтому кончилось тем, что я обкидала попкорном людей, сидевших прямо перед нами. Они обернулись, а Виктор тайком показал пальцем на тех, кто сидел рядом с нами, как будто виноваты были они, но наши соседи это заметили, и началась целая попкорновая баталия. Тогда Виктор встал на свое кресло, закричал:

– Я ВАС УНИЧТОЖУ, – и купил попкорна на триста баксов.

> В этот момент я в очередной раз поняла, как мне повезло отмечать вторую двенадцатую годовщину с человеком, который готов потратить все деньги, отложенные нами на ночь в роскошном гостиничном номере, чтобы купить гору попкорна и с наполеоновским размахом засыпать им совершенно незнакомых нам людей.

Мы их, на хрен, *уничтожили.*

Вечер получился просто идеальный, если не считать того момента, когда Виктор пошел перезарядиться (купить очередную гору попкорна), а меня атаковал мужчина, ну просто вылитый Сэм Эллиотт, и под мое платье попало столько попкорна, что

выглядело так, как будто у меня выросло множество отвратительных опухолей. Вам же знакомо чувство, когда в зубах застревает надоедливое зернышко попкорна, но ты стесняешься его вытащить на глазах у незнакомых людей? Вот представьте теперь то же самое, но только сейчас попкорн застрял у вас в слуховом проходе. А под «слуховым проходом» я имею в виду влагалище.

А потом девицы на сцене начали выплясывать канкан, и все хором пели «Глубоко в сердце Техаса» и «Желтая роза Техаса» под аккомпанемент живого оркестра. Потом мужчина на сцене процитировал Сэма Хьюстона:

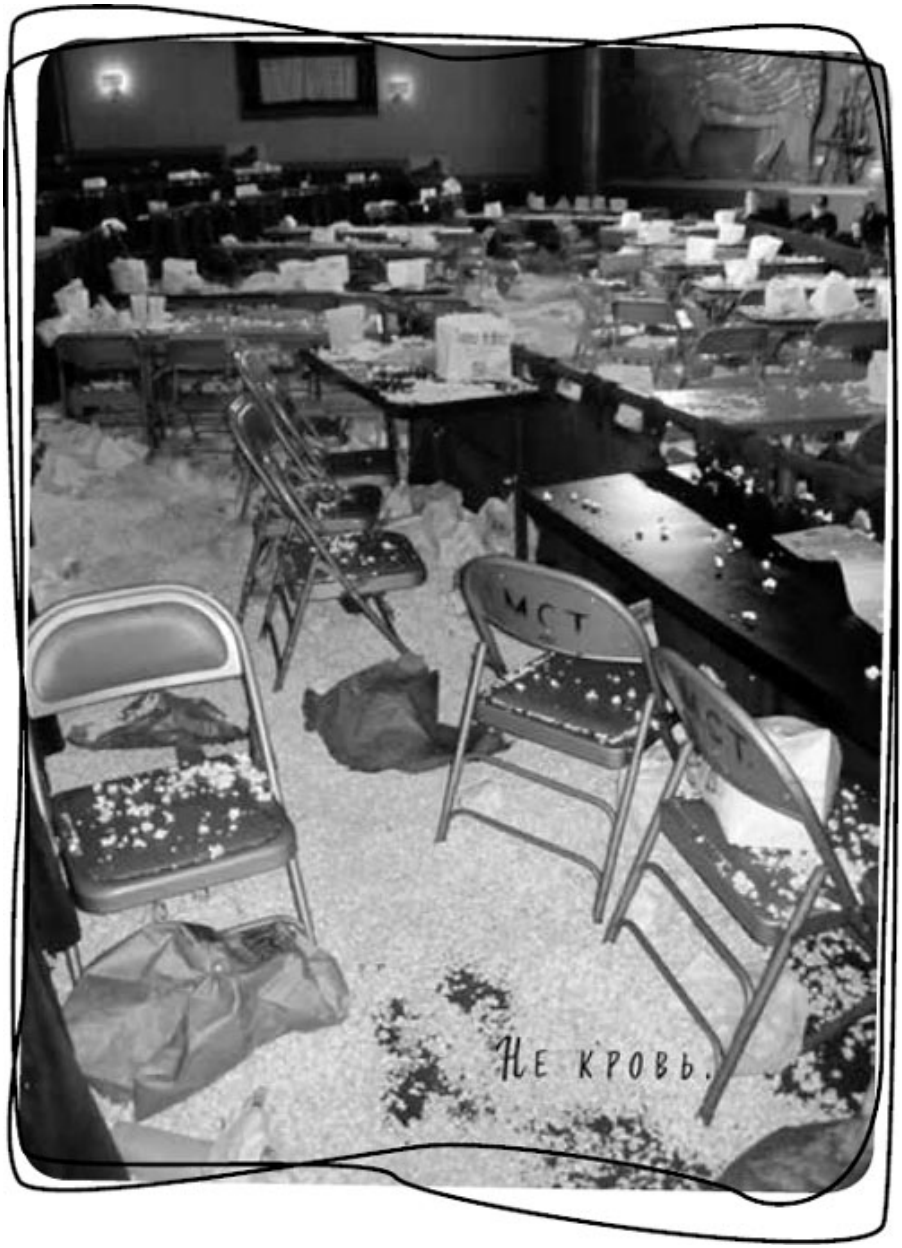
– Техас может обойтись без Соединенных Штатов, НО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ БЕЗ ТЕХАСА НЕ ОБОЙТИСЬ!

И весь *гребаный зал* в один голос проорал это вместе с ним, а я подумала: «*Ну дают.* Неудивительно, что вся остальная Америка нас ненавидит».

Когда представление подошло к концу, я посмотрела на пол и увидела там кровавые подтеки, и это меня несколько встревожило, потому что Виктор *угрожал* положить в свой попкорн камни, чтобы разобраться с передним рядом. К счастью, оказалось, что это просто красный ковер, который местами проглядывает из-под гор попкорна.

Когда мы вышли, я заметила женщину, которая отсиживалась во время представления в уголке. Наверное, когда ей обещали «театральную постановку», она ожидала увидеть нечто другое и поэтому теперь выглядела напуганной и ошарашенной всеобщим непотребным поведением. Она пробормотала своему спутнику, когда они проходили между горами из попкорна:

– Фу… Как же отвратительно так переводить еду. Подумать только, сколько голодающих детей в Африке.



Она была, может, и права, но мне показалось немного оскорбительным намерение накормить голодающих людей попкорном, побывавшим во влагалищах. Я так и представляла себе, как она снисходительно говорит беднякам:

– Вот, возьмите немного влагалищного попкорна. Эта партия пролежала на полу всего час. Он нужен вам больше, чем нам.

Это было бы слишком уж унизительно, и я почти уверена, что даже умирающие с голоду люди стали бы воротить нос от

подобных угощений.

– Нет, нет. Нам ничего не надо. *Правда*. Пожалуйста, хватит с нас вашего влагалищного попкорна.

Кроме того, попкорн был немного несвежий и жирный – я знаю это, потому что съела немного, а потом мне было очень плохо. Виктор сказал, что в этом нет ничего удивительного, потому что я ела попкорн из той же коробки, из которой кидалась им в людей; они бросали его обратно, и он попадал мне в декольте, а я выгребала его оттуда и снова кидала в них, а они опять накидывали мне полное декольте попкорна, и в конце концов часть попкорна непременно попадала обратно в коробку, из которой я его и ела, и я почти уверена, что именно так я и подцепила свиной грипп.

На следующий день мы вернулись к моим родителям, чтобы запустить салют в честь Дня независимости, а когда у нас закончились «римские свечи», папа сказал:

– Ой! Я же обещал внукам, что сегодня мы будем стрелять из пушки.

И Хейли закричала:

– Ура!

– Ты пообещал моей дочке, которая еще даже в школу не ходит, *что дашь ей поджечь фитиль у пушки?* – не веря своим ушам, спросила я.

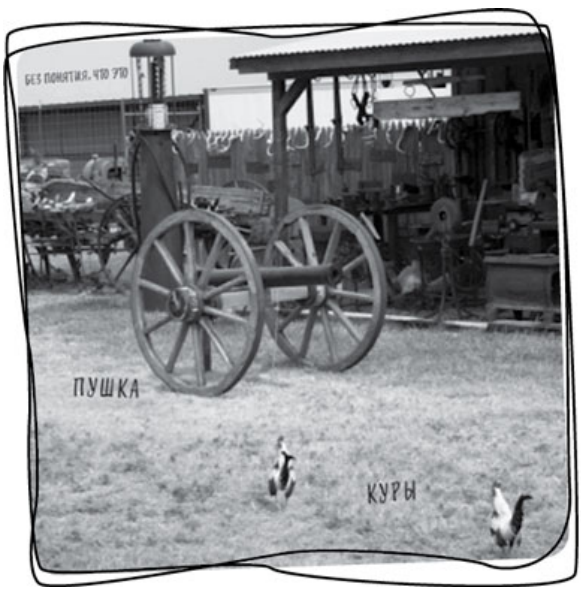
– Нет. *Конечно же, нет*, – ответил он. – Я сказал, что дам Тексу это сделать.

И это было куда безопасней, потому что *Тексу, блин, было уже шесть*. Я посмотрела на свою сестру, пытаясь понять, как она отнесется к тому, что ее ребенок подожжет пушку времен Гражданской войны, но она только пожала плечами, потому что привыкла к подобным вещам и научилась идти на уступки.

– Уверен, что это безопасно? – спросила Лиза, и папа заверил ее, что разрешит Тексу только зарядить и подготовить пушку – для этого Тексу нужно было стоять прямо перед *огромной заряженной пушкой* – но сестра сохраняла относительное спокойствие, потому что знала, что папе в любом случае вряд ли удастся пушку зажечь. И она оказалась права. Но папа решил, что нужно просто больше пламени, и принялся зажигать непокорную пушку паяльной лампой. Тогда-то я и побежала за фотоаппаратом, потому что знала, что мне в жизни никто не поверит. Залп пушки в столь поздний час непременно разбудил бы соседей, но тут я вспомнила, что они запускали салют всю неделю напролет, так что, если бы пушка и правда выстрелила, получилась бы такая нехилая месть. И она выстрелила. И это было чертовски круто, причем все остались живы *и* даже не были

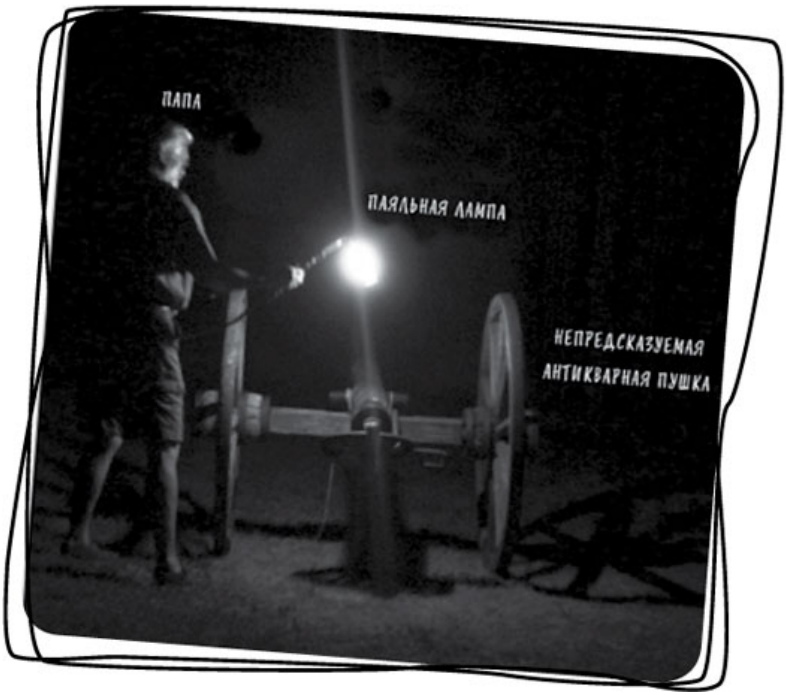
перемазаны кровью, так что ночь выдалась самая удачная на неделе.

Когда в последнюю ночь перед отъездом мы заходили в дом моих родителей, Виктор показал на стол, подвешенный цепями к крыше навеса для автомобиля. Виктор сказал, что на нем вроде как медвежий труп, и я решила, что он просто перебрал, но на следующее утро, когда мы пошли загружать машину, я поняла, что он был прав. Сначала я решила, что мне, наверное, нужны очки, раз я умудрилась не заметить на заднем дворе медведя, неделю напролет парившего верхом на столе. Но потом вспомнила, что и пушку поначалу тоже не увидела: слишком уж много всего остального было вокруг.



Задний двор дома моих родителей.

Газовый насос неисправен.
Пушка и куры еще как исправны.



Такой вот у нас задний двор. Пушки и парящие медведи не выделяются здесь на общем фоне.

Я таращилась на медведя и думала, не пытается ли папа воскресить его из мертвых, подобно доктору Франкенштейну, который поднял своего монстра на крышу, чтобы по нему ударила молния. И тут я поняла, что, наверное, он просто убрал к нашему приезду мертвого медведя подальше от глаз, и это показалось мне таким милым и даже гениальным с его стороны. Типа жалюзи, но только с мертвыми медведями.

Виктор согласился, что в этом есть своя логика, но потом на лице у него отразился ужас и он принялся настаивать, чтобы мы немедленно отправлялись домой – если все это начинает казаться нам рациональным, то, скорее всего, настала пора валить.

Раненная курицей

Пару лет назад мой палец страшно распух и стал похож на гигантскую сардельку. Ну из тех, которые продаются на стадионе, – они еще раздуваются во время жарки. А не на ту сардельку, про которую еще можно было подумать[33]. Потому что это было бы странно. Даже не знаю, почему мне приходится это все объяснять. А знаете что? *Давайте начнем заново.*

Пару лет назад мой палец страшно распух и стал похож на гигантское влагалище. *Шучу.* На самом деле он стал похож на огромный распухший палец. Выглядел он так, словно я нацепила такую огромную пенопластовую руку для болельщиков, только ее на мне не было. Как-то посреди ночи у меня случился приступ пальцевого рака. Виктор закатил глаза и назвал меня хроническим ипохондриком, а я смерила его взглядом и провела своим громадным пальцем по его щеке, сказав зловещим голосом:

– Похудей[34].

И он заставил меня пойти к врачу. Видимо, он считает, что я достаточно сильная, чтобы справиться с диагнозом «пальцевый рак» без какой бы то ни было поддержки. Ну или он эмоционально закрыт и не хочет даже задумываться о том, что я могу умереть. Или он решил, что я просто снова повредила себе палец, как в тот раз, когда наша собака ранила меня курицей. Наверное, все же последний вариант верный.

Тут я собиралась в деталях рассказать про свой пальцевый рак, но мой редактор только что это прочитала и сказала, что нельзя просто так упомянуть про собаку, ранившую меня курицей, никак это не объяснив логически. Я сказала, что логики там никакой нет, и она согласилась, только, наверное, еще по какой-то другой причине. Ладно, *так и быть*. Вот вам предыстория, которую я просто взяла из своего блога, потому что случилось это несколько лет назад и я уже смутно помню подробности. Потому что решила стереть их из памяти. Ведь моя собака пыталась меня убить. Курицей.

ЗАПИСЬ В БЛОГЕ

Я с трудом все это печатаю, потому что рука у меня вся распухла, а я всего-то несла своего мопса (по кличке Барнаби Джонс Пиклз) в кровать, когда он внезапно кувыркнулся, чуть не сломав мне средний палец, и пробежал у меня между ног, и я из-за этого так неудачно упала, что так и осталась лежать, не в силах даже пошевелиться. Чтобы стало еще веселее, пес принялся прыгать по моей голове (наверное, чтобы со стороны казалось,

будто мы просто играем и он вовсе *не* пытается меня убить), но меня так просто не одурачить, поэтому я позвала Виктора, который нашел меня у холодильника лежащей на животе. Он был такой весь:

– *Какого. Хрена. Ты тут делаешь?*

А я ответила:

– Собака пыталась меня убить.

Тогда Виктор наклонился и без всякой на то надобности удивленно приподнял бровь, а потом с недоверием сказал:

– *Наша собака?* Наша *крошечная* собачка сделала *это с тобой*?

И я такая вся:

– ОН КАК НИНДЗЯ!

Тогда Виктор сказал:

– Да он же гребаный *мопс.* Он даже на диван сам забраться не может.

А я такая:

– Я ХРУПКАЯ ЛЕДИ, МУДИЛО!

И тогда Виктор попытался помочь мне встать, а я закричала, так как знаю, что жертв несчастных случаев трогать нельзя, потому что их может парализовать.

Виктор согласился оставить меня лежать на полу, но только при условии, что я пошевелю ступней, однако к этому моменту я уже слишком боялась, что движением ноги могу повредить себе спинной мозг, так что он схватил телефон, а я заорала:

– НЕ СМЕЙ ЗВОНИТЬ В «СКОРУЮ»!

И он со вздохом сказал:

– Если ты не пошевелишь ногой, я вызываю «Скорую». Только вот *меня*, скорее всего, арестуют за домашнее насилие, потому что… *какого хрена тут вообще случилось?*

И я такая:

– Господи, под холодильником *целая куча* стеклянных шариков. *Откуда у нас вообще дома стеклянные шарики?*

Тут Виктор издал характерный звук, с которым обычно он обхватывает ладонью лицо и качает головой, словно не может поверить в то, что сталось с его жизнью, и несколько минут спустя спросил:

– Погоди. *А откуда вся эта кровь?*

Тут я заметила у себя на руке длинную неглубокую рану, приподнялась на локте, чтобы ее рассмотреть, и сказала:

– А это еще откуда?

Так мы и поняли, что меня не парализовало.

У меня зародилось было смутное подозрение, что Виктор специально пролил на меня фальшивую кровь, чтобы я отвлеклась и пошевелилась, но ведь у него с собой почти никогда

не бывает фальшивой крови. Просто он не из таких парней. У него может найтись измерительная лента или кредитная карта с истекшим сроком годности, но если вам понадобится фальшивая рука или медвежий коготь, то вам точно не к нему. С другой стороны, я обрадовалась, когда увидела на себе кровь, потому что хотя бы теперь Виктор должен был отнестись ко всему этому более серьезно. Вскоре, впрочем, выяснилось, что **он так напрягся при виде крови только из-за того, что еще не покрыл плиточные швы на кухонном полу защитным раствором**, так что от крови непременно должны были остаться пятна. Это было немного бессердечно с его стороны, но мне его досада была понятна, ведь если меня когда-нибудь похитят, это пятна могут бросить на него тень подозрения в убийстве, но я не стала об этом упоминать, потому что мне не хотелось, чтобы у него появились подобные мысли. К тому же он мог попросту разозлиться из-за всех этих стеклянных шариков под холодильником. Как бы то ни было, я в итоге отмела все эти мысли в сторону, потому что до меня вдруг дошло, что кровь у меня идет ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО Я РАНЕНА КУРИЦЕЙ.

Одновременно с этим до меня дошло, что никто в жизни не поверит этой истории, а еще что Виктора непременно посадят, потому что *ну кого вообще ранят курицей? Очевидно*, меня. Это был один из кусочков сушеной курицы, которую я несла Барнаби Джонсу, чтобы он полакомился. Эти кусочки были немного опасные: *до нелепости* острые, и, как оказалось, ими можно было прилично пораниться, если приложить достаточное усилие. Звучит не слишком достоверно, но такое может произойти с каждым, кто упадет на заточку из курятины. Хотя, пожалуй, я единственный человек в мире, получивший колотую рану курицей. Так что *я победила*. Ну или проиграла. Может, и то и другое.

Тогда я объяснила Виктору, что поранилась курицей, а он снова начал звонить в «Скорую», потому что решил, что у меня сотрясение. Я вздохнула и стала дергать его за штанину, чтобы привлечь внимание, а потом провела демонстрацию, схватив куриную заточку непострадавшей рукой и показав, как ей можно уколоть. Он таращился на меня в недоумении, но трубку повесил, потому что наконец понял, в чем дело, ну или потому что решил, что я угрожаю его пырнуть. Виктор утверждает, что он все равно не знал, что сказать водителю «Скорой», потому что *«никто в жизни не поверит, что наша милейшая собачка может причинить столько вреда»*, причем сказал он это *крайне* снисходительным и осуждающим голосом, и, думаю, именно поэтому я принялась кричать в свою защиту:

– ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, ЧТО ОН ТВОРИТ, КОГДА ТЕБЯ НЕТ ДОМА.

Тут Виктор взял Барнаби Джонса под мышку и сказал:

– Не слушай мамочкин бред, мистер Джонс, – и забрал его в спальню, чтобы смотреть вместе с ним «Разрушителей легенд».

Я принялась кричать, не вставая с пола:

– *Да он бы столкнул меня с лестницы, будь у нас лестница*.

Еще я сказала, что теперь Барнаби Джонс наверняка вспорет нам глотки, потому что познал вкус человеческой крови, а Виктор в ответ крикнул, что из-за меня Барнаби Джонсу не слышно телевизор, а еще что он не станет разговаривать с человеком, который драматизирует, лежа на полу в кухне.

> Я пояснила, что «драматизирование» – это распространенный симптом шока, а он сказал, что это не так, поэтому мне пришлось самой открывать медицинский справочник и листать его своим сломанным пальцем – правда, я так и не смогла найти там такой симптом.

Наверное, мне даже не стоило все это сейчас печатать. Меня нужно было завернуть в теплое одеяло и разрешить мне поспать. Ну или меня нужно было заставить пойти поспать. Одно из двух. Ну или мне нужно было сделать «горячий тодди». Наверное, я в точности *знала*, что нужно делать в подобных случаях, прежде чем получила сотрясение из-за пытавшейся меня прикончить курицей собаки.

P.S. С Виктора *точно* причитается – он бы автоматически попал в тюрьму, потому что на нем была полурубашка, а парней в полурубашках полиция по приезде прямиком отправляет за решетку. Так все устроено.

P.P.S. Уточняю – полурубашка в том смысле, что она с короткими рукавами, а не в том, что она доходит только до сосков. Виктор бы в жизни такую не надел. Даже не знаю, отправляют ли за решетку за такую рубашку. Наверное, да, если к этому добавить собаку и кучу человеческой крови вокруг.

P.P.P.S. Как понять, расширены у тебя зрачки или нет? Какими они вообще должны быть в нормальном состоянии? Почему на медицинских сайтах так все непонятно? И почему я не могу перестать читать про рак, хотя только хотела узнать про сотрясение? Замечательно. *Теперь у меня еще и рак*. Спасибо тебе, Барнаби Джонс.

Свежая информация: Сегодня утром ходила в травмпункт. Объяснила там ситуацию. Врач написал у меня в медкарте: «Ранение курицей». Потом меня спросили, обращалась ли я уже к

медикам из-за ментальных проблем, а мне послышалось что-то про медиумов и менталистов, и я такая им типа:

– Ага… *Я ведь читаю ваши мысли.*

После этого меня сразу же приняли в отдельном кабинете.

ДУМАЮ, МОРАЛЬ В ТОМ, ЧТО НУЖНО ИЗОБРАЗИТЬ ПРОБЛЕМЫ С ГОЛОВОЙ, ЧТОБЫ ВРАЧИ ПРИНЯЛИ ТЕБЯ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

Оказалось, впрочем, что у меня всего-навсего растяжение и мне нужно носить на пальце шину, пока он не заживет, а еще держать его приподнятым.

На этой фотографии я еду на своей машине домой:

P.P.P.P.S. Кое-кто из моих друзей заявил, будто Барнаби Джонс действовал из самообороны, потому что собакам нельзя давать куриные кости, но это было *дорогущее, чистейшее куриное филе без костей. Я* между тем ем лапшу быстрого приготовления, а свитерок Барнаби Джонса стоит больше, чем вся одежда, которая сейчас на мне надета. Так держать, обвиняйте во всем жертву, ребята. *Да я, может быть, больше никогда не смогу играть на укулеле.*

Никто на это не поведется, Барнаби Джонс.

* * *

На этом и заканчивается история про то, как меня ранили курицей. Но только если я не на вечеринке. Тогда меня уже не *заставить прекратить рассказывать эту историю*, потому что она никогда не приедается. Если, конечно, вы не Виктор, который, как он сам говорит, предпочел бы, чтобы я больше об этом не упоминала. Наверное, он просто понимает, что выглядит как соучастник. Кроме того, мне кажется, что ему стыдно, когда я упоминаю про все эти виноградины, которые я увидела под холодильником, так что в книге я поменяла их на «стеклянные шарики». *Можешь не благодарить, Виктор*.

Ка-а-ак бы то ни было, сейчас вы наверняка задаетесь вопросом: *«Да сколько у этой женщины может быть историй про поврежденные пальцы»*, и я вам отвечаю: «Куча». Но я вам

рассказываю только одну из них (если не считать историю про ранение курицей), с которой и начала эту главу, – все остальные я приберегла для второй книги. Впрочем, могу вас заверить – это определенно лучшие из всех моих историй про пальцы, так что имейте в виду: когда выйдет вторая часть книги, в Publishers Weekly будут все такие: *«Если вы ожидаете все тех же мастерски рассказанных потрясающих историй про поврежденные пальцы от ставшей в одночасье сенсацией многострадальной святой Дженни Лоусон, то подумайте дважды, потому что у этой книги не просто пальцы – руки растут не из того места»*. Ну или они могут сказать что-нибудь не про криворукость, а про косолапость. С этими Publishers Weekly хрен разберешь. Честно скажу, рецензии они пишут просто ужасные. На самом деле они, наверное, прямо сейчас пишут свою отвратную рецензию на эту книгу, но это только потому, что я бросила им вызов, а *еще* я написала фразу, которую *они* сами хотели использовать, и теперь они такие все: «И какого хрена нам теперь делать? Она уже использовала все самые сочные фразы. Ну правда, “руки не из того места” – это же просто чистое золото». Уж простите меня за это, Publishers Weekly, но я ведь писатель. *Это мой хлеб**.

*** Примечание редактора: я увольняюсь.**

Ладно. Как мы уже говорили ранее, я отправилась на прием к врачу одна со своим пальцевым раком, уже жалея, что не пошла прямиком к онкологу. Я отважно выставила вперед свой распухший палец, врач посмотрел на меня снисходительно и сказал:

– Ой, у кого это у нас бо-бо?

Я тут же ударила его между ног. Но только мысленно, потому что врачи могут ловко состряпать обвинение в нападении, ведь они могут сами записать себе любые липовые телесные повреждения.

> Типа, врач может заявить, что из-за меня у него выпало яичко, и никакие присяжные на свете не усомнятся в его словах, но стоит мне начать утверждать, что у меня пальцевый рак, так люди сразу пялятся на меня, как будто я чокнутая.

Причем смотрят они точно так же снисходительно, как это только что сделал врач. И это еще *я* после этого чокнутая. Не забывайте, что это *он* только что подал в суд на *меня* из-за какого-то там смещенного яичка. Правда, это случилось тоже только у меня в голове. Впрочем, забудьте. Весь этот абзац не особо-то

помогает мне вырасти в ваших глазах.

Врач сразу же поспешил отмахнуться от моих россказней про рак, но я настояла на том, чтобы он поискал у меня пальцевый рак, потому что я не сомневалась, что умираю от него.

– Какой-какой? – переспросил доктор Роланд поверх своих очков.

– Пальцевый. То есть в пальце. Эта такая штука на руках, знаете. *Я думала, вас учили анатомии, доктор Роланд*.

Тогда доктор Роланд сказал мне, что, как ему кажется, я приняла все слишком близко к сердцу и что слова «пальцевый» на самом деле не существует. Тогда я сказала ему, что, как мне кажется, он принимает все *недостаточно близко* к сердцу – а все потому, что ему, скорее всего, попросту стыдно за то, что он не знает таких простых вещей. Тогда он заявил, что так тоже никто не говорит. Да, с врачебным тактом у него явные проблемы.

Доктор Роланд фыркнул на меня, а я направила на него свой огромный палец со словами:

– А вот *это* не похоже на рак?!

Он заверил, что это никакой не рак, а обычный паучий укус. Укус ядовитого дикого паука, который впрыскивает вместе с ядом свои яйца, чтобы его детишки могли полакомиться плотью пальца ничего не подозревающей молодой писательницы, которая уже подумывает о том, как бы засудить собственного врача за халатность. Вот это последнее врач вслух не сказал, но я прочла это в его глазах.

Когда я пришла домой, Виктор спросил меня, что сказал врач, а я ответила:

– Он отправил меня домой умирать.

– *Что-что он сделал?*

– В смысле, он отправил меня домой и дал мазь.

Все это было сплошным разочарованием.

Потом, однако, выяснилось, что доктор Роланд был в корне не прав, и после многочисленных анализов (а также после смены врача) оказалось, что у меня нет ни пальцевого рака, ни пауков в пальце – у меня нашли артрит.

Когда я говорю людям, что у меня артрит, они обычно отвечают:

– *Но ведь ты выглядишь так молодо*.

Как же я ненавижу подобные сомнительные комплименты. Наверное, я буду ненавидеть эту фразу еще больше, когда стану старой и люди *перестанут* ее говорить. Вместо этого они будут кивать:

– Ах, артрит. Ну конечно, в твои-то годы.

Как только они это скажут, я планирую переехать через них

на своем инвалидном кресле. Мне всегда приходится объяснять, что это *ревматоидный* артрит, которым болеют даже дети, и я не совсем понимаю, с какой вообще стати его называют артритом – ведь он только отдаленно напоминает остеоартрит, на который так жаловалась ваша прабабушка.

> Я ПОДУМЫВАЮ О ТОМ, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬСЯ ВРАЧАМИ И ЗАСТАВИТЬ ИХ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ РЕВМАТОИДНЫЙ АРТРИТ В НЕЧТО ТАКОЕ, ЧТО ЗВУЧАЛО БЫ БОЛЕЕ СЕКСУАЛЬНО, БОЛЕЕ МОЛОДЕЖНО И БОЛЕЕ ЭКЗОТИЧНО.

Что-нибудь вроде «Полуночная смерть» или «Угрожающий вампиризм». Ну или назвать болезнь в честь кого-нибудь известного. Типа «Болезнь Лу Герига, часть вторая: РАСПЛАТА». В конце концов, ревматоидный артрит и без того приносит слишком много страданий, чтобы его еще и путали со старческой болезнью, так что куда лучше, чтобы у нас была возможность сказать людям, что мы не сможем прийти к ним на вечеринку из-за неожиданного рецидива «Угрожающего вампиризма».

Мой новый врач оказался очень добрым и заверил меня, что в ревматоидном артрите нет ничего страшного и что он больше не является смертным приговором, как это было раньше, – после этого у меня резко участилось дыхание, ведь врач только что произнес при мне слова «смертный приговор», так что его медсестре пришлось помочь мне зажать голову между коленями и начать глубоко дышать. Затем он добавил, что лекарства от этой болезни нет, но зато есть множество экспериментальных способов лечения, которые мы можем «попробовать». На этих словах я отключилась, хотя, наверное, не столько из-за новости о неизлечимости моей болезни, сколько от того, что я вечно теряю сознание, когда вижу людей в белых халатах. Я падала в обморок, когда мы в школе ездили на экскурсию в клинику, падала в обморок на приеме у окулистов, у гинекологов, а однажды потеряла сознание у ветеринара и упала на своего кота (последний случай был особенно неприятным, поскольку, придя в себя, я увидела вокруг много собак и склонившихся надо мной незнакомцев; блузку на мне полностью расстегнули фельдшеры, чтобы послушать сердце, а мой кот спрятался под креслом, откуда недовольно на меня поглядывал). Когда я пришла в кабинет к своему новому врачу, он попросил меня прилечь и объяснил, что поводов для паники нет, и хотя достоверно о причине болезни ничего не известно, многие склоняются к версии о ее врожденной природе. Я слушала только вполуха, потому что была слишком сосредоточена на том, чтобы сдержать рвотные

позывы, так что я подняла на врача выпученные глаза и переспросила:

– Простите, какие уроды?

– Эм… *что?* – сказал врач.

– *Вы только что сказали, что артрит бывает только у врожденных уродов*.

– Да нет, – засмеялся он. – *Врожденная природа*. Ну или, возможно, это наследственное заболевание.

Я с облегчением вздохнула – его ответ хоть немного меня утешил, а то я уже начала представлять себе, как выглядят уроды с артритом. Он заверил меня, что со мной все будет в порядке, но выглядел, если честно, немного встревоженным. Наверное, он впервые слышал нечто подобное от своих пациентов.

Новый врач объяснил, что у меня редкая форма заболевания под названием полиартрит – это означает, что артрит не остается на одном месте, а прыгает по всему телу чуть ли не ежедневно. Я могу проснуться с лодыжкой, распухшей до такой степени, что будет казаться, будто я надела чулок и набила его яблоками, а уже на следующий день с лодыжкой все будет в полном порядке, а вот любое движение плечом будет вызывать желание прикончить котенка.

> Я как будто бы ложусь каждую ночь спать, зная, что во сне меня ждет Фредди Крюгер, чтобы хорошенько надрать мне задницу бейсбольной битой, и что наутро я проснусь со всем теми ужасными травмами, которые он мне нанесет.

Только вот это уже не кино про улицу Вязов – это моя жизнь. Кроме того, тут нет Джонни Деппа. Да, полное дерьмище.

Врач оказался прав насчет множества вариантов лечения, но я с разочарованием узнала, что ни один из них не подразумевает назначенного врачом сегвея или обезьян-помощников, которые бы открывали банки с соленьями. Вместо этого мне просто дали лекарство, название которого начинается с «мета-» и заканчивается «у тебя выпадут волосы, и ты будешь блевать без остановки, если не будешь ежедневно принимать противоядие», потому что, судя по всему, этот препарат используют еще и для химиотерапии. Любопытно, что одним из многочисленных побочных эффектов лекарства, предназначенного в первую очередь для борьбы с раком, ЯВЛЯЕТСЯ ГРЕБАНЫЙ РАК. Врач объяснил, что лекарство провоцирует рак лишь в исключительно редких случаях, но учитывая то, что мне только что диагностировали одну из редчайших форм и без того редкой болезни, с моей стороны было бы разумно избегать подобного

рода лотереи. Он убедил меня, что риск оправдан, и предупредил, чтобы я не паниковала, когда увижу предупреждение на упаковке с препаратом. Он знал, о чем говорит. Там было написано: «*Срань* господня, МАТЬ ТВОЮ. *ДА ТЫ СКОРО СДОХНЕШЬ*».[35] Я немного перефразировала, но суть была именно в этом. И еще я прочитала это про себя голосом Сэмюэла Джексона, так что я, конечно, была напугана, но успела и позабавиться.

А самое стремное заключается в том, что НИКТО ДАЖЕ НЕ ЗНАЕТ, КАК ЭТО ЛЕКАРСТВО ПОМОГАЕТ. Они предполагают, что, *возможно*, оно помогает, потому что подрывает работу иммунной системы и не дает клеткам нормально расти, так что организм начинает атаковать иммунную систему вместо суставов. Ну конечно, кому нужна работоспособная иммунная система, когда у тебя аутоиммунное заболевание, от которого тебе так плохо, что единственный вариант – это принимать лекарство, *которое может тебя убить*? По сути, это все равно что нарваться на удар ножом в шею, чтобы перестать думать об ушибленном пальце на ноге. Как бы то ни было, лекарство мне помогло, так что я стала его принимать, стараясь не думать о том, что бы со мной было без него.

Я болею артритом уже многие годы, и иногда болезнь отступает, а иногда я прикована к постели, но мне при любом раскладе приходится регулярно сдавать кровь на анализ и делать рентген. Лучшее, что мне может сказать врач по результатам, – это что моя кровь пока не стала ядовитой и что «не наблюдается никаких заметных деформаций».

> *Так и понимаешь, что ты в полной жопе. Когда врачи тебя поздравляют с тем, что ты не настолько деформирован, насколько они ожидали.*

С горем пополам я преодолела первые пару лет, никогда не теряя надежды в один прекрасный момент услышать, что я излечилась.

– Я не понимаю, – сказала я своему врачу. – Я уже не первый год принимаю кучу всяких лекарств, а мне все равно больно.

– Да, от этого запросто можно отчаяться, – ласково сказал он, – но вам не следует забывать, что у вас дегенеративное заболевание.

– Да, но я надеялась, что к этому моменту мне уже станет лучше.

– Ой, – сказал врач. – Может быть, вы не совсем понимаете, что означает «дегенеративное»?

Замечательно. Мало того, что меня не вылечили, так теперь

еще и мой словарный запас ставят под сомнение.

Когда пришли результаты последнего анализа крови, врач сказал, что в моих мучительных болях нет ничего удивительного, так как анализ дал «двойной положительный» результат. Я не совсем понимала, что это значит, – подозреваю, это говорило о том, что мой артрит старается изо всех сил.

Я стала принимать каждый день биодобавки и огромные капсулы с рыбьим жиром, и когда Виктор выразил недовольство по поводу того, что я выбрасываю деньги на ветер, я отвечала ему, что рыбий жир полезен для суставов, потому что рыбы… хорошо скользят, так ведь? Он уставился на меня – мои доводы поставили его в тупик.

– Ну хуже точно не будет, – сказала я. – Я вот никогда не видела рыбы с отекшими лодыжками. Ну… или… хромую.

– Кажется, тебя облапошили. Разве рыбий жир не втюхивали всяким простофилям в девятнадцатом веке?

– *Нет*, – ответила я. – То был *змеиный* жир. Хотя не совсем понятно, как добывают жир из змей. Как по мне, так слишком много мороки, чтобы достать средство, которое в итоге еще и не помогает. Только представь, сколько людей ежедневно получали змеиные укусы, пытаясь добыть змеиный жир.

После этого Виктор поинтересовался, какие именно биодобавки я принимаю, и настоял, чтобы я перестала принимать те, на упаковках которых нет надписей на английском, а также те, которые продаются в мешочках в сомнительных магазинах здорового питания. Он был совершенно прав, но я была в отчаянии, и именно в приступе отчаяния я дала Виктору добро на то, чтобы отвести меня к иглотерапевту.

Я никогда не проходила иглотерапию, но слышала про нее достаточно, чтобы вообразить, будто я знаю, на что подписываюсь. И тем не менее выяснилось, что все те люди, которые говорили мне, будто иглотерапия – это круто и совершенно безболезненно, *были конченые лжецами*. Ну или мне просто попался хреновый иглотерапевт, а может, этот иглотерапевт ненавидит белых. Сложно сказать.

Как бы то ни было, я считаю своим долгом рассказать вам, что на самом деле происходит на сеансе иглотерапии, чтобы вы знали, к чему готовиться.

1. Медсестра скажет вам снять с себя все, кроме нижнего белья. Так что имеет смысл надеть нижнее белье. Пожалуй, стоило об этом *предупредить*, когда я записывалась на сеанс.

2. Особое примечание для людей, планирующих взять с собой маленьких детей: что, черт возьми, с вами не так? «Кукольный домик» в приемной – это никакой не кукольный домик. Это рака.

Если вы позволите солдатику своего сына «захватить его и объявить территорией Соединенных Штатов», то, скорее всего, попадете прямиком в ад.

Пожалуй, не стоит злить чувака, который собирается вставлять в вас иглы.

Ну это так, мое предположение.

3. Придет иглотерапевт и попросит вас объяснить, где у вас болит, а потом покачает головой, потому что не говорит по-английски. Он позовет медсестру, и вы объясните, где у вас ревматизм, а также как давно у вас там болит и какие таблетки вы принимаете, а она поднимет голову на врача и прокричит: «ОНА ГОВОРИТ, ЕЙ БОЛЬНО», а затем уйдет из комнаты. После этого иглотерапевт смерит вас взглядом, как бы говорящим: «Зачем вы тратите мое время? *Конечно же, вам больно*. С какой бы стати здоровому человеку приходить, чтобы в него втыкали иглы?» Потом он попросит вас прилечь на стол и начнет втыкать в вас иглы.

4. Иглы совсем маленькие, и вам ни капли не будет больно. На самом деле будет даже приятно. Ха-ха! Шучу! Ощущение будет как от иголок. *Потому что это и есть иголки*.

5. Иглотерапевт воткнет одну из игл вам в ухо, и из него пойдет кровь. У вас будет кровоточить ухо. Не могу не заострить на этом ваше внимание еще раз. КРОВОТОЧИТЬ УХО. Затем он откроет книгу на английском по иглотерапии и даст вам прочитать абзац, в котором объясняется, что ухо по форме напоминает перевернутого эмбриона, и поэтому в него просто непременно нужно тыкать иглами. Мне остается только надеяться, что переводчик немного исказил суть текста, потому что я почти уверена, что втыкать иглы в эмбрион не очень-то приветствуется. Надо будет не забыть спросить об этом у своего гинеколога. Хотя нет, лучше не спрашивать, потому что, если у меня даже и получится все ей объяснить, после вопроса о том, нормально ли тыкать в эмбриона иголками, ей будет немного неловко брать у меня мазок.

6. Сорок четыре иглы спустя… От некоторых из них все еще идет кровь. От остальных же и вправду стало болеть меньше. Врач уйдет, и вы попытаетесь осмотреть свое тело, но у вас ничего не выйдет, потому что от этого иглы вонзятся еще глубже в шею. От шока вы упадете в обморок. Затем вернется иглотерапевт и нагло заявит, будто вы просто заснули от всей этой чи. Я с ним согласна, если, конечно, *чи* по-китайски означает «обильная кровопотеря».

7. Из вас вытащили все сорок четыре иглы. Вы уже

собираетесь уходить, но врач смеется и говорит, что сеанс только начался и что теперь ему нужно отделать вас сзади, а вы такая «Сзади?», и медсестра кричит из коридора: «ДА СО СПИНЫ КОЛОТЬ БУДЕТ». Замечательно.

8. Еще сорок две иглы спустя… И все «сзади». От двух боль просто невыносимая, да и кровищи немерено. Начинаешь подозревать, что чем-то разозлил иглотерапевта. Пытаешься объяснить, что не знаешь женщину из приемной, которая позволила солдатикам своего ребенка захватить их раку. Он напрочь отказывается верить.

9. Все сорок две иглы вытащены. Теперь он выливает на вас какую-то жидкость, которую я решила называть «вонючий сок». Он принимается втирать ее вам в поры, и вы начинаете пахнуть, как старый грязный носок, в котором кто-то хранил ментоловую мазь и пачули.

10. Потом вы услышите звук чирканья зажигалкой и заподозрите, что вам сейчас подожгут волосы, но иглотерапевт объяснит, что собирается поставить вам банки. Он поджигает изнутри маленькие баночки и ставит их на кожу. Они присасываются, оставляя огромные засосы. И как потом объяснять, чем ты там занималась с врачом?

11. Потом иглотерапевт достанет какую-то бумажку с белым порошком, протянет ее вам и примется выжидающе на вас смотреть. А вы будете такая типа: «Мне что… *Снюхать это?*», а он покачает головой и попросит вас открыть рот, **чтобы он мог насыпать вам туда этот сомнительный порошок, напоминающий чешуйки шелушащейся кожи на ногах**. Потом он посмеется над вашим перепуганным лицом, протянет вам воду и велит полоскать рот и пить, пока не удастся проглотить все. Затем он скажет: «Женьшеневый чай для детоксикации», а вы такая: «*Чай не так заваривают*», а он улыбнется и уйдет прочь, пока вы будете недоумевать, как так получилось, что вы только что разрешили незнакомому китайцу скормить вам какой-то таинственный порошок, завернутый в бумажку, *в то время как он даже не знает, что нужно делать с чаем.* Можете уже перестать недоумевать – ответа вы все равно не найдете.

12. Иглотерапевт уйдет, а вы оденетесь, чувствуя себя слегка униженно и недоумевающе, и тут до вас дойдет, что впервые за неделю вы надели блузку, не крича при этом от боли. И вы пойдете и запишетесь еще на один сеанс на следующей неделе. Только вот ваш муж поклянется, что больше никогда не будет вас туда возить, потому что его машина теперь якобы воняет «старыми грязными хиппи».

Но вот в чем дело: со всеми этими биодобавками и рыбьим

жиром, иглоукалыванием, лекарствами от рака и всем остальным – иногда бывают дни без боли. Дни, которые учишься ценить, потому что никто с утра не вставил в тебя восемьдесят шесть иголок. Дни, когда ты устраиваешь импровизированный пикник на лужайке, потому что можешь согнуть ноги в коленях. Дни, когда публикуют исследования, в которых доказывается, что выпивка помогает справиться с приступами артрита. Золотые деньки.

Но даже в те дни, когда я прикована к постели и не могу пошевелиться, я благодарна за то, что моя дочка лежит, свернувшись клубочком, рядом со мной и смотрит «Маленький домик в прериях». Я стараюсь ценить то, что у меня есть, вместо того чтобы грустить о том, что потеряла. Я стараюсь с достоинством принимать свою болезнь и терпеливо дожидаюсь того дня, когда они найдут от нее лекарство. Ну или когда мне дадут обезьянку-помощника.[36]

Это был даже не мой крэк

Вскоре после того как я ушла со своей работы, чтобы стать писателем, Виктор ушел со своей, чтобы стать руководителем компании, занимающейся разработкой программного обеспечения в медицинской сфере. Это было круто, только теперь мы оба работали дома и постоянно испытывали желание друг друга прикончить. Чтобы оплачивать счета, я набрала кучу подработок по копирайтингу, одна из которых заключалась в том, чтобы составлять рецензии на весьма посредственные порнофильмы. Виктор расхаживал по дому с гарнитурой на голове, как Бритни Спирс, заключал всякие сделки и выкрикивал что-нибудь вроде: «ПОКУПАЕМ! ПРОДАЕМ! НАМ НУЖНО БОЛЬШЕ СЛОНОВ ДЛЯ ЭТОГО ПРОЕКТА!», ну, или в этом духе. Могу с точностью вас заверить – ничто на свете не отвлекает больше, чем бесцельно блуждающий по дому мужчина, который то и дело кричит себе под нос про всякие расчетные документы и доходность инвестиций, пока ты пытаешься написать саркастическую статью про культурную значимость фильма «Эдвард руки-пенисы».

В конечном счете Виктор неизбежно заходил ко мне в кабинет, ничего перед собой не видя, и выглядело это так, будто он орет про управление проектом перепуганным котам, спрятавшимся под моим столом. Я смотрела на него недовольным взглядом, но он никогда не понимал намека, так что я просто запускала порноролик, который мне прислали на рецензию, перематывала на кульминационный момент и включала громкость на максимум. Виктор оглядывался на меня в панике, прикрывал микрофон рукой и убегал из моего кабинета, судорожно выключая звук и шепотом крича, что у него очень важный конференц-звонок. Затем он спрашивал – все тем же своим профессиональным телефонным голосом, – все ли у всех в порядке, потому что звук был такой, словно кому-то стало плохо, и я должна отдать ему должное – он ни разу ни капли не растерялся. Потом он возвращался ко мне и объяснял, как важно соблюдать тишину, когда он разговаривает по конференц-связи, а я в ответ подчеркивала, насколько важно, чтобы он оставался в своем собственном гребаном кабинете. Тогда он подчеркивал, насколько важно, чтобы я «нашла себе настоящую работу, вместо того, чтобы смотреть порно в три часа дня», а я объясняла, что не смотрю порно ради удовольствия, а только просматриваю его. В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕЛЯХ.

> Учитывая то, что большую часть рабочего дня мы проводим в пижамах, а на заднем плане проигрывается порно, просто удивительно, откуда берется весь этот стресс.

В итоге Виктор все-таки уходил, бормоча что-то про этику и деликатность, а я кричала ему в коридор:

– ЭТО МОЯ РАБОТА, МУДИЛО. ХВАТИТ МЕНЯ ДОСТАВАТЬ, а НЕ ТО Я ТКНУ ТЕБЕ В ГЛАЗ ВИЛКОЙ, – после этого он снова выключал звук у микрофона и угрожал подсыпать мне яд в кофе. Это ничем не отличалось от обычной офисной работы, только вокруг были коты, и мы могли говорить вслух все то, что оставалось бы в наших мыслях, работай мы в открытом офисе с перегородками и вооруженной охраной.

Раньше, когда мы работали не дома, мы приходили домой и жаловались друг другу на наших коллег-идиотов, которые всячески портили нам жизнь, и это нас сближало. Теперь же мы были лишены подобных разговоров, потому что, кроме нас, в доме никого не было и единственными портящими жизнь коллегами-идиотами *были друг для друга мы сами*. Спустя многие месяцы, проведенные на грани поножовщины, мы, наконец, сошлись на том, что нам нужен дом, в котором наши кабинеты будут находиться как можно дальше друг от друга, а еще мы осознали, что больше с Хьюстоном нас ничто не связывает. Мы могли переехать жить куда угодно. Виктор предложил Пуэрто-Рико, но, заглянув в собственное сердце, я сразу же поняла, куда хочу переехать, и сама была шокирована этим решением больше всех, потому что оно полностью противоречило тому, что я пообещала сама себе несколько лет назад, когда родилась Хейли.

Когда Хейли родилась, первым делом я подумала, что мне нужно выпить и еще что в больницах непременно должен быть свой бар. После этого я дала себе зарок, что детство Хейли *будет совершенно не таким,* как у меня. **Я посмотрела на ее личико и пообещала никогда в жизни не бросать на кухонный стол трупы крупных животных и не пускать в дом пум**. Виктора это, казалось, немного озадачило, но он со мной согласился, потому что решил, что я все еще под действием препаратов. Это действительно было так, но, несмотря на это, факт оставался фактом: я была полна решимости сделать так, чтобы жизнь Хейли состояла из походов в музеи и занятий балетом, чтобы она никогда в жизни не выходила на задний двор посмотреть на рысей в клетках и не обнаруживала домашнюю утку, клюв которой сожрал дикий енот.

После рождения Хейли мы с Виктором поселились на

окраине Хьюстона, и я тщетно пыталась привыкнуть к такой жизни. Хейли было к этому моменту уже почти четыре, она была под нашим крылом, а еще она была немного бледной из-за того, что в небольшой частной школе, где ее учили музыке и танцам, не хватало солнца и приходилось быть точно такой же, как все остальные. Мы записали ее на гимнастику, но все остальные дошкольники как будто готовились к Олимпиаде, и многие мамы разглагольствовали о том, что их дети сидят на диетах, – мне же это казалось гребаным безумием. В конечном счете мы ее оттуда забрали, решив просто позволять ей прыгать на диване.

> НО ОНА ВСЕ ЕЩЕ БЫЛА НА ВЕРНОМ ПУТИ К ТОМУ, ЧТОБЫ ЖИТЬ СОВЕРШЕННО НОРМАЛЬНОЙ И БЛАГОПРИСТОЙНОЙ ЖИЗНЬЮ, И ЭТО ПУГАЛО МЕНЯ ДО УСРАЧКИ.

Меня пугала как и моя неуверенность в том, что мои попытки защитить ее от жизни, которой мне самой, как оказалось, не хватало, действительно приносят пользу, так и то, что все это заставляло меня ее немножко жалеть. За то, что у нее нет возможности лазить по канавам, кормить оленя во дворе или играть у себя в комнате с маленькими енотами. У нас были коты, и она просто обожала нашего миленького мопса Барнаби Джонса Пиклза – он был просто чудо, но ему было не сравниться с заполненной енотами ванной, и я подозреваю, что с этим согласился бы даже он сам.

Так я и принялась убеждать Виктора, что нам следует переехать в деревню, где у нас было бы несколько акров земли а Хейли могла бы бегать повсюду, изучать все вокруг и познавать вкус той долбанутой сельской жизни, благодаря которой мы с Виктором научились притворяться, что нам комфортно, в самых разных компаниях, ни к одной из которых мы на самом деле не имели никакого отношения. У нас обоих были приятные воспоминания о детстве на деревенских просторах, и я с удивлением для себя внезапно поняла, что теперь, когда я знаю, каково это – жить приятной, но скучной жизнью «по ту сторону», – детство в деревне, от которого я так хотела уберечь Хейли, приобрело для меня какую-то невероятную ценность.

> Жара, дикие животные и изоляция выковали меня такой, какова я есть, и в итоге я стала гордиться всеми теми кочками, которые попадались на моем пути.

Мне казалось несправедливым лишать Хейли подобного опыта, и переезд в деревню представлялся мне идеальным

решением.

Хейли открывает для себя радость копания в грязи.

Западный Техас слишком изменился, чтобы можно было чувствовать себя там как дома, но в конце концов нам удалось найти дом в Центральном холмистом районе, в часе езды от Остина. Дом располагался в маленьком городке, в тридцати милях от ближайшего продуктового, но там было тихо и приятно, а вокруг дома было несколько акров леса, который переходил в чудный открытый луг с кучей васильков. Вот здесь я себя чувствовала как дома. Кроме того, наши с Виктором кабинеты располагались далеко друг от друга, и в обоих были закрывающиеся на замок двери.

А еще тут было солнце.

Как это всегда бывало при покупке нового дома, Виктор принялся расспрашивать про прописанные в договоре ограничения и налоги, а я задала всего два вопроса, которые всегда находились в моем ведении: «Умер ли кто-нибудь в этом доме?» и «Сколько человек похоронено на территории?» Мне всегда казалось, что агенты по продаже недвижимости честно отвечают на первый вопрос: я думала, что их к этому обязывает закон, но вот насчет второго была уже не так уверена.

> Раньше я спрашивала, не похоронен ли на территории кто-нибудь, но мне казалось, что агенты мне врут, и поэтому я перешла на «Сколько человек похоронено на территории собственности?» – так мне удается создать впечатление, будто я считаю закопанные во дворе тела чем-то совершенно нормальным.

Я рассчитываю на то, что из-за этого они неминуемо расслабятся и ненароком проболтаются, что на лужайке всего-то и закопано, что два с половиной трупа. Виктор же утверждает, что, задавая эти вопросы, я добиваюсь прямо противоположного результата и что из-за меня всем становится некомфортно, – тогда я замечаю, что на самом деле не имею ничего против закопанных на участке тел, но на случай зомби-апокалипсиса хочу знать, где именно они находятся. После этого большинство агентов по продаже недвижимости удаляются под каким-либо предлогом. Наверное, им просто наскучило смотреть на то, как пары ссорятся по поводу зомби-апокалипсиса. Подозреваю, это один из минусов работы агентом по продаже недвижимости.

Как бы то ни было, в итоге мы все-таки купили дом и начали проходить пять стадий переезда.

ДЕНЬ 1: Принимаешься аккуратно упаковывать все в

пузырчатую пленку. Все тщательно протираешь, чтобы вещи так и дышали свежестью, когда их распакуешь на новой квартире. Подписываешь коробки со всех сторон.

ДЕНЬ 2: Начинаешь намеренно разбивать и ломать вещи, чтобы их не нужно было упаковывать.

ДЕНЬ 3: Находишь в кухонном шкафчике восемнадцать топориков. Просишь Виктора прекратить заказывать по ночам товары в «Магазине на диване». Намеренно ломаешь семнадцать топориков.

ДЕНЬ 4: Задаешься вопросом, зачем ты вообще стал собирать эти стеклянные фигурки животных, а также кто позволил тебе купить их аж тысячу четыреста штук. А еще – откуда у нас целых три ящика для всякой всячины? Значит ли это, что мы наконец «справились», или же это значит, что мы барахольщики? Пытаешься спросить об этом у своих подписчиков в «Твиттере», но понимаешь, что твой муж уже упаковал компьютерные кабели. Чувствуешь себя абсолютно одинокой. Плачешь в ванной, но не можешь высморкаться, потому что забыла, в какую коробку положила туалетную бумагу.

ДЕНЬ 5: Разжигаешь в гостиной огромный костер. С маниакальным смехом кидаешь в него коробки.

* * *

Именно так все и было, за исключением последнего. На самом деле на пятый день пришел мой свекор Алан, чтобы помочь нам побросать все по коробкам, а также чтобы не давать мне бросаться кухонными топориками в Виктора, который провел все четыре дня, «упаковывая» вещи из гаража, где, как я подозреваю, не было ровным счетом ничего ценного – уверена, если бы Виктор умер, я бы продала в Интернете все содержимое этого гаража не больше чем за двадцать долларов.

> Я НЕ СОВСЕМ ПОНИМАЮ, ЗАЧЕМ МУЖЧИНЕ МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ ЦЕЛЫХ ДВА ШКАФА С ИНСТРУМЕНТАМИ, ЕСЛИ МНЕ УДАЛОСЬ ПРОЖИТЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ, ОГРАНИЧИВАЯСЬ ИЗОЛЕНТОЙ И ОДНОЙ-ЕДИНСТВЕННОЙ ОТВЕРТКОЙ.

Виктор говорит, что «карбюратор не отремонтируешь изолентой», но, как мне кажется, он просто не знает, насколько она универсальна.

Забив нанятый для перевозки грузовик коробками и мебелью, мы отправились в долгий путь к нашему новому дому. Через

несколько минут после того как мы отъехали, Алан прокашлялся и смущенно достал из кармана какой-то пакетик.

– Ах. Кстати. Я тут нашел кое-что… эммм… *крэк*, что ли? – сказал он нерешительно, протягивая мне пакетик с крэком. Сначала мне показалось странным, что мой придерживающийся крайне консервативных взглядов свекор предлагает мне крэк, и я предположила, что это такая своеобразная проверка.

Потом я, хоть никогда в жизни и не видела крэка, подумала о том, что он наверняка очень дорогой, а в пакетике его было *слишком много* для одного раза. Если, конечно, он его не продает, но это было бы странно, потому что Алан и без того владеет весьма успешным бизнесом. Как бы то ни было, я знала, что он выделил целый день, чтобы прийти нам помочь, так что решила его не осуждать и уже начала придумывать вежливый способ ему отказать, как вдруг узнала в надписи на пакетике собственный почерк. Я испытала большое облегчение, поняв, что Алан, как видно, нашел этот пакетик, когда паковал вещи, и взял его с собой. Я засмеялась и объяснила:

– Ой, да это не мой крэк. Это принадлежит Хейли, – но тут вид у Алана сделался еще более нездоровый, так что мне пришлось объяснить, что на самом деле это действительно принадлежит Хейли и что это *не* крэк. Это просто специальный порошок, из которого, если добавить в него воды, получается искусственный снег. Я объяснила, что Хейли играет с ним каждую зиму, потому что настоящего снега в Техасе не бывает, и что его можно использовать повторно, но когда он высыхает, то становится похож на крэк. Я бросила небольшой кусочек в практически пустую бутылку с водой, и она моментально наполнилась снегом, а Алан вздохнул с облегчением. **Было немного обидно, что, найдя крэк, он сразу же подумал, будто он мой, но потом я перебрала в памяти всех своих домочадцев и отдала ему должное за то, что он так хорошо меня знает.**

Вскоре после переезда я стала изучать историю этой местности и обнаружила, что мы поселились на краю Хребта Дьявола – в одном из наиболее густо населенных призраками мест в Техасе. Меня всегда очаровывали истории о привидениях, так что это нисколько меня не беспокоило до тех самых пор, пока к нам не зашла соседка и не рассказала про трупы, закопанные вниз по дороге от нашего дома.

– *Что* закопанное *где*? – переспросила я.

Выяснилось, что целая семья была похоронена на собственном заднем дворе, но с тех пор все заросло, и от надгробий ничего не осталось. Вот это меня уже начало

беспокоить. Не сам факт того, что вниз по дороге от нас имеется импровизированное кладбище (мертвые соседи – тихие соседи… Кажется, это сказал Роберт Фрост), а то, что поблизости есть забытые могилы, которые никто даже найти не может. Поверх них что-то построили? Могилы были свежими? Я была рада, что мы живем так далеко от города и в случае зомби-апокалипсиса избежим атак превратившихся в зомби горожан, но теперь меня тревожило то, что у нас под боком могут оказаться свои собственные зомби, а мы не имеем ни малейшего представления, с какой стороны они будут наступать. И это тревожило меня не на шутку. Впрочем, как и Виктора, который попросил меня прекратить говорить про зомби-апокалипсис в присутствии наших соседей.

– Она заслуживает знать правду, – парировала я, а потом сказала Виктору, что нам нужно разыскать эти могилы, потому что я не смогу спокойно спать по ночам, пока не узнаю, где именно они находятся.

– Нет, – решительно сказал он. – Мы не станем рыскать по лесу, выискивая трупы, из страха крайне маловероятного зомби-апокалипсиса.

– ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ, – закричала (возможно) я. – *Я делаю это ради нас, мудило*.

И это была правда. Где-то поблизости от нас в земле лежали потенциальные зомби, и я должна была убедиться, что они уже не представляют никакой опасности. Несколько дней мы из-за этого ругались, пока он, наконец, не согласился отыскать могилы – наверное, до него, наконец, дошло, что у защитника дома есть и весьма неприятные обязанности. Ну или все дело в том, что я будила его каждые три часа, спрашивая, не слышал ли он у порога «голодное шарканье».

Виктор нашел какого-то местного, заявившего, что он знает, где находятся могилы, и он сказал нам просто ехать по дороге, в которую переходит улица. Только вот в конце улицы *не было* никакой дороги. Я показала на две заросшие травой колеи.

– Думаю, он это имел в виду.

– Это не дорога, – возразил Виктор, но вокруг больше ничего не было.

– Уверена, что это дорога, – начала объяснять я. – Это легко понять по пожарному гидранту на обочине.

Он злобно на меня посмотрел, стиснул челюсть и развернул машину, чтобы выехать на дорогу, которая дорогой не была. Несколько минут (и один помятый поддон картера) спустя мы заехали в тупик, и Виктор смерил меня недовольным взглядом. Тут что-то выбежало на нас из кустов, и я закричала:

– ЧУПАКАБРА!

Виктор ударил по тормозам и посмотрел на меня так, будто я свихнулась. Наверное, все дело в том, что от волнения я крикнула: «ЧЕБУРЕК», что, *должна признать*, немного сбивает с толку, когда на вас нападет опасное существо.

В свою защиту я должна сказать, что вряд ли кто-то сможет нормально выражать свои мысли, если увидит бегающего по лесу мексиканского кровососущего монстра.

В свою защиту я должна сказать, что вряд ли кто-то сможет нормально выражать свои мысли, если увидит бегающего по лесу мексиканского кровососущего монстра.

Виктор сказал, что полностью бы со мной согласился, если бы чупакабра не была всего лишь маленьким олененком. Это обескураживало. Не только то, что рядом с нашим домом, как оказалось, водятся прекрасно притворяющиеся оленями чупакабры,[37] но и то, что могил мы так и не нашли. Вдобавок мне теперь еще и захотелось чебурек, а в радиусе шестидесяти километров они нигде не продавались. Как ни посмотри, это был полный провал, но я решила утешить Виктора и напомнила ему,

что у нас, по крайней мере, нет коз, из которых чупакабра могла бы высосать кровь. Тогда Виктор попросил меня замолчать и сказал (как потом стало ясно, в первый раз из тысячи), что мы сделали огромную ошибку, переехав в деревню.

Я встала на защиту нашего нового городка и принялась уверять Виктора, что нам только нужно привыкнуть, – но он был прав. Нам это было явно не по зубам, а дизентерия и желтая лихорадка были, как мне казалось, всего лишь вопросом времени. Впрочем, пока мы могли расслабиться и успокаивать себя мыслью, что с помощью этого переезда умудрились обдурить смерть… И теперь конец наступит не от того, что мы с Виктором, не выдержав рабочего стресса, прирежем друг друга, а от того, вероятнее всего, что, выйдя за порог дома, мы не совладаем со здешней неизведанной глушью (ну или зомби-чупакабры). Мы с Виктором утешались тем, что наши кабинеты теперь достаточно далеко, чтобы уберечь друг от друга, – и все же продолжали тревожиться.

И, как оказалось, не зря.

Честно говоря, даже не знаю, откуда у меня это мачете: трагикомедия в трех частях днях

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ:

День, когда умер Барнаби Джонс Пиклз, был крайне тяжелым.

Мы все еще привыкали к новому дому и планировали оградить задний двор, чтобы не пускать Барнаби Джонса наружу, а скорпионов – внутрь. Пока ограды не было, мы позволяли ему носиться большую часть дня по дому и терроризировать котов, а затем выпускали гулять на длиннющем поводке, который привязывали к перилам крыльца, чтобы Барнаби Джонс мог свободно бегать по лужайке за домом. Вместе с тем отпускать собаку на задний двор, пускай и ненадолго, – рискованное предприятие, а в деревне, как оказалось, еще и крайне опасное.

Учитесь на моих ошибках, люди.

Я убедила себя, что с ним все будет в порядке, к тому же он всегда сможет отдохнуть на крытом крыльце, где непрерывно работают несколько потолочных вентиляторов, или пойти освежиться к садовому спринклеру. Я была уверена, что ему ничего не угрожает, кроме него самого. Он вовсю резвился, а я наблюдала за ним из окна гостиной. Стоило мне отвести взгляд на две минуты, а потом снова посмотреть в окно, обнаруживалось, что за это время он каким-то образом умудрился сплести огромную паутину из собственного поводка и всех без исключения стульев, стоящих на крыльце. Он смотрел на меня, слегка наклонив свою собачью голову, словно говорил: *«Что за хрень сейчас случилась?»* Я скрупулезно распутывала его и выставляла стулья перед домом, но вернувшись, обнаруживала, что он уже привязан к решетке барбекю, а на морде у него точно такое же выражение.

Я начала подозревать, что в прошлой жизни он был маленьким и не очень-то дельным пиратом, который в самые неподходящие моменты случайно привязывал себя к мачте. Так и представляю, как капитан, пробудившись от послеобеденного сна и увидев, что пират Барнаби Джонс привязал себя к штурвалу корабля, потому что принял стаю птиц впереди за надвигающийся ураган, смотрел на него с точно такими же жалостью и разочарованием. Я в точности знаю, что чувствовал тот капитан – он вздыхал и на протяжении следующего получаса развязывал

узлы на веревках, а Барнаби Джонс мешал, вылизывая ему лицо. Ну, во всяком случае, именно так делал Барнаби Джонс каждый раз, когда я распутывала его поводок. Подозреваю, что пират Барнаби Джонс делал точно так же. Среди пиратов было не так уж много девушек, и я не собираюсь осуждать их за то, что они друг друга вылизывали.

> *Я всеми руками за вылизывание друг друга людьми одного пола, а также я за пиратов. Если не считать насилия и грабежей. Я против насилия и грабежей.*
>
> *Я за деревянные ноги и крюки. Полагаю, это означает, что в отношении пиратов я агностик.*

Я никогда, впрочем, не кричала на Барнаби, потому что очень сложно злиться на кого-то, кто до такой степени, черт возьми, рад тебя видеть. «Старина Джонс», – сухо говорила я и трепала его за уши, пока он радостно пытался сгрызть мою обувь. Он улыбался глуповатой улыбкой, которую мопсы умеют доводить до совершенства, а я изо всех сил старалась не зацикливаться на злобном кролике, прячущемся в его морщинках на лбу (он всегда таращился на меня неодобрительным взглядом), потому что не хотела, чтобы ему было неловко, а еще потому что Виктор сказал, что склонность видеть воображаемого злобного кролика на лбу собственной собаки – это своего рода тест Роршаха, который доказывает наличие психического заболевания, качественные лекарства от которого мы все равно не сможем себе позволить. Но он и правда там был. Смотрите сами:

Злой кролик на лбу.
Нужно немного наклонить голову вправо, чтобы его увидеть. Уверяю вас, он точно там есть.
Специально для людей с плохим воображением я нарисовала кроличью морду. После того как вы увидите кролика, развидеть его уже не получится.)

А потом настал тот ужасный день, когда я позвала Барнаби Джонса в дом, а потом обнаружила его мертвым на заднем дворе – кролик с его нахмуренного лба пропал навсегда. Морда у него опухла, и наш ветеринар сказал потом, что, скорее всего, его укусила змея. Я бы написала тут что-нибудь в духе черного юмора, чтобы немного смягчить грусть от произошедшего, но я просто не могу, потому что *любила эту гребаную собаку*.

Мысленно я крыла себя благим матом за то, что вообще стала выпускать его во двор, но мне приходилось сохранять молчание, чтобы Хейли ничего не заметила. Я не хотела, чтобы она видела его таким. Виктор уехал из города, а автоответчик ветеринарной клиники твердил, что они закрылись на выходные, так что я взяла Барнаби на руки и отнесла на лужайку за домом, а потом плакала, пока не выплакала все свои слезы. Наконец после изнурительного выкапывания ямы (а земля там – почти сплошной камень), занявшего у меня целый час, я зарыла Барнаби на лужайке, на которой он так любил резвиться. Я отметила его могилку, сложив над ней пирамиду из камней. **Я сделала все сама, и получилось паршиво.**

Когда дело было сделано, я рассказала о случившемся Хейли и обнимала ее, пока она плакала. Мы уселись, обнявшись, на диван, и каждый час она спрашивала у меня, не приснилось ли ей все это. Хотелось бы мне, чтобы это было так. Она спросила, можем ли мы купить еще одного мопса, назвать его Барнаби Джонсом и просто притвориться, что он никогда не умирал. Я

сказала ей, что это было бы несправедливо с нашей стороны по отношению к Барнаби, но на самом деле правда была в том, что я знала – второй раз я такого не выдержу. В тот самый момент я зареклась: *«У меня больше никогда не будет собаки»*.

Я позвонила Виктору, чтобы рассказать о случившемся, и он заплакал. Я сказала, что закопала Барнаби Джонса на нашей лужайке, и Виктор совсем притих, потому что прекрасно знал, какая каменистая там земля. Я подумала, что он притих, потому что ему неловко от того, в какое затруднительное положение он меня поставил, уехав из дома, но он сказал загадочным голосом:

– Присматривай за тем местом, где ты его закопала.

Сказал он это с точно такой же интонацией, с какой говорил бы парень из «Кладбища домашних животных» с человеком, случайно закопавшим своего любимца в той самой части кладбища, которая воскрешала трупы. Я вздохнула и снова заплакала, потому что последнее, чего мне хотелось, – это оказаться вынужденной снова убить свою и без того мертвую собаку, когда ее бездушное тело вылезет из могилы, и потом Виктор такой весь типа:

– *Что за хрень ты несешь?*

А я сказала:

– Ну знаешь… *ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ*.

Тогда он сказал, что позвонит своим родителям и попросит, чтобы они приехали, потому что у меня явно нервный срыв. Тогда мне показалось, будто все дело в том, что у меня в голове смешались все романы Стивена Книга[38], но, оглядываясь назад, я начинаю подозревать, что на самом деле все было из-за того, что я начала разглагольствовать про убийство нашей уже мертвой собаки без какого-либо контекста. Как бы то ни было, самое худшее было уже позади, и я заверила Виктора, что со временем со мной все будет в порядке.

Так бы оно и было, если бы Барнаби Джонс не **восстал из могилы**.

ДЕНЬ ВТОРОЙ:

Зашла соседка и сказала, что видела, как вчера я копала на лужайке могилу, и решила заглянуть, чтобы узнать, все ли в порядке. Я была тронута – мало того, что она пришла меня проведать, так еще и решила, что я выкопала могилу, но при этом не стала звонить в полицию. *«Именно поэтому*, – подумала я про себя, – мне так нравится в деревне». Еще она сказала, что, скорее всего, Барнаби укусила гремучая змея, потому что то же самое случилось с двумя ее собаками. *«А вот поэтому*, – подумала я про себя, – я деревню *ненавижу*».

Я позвонила Виктору, которого все еще не было в городе.

– На самом деле Барнаби Джонса укусила гремучая змея. Судя по всему, они тут повсюду только и думают, как бы прикончить чью-нибудь собаку. Я больше из дома ни ногой. Научишь меня стрелять?

Виктор был напуган подобными вопросами и отказался сообщать мне код от сейфа с оружием, – судя по всему, он был не против, чтобы гремучие змеи сожрали нас с Хейли. Потом он заметил, что гремучие змеи не едят людей и что с тем же успехом Барнаби Джонс мог умереть из-за аллергической реакции на укус пчелы, и что я, как видно, зациклилась на гремучих змеях, просто чтобы не грустить из-за Барнаби. Я повесила трубку и загуглила: «Как сделать так, чтобы гремучие змеи оставили меня в покое?»

Если верить «Википедии», змеи презирают нафталиновые шарики и бегут от них со всех ног (что показалось мне весьма сомнительным, ведь у змей нет ног). Подозреваю, автор статьи просто перепутал змей с молью – однако про нафталиновые шарики говорилось и на других сайтах, так что я купила шесть огромных коробок с нафталиновыми шариками и так щедро разбросала их вокруг дома, что все начало выглядеть так, будто прошел град. **И еще было ощущение, что мой дом окружили старушки**, и это было уже не так забавно, но я представила себе, что это зловредные бабки, вооруженные противозмеиными алебардами, – так мне было гораздо проще смириться с воцарившимся запахом.

Еще я позвонила истребителю змей, который сказал, что нафталиновые шарики – весьма неплохо для начала и что он привезет с собой огромную банку средства для отпугивания змей и разбрызгает его по периметру участка. Я спросила:

– А как понять, что змеи не прячутся *внутри* периметра участка и не окажутся после этого заперты вместе со мной?

Он на секунду замолчал, а потом ответил:

– Блин, хороший вопрос. И как же?

А я такая типа:

– *Это не викторина*. Это *я* у *вас* спрашиваю… Как вы собираетесь это выяснить?

Тогда он сказал, что если змеи и останутся на участке, то они все равно уползут, чтобы оказаться как можно дальше от запаха. Я уточнила:

– То есть это не тот же самый принцип, как когда чертишь мелом круг, чтобы отпугнуть злых духов?

А он такой:

– А что, помогает?

Тогда-то я и подумала, что, может быть, стоит найти другого

истребителя змей.

Я пошла за новой порцией нафталиновых шариков, чтобы выложить второй ряд, и в этот момент увидела, что могилу Барнаби Джонса потревожили. Пирамидка из камней, которую я водрузила в качестве надгробной плиты, была повалена, и я с ужасом увидела чуть-чуть высовывающуюся из земли лапу. На долю секунды я успела ужаснуться при мысли, что Барнаби Джонс действительно восстал из мертвых, и замерла, пытаясь сообразить, помочь ему выбраться или сразу позвонить экзорцисту. Пока я соображала, огромная темная птица спикировала вниз и, вцепившись клювом в лапу, стала за нее тянуть. Я медленно спустилась по холму к лужайке, и в ту же минуту с ближайшего дерева с пронзительным криком взлетела целая стая хищных птиц.

Стервятники.

Я побежала в гараж за мачете, но стоило мне отойти от могилы Барнаби Джонса, как они снова к ней подлетали. Я кричала и бежала на них, злобно размахивая своим мачете, а они отступали и смотрели на меня недоумевающе, словно говоря:

– Ты же оставила нам поесть. Пожалуйста, хватит пытаться ударить нас по голове мачете. Хватит уже того, что ты додумалась *закопать* наш обед. Честно говоря, ты всех нас тут позоришь.

Я чувствовала себя Лорой Инглз, прогоняющей с пшеничного поля саранчу, только вот моим пшеничным полем была мертвая собака, и на мне не было шляпы от солнца. В конце концов я зашла в дом и позвонила маме. Она отнеслась к ситуации с большим пониманием и стала всячески меня поддерживать. Впрочем, будучи ко всему прочему реалисткой, она предложила мне уехать из дома на несколько дней и позволить провести Барнаби Джонсу эти своеобразные тибетские «небесные похороны»[39]. Мама – худший атеист на свете. Кроме того, вполне возможно, что она не столько сторонница тибетских небесных похорон, сколько переволновалась, узнав, что у меня есть собственное мачете. Моя мама как будто первый день меня знает.

Как бы то ни было, она была права. Это *был* круговорот жизни во всем его безобразии, но я не была готова к тому, что Барнаби Джонс станет на этом празднике жизни холодной закуской. И еще я боялась, что Хейли увидит, как стервятники вытаскивают тушку Барнаби Джонса из могилы, – она и без того подозрительно поглядывала на этих огромных птиц и даже спросила меня, что они все здесь делают.

– Они… молятся, – ответила я, сказав первое, что пришло в

голову. – Они молятся и хоронят нашего Барнаби.

К счастью, это объяснение полностью устроило шестилетнюю девочку, выросшую на лишенных какой-либо логики диснеевских мультфильмах.

Я снова позвонила Виктору.

– На самом деле Барнаби Джонса убила акула.

– *Чего?* – чуть не подавился он.

– Да шучу. Но он *определенно* восстал из могилы.

– Я тут вообще-то *работаю*, – прошептал он севшим голосом. – Ты что там, пьяная, что ли?

– Я никогда в жизни не была более трезвой – *ну или мне никогда в жизни не было так сильно нужно нажраться*.

После этого Виктор повесил трубку и вернулся к работе, а я стала подумывать над тем, чтобы вышвырнуть наших котов на улицу, чтобы они гоняли стервятников, но слишком боялась, что они потеряются, потому что никогда прежде не покидали дома, или стервятники увидят в них более легкую добычу, схватят и улетят. Это было бы крайне печально, а еще я понимала, что если умудрюсь прикончить за одни выходные всех наших домашних животных, то Виктор больше никогда не оставит меня одну, а еще, наверное, будет прятать мачете. Так что я решила просто задернуть шторы и притвориться, что ничего этого на самом деле не происходит.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ:

«Срань господня, – подумала я про себя. – Да это *еще как* происходит».

Теперь над могилой Барнаби Джонса кружила уже целая дюжина стервятников, сшибавших с нее камни. Я обзвонила миллион (миллион = четырнадцать) мест, чтобы кто-нибудь приехал выкопать мою собаку – которая уже была частично выкопана ужасными стервятниками, на которых я нападала с мачете – но приезжать было некому, потому что дело было в выходные.

> ВИДИМО, ЛЮДЯМ МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ ИХ СОБАКУ ВЫКОПАЛИ ИЗ МОГИЛЫ, ТОЛЬКО С ПОНЕДЕЛЬНИКА ПО ПЯТНИЦУ.

Потом я увидела в разделе «услуги» на сайте Craigslist объявление какого-то парня, который утверждал, что «за хорошую цену выполнит совершенно *любую работу*», но когда я вбила его адрес в поиске, то обнаружила, что еще он размещает объявления для людей, ищущих проститутку, так что, по сути, он просто сутенер, и было бы странно приглашать сутенера в гости, когда

дома только я и Хейли, и в этот самый момент я уже начала кричать про себя: *«КАКОГО ХРЕНА ВИКТОРА ДО СИХ ПОР НЕТ ДОМА?»*

Я снова позвонила Виктору.

– На самом деле Барнаби Джонса убила стая… Ну я не знаю. *У меня даже нет сил, чтобы что-то придумывать.* Но я нашла человека, который приедет, чтобы его выкопать.

Тогда Виктор заметил, что сутенеры обычно занимаются немного другой работой, и я сказала:

– Я не смогу отплатить ему кокаином. Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, ГДЕ ДОСТАТЬ КОКАИН.

И тогда Виктор велел мне просто переехать в отель, добавив, что он сам обо всем позаботится, когда через несколько дней вернется домой. Некоторый соблазн поддаться на его уговоры у меня был, но я сказала ему: я и без того сожалею, что меня не было рядом, когда Барнаби умер**, и будь я проклята, если оставлю его на съедение стервятникам.** Виктор сказал, чтобы я успокоилась – ему показалось, что у меня от волнения слишком участилось дыхание. Я же объяснила, что просто запыхалась, потому что была на улице и размахивала перед стервятниками мачете.

Тогда-то до Виктора и дошло, что я, наверное, использую его беспроводную гарнитуру для телефона, и он начал на меня злиться: мол, она «будет вся мокрая от пота». После этого я повесила трубку. В конце концов, мокрая от пота гарнитура – это пустяк по сравнению с тем, что я второй день отгоняла мачете крупных хищных птиц от нашего дома, параллельно взвешивая все «за» и «против» того, чтобы нанять сутенера выкопать нашу мертвую собаку. А Виктор все продолжал на меня кричать, потому что на самом деле я не знала, как положить трубку, когда пользуешься беспроводной гарнитурой, но я объяснила ему, что он попусту дерет глотку, потому что я уже мысленно повесила трубку и больше его не слушаю. Тут он окончательно разорался, а я стала напевать песню Total Eclipse of the Heart, чтобы его заглушить, и в этот момент снова показалась наша соседка.

На этот раз она выглядела более озабоченной – наверное, потому что я горланила сквозь слезы песню Бонни Тайлер и размахивала мачете над частично развороченной могилой. Ну или она просто подумала: «Да эта гарнитура точно вся намокнет от пота». Люди – странные создания, и очень сложно понять, что у них там творится в башке. Взглянув на стервятников, она сразу же поняла, в чем дело, и принесла огромный кусок синего пластикового брезента, чтобы накрыть им тело Барнаби. Мы положили огромные камни по краям брезента, и вид у

стервятников сделался крайне недовольный, а я расплакалась от благодарности. Потом я вернулась в дом и очень-очень долго мылась в душе. Вернувшись, я обнаружила, что стервятники – на удивление сильные создания и что они превратили синий брезент в своеобразный кубик Рубика: в стремлении разгадать эту головоломку каждая из птиц тянула за свой край. Я была уже на грани нервного срыва, но зато мне удалось сплотить стервятников и заставить их работать сообща.

Моя подруга Лаура (да, та самая, что затащила меня на винодельни) заметила, что мой «Твиттер» забит сообщениями о стервятниках, мачете, мертвых собаках и о том, как я рада существованию Cartoon Network[40], и решила мне позвонить. Я была такая вся:

– *Да я в порядке.*

А она с большим сочувствием сказала:

– Что ж, судя по твоему *голосу,* ты не особо в порядке. Я приеду, чтобы выкопать твою мертвую собаку.

И я тут же возразила:

– *Нет!* Лучше этого не видеть. *Особенно* тебе, ты же даже его не знала.

А она ответила:

– Видимо, все совсем плохо. МЫ скоро приедем. Я возьму своего сына, ему четыре. А еще лопату.

Так она и сделала.

Я не могла позволить ей выкопать тело Барнаби самой, так что мы включили компьютерную игру для Хейли и Гарри и сказали им, что идем заниматься садом. Затем мы надели перчатки, а она еще натянула на лицо повязку, чтобы перебить запах, и мы это сделали. А под «сделали» я подразумеваю, что мы выкопали мою собаку и закрыли ее в ящике-холодильнике. Только вот делала я все это с почти полностью закрытыми глазами, потому что не могла на это смотреть, и Лаура постоянно давала мне инструкции:

– Ладно, поднимай. Лопату налево. ДРУГОЕ ЛЕВО, СРАНЬ ГОСПОДНЯ, НЕ СМОТРИ. Дальше… дальше… ниже в ящик… *ГОТОВО!* ДЕЛО В ШЛЯПЕ!

Мы со всем разделались, и Лаура, гламурная лауреат Эмми, у которой были туфли, стоившие дороже всей моей свадьбы, повернулась к стервятникам (которые сидели в паре метров от нас и таращились) и грозно пробормотала:

– Да-да, мудачье. С этим дерьмом *покончено*.

Все это удивительным образом нас подбодрило.

Плотно закрыв ящик-холодильник, мы занесли его в гараж, чтобы Барнаби Джонс мог спокойно дожидаться работников

крематория, которые обещали забрать его в понедельник. Все это казалось одновременно нелепым и до ужаса грустным, но в тот момент я поняла, как мне невероятно повезло иметь таких друзей, как Лаура. Потому что она сделала *нормальным* нечто крайне травмирующее и ужасное. А еще потому, что когда я извинилась перед ней – раз эдак в восемнадцатый – за то, что втянула во все это, она сказала:

– Да ничего, – и махнула рукой так, как будто я просто пролила на стол мартини.

Потом она сказала:

– Слушай, да твоя собака прямо как Иисус. Она воскресла на третий день.

А я ответила ей, что она как Мария Магдалина, только не такая блудница, и она такая:

– Ну мы тут не *соревнуемся*.

Мы вернулись в дом и два часа отмывали руки, а потом она сказала, что у нее в сумочке есть все, чтобы сделать сальсу, в том числе пиво и мини-комбайн, потому что она знает, что у меня нет бытовой техники. Ее сумка была как волшебная, и я заглянула внутрь, рассчитывая обнаружить пони.

– *Фу*, – сказала она, впервые за весь день посмотрев на меня с осуждением. – Ну кто, черт возьми, кладет *пони* в сальсу? А ты и *правда* хреново готовишь.

В конце недели, которая была настолько ужасной, что я уже и не рассчитывала от нее оправиться, я вдруг почувствовала нечто такое, что совершенно не ожидала почувствовать.

Я почувствовала себя *везучей*.

Это напомнило мне фразу, которой отвечал мне папа, когда я критиковала его за неразборчивость в выборе друзей (иногда они оказывались убийцами и бомжами). В кои-то веки я была согласна с его мантрой: «Друзья – это люди, которые знают, где закопаны все твои трупы, потому что именно они и помогли тебе их там закопать».

Он был прав. А иногда, если вам по-настоящему повезло, они помогают вам еще и откапывать их.

Лопата, Лаура, лопата для карликов (судя по всему), я.

* * *

ЭПИЛОГ

Хейли с Гарри решили, что нужно непременно сфотографировать нас с Лорой после окончания «садовых работ». Это одновременно и самая ужасная, и *самая лучшая* из всех фотографий, что у меня есть.

Она прямо как картина «Американская готика», только с лопатами вместо вил. Если бы у этой главы был свой саундтрек, то им бы непременно стала музыкальная тема из сериала «Золотые девочки». Только она была бы не такой мудацкой, а в середине непременно звучало бы крутецкое соло на барабанах. А слова были бы что-нибудь вроде: «Ты увидишь, что самый большой подарок тебе подарила я, и на открытке прочтешь: “Спасибо, что помогала мне откопать мою мертвую собаку”». Это настоящее золото, ребят.

Несколько недель спустя в дверь постучал почтальон – ему нужно было, чтобы я расписалась за посылку, и я ужасно обрадовалась, потому что решила, что пришел заказанный мной шарф, но оказалось, что это был прах Барнаби Джонса. Никогда не ждешь подобных посылок. А ведь стоит.

Бывают хорошие дни, бывают плохие. А бывают дни,

когда тебе по почте присылают мертвых собак.

Не может же всем везти.

Позже мы развеяли часть праха Барнаби Джонса Пиклза на Хребте Дьявола, неподалеку от которого жили, – судя по рассказам, тут было полно призраков индейцев и испанских монахов, а мне кажется, что людям уже будет не так страшно, если они увидят на дороге призрак одинокого индейца в сопровождении улыбающейся собаки, которая *чертовски рада увидеть новых людей*.

Можешь не благодарить, Техас.

Мне понадобятся старый священник и молодой священник

Далее приводится перечень описанных в моем блоге событий, которые заставили меня поверить в то, что наш дом населен демонами и/или построен на индейском кладбище. (Имейте также в виду, что действие первой части этой главы на самом деле происходит непосредственно *перед* событиями предыдущей главы, а вторая часть – сразу же *после* них. Это можно было бы назвать «неуклюже-нелепым», но я предпочитаю определение «сложное в интеллектуальном плане и сюрреалистичное в хронологическом. Как если бы фильм “Помни” был книгой. Книгой про мертвых собак и кукол из беличьих трупов». Вы можете свободно использовать эту цитату, если пишете рецензию на эту главу, ну или если вы ученик, а ваш учитель спрашивает вас: «Что здесь хочет сказать автор?»; в любом случае, знайте – имеется в виду именно вот это. *Это* я пыталась сказать. Это, а еще *«Ради всего святого, пользуйтесь презервативами, если собираетесь заниматься сексом. Кругом столько всяких прошмандовок»*. В книге на самом деле об этом не говорится, но совет и правда дельный.)

Итак, давайте приступим.[41]

* * *

Знаете, что было бы полным отстоем? Например, если бы сразу после переезда вы внезапно вспомнили, что, возможно, оставили у себя в гараже коробку для сигар, в которой был десятилетней давности косяк, а ваш муж не помнит, видел ли он ее, и вы не знаете, упаковали ли ее грузчики, так что теперь где-то дома у вас могут лежать запрещенные наркотики. А могут и не лежать. И теперь вам хочется нанять натренированную на поиск наркотиков собаку, чтобы она все обнюхала и чтобы ваш ребенок в один прекрасный день не отыскал эту коробку, но среди ваших знакомых никто не сдает в прокат собак, вынюхивающих наркотики. И вам уже хочется позвонить копам, чтобы они пришли и нашли этот косяк, и вы даже разрешите им его забрать, если они его найдут, но вы не знаете, арестуют вас за это или нет, пускай формально вы на самом деле и пытаетесь избавиться от наркотиков. Все это, конечно, гипотетически. А еще именно по этой причине мы проигрываем войну наркотикам. **А еще:**

остается ли запрещенной просроченная травка? И как понять, просрочена ли она? Все эти вопросы я задала бы полиции, если бы так не боялась туда звонить.

* * *

Срань господня, ребята. Я только что посмотрела в окно и увидела у нас на заднем дворе лисицу. *Гребаную лисицу*. Я понимаю, что для большинства людей в этом нет ничего такого особенного, но мне взрывает мозг осознание того, что мы живем в такой глуши, что в холмах рядом с нами обитает лисец. Только вот программа проверки орфографии почему-то подчеркивает слово «лисец», хотя оно определенно существует. Это как писец, только лиса. Это же азы лингвистики.[42]

Настоящая лиса на нашем заднем дворе. Наверное, вынюхивает сидр

* * *

У нас с Виктором разгорелся серьезный спор по поводу того, кормить лис или нет. Виктор за то, чтобы кормить, потому что они просто чудо, а еще – если верить соседям – их легко приручить. Я высказываюсь против, потому что мой маленький толстенький мопс любит время от времени порезвиться снаружи, и я не хочу, чтобы его сожрали. Я думала, что мы пришли к согласию по поводу лисы, но потом Виктор вышел на улицу и бросил лисе яблоко. И я была такая вся:

– *Какого хрена? Мы не кормим лис.*

А он сказал:

– Я бросил в нее яблоком, *чтобы прогнать*.

Только вот Виктор – жуткий лгун, и он не пошел поднимать яблоко – наверное, он знает, что лисы любят яблочный сидр. А еще все свои знания о лисах я почерпнула из мультфильма «Бесподобный мистер Фокс», который просто потрясный, но, подозреваю, не *полностью* основан на фактах. Наверное, это можно было даже и не объяснять.

* * *

Лисы не сдались и продолжили ошиваться на нашем заднем дворе, как кучка праздношатающихся подростков. Я кричала им:

– *Валите с моей лужайки*, – но они только бросали на меня заинтересованные взгляды и принимались валяться на спине, как будто хотели, чтобы им почесали пузико.

Я не собираюсь чесать вам пузико, гребаные лисицы.

Виктор повелся на их хитрые уловки и стал таскать из дома еду, чтобы подкармливать их. Ведь Виктор думает, что я тупая. Он подходит к холодильнику, достает совершенно нормальные сосиски и яйца, громко объявляет, что они испортились, а после этого выбрасывает за дверь и смотрит, нет ли на заднем дворе движения. Он сказал, что «делает компост», а я уличила его в том, что он морочит мне голову.

– *Нельзя их кормить*, – стала я объяснять в очередной раз. – Это как подкормка для лис. Я не собираюсь разжигать у них аппетит, а потом выпускать туда Джонса Пиклза, а не то потом мы увидим конец поводка, торчащий из пасти какой-нибудь лисицы.

– НО Я ХОЧУ УВИДЕТЬ ЛИСУ ПОБЛИЖЕ! – закричал Виктор.

– Они похожи на кошек, – заверила я его. – Такие серые хитрющие кошки.

Он отказался мне верить, и поэтому на следующий день, когда мы проезжали мимо грифа, поедающего мертвую лису на обочине, я закричала:

– СМОТРИ! ЛИСА!

А потом самодовольно добавила:

– *Ну вот. Теперь* ты видел лису вблизи. Не так уж и волнительно, верно?

Виктор заметил, что это был труп кошки, а я такая типа:

– *Вот именно*. НАСТОЛЬКО ОНИ ПОХОЖИ.

Конечно, это и вправду могла быть кошка. Сложно сказать, что именно ест гриф, когда проезжаешь мимо него на скорости сто километров в час.

* * *

Пора избавляться от лисиц. Барнаби Джонс Пиклз, судя по всему, принял их за дружелюбных котят и постоянно пытается к ним подбежать, чтобы поиграть. Хорошо, что поводок у него не бесконечный, так что лисы просто остаются вне зоны досягаемости и терпеливо на него смотрят, как будто это чей-то ребенок, которому приспичило побегать. Они его игнорируют и, судя по всему, не представляют для него какой-либо опасности, но теперь мне уже немного его жалко, ведь он так отчаянно хочет поиграть с лисами, а они явно считают себя выше него. Эти лисы – настоящее мудачье, и я их поведения не одобряю.

Моя подруга Карен рассказала, что, когда у них в Англии были проблемы с лисами, глава семьи просто писал по периметру участка, потому что мужская моча по какой-то причине пугает лис до усрачки. Звучало убедительно, и **я попросила Виктора пописать вокруг дома, чтобы защитить собаку**. Виктор вышел из комнаты и заперся в своем кабинете. Я чуть ли не *слышу*, как он качает головой за дверью. Оглядываясь назад, впрочем, признаю, что, наверное, стоило разъяснить ему все получше.

* * *

Я только что читала эту главу подруге, и она остановила меня и сказала:

– Погоди. А Барнаби разве не умер в предыдущей главе? Я совсем запуталась. Почему ты пытаешься защитить свою мертвую собаку?

Так что мне придется снова напомнить, что действие первой части этой главы происходит до смерти Барнаби. Я не пыталась защитить свою мертвую и ставшую зомби собаку от осуждающих ее праздношатающихся лис. *Потому что это было бы полным безумием.*

* * *

Лисы ошиваются у нас на участке уже не первый день и теперь взяли в привычку спать как можно ближе к дому, но при этом так, чтобы до них не мог добраться Барнаби Джонс. Виктор говорит, что это доказывает, насколько они ручные, но я практически уверена, что они просто пытаются заразить его какой-то своей лисьей болезнью, передающейся воздушно-

капельным путем.

– ПРОСТО СХОДИ ПОПИСАЙ! – в отчаянии закричала я на Виктора. – *Если бы ты любил Барнаби Джонса, ты бы прямо сейчас написал прямо на НЕГО.*

Виктор посмотрел на меня.

– Ты хоть когда-нибудь слушаешь то, что говоришь вслух?

– Ну *я стараюсь не слушать*, – призналась я. – Но знаешь что? В данном случае я абсолютно права. Ты должен пойти и пописать на нашем заднем дворе. И на переднем, пожалуй, тоже. И еще на собаку.

Виктор покачал головой.

– Я не собираюсь писать у нас на участке. У нас нет ограды. *За это могут арестовать*. Да во мне и мочи столько *нет*.

– ЗНАЕШЬ ЧТО? – сказала я, в гневе скрестив на груди руки. – *ЛАДНО*. Я тут пытаюсь спасти нашу собаку, а *тебе* жалко мочи. ЗАЖАЛ МОЧУ.

– Мне не ЖАЛКО мочи, – закричал Виктор. – Я смываю ее в туалет. ГДЕ ЕЙ И МЕСТО.

– Ты ее ВЫБРАСЫВАЕШЬ.

– Ее и нужно выбрасывать. ПОЭТОМУ ЕЕ И НАЗЫВАЮТ ОТХОДАМИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

– Замечательно, – ответила я. – Уверена, Барнаби Джонс будет очень рад узнать, что он умер от лисьей болезни *из-за твоего занудства*.

* * *

Я позвонила маме, чтобы узнать, не может ли папа приехать, чтобы ради нашей безопасности пописать вокруг дома, но она ответила, что не может, потому что у него слишком много заказов на чучела. Впрочем, сказала мама, если «нам так она нужна», то она может выслать его мочу почтой. Я подумала об этом, но в итоге отказалась, потому что, во-первых, *мне не очень хочется расписываться в получении такой посылки*, а во-вторых, я так и представляла себе, как Виктор будет писать кипятком (я и не думала тут каламбурить), когда узнает, что я попросила своего отца защитить нас от лис, и орать:

– ЭТО *Я* АЛЬФА-САМЕЦ В ЭТОМ ДОМЕ, и НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗДЕСЬ ПИСАТЬ, КРОМЕ МЕНЯ.

А потом, когда папа в следующий раз ко мне приедет, они непременно начнут соревноваться, кто дальше или больше пописает. Только вот Виктор слишком любит соревноваться и наверняка перегнет палку, и будет типа такой:

– Так, значит? Ладно, забудем про мочу. *Да я тут все заблюю!*

А я буду такая вся:

– Твои старания просто отвратительны.

У нас в жизни не было подобных проблем, когда мы жили в пригороде.

* * *

На прошлой неделе Барнаби Джонс доблестно почил от жала осы / укуса змеи / нападения акулы. Это было ужасно, и я до сих пор не могу писать об этом без слез. *Я любила эту проклятую собаку.* С лис были сняты все подозрения по поводу причастности к его смерти Виктором. Который, как мне кажется, может судить немного предвзято, потому что, судя по всему, задался целью приручить их и открыть лисий цирк. *Я этого не потерплю*. Честно говоря, я и сама знаю, что лисы не имеют к смерти Барнаби Джонса никакого отношения, но подозреваю, что **если бы Виктор их все время не подкармливал, то они проголодались бы достаточно, чтобы сожрать осу/змею/акулу, убившую Барнаби.** Я категорически запретила Виктору бросать еду у нас на заднем дворе. Он называет меня сумасшедшей и утверждает, что давно перестал это делать. Три часа спустя в окне спальни я увидела лисицу, пробегавшую мимо с недоеденным гамбургером в зубах. *Гребаный ублюдок.*

* * *

Кажется, у нас дома завелись скорпионы. *Прекрасно*. Их яд не смертелен, но жалят они очень больно, а еще они жуткие создания Сатаны. К счастью, у кошек к яду скорпионов вообще иммунитет (любопытный факт!), так что они в безопасности. *К сожалению,* коты не понимают, что у меня такого иммунитета нет, поэтому вместо того, чтобы их убивать, они бросают скорпионов мне прямо к босым ногам, когда я смотрю телевизор. Наверное, они хотят, чтобы я присоединилась к их веселухе. Ну или же коты просто мудаки. Я склоняюсь к последнему, потому что эти же самые коты сегодня убили домашних лягушек Хейли. Это была гребаная бойня.

СНАЧАЛА ЗМЕИ, ПОТОМ ЛЯГУШКИ, ТЕПЕРЬ ВОТ НАШЕСТВИЕ СКОРПИОНОВ. НАЧИНАЮ ПОДОЗРЕВАТЬ,

ЧТО НАСТУПИЛ КОНЕЦ СВЕТА, НУ ИЛИ НАШ ДОМ ПОСТРОЕН НА ИНДЕЙСКОМ КЛАДБИЩЕ.

Я все продолжаю поиски трупов, которые якобы закопаны где-то по соседству, и если я их вскорости не найду, то мне придется попросту предположить, что они прямо под домом.

* * *

За последний месяц к нам уже четыре раза приходили морильщики, чтобы распылить средство от скорпионов, но оно явно не помогает. Я прочитала в Интернете, что куры едят скорпионов, и стала раздумывать, не купить ли их, но тут Виктор напомнил мне, что вокруг полно лис. Получается, я не могу завести кур для избавления от скорпионов, потому что кур съедят лисицы. Наверное, мне нужен сначала лев, чтобы он сожрал лисиц. Только вот по договору нам нельзя *заводить* льва.

Честно говоря, я уже не понимаю, какой был смысл переезжать в деревню, если здесь нельзя заводить львов.

* * *

Морильщики говорят, что скорпионы, скорее всего, приходят с чердака, потому что именно на чердаках они обычно любят жить. В итоге я отправилась за советом в интернет-чат.

ПАРЕНЬ ИЗ ИНТЕРНЕТА: Тебе нужно купить уток. Утки сожрут скорпионов с потрохами.

Я: Но скорпионы у меня на чердаке.

ПАРЕНЬ ИЗ ИНТЕРНЕТА: Запусти туда сотен пять уток, и тебе больше не придется переживать по поводу того, что на чердаке у тебя скорпионы.

Я: Ну да… наверное. Только тогда у меня на чердаке будет пять сотен уток.

ПАРЕНЬ ИЗ ИНТЕРНЕТА: Ружье есть?

Именно поэтому не стоит просить совета в Интернете.

* * *

Виктор притащил домой огромный мешок *диатомитовой земли*, с помощью которой собрался убить всех скорпионов. Как оказалось, эта земля вызывает у скорпионов суицидальные

наклонности – звучит так, как будто он купил ее у волшебника.

– А тебя научили правильно произносить «Авада Кедавра»[43], когда ты это покупал? – поинтересовалась я.

Виктор в ответ вытаращился на меня. Наверное, он просто не читал ни одной книги про Гарри Поттера.

– Ну прости, – стала объяснять я, – просто я почти уверена, что ты купил нечто такое, к чему приложили руку колдуны. У них что, закончились волшебные бобы?

– Тут нет никакой магии. Это просто перемолотые раковины, – сказал Виктор. – Судя по всему, скорпионы их просто ненавидят.

– Ах, – сказала я. – Что ж, это объясняет, почему скорпионов никогда не встретишь на морских курортах среди отдыхающих.

* * *

Скорпионы покинули чердак. И перебрались в дом. Заказываю в Интернете огнемет, чтобы держать его у кровати. Но только маленький – я же не хочу устроить дома пожар. В итоге я купила горелку, которой в баре поджигают абсент. И еще кучу жидкости для зажигалок. Пауков и моль я по-прежнему прогоняю из дома пластиковыми стаканчиками, но эти долбаные скорпионы будут у меня подыхать в муках.

Соседи посоветовали подставить банки под ножки кроватей, потому что стекло – это единственная поверхность, по которой скорпионы не могут лазить. Я стала прикидывать, во сколько нам обойдется покрыть весь дом слоем стекла, но Виктор убедил меня, что на стеклянном диване в жаркие дни будут оставаться потные следы сомнительного вида. Я добавила в список дел «заказать стеклянные туфли», чтобы скорпионы не забрались на меня, если я буду слишком долго стоять на одном месте.

> Полагаю, у Золушки просто были домашние проблемы со скорпионами, только она их не афишировала.

С другой стороны, зная ее историю, можно предположить, что она сама их, наверное, и разводила. *Я бы* непременно так сделала, если бы из меня сделали рабыню в моем собственном доме. Между прочим, мыши ведь помогли ей добраться на бал, так что, наверное, скорпионов она тоже учила всяким трюкам. Может быть, держать для нее зеркальце своими клешнями. Ну или наказывать уклоняющихся от работы мышей. Золушка была та еще сучка, если призадуматься[44].

* * *

Сегодня приходили морильщики, чтобы *еще раз* распылить средство от скорпионов, и оставили мне записку, в которой сообщалось, что они нашли рядом с нашим домом огромный кусок змеиной кожи. Тогда я не выдержала и закричала:

«В ДЕРЕВНЕ ВСЕ ПЫТАЕТСЯ ТЕБЯ УБИТЬ»!

И Виктор велел мне пойти прилечь. Вместо этого я отправилась взглянуть на змеиную кожу и такая вся:

– Так это же использованная туалетная бумага.

Виктор на это ответил:

– Чувиха, это точно полинявшая змеиная кожа. Ты только посмотри: вот узор от чешуи.

А я такая:

– Да это просто такая текстура, чтобы она впитывала больше влаги. Сразу понятно, что это туалетная бумага, ведь змеиная кожа не бывает квадратной. Ну и перфорированной тоже.

После этого я расстелила ее на земле, и он такой:

– Ха. Это и правда гребаная туалетная бумага. Думаю, нам нужно найти новых морильщиков.

Наверное, мы этот год не переживем.

А еще в тот день я нашла четырех скорпионов. Наверное, я здесь умру.

* * *

Я все еще зациклена на поисках семейного кладбища в нашем районе и взяла в привычку прогуливаться по пустым полям в поисках надгробий. Подъехала соседка, с которой я еще не встречалась, чтобы представиться и сказать, чтобы я ходила осторожней, потому что тут водятся змеи. Я ее поблагодарила и объяснила, что я тут не прогуливаюсь, а разыскиваю трупы. Виктор запретил мне впредь разговаривать с соседями в его отсутствие.

* * *

Прошлой ночью Виктора не было в городе, так что никто не мог мне помешать испугаться до чертиков, когда что-то крупное начало неистово стучать по стене спальни около полуночи. Я позвонила морильщикам, чтобы пожаловаться на нечто, очень громко кидающееся на стену в моей спальне. Мне сказали, что, скорее всего, в стене просто застряла полевая мышь, а я ответила:

– Нет. Судя по звуку, это нечто безумно опасное и *громадное*. Такое чувство, как будто какой-то демон швыряет в стену медведем. Ну или чупакаброй… стреляя в нее из пистолета.

И парень мне ответил:

– Чупа-*что*?

Потому что ОН НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ СЛЫШАЛ ПРО ЧУПАКАБРУ. Тогда я такая типа:

– Погоди… *что, серьезно? Ты что, новенький?*

Потому что, как по мне, парень, который занимается борьбой с вредителями, должен в этой теме разбираться.

Тогда я позвонила Виктору и такая вся:

– Прикинь, наш морильщик не знает, что такое чупакабра.

А он сказал:

– Что, правда? Мы же живем в Техасе. Да эту хрень должны тут на экзаменах спрашивать!

А я такая типа:

– ВОТ ИМЕННО.

Неделя выдалась на редкость мудацкая.

* * *

В моей спальне отвратительный запах. Прошла уже неделя, как эти ужасные звуки прекратились, и стало очевидно, что чупакабра сдохла в стене. Морильщик забрался на чердак и сказал, что, как ему кажется, это была упавшая в щель между стенами белка и что он попытается «подцепить ее» с чердака. Двадцать минут спустя он заявил, что не может до нее дотянуться и прекращает попытки это сделать. А еще он мне сказал, что у нас на чердаке куча какой-то земли, с которой нам лучше разобраться.

На следующий день из их компании пожаловал еще один любитель цеплять белок, потому что услышал про нашу проблему и *захотел* попробовать ее решить.

> *По сути, мой дом превратился в какой-то «Форд Боярд», а вместо приза была мертвая белка.*

Минут тридцать спустя я начала подозревать, что морильщика убили оставшиеся чупакабры, но потом выяснилось, что он тоже сдался и решил просто вылить между стенами бутылку средства от трупного запаха.

Да-да, есть такая штука. Она предназначена для нейтрализации запаха мертвых животных. Прямо так на этикетке и написано. Так что, видимо, мне просто придется остаток жизни прожить с беличьим трупом в стене спальни. Морильщик сказал, что это совершенно обычное дело и что во *всех* домах в стенах есть высохшие трупы животных. Тут есть и свой плюс: в следующий раз, когда я почувствую себя неловко у кого-то в гостях, то смогу просто напомнить себе, что по всему дому наверняка спрятаны мертвые животные. Это как тот прием, когда нужно представить, будто публика, перед которой тебе нужно выступить, сидит в зале голышом. Только вот трупы животных в стенах совсем не воображаемые, и они действительно голые. Даже и не знаю, лучше от этого или хуже.

* * *

Прошла уже неделя, как в стену вылили флакон с тем средством и запах наконец-то исчез, но несколько минут назад я снова услышала за стеной какое-то шуршание. Я не была готова снова через все это проходить, так что решила напугать животное до усрачки криком и рычанием и еще принялась долбить по

стене, изображая яростного хищника. Обернувшись, я обнаружила, что оба наших кота таращатся на меня с отвращением в глазах, словно говорят:

– *Хватит нас уже всех тут позорить!*

А я такая вся им:

– Ой, да *пошли вы*, гребаные коты. *Я,* по крайней мере, пытаюсь хоть что-то сделать.

И вот тогда я заметила, как через стекло входной двери на меня смотрит наш почтальон. Я объяснила, что пыталась спугнуть потенциальную чупакабру, которая, кажется, поселилась у меня в стене, и тогда почтальон сказал:

– Ох. Да это, поди, Уильям Клод Филдс, – и тут уже опешила я, потому что обычно это я в разговоре несу всякую чушь, и мне хотелось посмаковать этот момент.

Выяснилось, впрочем, что у кого-то сбежала очень злая паукообразная обезьяна по кличке Уильям Клод Филдс, которая теперь терроризирует всю округу. Он сказал мне, что она только что напала на женщину и на целый час заперла ее в гараже. Все это чистейшая правда, ребята.[45]

Я поискала информацию про паукообразных обезьян в Интернете, и оказалось, что они боятся пум, так что все утро я на повторе проигрывала голос орущей пумы на своем компьютере и пока больше не слышала никаких звуков из-за стенки, что, полагаю, полностью подтверждает наличие там паукообразной обезьяны. Виктор же говорит, что это подтверждает только невозможность услышать хоть что-нибудь, когда на весь дом кричит пума. Потом он принялся орать на меня из-за бардака на кухне, но благодаря пумам было легко не обращать на него внимания. Что ж, неожиданный бонус. Орущие пумы станут моим новым саундтреком.

P.S. В репортаже про сбежавшую обезьянку сказали: *«Не выходите из дома. Не пытайтесь его погладить. Не помогайте ему»*. Срань господня. Эта обезьянка стала прямо героем из «Бегущего человека».

* * *

А знаете, что круто? Это когда переезжаешь в новый (для тебя) дом и обнаруживаешь, что в ванной пахнет сыростью, звонишь специалистам, чтобы они взглянули, и при этом *продолжаешь надеяться*, что это не черная плесень, а потом они такие все:

– Плохи дела, леди. *Вы в полном дерьме*.

И после этого в дом приходит ученый, чтобы взять образцы, и говорит:

– Вы же не спали рядом с этим помещением, не так ли?

А потом они закрывают от вас полдома пленкой и ставят на нее застежку-молнию, чтобы споры плесени не проникли в оставшуюся часть дома. А потом одеваются, как люди из ФБР в фильме «Инопланетянин», когда они случайно чуть не убили пришельца. Они раздербанили гипсокартон и шкафчики, и я хотела сделать фотографии, но они не разрешали мне заходить без защитного костюма.

– *Нет, мэм, пижамы-комбинезона будет недостаточно*.

Я пыталась пролезть в ванную, чтобы взять зубную пасту, но споткнулась у входа, потому что практически невозможно зайти в комнату, в которой вместо двери молния, а когда я упала, мне было так больно, что я забыла не дышать и в итоге вдохнула споры, и они теперь, наверное, меня убьют. После этого мне стало плохо, но я напомнила себе, что мылась в этой комнате месяцами, так что, скорее всего, у меня уже туберкулез, и на госпитализацию денег не хватит, потому что все свои деньги я трачу на пробы воздуха и лабораторные анализы, а еще на поддержку людей, которые, вероятно, убили инопланетянина. А потом я легла на пол на минутку, чтобы поплакать, а эти ребята такие мне:

– Знаете, вам и правда не стоит пользоваться этой комнатой.

Ага, круто.

P.S. И под «круто» я подразумеваю: «Я бы хотела спрятаться под домом, но подозреваю, что именно туда переселились все скорпионы после того, как чердак заняли чупакабры». Ну и, конечно же, у меня есть фотографии всего этого безобразия.

1. Вот как выглядят ребята, занимающиеся плесенью, если незаметно к ним подкрасться. А еще они могут ударить доской. Но не специально. Полагаю, это просто привычка.

2. «Я только что убил вашего пришельца и засунул его в этот мешок. Я оставлю вас с ним наедине, чтобы вы могли поплакать и вернуть его к жизни. Я только что рассказала вам весь сюжет "Инопланетянина". Осторожно, спойлеры».

У кого-то есть двери.
У меня есть молния.

Я как будто бы живу в палатке — палатке, наполненной смертельно опасными спорами.

В итоге они со всем разделались, и я испытывала облегчение до тех самых пор, пока они мне не сказали, что, когда они вырезали в стене дыру, оттуда вывалилась куча мертвых скорпионов. Теперь мне в жизни не уснуть. Наверное, все дело в комбинированном воздействии страха, сотрясения и туберкулеза.

* * *

Виктор уехал из города, и я то и дело слышу странные звуки, которые доносятся из дома, а также с наружной стороны. Разумом я понимаю, что, скорее всего, дом просто оседает, но я уже почти не сомневаюсь, что мы все здесь умрем, а еще *я подозреваю, что нам не обойтись без экзорциста. За последние полгода у нас тут были скорпионы, плесень, убитые домашние животные, а также, возможно, чупакабры в стенах. Полагаю, этот дом был построен на старом индейском кладбище. Интересно, сколько стоят услуги экзорциста и не обойдется ли он мне дороже из-за того, что я не католичка. Может, кто-нибудь поделится скидочным купоном или бонусным кодом? Наверное, именно этому и учат на занятиях по катехизису.*

Интернет рекомендовал мне провести индейский обряд окуривания дома шалфеем, чтобы все вокруг очистить, так что я подожгла горшок с сушеным шалфеем и стала расхаживать с ним по дому, нараспев зачитывая библейские фразы, которые слышала в «Экзорцисте», и разгоняя повсюду шалфейный дым.

> Я заявила злым духам, что хочу, чтобы они покинули наш дом, и еще – что им следует заглянуть на Гавайи, потому что, насколько я слышала, там чертовски круто.

Потом я устроила церковные песнопения в григорианском стиле, но слов я не знала, поэтому вместо них использовала фразу: *«Вы не обязаны возвращаться домой, но и здесь оставаться вам нельзя»*. Затем я услышала оглушительный визг и мысленно поблагодарила бога за то, что Хейли осталась ночевать у родителей Виктора, потому что я уже приготовилась к тому, что стены начнут кровоточить, но тут я поняла, что это всего лишь сработала пожарная сигнализация. Приблизительно то же самое случилось и в нашем предыдущем доме, только на этот раз во всем были виноваты злые духи, а не подожженные мной полотенца.

Я позвонила маме, чтобы узнать, как выключить сигнализацию, но сигнализация орала так громко, что маме было

меня еле слышно.

ЗВУЧИТ ГЛУПО, КОГДА ГОВОРИШЬ КОМУ-ТО, ЧТО ЖЕГ ДОМА ШАЛФЕЙ, ЧТОБЫ УСМИРИТЬ ИНДЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ, КОТОРОЕ, ВОЗМОЖНО, РАСПОЛОЖЕНО ПОД ДОМОМ, НО КОГДА ТЫ ОРЕШЬ ТО ЖЕ САМОЕ, ПЫТАЯСЬ ПЕРЕКРИЧАТЬ РЕВ ПОЖАРНОЙ СИГНАЛИЗАЦИИ, ТО ЭТО УЖЕ ОХРЕНИТЕЛЬНО НЕЛЕПО.

Я попыталась объяснить, что все то дерьмо, с которым мы столкнулись в последнее время, логически нельзя было бы объяснить ничем, кроме полтергейста. Она сказала, что, скорее, это была серия трагических, но совершенно обычных событий, которые просто случайно совпали по времени. Я возразила, что, как мне кажется, не очень-то «обычно» отбивать собственную мертвую собаку у стервятников с мачете. Мама на это ответила:

– Не говори глупостей. Ну откуда у стервятников мачете?

Не то чтобы она была глупая, прошу заметить… просто она не понимала, что серьезность ситуации позволяла мне строить неряшливые предложения.

Потом мама заметила, что индейцы чтили стервятников, так что если под моим домом и *было* индейское кладбище, то я, судя по всему, сильно разозлила всех этих индейцев, и она предложила мне сделать стервятникам какое-нибудь подношение, что я с радостью и сделала бы, не раздай Виктор все наши гамбургеры лисам. Она рассказала мне, как отключить сигнализацию, но мне все это показалось слишком сложным, так что я просто кивала, пока она говорила, а потом взяла метлу и принялась долбить по ней так, словно это была пиньята, пока она, наконец, не замолкла, а мне (и еще, наверное, нашим соседям, потому что дело было в одиннадцать вечера) не полегчало.

На следующий день вернулся Виктор и увидел свисающие из раздолбанного пожарного датчика проводки, и я призналась, что пыталась выкурить призраков, а сработавшая пожарная сигнализация, как мне казалось, была признаком того, что духи довольны. Он принялся сверлить меня взглядом и сказал, что скорее это говорило о том, что дымовой датчик работал как надо, пока я его не уничтожила, предварительно намеренно наполнив дом дымом. Из уст Виктора все звучало куда хуже.

* * *

Сегодня днем я заглянула к Виктору в кабинет и сказала с

самодовольным видом:

– Так, *судя по всему*, мой «безумный» план по запуску пожарной сигнализации в угоду духам сработал, потому что догадайся, кто только что нашел трупы, которые я так искала? *Я, МАТЬ ТВОЮ. Я нашла трупы*.

Я подняла руку, чтобы он дал мне «пять», но Виктор вместо этого только выключил звук в телефоне и обхватил голову руками. Что было большим разочарованием для нас обоих. Конечно*, допускаю*, что он воспринял бы мои слова куда лучше, **если бы я знала, что он все время разговаривает по конференц-связи,** но, по правде говоря, я не виновата в том, что Виктор не умеет правильно пользоваться кнопкой отключения звука.

Наконец Виктор поднял на меня глаза и сказал, чтобы я опустила руку, потому что он не собирается давать мне «пять» за выкапывание трупов, и тут я подумала, что Виктор – очень странный человек, ведь *с какой, на хрен, стати мне выкапывать трупы?* Я объяснила, что на самом деле просто наконец наткнулась на потерянное кладбище, которое разыскивала с момента нашего переезда, и что могилы оказались настолько древними, что в случае зомби-апокалипсиса тела в них не представляли бы опасности. Мне не показалось, что он испытал такое же облегчение, как и я, поэтому я решила испытывать облегчение за нас обоих.

Потом я сказала ему, что хочу купить землю, на которой стоит кладбище, чтобы специально на ней ничего *не* строить, и если вдруг окажется, что мы действительно живем в доме, построенном на чьих-то могилах, то с космической точки зрения мы будем со всеми в расчете. Виктора мне убедить не удалось, но я отправила предложение на покупку земли, которое быстро отклонили, потому что, как оказалось, ею владели потомки похороненных там людей, и они не были заинтересованы в продаже собственных мертвых предков. И это было просто круто,

потому что мне не пришлось тратить деньги на землю, на которой я все равно не стала бы ничего строить, да еще я получила плюс к карме за попытку сделать доброе дело. Виктор сказал, что карма устроена по-другому, но несколько секунд спустя упомянул, что утром нашел нечто, что, как ему кажется, принадлежит мне, и достал пропавшую коробку из-под сигар с десятилетним косяком внутри. Я закричала:

– О ДА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ. *Я уже везде ее обыскалась!*

Виктор уставился на меня, поэтому мне пришлось пояснить:

– …В смысле, чтобы выкинуть ее. Я избавлюсь от нее прямо сейчас.

А он все смотрел на меня с осуждением за то, что я держала десятилетний косяк в коробке из-под сигар. Ну что с него возьмешь.

Неделя выдалась что надо, и мне казалось, что наши дела наконец пошли в гору. Я взяла коробку из-под сигар со старым косяком и вышла из кабинета с задумчивым видом. Я собиралась было его выбросить, но в итоге передумала, подожгла и оставила тлеть в том же стеклянном горшке, в котором жгла шалфей. Я надеялась, что тем самым поставлю жирную точку, выкурив трубку мира с индейцами, которые почитали стервятников и, быть может, наслали на нас скорпионов.

Когда догорел последний уголек, я принялась думать о нашей новой жизни здесь. Мы потеряли нашу любимую собаку, но спасли озорного котенка, у которого, казалось, был дар находить скорпионов. Мы с трудом оборонялись от нашествий насекомых, но приручили кучку диких лис, а по ночам наблюдали за бесшумно прогуливавшимися мимо нашего крыльца оленями. Мы оставили позади старых друзей и обзавелись новыми. **Мы обрели тихое счастье, наблюдая за танцующей на лужайке Хейли, за огненным закатом, бесконечно простирающимся вокруг нашего нового дома.** Сами того не подозревая, мы шли по стопам Лоры Инглз и обрели немного той простой, но с трудом доставшейся нам неги, про которую она писала сотню лет назад. Я сделала глубокий вдох и подумала: *«Я дома»*.

Тут пришел Виктор и спросил:

– Почему пахнет травкой? *Ты что, куришь десятилетний косяк? ДА КАКОГО ХРЕНА С ТОБОЙ НЕ ТАК?*

Он, может, и испортил немного романтику момента, но, думаю, он принес с собой другую романтику, которая подходила нам больше, и я засмеялась, заверив его, что травку скурили индейцы на заднем дворе. Он ничего не понял, но я не стала объяснять, потому что пришлось бы говорить, что это как пролить на могилу спиртное, только в индейском стиле, и это уже звучало

бы слишком нелепо, а еще, мне кажется, я умудрилась немного накуриться от дыма. Как бы то ни было, я ласково улыбнулась и показала на стул рядом с собой, и Виктор замолчал и уселся на крыльце, чтобы понаблюдать за жужжащими колибри и насладиться всем великолепием утра на природе, слушая звуки ветра и понимая, почему никогда в жизни никто не захотел бы отсюда уехать… даже если бы этому человеку предложили перебраться на Гавайи.

Дом. Этот вид компенсирует все проблемы со скорпионами. Ну почти.

Вот почему нужно знать, когда лучше уступить

Сегодня утром у нас с Виктором была ссора из-за полотенец. Я не смогу изложить вам подробности, потому что мне тогда это показалось недостаточно интересным, чтобы все записать, но суть была в следующем: я говорила Виктору, что мне нужно купить новые махровые полотенца для ванной, а Виктор настаивал на том, чтобы я этого НЕ делала, потому что *«только что купила новые полотенца»*. Тогда я заметила, что последнее купленное мной полотенце – ярко-розовое пляжное, а он такой весь:

– ВОТ ИМЕННО, – услышав это, я на протяжении всего следующего часа билась головой об стену.

Потом приехала Лаура, чтобы забрать меня в торговый центр, и Виктор, целуя меня на прощанье, нежно прошептал мне на ухо:

– Не смей больше притаскивать в этот дом гребаные полотенца, а то я тебя придушу.

Эти слова все еще отдавались эхом в моей голове час спустя, когда мы с Лаурой остановили тележки и уставились в замешательстве и безмолвном восхищении на стенд с *огромными* металлическими петухами, сделанными из ржавых нефтяных бочек.

ЛАУРА: Думаю, тебе *нужен* такой.

Я: Знаю, ты шутишь, но они просто до ужаса охренительные.

ЛАУРА: *Я не шучу.* Нам просто нужно купить тебе такого.

Я: Вон тот полутораметровый стоил триста баксов, а теперь со скидкой – всего сто. Если купить, то получишь курятины на 200 баксов *на халяву*.

ЛАУРА: С твоей стороны будет безумием *не* купить это. Ну ты только глянь. Какие они причудливые.

Я: Виктор будет в ярости.

ЛАУРА: Ага.

Я: С другой стороны, это же не полотенца.

ЛАУРА: Ага.

Я: Мы назовем его Генри. Ну или Чарли. Или О'Шонесси.

ЛАУРА: Ну или Бейонсе, на худой конец.

Я: *Или Бейонсе.* И когда кому-нибудь из наших друзей станет грустно, мы приедем к этому другу домой и поставим это у порога. Он сразу и взбодрится.

ЛАУРА: *Именно.* Типа: *«Ты думал, что вчера был плохой день? Что ж, теперь тебе нужно что-то делать с этим гигантским металлическим петухом. Видишь, все относительно».*

Вставьте сюда неуместную шуточку про петуха и его яйца.

Потом мы поймали продавца и спросили:

– Что вы можете рассказать нам про этих петухов? – как будто мы были в арт-галерее, а не в магазине, специализирующемся на прошлогодних ковриках для ванны.

Выяснилось, что он ничего ровным счетом про них не знает, но сказал, что они продали только одного, и то какой-то пьяной в стельку дамочке, и мы с Лаурой такие:

– *ПРОДАНО*. Все эти петухи теперь принадлежат нам.

Продавец водрузил петуха нам в тележку, но Бейонсе оказался на удивление неустойчивым, и огромный полутораметровый металлический петух рухнул прямо на пол. И мы с Лаурой такие закричали:

– У нас потери! Срочно убрать в третьем ряду, – но продавец не засмеялся. Потом пришел управляющий, чтобы посмотреть, из-за чего вся эта суматоха, и застал нашего чересчур старомодного продавца за тщетными попытками поставить на ноги несговорчивого петуха почти с себя ростом. Продавцу это давалось с большим трудом, и он попросил всех отойти, «*иначе петух порежет*». Сначала мне подумалось, что он хочет предупредить об угрозе со стороны петуха, типа «у этого петуха заточка», но, как оказалось, он имел в виду, что у него острые и

ржавые края. Петух был просто охренительный, и мы с Лаурой сошлись во мнении, что, даже если мы и подцепим столбняк, он все равно уже себя окупил.

«Тут-тук, мать твою».

Подъехав к моему дому, мы тихонько поставили петуха на

крыльцо, позвонили в дверь и спрятались за угол.

Виктор открыл дверь, в молчаливом ошеломлении посмотрел на петуха секунды три, вздохнул, закрыл дверь и *ушел*.

ЛАУРА: Какого хрена? *И это все? И это вся его реакция?*

Я: Да, это все. Его не так-то просто вывести из себя.

Виктор на удивление сильно разозлился из-за того, что я «профукала деньги» на огромного петуха, потому что, как видно, не мог оценить, насколько до усрачки смешно, когда в дверь звонит полутораметровый петух. Тогда я сказала:

– Ну зато я не купила *полотенца*, – и, как оказалось, лучше бы я промолчала, потому что Виктор заорал и в бешенстве куда-то умчался, но я-то знала, что он заперся у себя в кабинете, потому что слышала, как он колотит там по мебели и стенам.

И я крикнула ему сквозь дверь:

– *Это тебе подарок на годовщину свадьбы, мудило*. Решила сделать на две недели раньше. НА ПЯТНАЦАДТЬ ЛЕТ ДАРЯТ ГРОМАДНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПЕТУХОВ.

Тогда он закричал, чтобы я его убрала, но в одиночку я не могла его и с места сдвинуть, поэтому сказала «ну и ладно» и пошла смотреть телевизор. Потом пришел курьер с посылкой, и я спряталась, а он такой весь:

– Чувак, классный петух.

А Виктор заорал:

– ЭТОТ ПЕТУХ *НЕ* КЛАССНЫЙ, – и это, наверное, крайне озадачило курьера, *который просто хотел проявить вежливость, Виктор*. Виктор казался более раздраженным, чем обычно, поэтому я в конце концов отволокла петуха на задний двор и поставила его между деревьями, чтобы он отпугивал змей. После этого я вернулась в дом, и злой Виктор затащил меня к себе в кабинет, чтобы показать, что я поставила Бейонсе прямо напротив его единственного окна. На это я сказала:

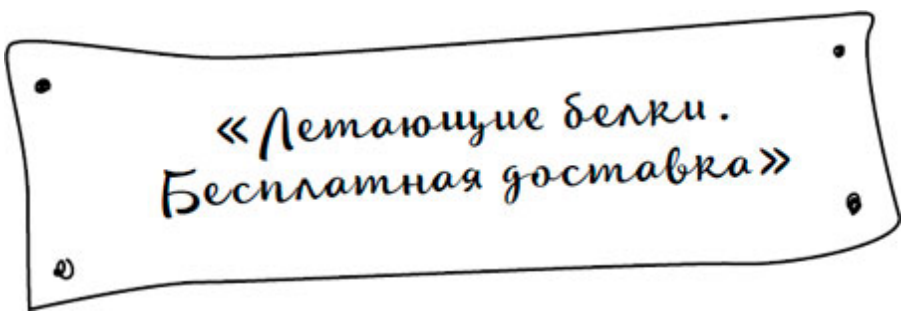
– *Вот именно*. МОЖЕШЬ НЕ БЛАГОДАРИТЬ.

Я заявила, что он может подвинуть Бейонсе, если того захочет, но он этого делать не стал. Наверное, все дело в тех огромных валунах, которые я водрузила Бейонсе на ноги, чтобы отвадить воришек. Ну или просто Бейонсе начал ему нравиться. Как бы то ни было, я никак не могу перестать думать о том, что этого спора и не было бы, купи я вместо Бейонсе полотенца. Правда, вся эта история с петухом – урок, из которого следует, что нужно знать, когда лучше уступить. А еще этот петух просто охренительный, и я каждый раз хихикаю, когда на него смотрю.

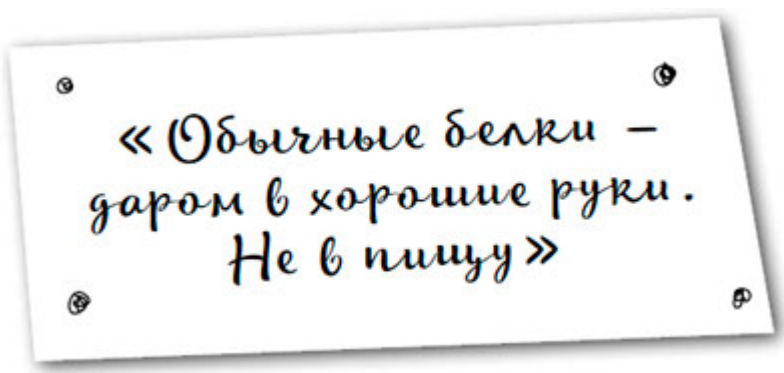
Лучшая. Пятнадцатая годовщина. *На свете.*

Лысые крысы – бесплатно только для детей

Это утро у нас с Виктором прошло как обычно. Мы встали, отвезли Хейли в детский сад и заехали на местную заправку, чтобы попить кофе и узнать местные сплетни. Выезжая, мы остановились у доски объявлений, которая в нашем городке выполняет функции местной газеты. С ее помощью соседи приглашают к себе на барбекю, продают детали от поломанных тракторов или просят «почистить грязь» *(*что, как по мне, полный оксюморон*),* и сегодня мы обнаружили, что человек, который так радовал нас своими странными объявлениями в прошлом году, вернулся. Это были объявления, которые заставляли хорошенько задуматься о том, что именно творится у него дома, а также усомниться в своем собственном здравом уме. Это были объявления вроде:



Месяц спустя его сменило другое:



Я снимаю шляпу перед ним за его заботу о белках, но развитие событий меня заинтриговало. Значило ли это, что все

это время летающие белки на самом деле были «обычными»? Неужели продавцу понадобился целый месяц, чтобы понять, что у них нет крыльев? Сколько белок упало с крыши, прежде чем он наконец сдался и понял, что они не притворяются? Отдавал ли он этих обычных белок даром из-за того, что теперь они все страдали от посттравматического синдрома и головокружений?

Я представила себе стаю белок, прижавшихся к земле и с ужасом поглядывающих на своих бывших товарищей, беззаботно прыгающих с ветки на ветку.

– ВАС УБЬЮТ! – кричали белки, и их бывшие приятели сочувственно качали головками, гадая, какие ужасы выпали на долю их сородичей, раз они так изменились. В моем воображении эти белки были сродни получившим психологическую травму ветеранам вьетнамской войны, контуженым и оказавшимся не в состоянии жить нормальной жизнью после всех увиденных ими ужасов.

Виктор сказал, что я несу околесицу, но я заметила, что довольно нелепо раздавать направо и налево белок, которых можно было бы просто выпустить на свободу, и он признался, что на это ему ответить нечего.

Новые объявления продолжали появляться на протяжении всего лета, но потом резко прекратились. Скорее всего (как предположили мы с Виктором), этого (наверняка весьма добродушного) человека прикончили его же собственные белки. Но сегодня утром, почти через год после первого увиденного нами объявления, мы заметили на доске знакомый почерк. Странный человек был жив, и мир благодаря ему стал чуточку лучше:

ВИКТОР: М-да. Даже знать не хочу, в какой ситуации может понадобиться срочная доставка крыс, *которая не может подождать до утра.*

Я: О-о-о, а я вот хотела бы знать.

ВИКТОР: Ну *конечно же*, хотела бы.

Я: Кто бы *не хотел знать* про неотложную ситуацию с крысами, неотложность которой заключается в том, что тебе НУЖНА крыса. Это же прямая противоположность всем обычным неотложным ситуациям с крысами. Звучит интригующе. Нам определенно нужно позвонить этому парню, просто чтобы узнать, что он там предлагает. Готова поспорить, ему есть что рассказать. В смысле, ну кто станет раздавать лысых крыс детям?

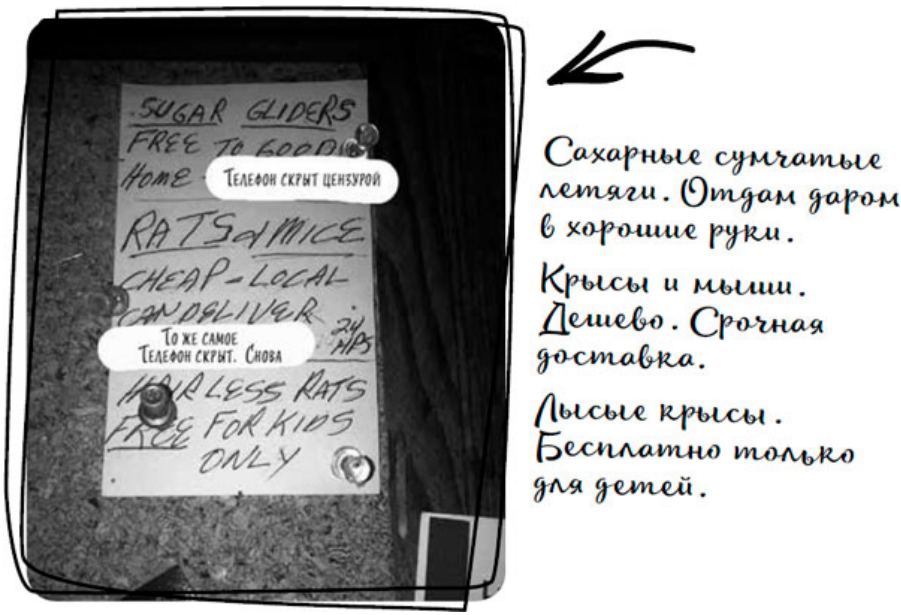
ВИКТОР: Так позвони ему. Сделай вид, что хочешь получить бесплатно белок, и узнай, в чем дело.

Я: Вот интересно, а как он проверяет, достоин ли человек бесплатных белок? Было бы очень неприятно получить от него

отказ.

ВИКТОР: И то правда. *«Простите, но нам придется вам отказать. Ваш дом не очень подходит для белок».*

Я: У нас дома, конечно, бардак, но *хотя бы* для белок, как мне кажется, он точно подойдет. Я скажу тогда: «Но ведь *наши* белки выглядят такими счастливыми». Я уж точно просто так не сдамся.



Я замазала телефонный номер, чтобы уберечь его от телефонных розыгрышей. А еще потому, что я хочу оставить всех сумчатых летяг себе. Сумчатых летяг, которые, как я подозреваю, на деле могут оказаться обычными мышами с отвисшими подмышками, чудом выжившими после падения с крыши.

ВИКТОР: «Простите, но мы не получили подтверждение рекомендации».

Я: «Как вы могли получить, это же белки».

ВИКТОР: «Правильно. *И они не счастливы.* Кроме того, были сообщения об агрессивных высказываниях у вас дома».

Я: *«Чего?»*

ВИКТОР: «На прошлой неделе вы уронили вилку и крикнули: “Долбаные крысы”. Потом, в январе, вы жаловались, что ваш компьютер плохо работает, и сказали, что он ведет себя “как тупая белка”. Знаете, у нас везде есть глаза и уши».

Я: «Погодите. *А эти люди – это не те белки, которые живут у*

меня на чердаке? Потому что они все под кайфом и не ведают, что несут. *Эти белки – долбаные торчки, и доверять им не стоит*».

ВИКТОР: «Мэм, *а вот это уже клевета*. С вами свяжется союз защиты прав белок. Кроме того, вам следует перестать называть белок “этими людьми”. Пожалуйста, возьмите уже себя в руки».

Я: *Мда.* Если нас послушать… *то белок нам точно доверять не стоит*. Теперь я даже не хочу звонить этому парню, потому что беспокоюсь, что меня будут осуждать. Я даже не уверена, что смогу пройти собеседование.

ВИКТОР: Наверное, нам не стоит подавать заявку на новых белок, если мы и наших-то не можем уберечь от геры.

Я:?

ВИКТОР: Ну, в смысле от героина.

Я: Да, я знаю, что такое «гера». Просто я уже не помню, как мы пришли к тому, что я начала защищаться от воображаемых обвинений человека, который раздает лысых крыс соседским детям и, судя по всему, больше доверяет несуществующим сторчавшимся белкам на чердаке, чем мне.

ВИКТОР: И правда. Не помню, чтобы у нас были такие разговоры до переезда в деревню.

Я: Я тоже. А еще я только что поняла, что поехала на заправку пить кофе прямо в пижаме. Я уже превратилась в огромный предупредительный знак для остальных. Никак не решу, это проблема или мне просто удобней здесь, чем в городе. Может быть, и то и другое?

ВИКТОР: Не знаю. *Что вообще такое с нами случилось?*

Я [после нескольких секунд тишины]: Повзрослели?

ВИКТОР [медленно кивает]: Повзрослели.

А потом я протащила в самолет мертвого кубинского аллигатора

НОЯБРЬ 2009 ГОДА:

Он был моим первым. Он был большим и с широкой шеей, как у игрока НФЛ. Он улыбнулся и сказал:

– Вот ты где! Я тебя повсюду ищу.

Виктор вытаращился на меня так, словно я свихнулась, и обратил мое внимание на то, что у него выпадают волосы, а также не хватает нескольких важных зубов, но все это было неважно. *Я влюбилась.*

– Заплати сколько потребуют, – сказала я Виктору. – Джеймс Гарфилд будет моим.

Мы оба были напуганы этим внезапно возникшим у меня желанием стать владелицей пыльного чучела головы кабана, висевшего на трясущейся стене. Кто-то распродавал наследство, и мы зашли заглянуть, что к чему.

Виктор отказался отдавать деньги за то, что считал отвратительным, но было что-то такое в этой беззубой улыбке, что так и кричало:

– Я ПРОСТО ЧЕРТОВСКИ РАД ВАС ВИДЕТЬ.

И когда мы ушли оттуда без этого чучела, я почувствовала себя опустошенной. Всю следующую неделю я смотрела на пустое место на стене, откуда Джеймс Гарфилд мог бы мне улыбаться. Каждый раз, когда Виктор пытался меня подбодрить какой-нибудь шуткой или видео, в котором люди себя калечили, я выдавливала из себя улыбку, а потом, грустно вздохнув, говорила:

– Джеймсу Гарфилду это точно понравилось бы.

В итоге моя меланхолия стала невыносимой, и Виктор все-таки сдался и отвез меня обратно в тот дом. Он ни капли не удивился, увидев, что Джеймса Гарфилда так никто и не купил. Виктор заставил меня остаться в машине, заявив, что мой вожделеющий взгляд явно помешает ему торговаться, и предложил парню, заведовавшему распродажей, продать ему голову кабана за двадцать пять долларов. Мужчина фыркнул и сказал, что он мог бы просто вырвать из головы клыки и продать их за эти деньги в Интернете, и Виктор вернулся в машину, чтобы рассказать о том, что торги провалились.

– *ОНИ СОБИРАЮТСЯ РАСЧЛЕНИТЬ ДЖЕЙМСА ГАРФИЛДА?* – закричала я. – ОСТАНОВИ ИХ. ЗАПЛАТИ ЛЮБЫЕ ДЕНЬГИ. *ОН ТЕПЕРЬ ЧЛЕН НАШЕЙ СЕМЬИ*.

Виктор смотрел на меня недоумевающим взглядом.

– Я бы сделала это ради тебя, – сказала я. – **Я бы заплатила террористам любой выкуп, чтобы тебя спасти.**

Виктор вздохнул и опустил голову на руль.

Двадцать напряженных минут спустя он вернулся в машину и положил в багажник прекрасную голову Джеймса Гарфилда, как какой-то долбаный американский герой. Я немного всплакнула, а Хейли хлопнула от восторга в ладоши.

– Ты будешь моим лучшим другом, – сказала она, поглаживая рыло.

Виктор посмотрел на нас обеих как на спятивших, а потом уставился куда-то вдаль и заставил меня поклясться, что это не положит начало коллекционированию голов диких кабанов.

– Не говори глупостей, – сказала я. – Джеймс Гарфилд единственный и неповторимый.

Когда несколько недель спустя к нам в гости приехали мои родители, мама в недоумении покачала головой. Я думала, хотя бы отец немного порадуется, что его любовь к чучелам все-таки мне передалась, но он казался не менее озадаченным, чем Виктор. Он с недоумением посмотрел на шерсть, облезавшую с головы Джеймса Гарфилда, и сказал мне, что мог бы сделать куда более симпатичную кабанью голову, раз уж я этим увлеклась.

– Нет, – сказала я. – Этой достаточно.

Я не была фанатом чучел и никогда им не стану.

> Одно мертвое животное дома – это экстравагантно и артистично. Когда же мертвых животных больше одного, то это уже попахивает серийными убийствами.

АПРЕЛЬ 2010 ГОДА:

Сегодня по почте пришло полбелки. Это верхняя беличья половина – почти до пупка, и она стоит на небольшой деревянной дощечке.

Это очень странно. Мало того что я не ждала посылок с расчлененными белками, так белка еще и наряжена ковбоем. В лапе она держит крошечный пистолетик, угрожающе наставленный на того, кто на нее смотрит (наверное, чтобы защитить миниатюрные меченые карты, которые она держит во второй лапе), и она всегда смотрит прямо в глаза, где бы ты ни стоял, прямо как Мона Лиза.

– *Эй, Виктор!* – крикнула я из гостиной. – *Ты что, купил мне половину белки?*

Виктор вышел из кабинета и замер на месте, уставившись на направившего на него оружие маленького разбойника.

– *Что ты наделала?* – спросил он.

– Испортила рождественский сюрприз? – предположила я. Мне было как-то сложно сожалеть о том, что я не дала ему устроить мне сюрприз, – ведь посылка была адресована мне, но потом я прочитала приложенную к посылке записку и обнаружила, что она пришла от девушки, которая читает мой блог. Девушка выразила полное согласие с тем, что Виктор был совершенно не прав, когда отказывался купить мне в прошлом месяце чучело белки, гребущей на каноэ, которое я нашла в одном антикварном магазине.[46]

– Ой, ладно, забудь, – сказала я. – Оказывается, эти полбелки – подарок от человека, который *смыслит в искусстве*.

– Ты же это не серьезно.

– Было бы грубо ее НЕ повесить, – объяснила я Виктору. – Я назову ее Гровер Кливленд.

Виктор таращился на меня, недоумевая, как он до всего этого докатился.

– А разве ты мне как-то не сказала, что наличие дома более чем одного мертвого животного граничит с серийными убийствами? – спросил он.

– Да, но у этого есть шляпа, – сухо парировала я. **С такой логикой ему было не поспорить. Никому было бы не поспорить.**

ЯНВАРЬ 2011 ГОДА:

«Я писатель, немного подверженный стрессу, и если мне хочется купить изготовленное гуманным образом чучело мыши, то я не обязана ни перед кем оправдываться».

Вот что я кричала, пока Виктор сверлил меня взглядом и заливал капающей с одежды дождевой водой все фойе. На самом деле мы спорили не о том, *можно* ли мне тратить деньги. Спорили мы из-за того, что купленное мной чучело мыши потерялось. На сайте службы доставки написали, что оставили его на крыльце, но его нигде не было видно. Я подозревала, что ее попросту украли, но даже мысль о том, как сильно удивились воры, когда открыли коробку с мертвой мышью, не могла меня утешить. Тогда я заметила, что на сайте службы доставки перепутали номер дома, и отправила Виктора посреди ночи и под дождем на поиски соседа, который наверняка был очень озадачен полученной по почте мертвой мышкой. Виктора моя просьба

слегка удивила, но, поорав какое-то время про… *Ну не знаю. Я его не слушала. Может, про бюджет?..* Он наконец накинул пальто и отправился на поиски мыши. Он вернулся двадцать минут спустя и сказал, что такого адреса и в помине не существует и что он поспрашивал людей в домах с похожими адресами, но никто из них никаких посылок не получал. Он весь промок и был очень недоволен, и, подозреваю, это объясняет иррациональность его реакции на то, что я вытолкнула его обратно за дверь, чтобы он обошел всех соседей в квартале.

– *Ты ведь даже мне не сказала, что купила чучело мыши*, – закричал Виктор.

И я ответила:

– Это потому что ты спал, когда я увидела его в Интернете, и оно было настолько дешевое, что его могли увести у меня прямо из-под носа. Я не хотела пробираться на цыпочках в спальню в три часа ночи, чтобы шепотом тебе сказать: *«Эй, дорогой. Я тут нашла чучело умершей своей смертью мышки по выгодной цене. Можно я возьму твою кредитку?»*, потому что это было бы БЕЗУМИЕМ. Вот почему я воспользовалась *своей* кредиткой. *Потому что я уважаю твой режим сна.* Но потом я попросту позабыла тебе рассказать, потому что я купила это чучело в три часа, когда была пьяна и уязвима. Прямо как *ты* со своими кухонными ножами, которые без конца покупаешь в магазине на диване. Только это куда лучше, потому что я бы и правда *использовала* чучело мыши. Если бы, конечно, оно у меня было. Только вот оно пропало, – в конце я уже перешла на шепот.

– Ты что… ты что, *плачешь?* – спросил в недоумении Виктор.

Я протерла глаза:

– Немного. Мне просто не по себе, когда я представляю, как он там сидит один-одинешенек под дождем.

Мой голос задрожал, и Виктор закрыл глаза. И принялся тереть себе виски. Сделав глубокий вздох, он смерил меня взглядом и ушел на улицу под дождь. Сорок минут спустя он вернулся с маленькой мокрой коробкой и взглядом, в котором читалось:

– Отныне я буду отключать твой компьютер перед тем, как пойду спать.

Но я подскочила и осыпала его дюжинами поцелуев, которые он принял с угрюмым видом, вытираясь протянутым мной полотенцем.

– Я был в заброшенном доме в конце квартала, – сказал он. – Видимо, кто-то просто сваливает туда все, что пришло по неправильному адресу. Там на крыльце штук двадцать пять разных посылок.

Но я его уже не слушала, потому что была полностью поглощена тем, что доставала Гамлета фон Шницеля из его водонепроницаемого пакета.

– Это. Еще. Что за хрень? – спросил Виктор.

Но было и так прекрасно понятно, что это такое. Это была мышка, одетая как Гамлет. Воротник фреза, как у Шекспира, удерживал его бархатную накидку, и, казалось, он беседует с отбеленным мышиным черепом, который был зажат в его крохотной лапке. Я протянула его Виктору со словами:

– Увы, бедный Йорик! Я знал его.

Виктор посмотрел на меня обеспокоенно.

– *У тебя явно проблема.*

– *НЕТ* У МЕНЯ НИКАКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

– Именно так и говорят люди, у которых есть проблемы. Отрицание – первый признак наличия проблемы.

– А еще это первый признак *отсутствия* проблемы, – парировала я.

– Я почти уверен, что оборонительная позиция – второй признак.

Я поставила Гамлета фон Шницеля под стеклянный колпак, чтобы защитить его маленькие ушки от обидных обвинений Виктора. Но не могла не признать, что тоже не совсем понимаю своей недавно появившейся одержимости странными чучелами. Это меня и правда беспокоило.

Я все еще не понимала, почему моего отца так привлекают мертвые животные, и покупала чучела только тех, которые были ужасно старыми или умерли по естественным причинам. Я все еще прогоняла пауков и гекконов из дома с помощью газетки, вежливо предлагая им «пойти подышать свежим воздухом». Я всегда считала себя любителем животных, жертвовала деньги на приюты и никогда не носила натуральный мех, но все это в корне противоречило другой стороне моей личности, которая постоянно изучала ассортимент магазинов, выискивая бобров в деревенских нарядах, или любовалась диорамой Тайной вечери, всех персонажей в которой изображали выдры. Виктор был прав: мне было пора остановиться. Я убеждала себя, что с этим покончено, клялась себе, что к концу жизни ни за что не окажусь, как мой отец, в

окружении бездушных трупов с немигающими глазами. Я решила во что бы то ни стало одолеть свое странное и ужасное увлечение.

АПРЕЛЬ 2011 ГОДА:

Я только что купила пятидесятилетнего кубинского аллигатора в наряде пирата.

Но в этом не было *ни капли* мой вины. Виктор сломал руку, упав с какой-то лестницы в Мексике, и я отправилась с ним в командировку в Северную Каролину в качестве помощника. Поездка проходила без происшествий, пока мы не заглянули в небольшой магазинчик по дороге в аэропорт. Когда Виктор отлучился в туалет, я наткнулась на маленького, страшно старого аллигатора, который был полностью одет и стоял на задних лапах. На нем был потертый костюмчик из фетра, берет и пояс. У него недоставало одной руки, и стоил он какие-то девятнадцать долларов. Его крохотный пояс печально свисал, и я оценила всю иронию того, что пояс, который надели на аллигатора, был не из крокодиловой кожи. Его рот был разинут в широком оскале, словно он очень давно меня ждал. **Я прекрасно помнила свою клятву больше не покупать чучела животных и принялась судорожно придумывать отговорку**, а Виктор тем временем выискивал меня между рядами. Я задумала прикрепить к плечам аллигатора ремень, засунуть ему в зубы помаду и сказать, что это моя новая сумочка, но было уже слишком поздно. *Он подкупил меня своим беретом.*

Я слышала, как Виктор шаркает в соседнем ряду, и приподняла аллигатора над полками.

– *Привьет, мон ами! Мьиня зовут Жан Луи*, – сказала я с дерзким французским акцентом. – *Я никогда ни биваль раньше на самольете и был бы рад приключениям!*

– Ох, – сказала сконфуженная пожилая дама с другой стороны полок. – Что ж, удачи, наверное?

Виктор похлопал меня по плечу, и я даже вскрикнула от неожиданности. Виктор смотрел на нас с Жаном Луи с отвращением.

– Не осуждай нас, – сказала я кротко и обняла аллигатора, словно защищая его. – Кроме друг друга, у нас больше ничего нет.

Виктор покачал головой, но ничего не сказал и молча пошел на кассу расплачиваться. Жан Луи нагнулся и прошептал мне на ухо: *«Подкаблучник»*, но Виктор все равно протянул кредитку озадаченному кассиру. Хорошо, что Виктор не знает французского.

– Мне нужно будет непременно сделать ему крюк вместо недостающей лапы, – сказала я, когда мы вышли из магазина.

Аллигатор был слишком хрупкий, чтобы класть его в чемодан, так что я положила его в сумочку, но Виктор заявил, что они ни за что на свете не разрешат мне сесть в самолет с мертвым аллигатором. Я выразила несогласие, заметив, что ему и оружие-то нечем держать, но его крохотные сверкающие зубы говорили о другом, и я вспомнила, как меня однажды заставили выбросить перед посадкой маленькие маникюрные щипчики. Тогда я решила обратиться за советом к экспертам (то есть ко всем своим подписчикам в «Твиттере»).

Если вкратце, то могу вам сказать, что если спросить людей в «Твиттере», можно ли провозить с собой в салоне крохотное чучело аллигатора, то большинство из них ответят: «Эм-м, *нет*. Да на самолет даже грудное молоко брать не разрешают». Потом ты объяснишь, что аллигатору явно за пятьдесят, он в одежде, и у него нет лапы, и тогда некоторые изменят свое мнение, но большинство продолжит утверждать, что аллигатор будет расценен как оружие. Тогда ты напишешь: «Я даже представить не могу, чтобы кто-то *всерьез* подумал, будто я попытаюсь захватить самолет, используя в качестве оружия крохотного одетого аллигатора», и все в «Твиттере» будут такие: «*Что, правда?* Ты что, себя первый день знаешь? Потому что это *явно* в твоем духе». И они будут правы.

Но переживать по-настоящему я начала, только когда оказалась в очереди на посадку и задумалась: **а может быть, за эти пятьдесят лет кто-нибудь догадался использовать этого аллигатора, чтобы пронести кокаин, а потом позабыл его оттуда достать**, и теперь меня арестуют в аэропорту за кокаин, спрятанный в желудке у аллигатора, которому лет больше, чем мне самой. Я тихонько спросила Виктора, не знает ли он, портится кокаин или же всегда остается пригодным к употреблению, и он такой весь мне:

– А МОЖЕТ, НЕ БУДЕМ ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ ПЕРЕД СЛУЖБОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?

И я такая типа:

– Ну это не для меня. *Я спрашиваю ради аллигатора*, – и он сверкнул на меня глазами.

Я сделала глубокий вдох и успокоилась, а потом представила себе, что стою перед сотрудником службы безопасности:

– Ах, это? Так это старый кокаин. Он испортился лет, наверное, сорок назад. Это не мой. Это аллигатора. Я же не могу отвечать за распутную жизнь, которую вел этот аллигатор еще до моего рождения. Кроме того, он не знает, какие у вас тут правила. Он с Кубы.

Я была уверена, что они ко всему этому отнесутся с

пониманием. И потом, таковы риски, на которые приходится идти, когда берешь с собой на самолет мертвого аллигатора.

Разумеется, мы с Жаном Луи спокойно прошли проверку, и никто даже глазом не моргнул на аллигатора на конвейерной ленте. А вот Виктора остановили для полного досмотра. Наверное, все из-за его потливости и из-за выступающей на лбу венки. В суматохе мы с Жаном Луи спокойно прошли без каких-либо проблем. Виктору есть чему поучиться у аллигатора.

Портрет стареющего аллигатора-ампутанта, который до ужаса счастлив отправиться в путешествие
Веселый берет
Отсутствующая лапа
Сломанный хвост

Когда мы наконец уселись в самолет, я опустила столик перед Виктором и усадила на него Жана Луи, чтобы он мог смотреть в иллюминатор.

– Убери эту проклятую штуку с моего столика, – прошептал сквозь сжатые зубы Виктор.

– Но он никогда раньше не летал в самолете, – объяснила я.

– *Вуле-ву присьесть у окошка?* – радостно спросил Жан Луи.

Виктор уставился на меня:

– Я не шучу. Из-за тебя нас вышвырнут с самолета. *Убери его*.

– Не говори *глупостей*, – сказала я. Мужчина напротив таращился на аллигатора, поэтому я повернула Жана Луи к нему.

– *Вотр шемиз э мучо буэно*[47], – уверенно сказал Жан Луи. Мужчина уставился него, приоткрыв рот.

– Он сказал, что ему нравится ваша рубашка, – объяснила я ему как бы между прочим.

Виктор обхватил голову руками.

– Если я потеряю свои бонусные мили из-за этого, то я тебя убью.

Тут мимо прошла стюардесса – это была деловая женщина, и вид у нее был такой, как будто ей не помешало бы выпить. Я подозвала ее жестом и широко улыбнулась, когда она ко мне подошла и увидела у меня на коленях Жана Луи.

– Простите, мой сын хотел бы посмотреть кабину пилота.

Она немного помялась, поглядывая на Жана Луи, а потом сказала:

– Знаете, мы больше этого не делаем, – а потом поспешно удалилась.

– М-м-м, – уклончиво произнес Жан Луи.

– Когда мы приедем домой, я куплю Жану Луи крошечную гофрированную пиратскую рубашку. А еще крюк вместо лапы. А еще сочный такой конский хвостик.

Виктор отложил свой журнал и смерил взглядом мертвого аллигатора: казалось, он представляется ему настоящей пропастью, предназначенной поглощать наши деньги.

– Ну все, – сказал он. – Ты это сделала. **Ты умудрилась стать своим отцом.**

– Не говори глупостей, – беспечно сказала я, прикидывая, со скольких кукол Барби мне придется снять скальп, чтобы сделать добротный парик для аллигатора. – У моего отца совершенно нет вкуса, когда дело касается пиратских нарядов для аллигаторов. Я *совсем* не похожа на своего отца. Честно говоря, в этом плане я вообще ни на кого не похожа.

Виктор посмотрел на меня и на Жана Луи, и его взгляд смягчился.

– А знаешь что? Ты даже не представляешь, насколько ты права.

Я посмотрела на Виктора, а потом положила голову ему на

плечо, переставив Жана Луи на пустое сиденье рядом с нами. А поскольку я не была до конца уверена, следует мне обидеться на Виктора или поблагодарить его, постольку я просто закрыла глаза и постепенно погрузилась в сон, раздумывая о том, делает ли кто-нибудь крошечные карманные часы для аллигаторов.

Домой возврата нет (Если, конечно, не хочешь быть покусан дикими собаками)

– Итак, – сказала моя сестра, покачиваясь на деревянном стуле. Мы сидели на крыльце в доме наших родителей. – Виктор сказал мне, что в последний раз, когда вы были здесь, то пострадали от стаи бродячих собак, – она сказала это с улыбкой, скорее утверждая, чем спрашивая, подобно тому, как люди говорят: «Значит, решила снова отпустить волосы?»

– М-м-м… *типа того*. Длинная история, – я лениво откидываюсь на спинку стула и кладу ноги на миниатюрную повозку, построенную моим отцом. На Рождество отец запрягает в нее чучело карликового оленя с огромными лосиными рогами, которые он привязывает к его голове красным галстуком-бабочкой, и при этом странным образом ссылается на «Гринча – похитителя Рождества», но весь остальной год повозка стоит неприкаянная, как ставший ненужным реквизит рекламы собачьего корма из семидесятых.

– А я что, куда-то спешу? – спрашивает Лиза.

Она права. Мы обе приехали погостить у наших родителей. Лиза теперь живет в Калифорнии вместе с мужем и чудесным выводком детишек, но каждый год приезжает на машине в Техас, чтобы провести здесь несколько недель, я тоже привожу своих, и мы устраиваем спонтанное воссоединение семьи, во время которого наши дети радостно катаются верхом на домашних козах, а мужья беспрестанно жалуются, что вот-вот сдохнут от жары и отсутствия доступа к Интернету, – **мы же с сестрой качаем головами, недоумевая, какие они неженки, и вспоминая, как носили обувь из мешочков для хлеба** и вытаскивали на крыльцо матрасы и в самые жаркие летние ночи всей семьей спали прямо на улице.

– Так что, собаки и вправду на вас *напали* или они просто агрессивно лизали вас? – спрашивает она.

– Это было не столько полноценное нападение, сколько прелюдия к нападению, – ответила я. – Что-то вроде того, как Джордж Костанза домогался Джулии Робертс в «*Красотке*»[48], – она смотрела на меня выжидающе, и в конце концов я рассказала ей, что там произошло на самом деле.

Когда попадаешь в наш родной городок, можно практически не сомневаться: произойдет какая-нибудь долбанутая хрень, но

никогда не знаешь, что именно приключится на этот раз. Даже если знаешь, что, вероятно, немного испачкаешься кровью, никогда не ожидаешь, что эта кровь будет твоей.

Утром того дня, когда на меня частично напали, мы с Хейли прогуливались у заднего входа в дом наших родителей и увидели незнакомца в черной шляпе и резиновом переднике, которому только и не хватало для полноты образа, что маски из человеческой кожи и бензопилы. Как оказалось, он работал на моего отца и как раз подвешивал оленя, чтобы снять с него кожу. Он приветливо улыбнулся нам с Хейли – казалось, что он роется у оленя в карманах, будто бы ищет ключи от машины. Карманов, впрочем, у оленя не оказалось, то есть он просто потерял внутри животного перчатку. Чего-то подобного всегда ожидаешь, приезжая в Уолл, так что *особо* не удивляешься, когда какой-то незнакомец радостно подзывает к себе твоего ребенка дошкольного возраста, чтобы тот помог ему «раздеть мистера оленя, потому что это будет сплошная веселуха!». А вот когда он говорит твоей дочери, что она может повиснуть на оленьей коже, чтобы помочь ему ее снять, то ты уже хватаешь ее за рукав и тянешь к себе, потому что была готова к чему-то подобному (примечание для неместных: «Это будет сплошная веселуха» из уст помощника чучельника переводится как «У тебя уйдут тысячи баксов на психотерапию, а платье, скорее всего, придется выкинуть»).

> Лично я предпочитаю избегать любых занятий, которые заканчиваются тем, что незнакомцы предлагают тебе помочь смыть с себя кровь шлангом.

Вот есть у меня такое правило. Потому что я разборчивая. А еще – когда это мой отец нанял пирата, чтобы тот помогал ему с чучелами? Все это было очень странно.

Лиза согласилась, что это было довольно необычно, но, как ей казалось, немного недотягивало до «странного».

– Возьмем, к примеру, вчерашний день, – сказала она. – Вчера Виктор зашел в ту болотистую лужу за домом и был такой весь: «Фу, это что, из выгребной ямы?», а я такая типа: «Ты где, по-твоему, в *Беверли-Хиллз*? Это вода, в которой варили черепа». Вид у него сделался нездоровый, но мне показалось, что ему стоит быть в курсе. Так что оленьи карманы по сравнению с этим – сплошная банальщина.

Она была права, но мне это все равно казалось странным. Вот вам фотография, но она может вызвать у вас отвращение, так что строго на ваше усмотрение.

Мой отец, еда на несколько недель, случайный бродяга/ковбой/пират/чучельник.

Знаю, простите. Но в свою защиту могу сказать, что я вас предупреждала.

Как бы то ни было, я ожидала много чего странного от города, который славится забегами броненосцев, сборщиками рысьей мочи и школьными ритуалами оплодотворения коров, но вот чего я не ожидала, так это нападения стаи одичавших собак.

Конечно, *формально*, наверное, они были не столько одичавшими, сколько «легковозбудимыми», и на меня, может быть, не столько напала *стая* собак, сколько одна прыгучая и одна кусачая собака, но я могу откровенно сказать, что в слюне укусившей меня собаки совершенно точно был паучий яд, а ее клыки явно работали на дизеле. А когти ее были из адаманта. А еще она была наполовину медведем с бакенбардами из скорпионов.

Лиза рассмеялась, поэтому я достала телефон и показала ей свои фотографии после визита в больницу. Я все подписала, чтобы было понятней.

ГЕРОЙ-
СТРАДАЛЕЦ
СЛЕДЫ
ЗУБОВ
ШВЫ
ЦАРАПИНЫ

– Срань господня, – сказала она. – Выглядит отвратительно. Ладно, беру свои слова обратно, потому что это явно что-то из ряда вон выходящее.

– Извинение принято, – великодушно ответила я.

– Так где ты вообще *нашла* этих одичавших собак? – спросила она.

– Ой, – нерешительно сказала я. – Ну «*одичавших*» – это, пожалуй, преувеличение.

Она удивленно на меня посмотрела:

– *Выкладывай уже*.

Я объяснила, что вместе с мамой и Хейли поехала в гости к дяде Ларри, чтобы познакомиться с его новой женой – она оказалась приятной и просто очаровательной, а еще у нее дома были просто огромные собаки.

– О да. Я их видела, – сказала Лиза. – Чудные собачки.

– Ну, видимо, их натренировали *выглядеть* очень милыми и забавно виляющими хвостиками, чтобы заманивать людей на улицу и уже там сжирать их до костей.

– На тебя напали *домашние собаки* Терезы? *А разве они не колли или что-то типа того?* – спросила она, не веря своим ушам.

– Они *животные. Буквально*, – заверила я ее.

Он снова с сомнением в глазах посмотрела на фотографии.

– Когда мы поужинали, я отвела Хейли на задний двор, потому что она хотела увидеть собак. Была кромешная темнота, но дядя Ларри их кормил, так что я решила, что Хейли сможет спокойно на них глянуть. Потом одна из собак подпрыгнула в духе: «Я большая собака и хочу понюхать твою макушку», и Хейли завизжала в духе «Я безумно радостная и немного напуганная трехлетняя девочка», а потом я уже пожалела, что оказалась снаружи «с этими ублюдками размером с полярного медведя». Ларри услышал лай и усмирил одну из собак, пока я пятилась к двери, но вторая собака, должно быть, решила, что я чужак, потому что прыгнула на меня и укусила за руку, которой я держала Хейли (в духе «я повалю тебя на землю, чтобы сожрать твой нос»). **Я знала, что она меня укусит, но понимала, что если стану звать на помощь, то Хейли испугается и я могу выпустить ее из рук**, так что прикусила язык и повернулась спиной, чтобы защитить Хейли, и отдала собаке на растерзание собственную спину. Потом я ощутила еще один укус на руке, приоткрыла заднюю дверь и протолкнула Хейли в дом. Я боялась, что собака хочет добраться до нее, потому что она радостно визжала, и загородила дверь собственным телом, чтобы Хейли успела подальше уйти, и вот тогда собака укусила меня за спину. Она схватилась за меня зубами и стала мотать головой, и на секунду мне показалось, что я упаду на землю. В голове у меня пронеслись все эти недавние истории про убитых испуганными собаками женщин, я переставила ногу назад, чтобы занять более устойчивое положение, убедилась, что Хейли в безопасности, а потом резко дернулась вперед, чтобы вырваться из собачьей пасти, и захлопнула за собой дверь.

Лиза смотрела на меня, не говоря ни слова.

– *Чувак*… А все испугались? – спросила она.

– Нет. Никто даже не знал, что происходит. Я утащила Хейли наверх, чтобы осмотреть ее с ног до головы на предмет крови и укусов, которые, как мне казалось, *непременно* должны были у нее быть, – но у нее не было ни царапинки. Это было странно. Потом мама заверила меня, что я слишком остро отреагировала и что все в полном порядке, но потом она увидела на мне кровь и поняла, что меня укусили. Дядя Ларри даже не знал, что случилось, потому что я вела себя очень тихо. Два укуса на руке были настолько глубокими, что оттуда проглядывала жировая ткань, а на спине виднелись отпечатки собачьих зубов, словно собачий стоматолог сделал ей слепки. Остаток вечера я провела в неотложке, там меня зашили и сделали укол от столбняка, а сама я тем временем жалела, что у меня не было с собой фотоаппарата: я бы отправила Виктору снимки, чтобы он понял, какие

интересные вещи он пропускает, развлекая своих клиентов ужином из лобстеров.

– Так что они сделали с собаками? – спросила она.

– Ничего. Уверена, что если бы я попросила Ларри и Терезу, они непременно усыпили бы собак, но за десять лет они ни разу не причинили вреда детям Терезы. Думаю, они просто увидели в темноте большой орущий объект, приближающийся к их хозяину, и пытались его защитить. И вообще, чувство было такое, что я сама напросилась. **Вести собственную трехлетнюю дочь посреди ночи смотреть на гигантских незнакомых собак во время кормежки было невероятно глупо**.

– А еще мы только что поели, так что от меня, наверное, пахло курицей. То есть *я как бы вкусненькая*. Да я вообще все равно что надушилась духами, специально предназначенными, чтобы ко мне пристали. Только не мужики, а собаки.

Лиза медленно кивала головой.

– Этот случай, наверное, попадет в десятку самых ужасных историй нашей семьи.

Я удивленно на нее посмотрела.

– Ну ладно, – согласилась она. – В первые пятьдесят.

– Да все было не так уж и плохо, правда.

Я добавила:

– Это стало для меня уроком.

– Точно, – согласилась она. – А урок был следующий: **«Собаки едят мясо. Люди сделаны из мяса. Дальше прикидывайте сами».**

– Ну нет, урок не в этом. Это глобальная проблема, причем крайне серьезная. А узнала я, что могу рискнуть ради кого-то жизнью. Конечно, я всегда думала, что пожертвую в случае необходимости своей жизнью ради Хейли, но где-то глубоко внутри все равно таилось сомнение, что, возможно, когда придет время, я просто физически не смогу заставить себя зайти за ней в горящее здание или преградить путь злой собаке, чтобы ее спасти, но в тот день я поняла, что способна на это. Было до жути страшно, но теперь мне в каком-то плане легче, потому что я знаю, что в случае чего не оплошаю.

– Ой, – ответила Лиза. – Для собачьего укуса глубоковато.

– А *еще* я узнала, что выглядывающая из раны жировая ткань выглядит просто до жути мерзко, и это отличная мотивация, чтобы ограничиться двумя куриными ножками, – добавила я. – Ой, а еще, что когда заходит сексуальный врач и говорит, что «хочет промыть ваши дырочки», не нужно смеяться, потому что это вполне реальная медицинская процедура, лишенная какого-либо сексуального подтекста. Ой! А когда они это сделали, *то*

нашли у меня в спине зуб.

– *Зуб твоего близнеца-паразита*, – заговорщицки сказала Лиза.

– *ВОТ ИМЕННО!* – воскликнула я. – Только на самом деле нет. Это был всего лишь собачий зуб – собака-то была старая. Но я сразу же сказала врачу, что, возможно, это мой близнец, которого я поглотила до рождения, и попросила внимательнее пощупать рану на предмет человеческих волос или черепа, раз мне все равно уже сделали укол обезболивающего, но он на это отреагировал так, будто у меня не все дома. Наверное, все дело в том, что я смеялась над этой фразой с сексуальным подтекстом.

– Да, врачи этого не любят, – согласилась она.

– Наверное, хорошо в этой истории то, что я осознала: я не настолько эгоистична, насколько думала.

> Прежде пределом моей самоотверженности было отдавать Хейли все свои желания. Когда я видела падающую звезду или задувала свечки на торте, то загадывала что-нибудь для нее, – но вообще не так уж это и самоотверженно.

Ведь я непременно буду счастлива, если буду знать, что счастлива она, так что это попахивает хитростью, – это как если бы я загадала желание, чтобы исполнились все мои желания разом. На самом деле я мало что потеряла, потому что все мои желания до появления Хейли сводились к тому, чтобы увидеть единорога.

Я без особой охоты рассказала Лизе об этом, потому что знала, что, если сообщишь о своем желании кому-то, оно точно не сбудется, но мои шансы увидеть единорога и без того были ничтожны. Особенно учитывая то, что, если верить моим познаниям в этой области, они являются только девственницам. Подозреваю, что если бы я когда-нибудь и увидела единорога, то он был бы престарелый и жуткий, а еще специально ходил бы непричесанным и не мылся, лишь бы насолить остальным единорогам, которым хотелось бы, чтобы он перестал их позорить. Звали его бы, наверное, Гарольдом, и он бы непременно много курил. Так что я мало что потеряла. Но оставить себя на растерзание собаке, чтобы защитить собственного ребенка? Да сама вселенная словно дала мне знак. **Причем этот знак удивил меня не меньше, чем саму вселенную**. Я сидела в больнице и думала, что если бы мне пришлось выступить с речью, то я бы непременно застеснялась и заплакала горькими слезами, причем не только из-за того, что врачи зашивали мои раны. Я бы поблагодарила маму за то, что она научила меня думать в первую

очередь о других, а также своего отца за то, что он, сам того не ведая, научил меня не паниковать при нападении крупных животных. Я бы поблагодарила Виктора за то, что он не удивился моему самоотверженному поступку, а также поблагодарила бы Хейли за то, что всецело доверилась мне. А потом я бы молча кивнула лохматому единорогу в глубине зала, который поймал бы мой взгляд и одобрительно закивал в знак признания моей охренительности.

– Вот о чем я тогда думала. А еще о том, что надо бы разузнать, что они мне такого вкололи: то, что вызывает галлюцинации с участием гордого, но неряшливого единорога, который слушает твою речь по случаю нападения собак, – это очень даже неплохо.

– Ух ты, – сказала моя сестра, и я поняла, что говорю все это вслух. – Это… *полная жесть*. Но, – призналась она, – я тоже отдаю свои деньрожденные желания детям. Наверное, это признак того, что ты вырос. Господи, только представить, какими были бы наши жизни, если бы мама на свои дни рождения не желала нам всего хорошего. Да мы бы столько не прожили.

– Наверное, – согласилась я. – Хотя, если подумать, может быть, наша мама и хотела бы, чтобы наши жизни закончились именно так. Конечно, это не волшебный единорог, но зато мы здесь, и я не могу представить себе другого места, где мне хотелось бы быть. Ну разве что то же самое место, но только с кондиционером.

Лиза закивала:

– Я бы дала тебе пять за идею, но жара такая, что лишний раз двигаться не хочется. Так чего же ты желаешь Хейли, когда задуваешь свечи?

– Не могу сказать, а то не сбудется. Но, думаю, того же самого, чего желают своим детям другие родители. Я желаю ей встретить любовь и испытать в жизни достаточно разочарований, чтобы ее ценить. Я желаю ей такой же славной жизни, как моя. С собственными куклами из мертвых волшебных белок и застрявшими в коровьем влагалище руками, и еще чтобы она познала гордость подставиться собакам, чтобы кого-то спасти. Думаю, вот чего я пожелала бы Хейли.

Лиза недоуменно на меня посмотрела.

– Да, не думаю, что еще кто-нибудь желает своим детям, чтобы на них нападали собаки и чтобы их руки застревали в коровьих влагалищах.

– Ну я имею в виду в *переносном* смысле, – пояснила я.

Лиза кивнула и закрыла глаза, положив голову на спинку стула.

– Ну это хорошо, – сказала она рассеянно, вытягивая ноги, чтобы погреться в солнечных лучах. – Потому что в реальной жизни подобная хрень будет преследовать до конца. Подобные воспоминания прочно впечатываются в мозг.

Я посмотрела на нее и приняла точно такую же позу, чувствуя, как солнце прогревает мои кости, а слова сестры пробегают у меня в голове. Я мысленно себе улыбнулась, закрыла глаза и подумала: *«Господи, уж я-то на это надеюсь»*.

Эпилог

После пятнадцати лет брака и создания одной прекрасной совместной дочки мы с Виктором все такие же разные, как и раньше. Мы ругаемся. Мы миримся. Иногда мы обмениваемся угрозами – мол, однажды ты получишь посылку с живой коброй. И это нормально. Потому что по прошествии пятнадцати лет я знаю, что когда позвоню Виктору из больницы, чтобы сказать, что в гостях у родителей на меня напали одичавшие собаки, то он сделает глубокий вдох и напомнит себе, что такова наша жизнь.

Я чуть ли не восхищаюсь тем, каким он стал: теперь он и глазом не поведет, если мой отец попросит его заехать и помочь соскрести мертвого скунса с дороги, потому что он «знает, кому тот может пригодиться». Хейли же, как ни удивительно, одинаково уверенно чувствует себя и на уроках балета, и когда помогает дедушке мастерить самогонный аппарат.

> Я вижу, как мы все изменились, чтобы прийти к «нормальности», которую ни один человек в здравом уме нормальной не назовет, но для нас это в самый раз.
>
> Новая нормальность. Я вижу, как мы привыкаем жить нашей удивительной и неповторимой жизнью и придумываем собственные мерила успеха.

Самое же главное, я вижу себя… точнее, *себя, какой я стала.* Я наконец вижу, что все ужасные эпизоды моей жизни, все позорные случаи, все происшествия, о которых мне раньше хотелось забыть, а также все те вещи, которые делали меня «странной» и «не такой, как все», на самом деле были самой важной частью моей жизни. Тем, что сделало меня такой, какая я есть. Именно по этой причине я и решила поделиться своей историей… Чтобы восславить странность и воздать ей благодарность, а в один прекрасный день помочь моей дочери понять, что причина появления ее матери в новостях Fox News (об этом во второй книге, уж простите) та же самая, по которой ее дедушка время от времени водит по барам своего ручного ослика: дело в том, что человека определяют *не* неприятности, с которыми он сталкивается в жизни, а то, как он на них реагирует. Потому что есть определенная радость в том, чтобы принять абсолютный абсурд жизни, – это приятнее, чем *с криками от него бежать*. А еще оставлять без присмотра ослика в машине противозаконно, даже если ты живешь в Техасе.

И когда я вижу другую пару, которая выглядит совершенно

нормальной и обычной и *не* спорит во всю глотку посреди парка о том, был ли Иисус зомби, я им не завидую. Я испытываю удовлетворение и гордость, когда мы с Виктором прерываем наши крики, чтобы обменяться самодовольными улыбками, когда проходим мимо озадаченной парочки, отошедшей в сторону, чтобы нам не мешать. После этого я кладу Виктору голову на плечо, а он тихонько смеется и любящим голосом шепчет: *«Гребаные любители»*.

Конец

(типа того)

* * *

Привет. Вы еще здесь, а это значит, что вы, скорее всего, из тех людей, которые заставляют свою нетерпеливую вторую половинку сидеть в кино, пока не закончатся титры, на случай, если после них еще что-то покажут, *несмотря на то, что ваша вторая половинка* — из тех людей, которые выпрыгивают из кресла за три минуты до конца фильма, чтобы вы первыми успели на парковку, – *видимо*, для них это важнее, чем узнать, что «Розовый бутон» – это название саней[49] или что «Где моя тачка, чувак?» (осторожно, спойлер) – это ужасный-преужасный фильм. Ну, или вы все еще читаете потому, что не смогли *поверить*, что книга на этом закончилась, – ведь если так, то она явно не стоила сорока пяти долларов*, и вы надеетесь, что написанное ниже сможет хоть как-то оправдать такую баснословную цену. Что ж, мои поздравления, упорные и требовательные мятежники, *потому что именно так оно и есть*.

Если вы хоть чем-то похожи на меня, то, наверное, существует как минимум один факт, на общеизвестности которого вы настаиваете и из-за вашей убежденности в котором ваши неверующие родные над вами глумятся. И вам приходится гуглить, чтобы доказать их неправоту, и выясняется, что каким-то образом, пока вы спорили о том, что «на самом деле некоторые белки *умеют* дышать под водой», им удалось переписать весь Интернет, и теперь складывается впечатление, будто водяных белок и в помине никогда не было. И с этих самых пор, как только вы с ними не соглашаетесь по какому-то поводу, они машинально от вас отмахиваются, снисходительно посмеиваются и говорят друг другу:

– *Ага*. И это говорит человек, который утверждал, что белки могут дышать под водой, – а потом сочувственно качают головами и отказываются даже *рассматривать* твою теорию о том, что Иисус формально является зомби. Это крайне стремно. Но вам повезло, потому что на последней странице этой книги вы сможете вволю отвести душу.

Просто возьмите ручку и впишите в пустые строчки любой факт, какой только захотите, а потом как бы между делом покажите это своим критикам со сдержанным и слегка

снисходительным видом. Я предлагаю что-нибудь вроде: «Значит, почитывал я сейчас про белок, и, *как оказалось*, некоторые белки и правда *могут* дышать под водой. Я понимаю, что заставляло вас в этом сомневаться, но это точно правда, ВЕДЬ ОБ ЭТОМ НАПИСАНО В КНИГЕ, ТЫ, СКЕПТИЧЕСКИЙ МУДОЗВОН».

Можете не благодарить. Уверена, что за одно это можно заплатить сорок пять долларов*.

*** Моя издатель только что сказала, что книга не будет стоить сорок пять долларов, и я это прекрасно понимаю, но когда люди прочитают, что книга стоит сорок пять долларов, в то время как они заплатили за нее всего лишь тридцать пять, то решат, что неплохо сэкономили, хотя на самом деле заплатили полную цену. Так и работает маркетинг**.**

**** Моя издатель возразила, что «маркетинг работает совершенно не так», что книга не будет стоить и тридцати пяти долларов и что когда люди покажут эту книгу своим «критикам», то те, скорее всего, просто посмотрят на обложку и сразу поймут, что книга вовсе не про белок. Я объяснила ей, что она не видит полной картины и что нам нужно продавать книгу по тридцать пять долларов, чтобы покрыть расходы на суперобложку, которая будет гласить: «Факты про белок для интеллектуальной элиты. Том второй: неуловимые водяные белки». Тогда она заметила, что если мы это сделаем, то мою книгу купят «три любителя белок, разыскивающие книгу про белок, которых даже не существует, и то их ждет большое разочарование». Я напомнила своему издателю, что исследователи белок – это неосвоенная целевая аудитория, а еще заявила, что я чертовски уверена в существовании водяных белок, так как: 1) видела такую собственными глазами, 2) об этом написано в гребаной книге. Тогда она спросила, про какую книгу я говорю, и я такая вся: «ВОТ ПРО ЭТУ». Уверена, что это доказывает мою правоту по всем пунктам* * *.**

*** * * Редактор говорит, что «они ни за что на свете не напечатают книгу с фальшивой суперобложкой про “водяных белок” только ради того, чтобы я выиграла спор со своим мужем». Так что я позвонила своей маме (потому что она была**

рядом, когда мы с сестрой плавали в бухте и я увидела целое семейство водяных белок), и она сказала мне, что действительно об этом помнит, но на самом деле им с отцом не хватило духу сказать полной энтузиазма восьмилетней девочке (крайне обрадованной тем, что она открыла существование водоплавающих белок), что она плавала в окружении мертвых белок, которые, скорее всего, утонули во время случившегося днем ранее паводка. Замечательно. Вот теперь у меня такое чувство, будто вся моя жизнь была основана на лжи. И потом, я почти уверена, что именно так люди и заболевают холерой.

Достоверные факты

У молока нет различимого запаха… совершенно никакого…

«Проблемачно» – настоящее слово (определение: что-то, что с большой вероятностью превратится в проблему). Если вы возьмете его на заметку, в «Скраблз» вам не будет равных.

Слова flustrated не существует, и если часто его использовать, то у вас отвалятся гениталии. Проблемачно…

У некоторых белок есть жабры, но замечают это обычно только самые наблюдательные и умные люди.

_____

_____

* В целях защиты окружающей среды эта книга была изготовлена из переработанных тканей туберкулезных больных, так что ее нельзя брать в руки человеку, не прошедшему в полном объеме вакцинацию от туберкулеза. А еще у некоторых из них был грипп. И, возможно, дизентерия.

* * *

А это поздравительная открытка, – мы действительно рассылаем такие каждый год, и это вам моя особая благодарность за то, что дочитали мою историю до конца.

P.S. Это приравнивается к тому, что я послала вам открытку на Рождество/Хануку. Можете не благодарить.

Мы с Джеймсом Гарфилдом вас любим.

Благодарности

ОГРОМНАЯ благодарность моим бабушкам и дедушкам, крутым разносторонним родственникам, друзьям, которые давали мне в долг на выпивку, а также всем, кто хоть раз говорил мне доброе слово или (будь то намеренно или случайно) меня не пинал. Я также хочу поблагодарить всех, кому понравилась хотя бы одна написанная мной строчка, ну или кто притворился, что ему понравилось, в надежде залезть в трусики к той девчонке, которая только и говорила, что о том, какая я бесподобная. Спасибо вам, и простите меня за хламидиоз.

Особая благодарность достается моим чудесным читателям, которые меня так поддерживают, а также людям, которые помогли в создании этой книги. Среди них: Нити Майдэн, Эми Эйнхорн, Лаура Майерс, Карен Валронд, Мэйли Уилсон, Катерин Центер, Брене Браун, Джен Ланкастер, Нил Гейман, Стефани Уайлдер-Тайлер, Нэнси В. Каппес, Доннел Эпперсон, Лаури Смитвик, семейство Бир, Бонни и Алан Дэвисы, Уил Уитон, все в «Твиттере», кто помог мне написать эту книгу, Мэгги Мэйсон, Таня Свобода, Стивен Пароли, Элис и Эден, Эвани Томас, Хэзер Армстронг, Дэбби Горман, отель Menger, Дайана Вилиберт, Грюэн Мэншн и ты. Да, *ты*. Ты думал, что я про тебя забуду, не так ли? Что же это ты так в меня не веришь?! Но ничего. *Я тебя прощаю*.

Больше же всего я благодарю и люблю своих маму с папой, которые научили меня всему, что я знаю о сострадании и о рысях, а еще свою сестру за то, что смеялась как со мной, так и *надо* мной. А самая-пресамая особая благодарность – моей дочери, Хейли, которая каждый день спасает мне жизнь, и моему мужу Виктору, которого я люблю даже больше, чем хочу придушить. *Спасибо вам за то, что сделали мою жизнь достойной книги.*

Семейный портрет – 2005 год

Об авторе

Автор Дженни Лоусон отдыхает у себя дома. Ее муж выглядывает из-за фотоаппарата и спрашивает, не его ли это зубная щетка. Ее мужу, пожалуй, следует четко расставить приоритеты. И принести ей «Маргариту». Даже если на часах три ночи. Кроме того, людям, напечатавшим эту книгу, пожалуй, не стоило позволять автору самому писать свою биографию. Я сказала бы, что это явный недосмотр с их стороны.

notes

Примечания

1

Очень длинный американский телесериал, рассказывающий о семье, живущей на ферме в конце девятнадцатого века. – Прим. ред.

2

На самом деле я никогда не жила в землянке. Но в Карлсбадских пещерах уж точно как-то бывала.

3

Так звучит первое предложение «Моби Дика» Германа Мелвилла, известное благодаря мгновенному установлению контакта автора с читателем. – Прим. ред.

4

«Вилка» – вовсе не кодовое слово. На самом деле тут нет никакого кодового слова. Потому что это книга, очнитесь. Это не какое-то долбаное шпионское кино.

5

Обыгрывается серия детских книг «Где Уолли?», на страницах которых представлены фотографии с множеством персонажей и деталей, и нужно найти Уолли.

«Уоллс» – walls – по-английски означает «стены». – Прим. ред.

7

Примечание автора: редактор сказал мне, что на отдельную главу этого не хватит, потому что здесь ничего не происходит. Я объяснила ему, что это лишь вступление к следующей главе, которое, пожалуй, следовало бы со следующей главой объединить, однако я решила сделать две отдельные главы, потому что мне всегда нравились коротенькие главы, которые можно быстро прочитать и повысить свою самооценку. Кроме того, если ваш учитель литературы задаст прочитать первые три главы из этой книги, то с двумя вы уже покончили, и оставшиеся десять минут можете посмотреть фильмы про роскошных сексапильных вампиров, ну или чем там дети сейчас увлекаются. Кроме того, вам следует поблагодарить свою учительницу литературы за то, что она задала вам эту книгу – судя по всему, она у вас крутая. Пожалуй, вам стоит стащить для нее бутылку из глубины родительского мини-бара в знак благодарности за то, что ей хватило смелости выбрать эту книгу вместо «Алого знака доблести». Что-нибудь односолодовое.

Можете не благодарить учителя литературы. Хотя вы у меня в долгу.

Хотя погодите. До меня только что дошло, что если учителя литературы будут задавать прочитать эту книгу, то школы буду покупать мои книги тоннами, так что формально это я у вас в долгу. С другой стороны, если подумать еще немного, то эти книги покупаются за налоги, которые плачу я, так что формально я как бы сама плачу людям, чтобы они читали мои книги, и теперь я уже не знаю, радоваться мне или злиться. Эта сноска в итоге превратилась в долбаную задачку по арифметике.

А знаете что? Да пошло оно все. Просто пришлите мне половину того вискаря, что принесут вам ученики, и мы будем квиты.

Разве это не самая длинная сноска в истории? Ответ: возможно.

8

Охотник XIX века, дрессировавший медведей и другую живность. – Прим. ред.

9

Вообще есть такое слово – «побежденно»? Например, «Она побежденно вздохнула, когда программа проверки орфографии дала ей знать, что слова «побежденно» не существует». Пофиг. Оно попадет в книгу, и я практически уверена, что после этого такое слово будет. Я прямо как Шекспир. Придумываю всякую хрень по ходу пьесы.

10

The Tonight Show – американское вечернее развлекательное ток-шоу, выходящее с 1954 года. – Прим. ред.

11

Книга называется Pet Sematary, в то время как «кладбище» по-английски будет «cemetery». – Прим. ред.

12

Певица в образе гота. – Прим. ред.

13

Примечание редактора: Не-а. Ничего подобного.

14

Примечание редактора: Нет. Это даже близко не самое странное в том, чтобы помочь корове забеременеть, учась в старших классах.

15

Примечание редактора: Серьезно? Он называется «Армагеддон».

16

Характерные движения руками, когда расположенное вертикально предплечье покоится, а кисть трясется. – Прим. ред.

17

Устройство для курения марихуаны. – Прим. ред.

18

За исключением разве что травки (еще несколько раз). А однажды я случайно приняла кокаин. А еще пару раз закидывалась кислотой, но вот ночью я их больше не принимала, – так что, уверена, это не в счет. А знаете что? Забейте.

19

В оригинале – игра слов с фразой coming out, которая означает на сленге «признаться в своей нетрадиционной сексуальной ориентации», каламбур на русском языке не передать, но ситуация обыграна. – Прим. ред.

20

Нужно понимать, что это не обыкновенная рысь, которая водится у нас, а рыжая рысь, по размеру раза в два меньше. – Прим. ред.

Внутриматочная спираль. – Прим. ред.

22

В английском языке это слово означает в том числе просто «пол». – Прим. ред.

23

Популярное в США стихотворение про мост радуги – мифическое место встречи хозяев со своими умершими питомцами, точное авторство неизвестно, но в России чаще всего приписывается Полу Ч. Даму. – Прим. ред.

24

Два персонажа группы поддержки вымышленной команды, появлявшиеся в разное время в развлекательном ночном шоу Saturday Night Live на канале NBC. – Прим. ред.

25

Серийный убийца Ричард Рамирес. – Прим. ред.

Напиток из дробленого фруктового льда. – Прим. ред.

27

Как если бы Ольга Бузова провела выходные с редакцией «Спид-инфо» и Андреем Малаховым. – Прим. ред.

28

На самом деле, конечно, вернулись все пять, но так звучит куда более драматично.

Персонажи мультфильма «Элвин и бурундуки». – Прим. ред.

30

Напиток со льдом, продающийся в американских сетевых продуктовых «7-Eleven». – Прим. ред.

31

Моя мама только что прочитала эту главу и попросила уточнить, что эти козы живут во дворе, а не в доме вместе с нами. Не совсем понимаю, с какой стати это нужно объяснять. С другой стороны, перечитав главу заново, я подумала, что после рассказов обо всех тех странностях, которые творятся у нас дома, совсем нетрудно вообразить, будто козы спят у нас в ногах. Так что да, уточняю: козы не живут в доме вместе с нами. Это было бы странно. А еще негигиенично. Кроме того, козы-то даже не наши. Мы их арендовали, потому что у моего отца слишком много травы, а у его друзей слишком много коз. Когда живешь в деревне, все это кажется вполне логичным. Наверное.

32

Пожалуйста, не обращайте внимания на это предложение, если Лэнс Армстронг будет мертв, когда вы его прочитаете. Клянусь, он выглядел совершенно здоровым, когда я это написала, но он же не будет жить вечно, ведь он не вампир какой-нибудь, так что я решила уточнить, что на данный момент Лэнс Армстронг мегакрутой. Даже несмотря на то, что у него всего одно яичко. Да черт побери, тем более что у него одно яичко. На этом я, пожалуй, остановлюсь.

33

В английском языке это слово в значении «мужской половой орган» употребляют значительно чаще. – Прим. ред.

34

Отсылка к фильму «Худеющий» по роману Стивена Книга. – Прим. ред.

35

На самом деле там было написано: «Некоторые побочные эффекты могут привести к смерти. Этот препарат следует принимать исключительно для лечения смертельно опасного рака или некоторых других тяжелых заболеваний, которые невозможно лечить другими средствами».

36

Кроме того, отныне все парковочные места для инвалидов действительно предназначаются для людей в инвалидных колясках, а не для тех, кто просто чувствует себя инвалидом, потому что у него весь день были очень сильные спазмы. А еще людей в инвалидных креслах пропускают вперед в очереди в винных магазинах. А еще им положены бесплатные сексуальные туфельки. Нужно, чтобы это все утвердили в конгрессе, прежде чем я стану инвалидом, потому что тогда будет казаться, будто я стараюсь ради себя, потому что так хочет Иисус.

37

Программа проверки орфографии упорно отказывается распознавать слово «чупакабра». Наверное, все дело в расизме. В смысле, расизме программы проверки орфографии. А не расизме чупакабр. Чупакабры – это монстры из Мексики, которые высасывают кровь из коз. Им наплевать, какой вы расы. Любопытно, что программа проверки орфографии не имеет ничего против слова «ЧУПАКАБРА!», написанного заглавными буквами, – и это совершенно бессмысленно. Если, конечно, она не понимает, что это слово всегда имеет форму истошного вопля. Что ж, тогда должна отдать ей должное.

P.S. Вот еще действительно существующие слова, которые были употреблены в этой книге и существование которых программа проверки орфографии отказывается признавать: Велоцирапторы. Заточка. Чупакабра. Ура-а-а. Такое ощущение, что программа проверки орфографии просто не хочет, чтобы я писала мемуары.

38

«Иногда они возвращаются» – тоже его роман, по которому снят одноименный фильм. – Прим. ред.

39

Ритуал захоронения в Тибете, заключающийся в том, что труп оставляют на растерзание стервятникам. – Прим. ред.

Мультипликационный канал, которым, судя по всему, ей удалось отвлечь от всего происходящего дочку. – Прим. ред.

41

Про название главы: фраза из фильма «Остин Пауэрс», которая, в свою очередь, является отсылкой к фильму «Экзорцист», где два священника – старый и молодой – изгоняют вселившегося в маленькую девочку демона. – Прим. ред.

42

Отсылка к мультфильму «Бесподобный мистер Фокс», где лис своровал сидр у фермера. – Прим. ред.

43

Заклинание убийства из серии книг «Гарри Поттер». – Прим. ред.

44

Речь идет о мультфильме 1950 года, где животные помогали Золушке в домашних делах. – Прим. ред.

45

Заголовок новости по телевизору звучал так: «Сбежавшая паукообразная обезьяна скитается по Сан-Антонио: Уильям Клод Филдс сбежал из заповедника для приматов из-за поврежденного ураганом загона».

46

Я намеревалась назвать ее «Покахонтас Википедия», но Виктор сказал, что коты отгрызут ей лапы, я же на это заметила, что, даже если это и случится, я буду любить ее еще больше, потому что она не сможет грести и окажется без рук посреди реки – а это просто идеальная метафора всей моей жизни.

47

«У вас очень красивая рубашка» на смеси испанского с французским. – Прим. ред.

48

На самом деле актера зовут Джейсон Александер, но его персонажа в сериале «Сайнфелд» звали Джордж Костанза. – Прим. ред.

Речь о фильме «Гражданин Кейн». – Прим. ред.